

ЕЛЕНА
МИХАЛКОВА

Нежные листья, ядовитые корни

Annotation

Ах, милое детство, школьные годы! Безмятежность, первая любовь, подруги, ставшие лучшими на всю жизнь. Как бы не так! Если в вашем классе была признанная королева, ее «подданным» жилось несладко. Идут годы, вы меняетесь – но память о школьной травле сидит тонкой занозой. Особенно если обидчица и сейчас хороша собой, успешна и счастлива. И желание отомстить, растоптать ее жизнь, как когда-то она топтала вашу, поднимает змеиную голову. Первая красавица Света Рогозина собирает бывших одноклассниц на встречу через восемнадцать лет после окончания школы. Зачем? Извиниться? Похвастаться богатством? Или еще раз поиздеваться? Что ж, ее бывшие жертвы выросли – и готовы дать отпор. Частные детективы Макар Илюшин и Сергей Бабкин помогут распутать клубок убийства, нитка от которого тянется на много лет назад, в последний школьный год 11 «А» класса.

- [Елена Михалкова](#)

- -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
-

Елена Михалкова

Нежные листья, ядовитые корни

© Михалкова Е., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

В цену хорошего трюка обязательно входит жертва.

К. Прист. Престиж

Не могу поверить! Она все-таки меня убила.

Я никогда не считала ее бесхарактерной. Видит бог, она способна на сильные поступки. Но – убийство?!

Глупо. Ужасно глупо! Расследование, шумиха, полиция... Любопытно, как она будет выкручиваться?

Запаникует? Начнет визжать? Поранит себя, надеясь сымитировать драку?

Однако женщина, прикончившая меня минуту назад, выглядит на удивление спокойной. Первое, что она делает – тщательно вытирает нож уголком покрывала. Владельцы отеля будут недовольны! Кровать и так забрызгана кровью – моей кровью! – и ковер тоже весь в импрессионистических пятнах. Я пыталась вскочить, когда она вошла, но не успела. Мне хватило двух ударов, однако эксперты обнаружат, что их было значительно больше.

Что ж, я ее понимаю. В ней столько ненависти, что даже сейчас, после смерти, я испытываю страх, когда смотрю на ее лицо. На невероятно изменившееся за эти годы лицо...

Но как же странно выглядит мое мертвое тело! Светлые волосы, разбросанные по подушке. Мучительная гримаса. Застывший взгляд и странно напряженный рот, словно я пытаюсь что-то выкрикнуть напоследок – и не могу.

Ах, как нелепо все оборвалось! Ведь совсем немного оставалось

до полного триумфа!

Когда-то мне дали совет: «Не стоит недооценивать своих врагов». Сейчас я бы сказала иначе: «Не стоит недооценивать своих жертв».

Женщина, безжалостно расправившаяся со мной, кладет нож рядом с телом. Не знаю, зачем она вытирала его, если руки ее в тонких резиновых перчатках. Оглядывает комнату. У нее глаза как кончики сосулек, ледяные и острые. Я смотрю в них и снова думаю, что совершила ошибку. Не в том, что попыталась растоптать ее судьбу – это она заслужила! Даже сейчас, почти двадцать лет спустя, я готова снова и снова твердить: она это заслужила.

Но я не обезопасила себя. Сглупила! Черт возьми, я, осторожная, умная, хитрая, предусмотрительная я – и вдруг проворонила убийцу!

Женщина медленно стаскивает перчатки. Комкает и сует в карман. У нее отрешенное и даже немного блаженное выражение лица, как у голодного, наевшегося досыта. Взгляд теплеет: она смотрит на мое изуродованное тело. И вдруг, дернув углом рта, со всей силы бьет его кулаком в живот. И снова! И снова!

– Хватит! – кричу я. – Прекрати!

Она не слышит. Хлесткий удар ладонью – и моя голова дергается вбок. Еще один – перекатывается по подушке обратно.

Потом женщина замирает, и целую секунду мне кажется, что она вот-вот плюнет на мой труп. Но здравый смысл удерживает ее от опрометчивого поступка.

Если бы я могла скрипеть зубами, то заскрипела бы. Потому что она уходит – уходит, не оставив после себя ни одной улики, сначала убив меня, а потом надругавшись над телом. Почему-то в бешенство меня приводит именно второе. Как она посмела? У нее были причины для того, чтобы уничтожить меня, – да, не отрицаю! Но бить труп?

Господи, да она влепила мне пощечину! При жизни у нее на это не хватало отваги. Вот же трусливая мстительная дрянь!

Клокочущая во мне ярость – словно груз, не дающий подняться к небесам. Я останусь и посмотрю, что будет дальше.

Есть у меня одна надежда... Она слабо теплится в душе, оставшейся без тела. И, кажется, помимо ярости, это единственное, что удерживает меня здесь.

Может быть, одной из наших удастся закончить то, что я начала? Я так близко подвела их к разгадке, я разбросала столько намеков – должна же найтись умница, которая догадается, в чем дело!

Главное, чтобы ее не убили, как меня.

Глава 1

За месяц до описываемых событий

1

Маша повертела в руках конверт. Настоящее письмо, надо же. Тысячу лет не получала бумажных писем, не считая новогодних открыток от родителей – обычно они доходят как раз к концу зимы.

Открывать его почему-то не хотелось.

– Ты не будешь читать? – удивился Сергей.

Маша вскинула на мужа задумчивый взгляд.

– Что там, компромат? – пошутил он.

Она принужденно улыбнулась. От Светки Рогозиной, пожалуй, можно было ожидать и компромата...

– Я очень давно ничего не слышала об отправителе, – уклончиво сказала она. – Собственно, ни о ком из наших.

– Однокурсники?

– Одноклассники.

Маша положила нераспечатанный конверт на подоконник и уставилась в окно. Пейзаж за стеклом как будто рисовал неумелый художник, осваивавший графику. Четкие штрихи кустов у него еще более-менее получились, как и жирные палки молоденьких осин. Но попытавшись изобразить сугробы, художник напачкал, рассердился, схватился за ластик – и окончательно испортил произведение, размазав грязь по всему листу.

Черный слежавшийся снег прочно оккупировал двор. Вместо того чтобы таять, он только злобно темнел и становился еще плотнее, словно утверждая свое право лежать здесь до окончания времен.

Маша прикрыла форточку и отвернулась. Бр-р, какое противное начало марта. А тут еще это письмо!

– Кофе будешь? – спросил Сергей, доставая турку.

– Нет, не хочу.

– Письмо читать тоже не будешь?

– Буду.

Маша нехотя взяла конверт, внимательно рассмотрела и надорвала.

Муж возился у плиты, делая вид, что ему совершенно не интересно. Она дважды перечитала короткий текст, написанный прекрасным почерком. Сам факт, что за Рогозину кто-то написал это письмо от руки, поразил ее едва ли не больше содержания. Светка так вывести не смогла бы никогда, даже если сто китайских профессоров обучали ее каллиграфии все эти годы.

Бабкин наконец не выдержал.

– Получила наследство? Ну, скажи, что я женился на богатой женщине!

Маша рассеянно улыбнулась. Наследство? В какой-то степени так оно и есть. Она унаследовала со школьных времен и протащила через всю свою жизнь те чувства, которые предпочла бы оставить в прошлом.

– Это приглашение. От Светы Рогозиной, моей бывшей одноклассницы. Она последние годы жила то ли во Франции, то ли в Италии – не помню. А теперь возвращается в Россию. Зовет бывших одноклассниц отметить встречу.

Она развернула письмо и медленно прочла:

– «Буду очень рада видеть тебя в подмосковном отеле «Тихая заводь», где я забронировала для всех номера на три дня, с первого по третье апреля. Пожалуйста, приезжай! С надеждой на встречу, Светлана Рогозина (Крезье)».

– Она будет очень рада, – повторила Маша.

Все-таки голос у нее, очевидно, звучал странно, как она ни старалась придать ему непринужденности. Потому что Сергей отставил джеззу в сторону и подсел к жене, внимательно глядя на нее.

– Ты кофе собирался варить, – напомнила Маша.

– Подождет. В чем дело?

– Ты о чем?

Она нашла в себе силы улыбнуться и пожать плечами. Подумаешь, бывшая одноклассница удачно вышла замуж и, кроме фамилии Крезье, приобрела состояние, позволяющее оплатить трехдневное проживание в отеле всему классу. Впрочем, нет: не всему. В письме ясно сказано: «Хочу собрать небольшой девичник». Значит, приглашены только дамы.

– Тебя напрягло это письмо, – спокойно сказал Сергей. – Я хочу понять почему.

– У тебя профдеформация, – попыталась отшутиться Маша. – Переносишь навыки частного сыщика в семейную жизнь?

Он не улыбнулся, не ответил на подначивание. Просто внимательно и долго смотрел на нее, так что ей снова стало не по себе.

– Сработал эффект неожиданности. – Маша сложила плотную бумагу самолетиком и сделала вид, что хочет запустить его по кухне.

Бабкин даже не взглянул на самолетик.

– Мы с ней не были близкими подругами, – пожалала она плечами. – Честно говоря, у меня вообще не было подруг в том возрасте. Много чего не было. Мини-юбки, например, а мне ужасно хотелось такую, знаешь, джинсовую и в заклепках... («Господи, что я несу!») Как полагаешь, пошла бы мне мини-юбка?

– Ладно, – согласился муж, будто не слышавший ее последней фразы, – если это секрет, пусть остается секретом.

Маша неловко дернула рукой, и самолетик вырвался из пальцев.

Молниеносным движением Бабкин перехватил его. Прижал громадной ладонью к столу, разгладил и поднялся:

– Кофе будешь?

Если б перед ней был другой человек, Маша решила бы, что он забыл об ее отказе или не придавал ему значения. Но мужа она знала слишком хорошо. Сергей просто вычеркнул последние две минуты, когда она пыталась балансировать на грани полуправды и вранья. Он отлично все понял. «Ты не хочешь ничего объяснять. Поэтому мы сделаем вид, что все в порядке, забыв про это приглашение. Немножко отмотаем время назад и станем пить кофе как ни в чем не бывало», – вот что стояло за его словами.

«Кого я пытаюсь обмануть?»

– Светка Рогозина – королева нашего класса «А», – сказала Маша совсем другим тоном. – Я не видела ее... дай-ка подумать... Если мне сейчас тридцать пять, значит, без малого двадцать лет. Мы учились вместе с восьмого класса. Наша семья тогда переехала, и в сентябре я пошла в новую школу. Мне там было не слишком весело.

Она замолчала, вертя в руках пустую чашку.

Иногда говорить о прошлом – то же самое, что пытаться пересказать сон. Слова вдруг становятся пустыми и бесполезными, как дырявая чашка, в которую нельзя налить ни грамма смысла.

– Тебя травили? – прямо спросил Сергей.

Маша едва не засмеялась.

– Ну что ты. Я прожила эти четыре года довольно тихо. И вообще старалась держаться... Ну, в стороне.

– В стороне от чего?

– Трудно сказать. Ничего особенного не происходило. В пересказе это звучит ерундой, честное слово! Подумаешь, королева класса наградила

прозвищами всех одноклассников. Пустяки же. Или высмеивала какого-нибудь бедолагу, когда того вызывали к доске... Ничего выходящего за рамки обычных школьных склок.

– Точно? – муж нахмурился.

Маша кивнула. Надеюсь, хотя бы кивок выйдет убедительным, подумала она. Ту старую историю ворошить не станем, ведь в ней, если подумать, действительно не было ничего ужасающего.

– Правда, был один странный эпизод... – вспомнила она, торопясь перевести разговор. – Не со мной, с другой девочкой. В одиннадцатом классе. Но я провалялась с ангиной, так что все пропустила. А когда вернулась в школу, у меня не было никакого желания все это ворошить.

...Их большой, чистый, светлый класс с бородатыми ликами Толстого, Достоевского и Тургенева на стенах... Запах мела. На подоконнике алеет декабрист. Белка, Белла Шверник, выбегает навстречу с вытаращенными глазами:

– Елина! Мы думали, ты умерла!

Кто-то из мальчиков улюлюкает, а добрый толстяк Ванеев улыбается ей украдкой. Краем глаза Маша замечает Юльку Зинчук, с очень короткой стрижкой, выкрашенной в какой-то нелепый грязно-желтый цвет. Губанова, жующая неизменный бутерброд, мычит что-то приветственное. И тут Рогозина, встряхнув золотыми кудрями, спрыгивает с подоконника и идет навстречу Маше – прелестная, как Бэки Тэтчер, с этими прозрачными зелеными глазами, в белоснежной кружевной блузке с жабо, такой восхитительно несовременной, что сразу становится ясно: последний писк моды.

Держи лицо, приказывает себе Маша, держи лицо – а внутри все ухает куда-то вниз и падает, падает, падает...

– Дети, Куклачев вернулся! – голос у Светки пока расслабленный и ленивый.

– Ты привел с собой котиков, дядя клоун?

Докопается, понимает Маша, все-таки она докопается до меня. Маша молчит, и молчание, как волна, разбегается от нее. Сначала перестают болтать Кувалда с Савушкиной. Стихает Белка Шверник. На задней парте, где Лушко с Гриневичем рисуют голых баб, обрывается коллективное ржание и наступает выжидательная тишина.

– Ты что, пришел без котиков? – Светкин голос по-прежнему издевательски нежен. – На фига ты вообще тогда приперся?

Тишина.

– Почему я никогда не смеюсь на твоих выступлениях, а?

– Потому что у тебя нет чувства юмора? – не выдерживает Маша.

Общий, почти неслышимый вздох пронесется по классу. Елиной полагалось смиренно получить свою порцию издевок и безропотно поникнуть.

Светка окидывает Машу таким взглядом, будто снимает мерку для гроба. Из голоса начисто пропадает ленца. Теперь им можно вскрывать консервные банки.

– Дядя Куклачев, ты идиот?

Врежу, понимает Маша, я ей сейчас врежу. Господи, как обидно – дотянуть до одиннадцатого класса и сорваться на финишной прямой. Она ведь только этого и ждет!

В голове сильными толчками пульсирует кровь. «Бей! – приказывает внутренний голос. – Ударь ее – и на этом все закончится!»

Маша шагает вперед, сжав кулаки, как вдруг толстяк Ванеев громко и очень убедительно мяукает с третьей парты.

Все вздрагивают от неожиданности.

– Хочешь, я буду твоим котиком, Манечка? – ухмыляется он.

– Хочу, Митенька, – в тон ему отвечает Маша.

– А ты меня не кастрируешь, Манечка? – пугается Ванеев.

Все смеются. Рогозина после паузы тоже начинает смеяться – кудри сверкают на солнце, когда она запрокидывает голову, – и Маша понимает, что на этот раз пронесло.

– ...Машка!

Она вздрогнула и непонимающе взглянула на мужа.

– Кличка, спрашиваю, какая у тебя была? Ты сказала, она всех наградила кличками.

– А, да... – Маша аккуратно свернула письмо и спрятала в конверт. – Меня прозвали Куклачевым.

Сергей фыркнул от неожиданности.

– Это еще почему?

– Из-за волос. Ну, понимаешь, рыжая – значит, клоун. Клоун – значит, Куклачев.

– А-а-а! Ну и глупость.

– Глупость, ага, – согласилась она. – Знаешь, что мне больше всего не нравится в этом письме?

– М-м?

– Мой почтовый адрес на конверте. Я никогда не давала его

ни Рогозиной, ни кому-то еще из нашего класса.

– Откуда же она его узнала? – заинтересовался Сергей.

– Вот именно. Откуда?

2

В дверь туалета постучали – довольно бесцеремонно.

– Эй, у тебя там все в порядке?

Матильда оторвала взгляд от теста, на который она тарасилась последние пять минут.

– Да, Наташ, – откликнулась она. – Извини! Скоро выйду.

Две полоски. Две полоски. Две полоски.

Вот же черт!

Адски захотелось курить. Но последнюю в своей жизни сигарету Матильда затушила во дворике женской консультации, когда узнала о первой беременности.

Вернее было бы сказать, не узнала, а подтвердила. Всех своих детей она чувствовала еще до того, как врачи сообщали: вы, Губанова, беременны. И в этот раз ее тоже покалывало знакомое ощущение, но Матильда умела виртуозно забалтывать саму себя. Невозможно, говорила она, мы предохранялись так тщательно!

Нате ваше «тщательно». Получите посылочку от аиста с капустой.

– И распишитесь! – пробормотала Матильда, пряча тест в сумку.

Она поправила лифчик, мужественно сдерживавший напор ее плоти единственным крючком (два других оторвались, пав в неравной борьбе), одернула блузку. Подумав, подвела губы помадой отчаянно-кумачового цвета: словно флаг поднимала, собираясь в атаку.

И храбро вышла из туалета.

– Тебе спортом надо заняться, – сообщила Наташка, хрустя галетой. – Тогда запоров не будет.

Матильда покраснела. Подруга твердо стояла на позиции «что естественно, то не постыдно», прямым текстом комментируя все физиологические процессы своего и посторонних организмов.

– Заодно и фигура появится... – Наташа скептически оглядела Матильдины тела. – Когда-нибудь. Ты глянь на меня! О! О!

Она продемонстрировала пресс и бицепсы. Гладкая, мелкая, сухая, как саранча.

– Нат, у тебя в доме кто живет? – миролюбиво поинтересовалась

Матильда.

– Ты же знаешь: хомяк.

– А у меня – четыре оглоуда и муж. Какой спорт?

– Дети – цветы жизни! – провозгласила Наталья.

– Угу. А я компост, из которого они произрастают.

– Мотя!

– А компост, он какой? – упрямо продолжала Матильда. – Правильно: жирный! Так что я устроена в соответствии с природным замыслом.

Подруга бросила ей галету.

– Ты мне тут природным замыслом не прикрывайся! Зачем рожала тогда?

Матильда обезоруживающе улыбнулась.

– Так ведь нравится мне это дело, Нат. Ну что ты хочешь от меня – чтобы я сказала, что больше у меня ничего не получается, кроме как рожать пацанов? Давай признаюсь. Не получается. Дура я толстая. Неумеха. Размазня.

– У тебя, кстати, помада размазалась.

Матильда взяла салфетку и тщательно отерла губы. Вот вам и флаг! Наш отряд капитулировал без боя.

Она откусила галету и сморщилась. Картон поджаренный...

Наталья вдохновенно заговорила о спорте, Матильда слушала, кивала, а сама думала о больнице. Аборт. Слово-то какое мерзкое, будто собаке палку кинули, а попали по Матильде. Прямо по животу. Хлобысь палкой – и нету ребеночка.

«Что же мне, пятого рожать? Надорвусь. И Валерка надорвется. Хватит с него, что он двоих неродных воспитывает».

– Ты меня не слушаешь! – рявкнула Наталья, заметив ее затуманившийся взгляд.

– Слушаю-слушаю! – Матильда схватила галету и виновато схрумкала ее целиком. – Я просто... задумалась!

– О чем?

«О том, что девчонку мне судьба не посылает. А еще одного мальчишку я сама не хочу».

– На слет меня пригласили, – вспомнила она. – То есть на встречу. Бывших одноклассниц. В подмосковном отеле.

Наталья удивилась.

– Тебя? – уточнила она. Как будто могли пригласить какую-то другую Губанову, а еще лучше – ее, Наталью.

– Меня, угу, – подтвердила Мотя.

– Зачем? – еще сильнее удивилась подруга.

– Для контраста! – рассердилась Матильда.

Она поднялась. Невозможно сидеть тут и выслушивать пустую болтовню Натальи, притворяясь, что все в порядке! Ей остро захотелось оказаться одной, чтобы никто больше не колот злыми вопросами и недоумением по поводу того, зачем кому-то понадобилась Матильда Губанова.

– Нет, ты не уходи! – заметалась Наталья. – Ты не бросай меня так! Я же хочу знать! Seriously, тебя позвали?

– Seriously. На три дня. Весь банкет за счет одной из наших... бывших.

– Ого! Кто такая?

– Да стерва законченная! – в сердцах бросила Матильда. – Богатая сука. Не знаю, что за каприз у нее, и знать не хочу. В приглашении сказано, что она оплачивает все: и номер, и питание трехразовое, и спа, и даже массажиста.

Маленькие глазки Натальи жадно засверкали.

– Ой, Мотька, а можно я поеду?

– В смысле?

– Ну, вместо тебя! Все равно ведь все будет оплачено, какая им разница, кто придет! А можно устроить еще лучше, – она восхищенно щелкнула пальцами. – Я скажу, будто я – это ты! Похудевшая, похорошевшая, ухоженная, с прической нормальной, с зубками отбеленными...

Матильда прервала этот поток славословий:

– Подожди-ка! А с чего ты вообще взяла, что я туда не собираюсь ехать?

Ната ошеломленно уставилась на нее.

– А ты что, собираешься?

– А почему бы и нет?

– Ты? Ты?!

«Ты, бестолковая тефтелина, ничего не добившаяся в жизни? – перевела Матильда. – В компанию красивых, благополучных, способных выкупить дюжину номеров в явно недешевой гостинице? В компанию юристов, дизайнеров, менеджеров и просто успешных жен?! Да ты с ума сошла!»

Она прошла в прихожую, влезла в свои разношенные сапоги, слушая недоуменное и даже обиженное сопение подруги. Наталья не понимала, почему не ей, сухой и поджарой, достанется массажист и трехразовое

питание.

– Зачем тебе туда ехать? – сделала она последнюю попытку. – Ты сама рассказывала, что над тобой смеялись в школе! Что ты там получишь, кроме унижений?

Матильда уже стояла в дверях. Она мигом вспотела в пальто, шея под шарфом стала противно влажной.

– А плевать! Пускай смеются. Зато отдохну! От пацанов, от всего этого... – она сделала неопределенный жест рукой. – Пускай мне тушку массируют! И в сауне парят! И водорослями обертывают!

С каждым новым восклицанием лицо подруги вытягивалось все сильнее.

– Брошу все! – продолжала разгоряченная и отчего-то ужасно расхрабренная Мотя. – Гуляй, рванина! За три-то дня – эх, отосплюсь на две недели вперед! Ну все, Натусь, до встречи – потом позвоню, когда вернусь!

Наталья так хлопнула дверь, словно хотела оторвать ее.

Оказавшись на лестничной площадке, Мотя вытерла пот со лба и медленно побрела вниз по лестнице.

«Чего это ты, мать, так разбушевалась? – спросила она себя, пройдя два пролета. – Врать нехорошо!

– А в чем это я соврала?

– Ты ж никуда не поедешь!»

И внезапно поняла, что поедет. В самом деле, начхать на Рогозину, начхать на всех остальных – но ей нужен этот отдых, эти три неожиданных дня; ей необходимо побыть вдалеке от семьи, чтобы здраво взвесить последствия поступка, на который она собирается решиться. Ей вспомнилось, как Светка на переменах пихала в нее бутерброды с колбасой – это называлось «кормление свинообразных».

«Попробует запихать в этот раз – откушу вместе с рукой!»

Матильда Губанова по кличке Тетя-Мотя ухмыльнулась и достала из сумки кумачового цвета помаду.

– Трепещите, девки! – вслух сказала она. – К вам едет бегемот!

С Юрой они почти привычно поссорились перед его отъездом. Но ссора не переросла бы в безобразный скандал, если бы Саша не уронила косметичку.

До этого все шло прекрасно. Во всяком случае, до той минуты, когда он сказал с виноватым видом: «Прости, дружочек, мне пора».

– Уже?

Саша изумленно взглянула на часы. Половина седьмого, а он обещал, что останется до полуночи. Она запекла мясо в духовке, купила его любимое вино...

Он помялся в дверях – долговязый, заросший щетиной. На подбородке шрам – в детстве упал с качелей и рассек кожу о камень. На правом виске седина ярче, чем на левом. Иногда Саше хотелось, чтобы она не могла воспроизвести в таких подробностях его лицо. Пусть бы кто-нибудь всемогущий дал ей ластик, которым можно стирать из памяти и из снов.

– Она позвонила, – неловко объяснил Юра. – Говорит, срочно нужно что-то обсудить.

«И ты, конечно, сорвался к ней по первому зову».

Саша не сказала этого вслух. Их отношения не подразумевали, что она имеет право на претензии. В самом начале, когда все еще можно было отыграть назад, Юра честно предупредил: жену не брошу. Она беспомощная, у нее случаются приступы, она может довести себя бог знает до чего!

Саша тогда мысленно поаплодировала этой проныре. Старый как мир способ: «я-без-тебя-погибну-любимый» – но ведь работает же! Даже такой умный во всех отношениях человек, как Юрка, купился на этот фокус.

Неприятная мысль, что он не купился, а лишь делает вид для нее, проносила ледяным сквозняком в голове – но Саша тут же отгоняла ее прочь.

Иногда она с невеселой усмешкой думала, что в мастерстве создания иллюзий для внутреннего пользования ей нет равных. Кто она такая, если взглянуть объективно? Александра Стриженова, тридцать пять лет. Любовница женатого мужчины. Бездетная, незамужняя. Втянутая в служебный роман – какая пошлость! А кем она себя видит? Любящей и любимой женщиной. К тому же объединенной с возлюбленным общим делом.

Саша подозревала, что в не столь отдаленной временной точке две этих видимости столкнутся, и тогда ей придется тяжело.

– Может, ты поговоришь с ней и вернешься? – голос звучал жалобно.

Он покачал головой.

– Извини, дружок. Ты же понимаешь...

Саша все понимала.

Однако в душе стремительно разрасталась злая обида. Так что к той

минуте, когда Юра оделся, Саша успела наговорить ему некоторое количество неприятных слов.

Ругаться с Юркой было все равно что кричать в подушку. Он гасил любую агрессию. Через некоторое время Саша просто выдыхалась, и они делали вид, что ничего не произошло.

Так случилось бы и на этот раз. Все бы обошлось, если бы она не уронила косметичку.

Юрка пытался притянуть Сашу к себе, обнять, помириться – и она случайно сшибла ее с тумбочки.

Два корректора, три пудры, тон, замазка от синяков, тушь четырех цветов – все рассыпалось по полу. Стриженова вскрикнула. Весь небогатый арсенал ухищрений, чтобы скрыть свой возраст: круги под глазами, носогубные складки, мелкие неровности кожи, поплывшие уголки губ... Три помады и два блеска, чтобы казаться соблазнительнее для него. Ему тридцать пять, и он мужчина в расцвете лет; ей тридцать пять, и она... Впрочем, достаточно. Ей тридцать пять, и не нужно ничего усугублять объяснениями.

Саша остолбенела. Она видела рассыпавшуюся косметику, понимала, что Юра это видит, и ее жгли стыд и ярость. Все жалкие убогие хитрости оказались выставлены напоказ! Она закричала ему что-то ужасно жестокое и злое, несправедливое – такое, что он отшатнулся. Но остановиться Саша уже не могла. Она наступала на него, слова сами срывались с губ, и в конце концов он постыдно бежал, ошеломленный всплеском ее ярости.

Оставшись одна, Стриженова расплакалась. В слезах она ползала по полу, собирая свою косметику. Но лишь через час ее настигло страшное озарение: Юрка же ничего не понял! Для него осталось загадкой, что произошло. Ну да, он был неосторожен, из-за него раскатились какие-то тюбики – ну и что? Неужели из-за этого она словно сошла с ума?!

Саша расплакалась второй раз. Уже от того, какой истеричной дурой выглядит в его глазах.

Она выпрямилась перед зеркалом, отерла слезы. Что за лицо! Губы недобро поджаты, в глазах страх... А эта вертикальная морщина – словно ров между бровей!

«Некоторые люди от любви хорошеют, – подумала Саша. – А некоторые – портятся».

Ей вспомнилась тетушка Эля, сестра матери, женщина артистичная и любвеобильная. Собираясь разводиться с очередным супругом, Эля экспрессивно объясняла Сашиной маме, что толкнуло ее на этот шаг. Причина всегда была одна. «Я чувствую, что с ним бегу навстречу

жестокой неврастении!» – патетично восклицала тетушка. На Сашиной памяти неврозоз у тетки ни разу не случилось. Несмотря на то, что выглядела Эля прелестной сумасбродкой, головка у нее была ясная, а нервная система крепкая, как у снайпера.

– Бегу навстречу неврастении, – повторила следом за тетушкой Саша, вспомнив эпизод с косметичкой.

В отличие от тетушки Эли, в ее случае это была правда.

Уехать бы! Сбежать к морю, сбросить старую истерзанную шкуру, бродить по берегу, ничего не видя, кроме приливов и отливов – пусть вымывают из бедной головы всю муть и накипь...

Саша уцепилась за эту мысль. К морю? Да куда угодно, лишь бы подальше от нынешней жизни!

В дверь позвонили. На площадке стояла соседка и размахивала белым прямоугольником.

– Александра, мне по ошибке в ящик твое письмо сунули! Танцуй!

Вернувшись на кухню, Саша распечатала конверт. Ей пришлось перечитать письмо трижды, чтобы понять, о чем идет речь.

Когда зазвонил телефон, она сидела в окружении вороха старых фотографий. Девятый класс, десятый, одиннадцатый... Все годы она ощущала себя редкостной страхолюдиной. Сейчас остается только удивляться: отчего? Миловидное лицо, стройная фигурка...

Та же тетушка Эля на каждый свой день рождения заявляла: «Обожаю свой новый возраст! Дурь уже выветрилась, до маразма еще далеко!»

Саша многое бы отдала за такое мировоззрение. Но привить себе Элины мысли, как веточку к дереву, у нее не получалось.

– Не успеешь выбраться из подростковых комплексов, как тебя засасывает страх старости, – грустно сказала Саша девочке с фотографии. – Доживешь до моих лет, поймешь.

Телефон все трезвонил и трезвонил. Саша ответила, не взглянув на определитель.

– Дружочек, прости меня, – проговорил Юра. Голос в трубке звучал гулко, на заднем плане слышались гудки машин и чей-то приглушенный смех.

Саша представила, как он стоит посреди сквера, а по кустам бегают миттельшнауцер Васька. Окна смотрят желтыми глазами, точно коты, между домов заблудился ветер и рвется куда-то, ищет выход.

– Ну не молчи, – устало попросил он. – Поговори со мной, Саш.

Она сидела, прижав горячую трубку к уху.

– Ладно, – согласился Юра. – Давай я скажу. Я тебя люблю – ты

знаешь?

Еще утром Саша плакала бы от радости, услышав это.

– Я тебя тоже люблю, – медленно ответила она. – Но я устала тебя любить, Юр. Мне от этого плохо.

– От любви не бывает плохо.

Саша даже рассмеялась его чистосердечному признанию. Оно означало, что у Юры все хорошо, и он не понимает, как может быть иначе. В одном доме жена, в другом – подруга. И везде тебя ждут, и везде тебе рады.

– Она уедет в начале апреля, – наконец сказал Юра. – Хочешь, махнем куда-нибудь вместе?

– Нет.

– Почему?

– Потому что в начале апреля меня не будет в городе.

– А где ты будешь? – удивился он.

– Прости. Я не хочу с тобой это обсуждать, – произнесла Саша фразу, которую еще вчера даже представить себе не могла в его адрес, и нажала «отбой».

В отеле «Тихая заводь», вот где.

Она вытащила из кучи снимков групповую фотографию их класса. Вот она стоит, крайняя слева во втором ряду – юная испуганная девочка, заточенная в башне своего уродства, которого на самом деле никогда не было. Девочка не верила, что ее кто-нибудь когда-нибудь сможет полюбить.

Ну вот, тебя полюбили, сказала ей Саша. Стало легче?

Она решительно сгребла все снимки в грудку. «Поеду, поеду в «Тихую заводь». Прекрасное название, соответствующее моменту».

– Камень на шею – и в тихую заводь, – усмехнулась она.

Все-таки ужасно интересно, во что превратились бывшие одноклассницы!

«Любопытство – острый крючок. Они заглатывают его с жадностью. Уже восемь человек подтвердили, что принимают мое предложение. Еще бы! Оно заманчиво, как отфотошопленные снимки в проспектах турфирм.

Восьми вполне достаточно для того, что я задумала. Плывите ко мне,

рыбки. Заводь ждет вас, мои красноперые малышки.

Устроим небольшое представление! Поднимем занавес, распахнем двери, сдернем рясу с омута прошлого и рассядемся вокруг, болтая ножками в воде, – совсем как лучшие подружки! Смотрите внимательно, девочки: спектакль начинается.

А если одну из вас ненароком утащит в этот омут, я не виновата.

Ну, почти не виновата. Это ведь не я – то чудовище, которое обитает на вязком, илистом дне.

Я всего лишь помогла ему проснуться».

Глава 2

1

Люба Савушкина заехала за Ирккой ранним утром – еще не было шести. Ира смотрела из окна, как ловко подруга паркуется в их забитом машинами дворе. «Мини-купер» выглядел сверху как покрашенный алым лаком ноготь на мизинчике.

– Коваль, ты не готова? – удивилась Любка, увидев Ирину в ночной сорочке. – Живее, мон шер, живее!

Пока подруга суматошно швыряла вещи в сумку, Савушкина нацедила кофе и забралась с ногами на диванчик.

– Слушай, зачем она вернулась? – крикнула Ирка из соседней комнаты. – Столько лет по заграницам...

– А желание собрать бывших одноклассниц тебя не удивляет?

Чиркнуло колесико зажигалки. Из гостиной потянуло сладковатым дымом.

– Меня все удивляет, – пробормотала Ира. – Люб!

– Что?

– Лю-люб!

– Ну что, что?

– Давай не поедем!

– С ума сошла?

– Не нравится мне все это!

Любка возникла в дверях: сигаретка дымится в тонких пальчиках, волосы кудрявятся, как у ангелочков на старых открытках. Рядом с подругой Ирка всегда казалась себе троллем. Великаном, рожденным из скал, громоздким и неповоротливым. Они еще стихи читали в восьмом классе: «Кто создан из камня, кто создан из глины, а я серебрюсь и сверкаю» – единственное, что накрепко врезалось ей в память из школьного курса литературы. Ирка тоже хотела бы серебриться и сверкать. Но кудри, маленькая головка и вкрадчивое изящество достались не ей, а Любе Савушкиной.

– Коваль, кончай рефлексировать, – приказала Любка. – Что на тебя нашло?

Ира не успела ответить – из соседней комнаты выплыла сонная дочь.

– Привет, тетяЛюб!

– Здравствуй, прекрасное дитя.

«Прекрасное дитя!» Ирка издевательски захохотала про себя. Дочь выросла ее точной копией: крупной, сутулой, нескладной. Иркина мать, чьим смыслом жизни было извилисто выгрызать людям мозг, как червяк яблоко, не раз с удовольствием заявляла, что у девочки тоже не сложится с личной жизнью, если Ирка немедленно не примет меры.

Ира единственный раз взорвалась, как новогодняя петарда. «Какие меры? – заорала она в трубку. – Ну, какие, скажи?! Мне что, в публичный дом ее пристроить?!»

Мать оскорбленно помолчала, давая дочери возможность осознать, какую чудовищную ошибку она только что совершила. И когда та уже готова была просить прощения, ледяным голосом пригвоздила:

– У тебя денег столько нет, чтобы твою кобылу взяли в публичный дом.

И повесила трубку.

– Слушай, Люб, – сказала Ирка проникновенно, – я нутром чую: что-то здесь неладно. Ты подумай сама: столько лет ни слуху ни духу, один треп в Сети!

Люба от души расхохоталась.

– Издеваешься? Да она каждый свой шаг протоколировала, как звезда Голливуда. Все переезды и замужества описывала в подробностях! Вконтакт, Инстаграмм, Одноклассники...

– Это интернет!

– А какая разница? Или ты хотела, чтобы она тебя в Италию пригласила, пожить на вилле?

– В Италию я рылом не вышла, – мрачно пробормотала Ира. – Но вообще-то могла бы и пригласить. Как-никак бывшие подруги.

– Ну вот она нас сейчас и приглашает. Не глупи, Коваль!

«Она не только нас зовет, – хотела возразить Ира. – Она зовет тех, кого за людей не считала двадцать лет назад. Что-то здесь не то...»

Но вместо этого сказала другое:

– Если меня с работы попрут, я останусь в полной заднице.

– Расслабься, – успокоила Любка. – Ты же отпросилась? Значит, никто тебя не уволит.

На стуле завибрировал телефон.

– Мать звонит, – испугалась Ирка, взглянув на экран. Все мысли о предстоящей поездке разом вылетели из головы.

– Не бери, – посоветовала Любка. – Ты в дороге.

Коваль ответила ей безнадежным взглядом. «Как собака, которая ползет к хозяину, даже видя в его руке плеть», – подумала Савушкина и отвернулась.

– Да, мам, – тихо сказала Ира в трубку. – Доброе утро, мам.

Любка вздохнула и принялась укладывать Иркины вещи в сумку. Через динамик до нее доносились визги, перемежавшиеся рыданиями: мамаша Коваль вкладывала в концерт всю душу, заодно разъедая чужую. «У тебя дочь... Пятнадцать лет... – надрывалась Лариса Петровна. – Одну! Как можно!.. Мужиков наведет...»

– Мама! – взмолилась Ира.

«Байстрюков растить будешь!» – отплевывалась трубка.

– С ней отец остается! Родной ее отец! Каких байстрюков, каких мужиков, мама! Ты о своей внучке говоришь, между прочим.

Но когда мамашу несло по волнам праведной ярости, пытаться укоренить в ней семечко здравого смысла было сродни попытке остановить цунами поднятой ладошкой.

«Шалашовка ты подлая! – завизжала трубка. На миг Любке показалось, что бедный телефон сейчас треснет и развалится, не вынеся заряда этой лютой злобы. – И дочь у тебя такая же!»

Ирка съежилась на кровати – большая, коренастая – и только морщилась и вздрагивала время от времени. Казалось, из трубки на нее хлещет кислотный дождь и прожигает на коже дымящиеся язвы.

На «шалашовке» Любка поняла, что с нее довольно. Она вынула телефон из окаменевшей Иркиной ладони и нажала «отбой».

Коваль, смаргивая слезы, ошарашенно уставилась на нее.

– Этот цирк, Коваль, хорош только для клоунов, – холодно сказала Любка. – Ты клоун?

Ирка молчала.

– Если тебе по душе танцы садиста с мазохистом, наслаждайся, – безжалостно прибавила Савушкина. – Но меня уволь от роли зрителя.

Ирка медленно выпрямилась. Белобрысая челка ее прилипла ко лбу, с толстых щек медленно сползал багрянец.

– Я не мазохист...

– Да, ты просто преданная дочь, – мило улыбнулась Любка. – Завтра твоя маменька будет звонить и требовать, чтобы ты поколола ей витаминчики в ее царственную задницу. И ты согласишься.

– А как иначе-то, Люб...

Вкрадчивый голос Любки вдруг обрел звенящую ярость.

– Иглу от шприца воткнуть в глаз этой стерве, вот как иначе!

Да по морде врезать, чтобы зубы полетели!

– Я одному уже врезала, – усмехнулась Ирка. – Напомнить, чем закончилось?

Любка поморщилась. Адвоката для подруги тогда пришлось искать ей. И договариваться с Иркиным супругом тоже. Глядя на его перекошенную физиономию с растекшейся от виска до подбородка лиловой гематомой, Любка испытывала одновременно удовлетворение и ненависть. Второе чувство подогревалось, помимо прочего, категорическим отказом поганца идти на компромисс. «А пускай хлебнет тюремной баланды, – блажил он, лежа на больничной койке. – А пускай ее там отмутузят до кровавого поноса! А бабла мне твоего не надо! Подавись ты им, стерва!»

О том, что случилось дальше, Любка никогда подруге не рассказывала. И подозревала, что экс-супруг тоже не трепал языком об истинных причинах своего согласия замять дело.

– Ладно, бери телефон – и в путь-дорогу, – уже спокойно сказала Любка. – Не стой столбом! Нас ждет увлекательнейшая встреча!

– Ты о Рогозиной?

– Я о прошлом, Коваль!

Ирина взглянула на подругу, и выражение ее лица показалось Любе Савушкиной таким странным, что она замедлила шаг.

– Ир, ты чего?

– А как ты думаешь, Юлька Зинчук тоже приедет?

Люба остановилась.

– Даже если и приедет, какая нам разница? – сказала она после недолгого молчания. – Столько лет прошло. Бурьяном все давно поросло!

– Бурьяном, – эхом откликнулась Ирка.

Взгляды женщин встретились.

Анна Липецкая остановилась перед отелем, засунув руки в карманы пальто. Недружелюбный апрельский ветер сорвал с нее капюшон, словно требовал уважения к этому месту.

Или к тому, что здесь вскоре произойдет.

«Да ничего не произойдет, – усмехнулась Анна. – Посмотрим друг на друга, порезвимся на тему, кто постарел, а кто раздался от родов. Злорадно измерим глубину чужих носогубных складок. Перемоем кости Рогозиной. И разъедемся по домам».

– Если никто не прикончит ее по старой памяти, – вслух сказала она.

В конце концов, глупо скрывать: у половины присутствующих есть повод это сделать.

«Был. В старших классах!»

– Времени многовато прошло, – признала Анна. – Но школьные обиды превосходно консервируются, ты не замечала?

Сидящая на дереве ворона уставилась на нее с недоумением. Кажется, будь у вороны указательный палец, она покрутила бы им у виска.

Липецкая протерла очки и тоже уставилась на ворону.

– Никогда не видела людей, которые разговаривают сами с собой?

Птица разинула клюв, хрипло каркнула и улетела.

В кармане пискнул айфон. «Ты добралась»? – высветилась эсэмэска от Ильи.

И буквально через секунду – от Лерки: «мама можно я возьму твою рубашку зеленую в горошек она мне больше идет хотя тебе тоже ничего».

Анна улыбнулась, глядя на фото дочери в телефоне. В портмоне у нее хранилась их семейная фотография, а на рабочем столе стоял портрет в рамке: они втроем на море, загорелые, счастливые, смеющиеся. Лерка с пластинкой на зубах, Илья в черных круглых очках, как у кота Базилио, она сама – в голубой косынке, сползающей на глаза. Полное море счастья.

Все сотрудники были убеждены, что Липецкая подражает иностранным бизнесменам. У которых, как все знали из иностранных же фильмов, на столе непременно должны красоваться снимки детей и супруга. В сентиментальные чувства Липецкой сотрудники не верили, и правильно делали. Но они и понятия не имели, зачем в действительности Анна держит фотографии на видном месте.

Это были вешки, обозначающие правильный путь. Условные знаки: со мной все в порядке. Я нормальная! У меня есть семья! Посмотри, вот они: веселый бородатый муж, дочь с челкой, выкрашенной в розовый цвет.

Якоря, цепляющие Анну Липецкую за ту жизнь, где она не была «психованной», «шизой». Где с ней все было хорошо.

Но сколько Анна ни пыталась защитить себя, как магическим кругом, снимками, звуками голосов, вещами, подаренными мужем, все равно время от времени возвращался один и тот же кошмар.

Снилось, что они завтракают воскресным майским утром. Солнце нагрело стол, как будто на нем спала кошка. Лерка болтает ногой. Капля вишневого варенья падает на блюдец.

И вдруг без предупреждения реальность начинает расслаиваться.

Воздух плывет, словно в сильную жару, раздается отвратительный хруст, и одна за другой лопаются прозрачные нити, стягивающие их жизни вместе. Реальность расплзается, и муж с дочерью остаются в одном слое, а она, Анна, – в другом. Ее отбрасывает в комнату без окон, с одним лишь зеркалом на стене. Там темно, и ветер сквозит из всех щелей, выдувая душу из тела.

Они больше не видят ее; они едят, смеются, макают блинчики в варенье – и не помнят о том, что она существует. Анна кричит из своего зазеркалья, бьет кулаками по невидимой преграде.

Бесполезно.

Ее больше нет с ними.

Она осталась одна.

Каждый раз, выныривая из этого кошмара, Анна в панике хваталась за Илью, вернее – за его подбородок. Короткая борода колола ладонь. Это ощущение моментально сшибало с нее остатки сна и перебрасывало в явь.

«Ты мне бороду во сне пыталась выдрать, лунатик несчастный! – каждый раз возмущался муж. – Не трогай святое!»

– Ши-за, – зачем-то вслух проговорила Анна, пробуя забытое слово на вкус. Словно гвоздь забивают в голову двумя ударами молотка.

Она взглянула на часы, подаренные Ильей. Еще целый час...

Трехэтажное желтое здание отеля возвышалось над парком. Липецкая ожидала стиля «совковый минимализм», но то, что она увидела, ей неожиданно понравилось. Похоже, когда-то это был небольшой летний дворец. Изогнутый полукругом перед фонтаном, из которого торчал дельфин с отбитым носом, он выглядел аристократически обветшалым, и это придавало ему обаяния. Вокруг раскинулся просторный парк с дорожками и скамейками.

Весной и летом здесь очень мило, решила Анна.

А пока ноздреватый снег бугрился вдоль дорожек, похожий на недопеченную булку. Вокруг поднимались крепкие липы, парк был чист и просторен, и только в самой его глубине угрюмо темнела огромная ель с осыпающейся неопрятной бахромой на лохматых лапах.

Выглядела она неуместно и чужеродно.

«Удивительное дело, – думала Анна, осторожно переступая через подмерзшие лужицы, – стоит мне представить, как мы снова соберемся все вместе, и восемнадцать лет куда-то исчезают. Я ведь не имею привычки разговаривать вслух сама с собой. Во всяком случае, с тех пор, как закончила школу. Зачем же я делаю это сейчас?»

Она потянула руку к лицу и спохватилась: не грызть ногти!

Ну вот, опять! Осталось сменить пальто на черный плащ в заклепках и обрить налысо половину головы.

Липецкая с неприятным удивлением поняла, что идет к ели, потому что ей нравится мысль об их сходстве. Об их уродливости, непохожести на прочих. Бедное дерево!

Вблизи дерево вовсе не выглядело бедным, однако ничем не напоминало и радостные новогодние елки. Косматое, как медведь-шатун, грязное от налетевших сухих листьев с кленов и осин... Невозможно представить на нем ни цветные пузыри стеклянных шаров, ни гирлянды, подумала Анна. Зато оно сгодилось бы для тайного пристанища ведьм.

Заметив на елке давешнюю ворону, она ничуть не удивилась. На верхушке ворона, где-нибудь на ветках болтается побелевший коровий череп, а из-за ствола вот-вот выберется желтоглазый волк и осклабится в глумливой ухмылке...

– Тебе бы сказки писать, милая!

Птица молча смотрела на нее, и Липецкой внезапно стало не по себе. Предчувствие опасности холодком пробежало по позвоночнику, как струйка ледяной воды. Анна поежилась.

Ей захотелось вернуться к машине и уехать, удрать из этого места. Солнце зашло за облака, и желтый отель вдруг приобрел зловещее и необъяснимое сходство с домом умалишенных.

Но Анна Липецкая привыкла сначала анализировать эмоции, а потом действовать, руководствуясь разумом, а не чувствами. Тебя продуло на этом промозгом ветру, сказала она себе, вот ты и ищешь, где укрыться. Какое возвращение, не глупи: на въезде в Москву сейчас адские пробки! Не для того ты тащишься сюда два часа, чтобы позорно сбежать обратно при виде вороны.

– И потом, не забывай: у тебя здесь дело, – напомнила она себе вслух.

Анна Липецкая снова набросила капюшон и направилась по заасфальтированной дорожке к центральному входу.

Когда она отошла достаточно далеко, из-за ели выступил человек. Он проводил взглядом фигуру в длинном пальто и усмехнулся.

– Такси пришлют через пару часов, – сказал Сергей Бабкин. – Уверена,

что мне не нужно с тобой?

– Я даже не уверена, что мне самой нужно ехать.

Маша захлопнула крышку чемодана, поднялась и обнаружила, что забыла на столе несессер.

– Машка, я серьезно! – гнул свое муж. – Дел сейчас нет, на три дня Илюшин меня отпустит. В этой «Тихой заводи» остались свободные номера, я посмотрел. Кстати, отель не из дешевых.

– Света Рогозина всегда была убеждена, что заслуживает самого лучшего.

Маша задумчиво взяла со стола общую фотографию их класса – единственную вещественную память о тех годах. Не считая дневников, которые, кажется, до сих пор хранятся у родителей. Ах да, и аттестата.

Бабкин заглянул через плечо.

– Красивая девочка, – признал он, кивнув на ту, что стояла в центре.

– Сказочно красивая! Здесь не разглядеть, но у нее еще и глаза изумительного оттенка – цвета весенней листвы. Сочные такие глазищи!

– Ты так говоришь, будто варенье из них собираешься варить.

– Тьфу на тебя!

Маша хотела сунуть снимок в карман чемодана, но муж удержал ее.

– Подожди! Дай свою будущую жену толком рассмотрю.

– Нечего меня рассматривать. Как говорил ослик Иа-Иа, душераздирающее зрелище.

Бабкин взглянул на снимок, где рыжеволосая девочка с тонкими чертами лица несмело улыбалась в камеру.

– Балда ты, Мария!

Он не удержался и притянул жену к себе, поцеловал в шею.

– Прекрати! – страшным шепотом проговорила та. – А если Костя зайдет!

– Костя «Рамштайн» слушает в своей комнате! Нужны мы ему сто лет!

Но Маша уже вывернулась и сурово погрозила ему пальцем:

– Не сбивай меня с настрое! Я как раз представляла, что я сильный и хладнокровный японский воин. У меня кодекс Бусидо – настольная книга! А тут ты со своими поцелуями!

– Не вижу причин, почему бы одному воину не поцеловать другого воина, – сообщил Бабкин. – Тем более, японскому. И вообще, – спохватился он, – что это за подготовка такая к встрече одноклассниц! Воин!

Он взял ножницы и многозначительно ими пощелкал.

– Сереж, ты не понимаешь! – прочувствованно сказала Маша. –

У меня на месте воспоминаний о старшей школе одна большая травма. И очень глупая! Мальчикам этого не представить.

– А я попробую.

– Не сможешь!

– Приложу все усилия, – пообещал Бабкин.

По коридору протопал пятнадцатилетний Костя, напевающий ломающимся баском: «Ду! Ду хаст! Ду хаст мих!»

– Я ж говорю, ему не до нас, – пробормотал Сергей.

– Ладно, давай про травму, – сдалась Маша и забралась в любимое кресло, похожее на половинку скорлупы. – Во-первых, меня никто не уважал. Во-вторых, я безобразно одевалась. Очень трудно быть независимой, когда ты в обносках. Я еще в школе поняла, что качественная одежда неплохо развивает чувство собственного достоинства, хотя родители за эту мещанскую мысль закидали бы меня гнилыми помидорами. Единственные школьные брюки мне сшила мама, они висели на заднице и пузырились на коленках. Блузка у меня была из секонд-хенда, с пятном на воротнике, которое ничем не выводилось. Я его маскировала брошью.

– Брошь тоже была из секонд-хенда?

– Нет, я ее смастерила сама на уроке труда. Трудовичка, когда увидела ее, уронила очки. «Машенька! – говорит. – Разве этому я вас учила?!»

– Ты ее в виде свастики сделала, что ли? – подозрительно спросил Бабкин.

– С ума сошел! Букетик цветов пришила к фетру. Выглядело, правда, так, словно лягушку стошнило незабудками. Зато под ней удобно было прятать пятно на воротнике.

– От этой картины на стене очень большая польза, – процитировал Бабкин. – Она дырку на обоях загораживает.

– Вот-вот. Я с дыркой на обоях, а Светка Рогозина в светлых обтягивающих джинсах и пушистых свитерах из мохера. Они тогда были безумно популярны! Я о таком свитере три года мечтала. А купила прошлой осенью!

– И что, хороший свитер?

– Хороший. Если в нем девочка шестнадцати лет, а не женщина тридцати пяти. Я в нем как йети, спустившаяся с гор. К тому же он розовый!

– А почему я не видел эту красоту? – удивился Бабкин.

– Потому что я дорожу нашим браком.

Сергей расхохотался.

– Слушай, то есть у Рогозиной была состоятельная семья?

– Папа – какая-то важная шишка в администрации района, мама при нем работала женой экстра-класса. Светка всегда знала, что выйдет замуж за иностранца. Она еще в восьмом классе заявляла, что в этой колхозной дыре ей не место. Под колхозной дырой имелась в виду вообще вся страна.

– Масштабно, что сказать. А предки этим замыслам крылышки не подрезали?

– Родители Светку обожали, особенно отец. Она была избалована до такой степени, что временами казалась дурой, хотя это было вовсе не так. Представь: единственный ребенок! Раскованная, яркая, красивая, не терпящая никакой конкуренции! И тут у нее появляется братик.

– И оттягивает на себя ресурсы родителей, – понимающе кивнул Бабкин.

– Все, что Светка перестала получать в семье, она стала добирать в классе. Это я уже потом сообразила, много лет спустя. Она просто давила, как танк, всех, кто хоть как-то выделялся.

– И тебя в том числе?

– Всех, – повторила Маша. – Меня не слишком сильно: я прикладывала столько усилий, чтобы сливаться со стенами, что она это, очевидно, понимала. В чем в чем, а в уме и проницательности ей было не отказать.

– Дрянь какая-то законченная, судя по твоему описанию, – Бабкин снова взял фотографию, пристально вглядываясь в прелестное личико девочки в голубом свитерке.

Маша покачала головой.

– Она была сильной личностью. И абсолютно никого не боялась!

– Еще бы – при таком папе.

– Нет, Сереж, дело не в папе. Это черта характера. Светка могла родиться в трущобах и все равно плевала бы под ноги всем, кто пытался бы утвердить над ней свою власть. Заставить ее делать то, что она не хотела, не мог никто.

1995 год, районная школа

– Света, задержись на минутку!

Рогозина удивленно обернулась к завучу, сидевшей над тетрадями с красной ручкой. Завуч на этой неделе заменяла всех учителей подряд и к пятнице выглядела совершенно обессиленной. «Дерьмовая работенка, –

подумала Светка. – И как только на нее люди добровольно соглашаются?»

– Да, Инна Аркадьевна?

– Дежурный класс в полном составе с уроков сбежал, – сказала та, не отрывая взгляда от очередного сочинения. – Будь добра, пройдишь со шваброй. Господи, что они едят, что они едят! – она всплеснула руками. – «Раскольников был продукт». Вот как это понимать? Какой продукт – маргарин, что ли?

– Продукт эпохи, Инна Аркадьевна.

– Ах, эпохи...

Завуч с бессмысленным взглядом покусала ручку.

– Маргарин, между прочим, тоже продукт эпохи, – рассеянно заметила она.

«Кукукнулась Голишкина, – констатировала Светка. – Шифер перегрелся на сочинениях».

– Простите, Инна Аркадьевна, я не поняла, что мне сделать, – вслух сказала она. Ей представилось, как она шагает по подиуму от бедра, помахивая шваброй. «А что, концептуальненько!»

– По классу пройдишь, – повторила завуч. – Вон как меловые следы разнесли.

Рогозина с изумлением уставилась на нее.

– Пол помыть, что ли? – после долгого молчания уточнила она.

– Да-да, протереть влажной тряпкой.

Инна Аркадьевна принялась размашисто писать что-то на тетрадном листе, не обращая больше внимания на Светку.

Но Света так долго и пристально смотрела на нее, что завуч ощутила на себе тяжелый взгляд и очнулась.

– Да? Что? – на секунду она забыла, о чем говорила с этой красивой девочкой.

– Инна Аркадьевна, я не буду мыть пол.

– Прости?

– Я не буду мыть пол, – громко повторила Рогозина. Широко расставленные зеленые глаза смотрели на завуча со спокойной уверенностью.

Голишкина сняла очки.

– У тебя аллергия на пыль?

– Нет у меня никакой аллергии, – Светка даже улыбнулась. Она могла бы выдумать тысячу причин, но не понимала, чем плоха правда. Ей нравилась завучиха, хоть та и выглядела как очкастый кролик, и Светка не хотела оскорблять ее враньем.

– Тогда в чем дело?

– Я просто не буду. Не хочу.

Инна Аркадьевна надела очки и, моргая, уставилась на девушку.

– Я тебя не понимаю, Света.

Светка раздраженно переступила с ноги на ногу. Господи, что здесь непонятного!

– Я считаю, что это унижительно, – пояснила она. – Я и швабра – вы уж простите, Инна Аркадьевна, – это две вещи несовместные, как сказал классик.

Завучиха перестала моргать.

– Несовместные, – повторила она. – Вот как.

– Абсолютно, – подтвердила Светка.

Они немного помолчали. Рогозина уже изнывала от желания идти домой. Но, как выяснилось, у завучихи остались вопросы.

– А почему они несовместные? – каким-то странным тоном поинтересовалась она.

«Шифер не просто перегрелся, но и треснул», – констатировала Светка. И постаралась подобрать понятные, простые слова.

– Я же не уборщица, Инна Аркадьевна. Я ученица старших классов.

– Но в нашей школе все ученики, когда дежурят, моют полы!

– Только не я, – открестилась Светка. – Что я, дура, что ли?

– Светлана!

– Ну, серьезно, Инна Аркадьевна!

Светка искала объяснение, но видела по лицу завучихи, что та вряд ли что-то осознает. Как донести до нее, что уборщица – это низшая каста, а Света Рогозина никогда не опустится до этого уровня?

– Вы бы еще туалет предложили мне помыть! – нашлась она. – Тоже полезный труд!

Голишкина начала багроветь.

– При чем тут полезный или нет! – резко сказала она. – Унитазы моет специально нанятый человек. А классы прибирают ученики своими силами.

– Нет у меня на это сил, – кротко заметила Света.

– Рогозина!

Инна Аркадьевна даже привстала от возмущения.

– Возьми, пожалуйста, щетку с тряпкой и протри пол, – отчеканила она. – Это минутное дело.

Светка покачала головой.

– Да ни за что! Делайте что хотите, но никто не увидит меня

со шваброй.

Завучиха снова села.

– Так в этом все дело? – выщипанные брови полезли на лоб. – Ты стесняешься своих одноклассников?

Света испытывала не стеснение, а совсем другое чувство. Однако решила не поправлять Голишкину, раз уж та начала более-менее въезжать в тему, и просто кивнула.

Завуч облегченно рассмеялась.

– Господи, Света! Твои одноклассники, даже если увидят тебя со шваброй, не обратят на это никакого внимания!

На лице Светки ясно отразилось все, что она думает об этом утверждении. На нее – и не обратят внимания?

– Ну, хорошо, – поправилась завуч, – даже если и обратят. Они забудут об этом через пять минут!

Губы Светы Рогозиной искривились в усмешке. Это была очень взрослая усмешка, и сорокапятилетняя Инна Голишкина вдруг подумала, что она перестала понимать молодых девушек. Рогозина смотрела на нее с чувством глубочайшего превосходства, от которого Голишкиной стало не по себе.

– Ничего вы не сечете, Инна Аркадьевна, – снисходительно сказала Светка. – Мне не забудут и не простят. Ни друзья, ни враги. Это посредственностям прощают все. А я – далеко не посредственность.

Помолчала, обдумывая что-то, и со вздохом подытожила:

– Таким, как я, приходится нести бремя безупречности.

Вежливо попрощалась, вышла из класса и мягко прикрыла за собой дверь.

– Бремя безупречности, – запоздалым ошарашенным эхом откликнулась Инна Аркадьевна. – Не секу...

Взглянула на очередное сочинение, где Раскольников опять был продукт, тяжело поднялась и отправилась за тряпкой и шваброй.

– Она могла вести себя как принцесса, – сказала Маша. – А могла как гопник с ножичком из подворотни. И еще, знаешь, я не раз наблюдала у нее любопытную особенность. В обычном состоянии Светка была ленивой и расслабленной, как кошка. Сто раз хватала двойку на ровном месте, потому что стояла столбом у доски и не давала себе труда хоть чуть-

чуть пошевелить извилинами. Но в критической ситуации в ней просыпались и ум, и сообразительность. Обычно-то люди балансируют более-менее в одном состоянии...

– Я, например, по утрам бываю крайне туп, – возразил Бабкин.

– А я во время беременности поглупела так, что сама себя боялась. Ни одного примера из программы четвертого класса не могла решить. Но это другое, Сереж. Рогозина как будто существовала в энергосберегающем режиме. Но как только ей что-то нужно было, подключала все доступные мощности.

– И за кого она вышла замуж вместе со своими мощностями?

Маша потянулась за ноутбуком.

– Я тебе сейчас покажу... – бормотала она, быстро щелкая мышкой. – Где-то это было... А, вот!

Фотография развернулась во весь экран. Мало изменившаяся Света Рогозина стояла в пышном свадебном платье на фоне каменного замка. Жених, высокий, смуглый и горбоносый, обнимал ее за обнаженные плечи. В петлице белела роза.

– В первый раз она вышла за итальянца, – сказала Маша. – Прекрасно образован, хорош собой, как видишь. Светка целенаправленно учила язык: хотела переехать в Италию. У нее все получилось с первого раза. Когда ее выгнали из института...

– Постой! – перебил Бабкин. – Как выгнали?

– А она не желала учиться. Папины деньги и связи дотащили ее до второго курса, но на этом все закончилось. К тому же мне смутно помнится, что у старшего Рогозина в это самое время случились какие-то проблемы... То ли его уволили, то ли завели уголовное дело... В общем, Светке пришлось крутиться самой, и результат был блестящий. Сразу после ухода из института она отправилась в Милан и там встретила вот этого красавца. – Маша кивнула на экран. – Наследник одного старинного рода, богатый, пылкий и безумно влюбленный. К тому же спортсмен и экстремал: участвовал в гонках, забирался на скалы, диких зверей фотографировал... Она показывала снимки, которые они вместе делали в саванне. Скалящийся в камеру лев был очень эффектен!

– И с этим сокровищем она развелась? – удивился Бабкин.

– Представь себе.

– Неужели оказался геем, подлец?

– Ну, они прожили вместе пять или шесть лет в его замке, он завоевывал разные спортивные призы и посвящал ей. А потом решили на год осесть во Франции. И там на художественной выставке она

встретила дипломата. Старше ее лет на двадцать, флегматичен, образован, умен! Вся его медлительность испарилась, когда он увидел нашу Рогозину. Светка бросила своего спортсмена, дипломат бросил жену-француженку с тремя детьми, и они обвенчались. Много путешествовали. Там, где им нравилось, скупали недвижимость, так что сейчас она владелица приличного состояния, я полагаю.

– Я тоже хочу скупать недвижимость там, где мне нравится, – помрачнев, вставил Бабкин.

– Например, в Воронежской области?

Они посмотрели друг на друга и засмеялись.

– Такси не пропустим? – встрепенулась Маша.

– Сорок минут еще, не дергайся. Слушай, а детей нет у этой дамочки?

– Был ребенок, кажется, мальчик. Прожил всего несколько месяцев.

Светка писала об этом в блоге очень скупно, а потом вообще все стерла, даже подробности его рождения. Что с ним случилось, я точно не знаю, но после этой трагедии она на год ушла в монастырь.

У Бабкина вытянулось лицо.

– В монастырь?!

– Бенедиктинский, – уточнила Маша. – Когда Рогозина успела поменять конфессию, понятия не имею. Я вообще не думала о том, что у нее может быть какая-то вера, кроме веры в себя. Но очутилась она именно у бенедиктинок.

– Звучит как в сказке...

– Выглядит так же, – заверила она. – Монастырь стоял в долине неподалеку от реки – красивейшее место! Келья аскетичная, даже с зарешеченным окном, как мне помнится. Светка выкладывала фотографии.

Сергей покачал головой:

– Не верю! Вот эта женщина, подыскивающая себе богатого мужа, – и ушла в монастырь?

– Она потеряла ребенка, Сереж. Бог знает, что ей передумалось и перечувствовалось после этого.

– Ну, хорошо, из монастыря она в итоге вернулась к мужу...

– Он год преданно ждал ее. Больше детей у них не было, но Светка занялась благотворительностью, ездила в Африку, и там однажды шаман какого-то племени в благодарность за помощь стал учить ее рисовать.

– Шаман, – с плохо скрытым сарказмом повторил Бабкин. – Рисовать. Чем – бычьей кровью?

Маша с трудом выбралась из кресла-скорлупы и протянула ему

ноутбук:

– На, глянь.

Сергей присвистнул.

Картина, открытая на экране, была написана в технике примитивизма. Плоская черная ветка. Плоский желто-красный тигр с глазами как арбузные семечки. Рваная трава внизу.

Бабкин ничего не понимал в живописи. Он только чувствовал, что ему не нравится эта вещь. Однако взгляд от нее отвести было трудно.

– Что, проглотил свой скептицизм? – усмехнулась Маша. – У нее все картины такие. Есть слоны. Есть голые женщины в листьях...

– Где голые женщины? – оживился Бабкин.

Маша вывела на экран другую картину. Некоторое время Сергей молча созерцал, затем поднял на жену нехороший взгляд.

– Никто не обещал, что женщина будет живая, – невинно заметила Маша. – Но есть полотно «Распутная». Там никаких трупов, честное слово.

– Н-ну, покажи, – не совсем уверенно согласился Сергей.

Пышногрудая «Распутная» возлежала в лодке, раздвинув ноги. Вокруг теснились юноши в алых набедренных повязках. Вода была как мазут, черна и густа. Даже сквозь экран хотелось макнуть в нее палец.

Бабкин захлопнул крышку ноутбука.

– Признаю, был неправ. Она действительно умеет рисовать. Хотя это все равно больше похоже на каляки-маляки.

– Тут вы с Рогозиной совпадаете во взглядах. Она была недовольна картинами и быстро закрыла общий доступ к своей галерее.

– Почему тогда мы их видим?

– Потому что я успела сохранить рисунки. Меня они настолько впечатлили при первом взгляде, что я создала для них специальную папку.

Маша взглянула на часы.

– В общем, я к чему тебе все это рассказала... К тому, что Света Рогозина – не просто тупая самодовольная негодяйка. В ней что-то было такое, что трудно передать словами. Как будто ты никогда не знаешь, кто из нее выпрыгнет. Не девочка – тихий омут, нет. Скорее, девочка-джунгли, при этом с ангельской внешностью. Мне еще в восьмом классе было понятно, что от нее можно ожидать самых разных сюрпризов. Как видишь, я оказалась права.

Она выглянула из окна, проверить, не подъехало ли такси раньше времени. Ей почему-то всегда было неловко, если приходилось заставлять водителя ждать.

– Маш, а Маш... – позвал Бабкин.

- М-м?
  - Помнишь день, когда ты получила приглашение?
  - Конечно.
  - А помнишь, что ты мне сказала о Рогозиной?
  - Не уверена...
  - Ты сказала, что очень давно ничего о ней не слышала.
- Маша густо покраснела.
- Вот так и валяются разведчики на мелочах, – ухмыльнулся Сергей.
- Жена из розовой превратилась в морковно-красную.
- Машка, брось! Я все понимаю. У тебя может быть сто и одна причина не сообщать мне о своих связях с бывшей одноклассницей. Тем более с такой.
  - Да не было никаких связей! – выпалила наконец Маша и прижала ладони к щекам.
  - Откуда тогда подробности биографии?
- Маша глубоко вздохнула. Ей было очень стыдно.
- Я за ней подсматривала, – призналась она.
  - В каком смысле?
  - В прямом. Время от времени заглядывала на сайты, где она зарегистрирована. У нее весьма бурная сетевая жизнь. Она общается с поклонниками во «Вконтакте», выкладывает фото в «Инстаграмм» и еще ведет свой блог.
  - Зачем ей это нужно? – не понял Бабкин. – Вот это все, что ты перечислила?
- Маша пожала плечами:
- Официальная версия – что Светка восполняет недостаток русскоязычного общения. Она утверждает, что ей практически не с кем говорить на русском, а терять разговорную речь не хочет.
  - А неофициальная?
  - Я думаю, что ей нужна аудитория. Понимаешь, Рогозина – она прима. «Светить всегда, светить везде!» У нее обязательно должны быть зрители, восхищенные, рукоплещущие.
  - Так ей бы не замуж, а на театральную сцену!
  - В театре она бы всех отравила и красиво позировала газетчикам с банкой мышьяка в руках, – отмахнулась Маша. – Никаких конкурентов! Звезда – только она. У Светки всегда была способность черпать счастье из чужой зависти. Обычно люди боятся, когда им завидуют. А она этим наслаждалась. Я иногда думаю, что если бы ей предложили выбор: счастливая жизнь в забвении или несчастная, но у всех на виду

и с иллюзией благополучия, она без колебаний выбрала бы второе.

– И с этим человеком ты едешь встречаться!

– И за этим человеком я подглядывала на протяжении последних лет, – в тон ему ответила Маша. – Причем мне было ужасно неловко, но я ничего не могла с собой поделать. Прямо-таки извращенное удовольствие получала, наблюдая в замочную скважину за ее жизнью.

– Это не замочная скважина, – возразил Сергей. – Это широко распахнутая дверь с пригласительной табличкой. Зато теперь до меня дошло, зачем она вас собирает.

– Зачем?

– Показать перед живой публикой. С мужем она развелась: минус один постоянный зритель. А вы – самая благодарная аудитория!

– Благодарная? – усмехнулась Маша и отвернулась к окну.

Бабкин поднялся, подошел к жене. Встал за ее спиной.

– Ты ведь ее боялась, – мягко сказал он.

– Боялась, – согласилась Маша после паузы. – Я ее и сейчас боюсь.

– И все равно поедешь?

– Именно поэтому и поеду. Я взрослая женщина, Сережа! Мне тридцать пять лет. Я хочу посмотреть на нее и навсегда перестать бояться. Это может выглядеть глупо, по-детски, но мне все равно. Это мои чувства, и я не могу их спрятать в коробочку и закрыть на ключик. Точнее, как раз могу, – поправилась она. – Но я больше не собираюсь этого делать! Достала меня эта коробочка в моих собственных внутренностях!

Маша снова покраснелась, но теперь причиной был гнев.

– Если бы я могла переписать прошлое, я бы это сделала и успокоилась. Светка Рогозина – прирожденный манипулятор! Ух, как она обожала тыкать иголкой в уязвимые места. Четыре года утренней тоски перед походом в школу! Праздник всякий раз, когда она заболела! Тьфу! А эти смешки в спину с шуточками! Когда вызывают на алгебре – а ты хорошо выглядишь, и Лёшка Демьянов смотрит на тебя со значением, – вдруг сзади доносится издевательское: «Куклачев в штаны наложил!» И Демьянов сразу делает вид, что перед ним вообще никого нет, пустое место! Или вон Сашку Стриженову до истерики доводили каждый раз, когда ее учителя на уроке вызывали: «Доска, иди к доске!»

– Почему доска? – тихо спросил Сергей.

– Потому что грудь была маленькая! И у меня тоже! Сова с Кувалдой дразнили меня плоскодонкой. И пальцами тыкали на физре в мой лифчик, который просвечивал из-под майки. И ржали: «Елина, давай мы тебе поролону туда напихаем!» Я каждый раз в раздевалке боялась, что они меня

скрутят и исполнят обещанное – с Кувалды стало бы! Да что там – я от театра Куклачева шарахалась лет до двадцати!

Бабкин против воли рассмеялся, и Маша тоже улыбнулась. Почему-то именно в этот момент у него мелькнуло смутное ощущение, будто жена что-то недоговаривает.

Но он слишком сильно жалел ее, чтобы прислушаться.

Сергей обнял ее, уткнулся в волосы.

– Ты чего мне в башку сопишь? – глуховато спросила Маша из-под его руки.

– Да так. Размышляю.

– О чем?

– О том, как хорошо, что я не учился с тобой в одной школе.

– А то бы что?

– А то бы я кое-кого придушил. Маленечко так. Не до смерти.

Маша рассмеялась:

– Rogozinu-то? Да ты был бы в нее влюблен по уши, как все мальчишки!

Бабкин отстранился и сурово взглянул на нее сверху вниз:

– При чем тут Rogozina? Я бы придушил этого твоего Лешку Демьянова. Со значением он на нее смотрел, видите ли. Стервец!

Глава 3

1

Я наблюдаю за ними из окна на втором этаже, прячась за шторой. Они прибывают с большими интервалами, но я не схожу с места, словно боюсь что-то упустить.

Первое впечатление, вот что!

Бывшие мои одноклассницы выбираются из машин, одергивают юбки и оглядываются. Одна сама подхватывает свой чемодан, смущаясь таксиста. Другая ждет, чтобы это сделали за нее. У третьей всего лишь небольшой рюкзак – она приехала налегке и уверена, что скоро пошлет нас к черту.

Многое можно сказать о человеке по тому, как он ведет себя на новом месте.

Я, например, первым делом смотрю в зеркало.

Не могу сказать, что мне по душе мое отражение. Волосы кажутся тусклыми: уже не сияющее золото, а паутинка, кое-где с сединой. Глаза – что ж, глаза зелены. Но на белке правого краснеет лопнувший сосудик. Он может испортить весь эффект. А мне необходимо быть безупречной, чтобы ошеломить их.

«Света Рогозина уже много лет не выкладывает своих фотографий в интернете, – думают они. – На всех ее снимках – другие люди или пейзажи. Почему она не показывает себя? Чего стесняется?»

Спорим, так они и рассуждают. «Если бы Рогозина по-прежнему оставалась красоткой, она не преминула бы похвастаться! Может, у нее изуродовано лицо? Может, вымахал горб величиной с Джомолунгму?»

Знаю я эту вкрадчивую осторожную надежду, девочки. Ха-ха! Ждете, что явится обыкновенная тетка? Что вы сможете пересчитать годовые кольца на ее шее, как на спиленном стволе?

Не дождетесь.

Я, конечно, преподнесу вам сюрприз. Но такой, какого вы точно не ожидаете.

О, кто-то еще приехал! Я приникаю лицом к стеклу так близко, что оно запотеваает от моего дыхания.

Сначала из такси показывается клетчатая сумка на колесиках. В нашем классе был только один человек, который отказался бы поставить такую здоровенную сумищу в багажник и всю дорогу ехал бы с ней в обнимку.

Следом за сумкой из приоткрытой двери выбирается нога. Нащупывает на асфальте самое сухое место и прочно утверждает себя на нем. Вот теперь можно выходить и целиком...

Бинго! Я угадала!

Маленькая толстощекая женщина без возраста, с круглыми глазами навывкате, стоит возле желтого такси и подозрительно озирается. Знаете, почему она не разрешает убирать свою сумку в багажник? Боится, что водитель остановится на заправке и вытащит ее бесценные шмотки, пока она дремлет. А хотите знать, как эта светлая идея пришла ей в голову? Очень просто: ее собственный муж промышлял этим незамысловатым способом, когда работал таксистом. Вещи потом супруга продавала на работе доверчивым коллегам.

Человек, патологически боящийся, что его обворуют, сам нечист на руку. Что ж, вполне ожидаемо.

Водитель такси называет ей сумму через приоткрытое окно, и начинается цирк.

О, эти скандальные вопли! О, всем знакомые манеры базарной бабы,

которую справедливо обвинили в обвесе!

«Счетчик накручиваешь!.. Ворье!» – доносится до меня.

Что-что, а голос у Анжелы Лосиной всегда был мощный.

Она орет на оторопевшего таксиста, а я наслаждаюсь, глядя на них. Приятно осознавать, что есть в этом мире неизменные вещи.

Анжелку в классе дразнили Лосем, жестоко оскорбляя тем самым рогатое млекопитающее. Лось – лесная корова, полезная и интеллигентная. С каким животным можно сравнить Анжелу Лосину, я даже и не знаю. Машка Елина однажды назвала ее лосиной мухой и, пожалуй, со своей ассоциацией попала в точку.

Цепкая, противная и сосет кровь.

На неискушенного человека Анжела поначалу может произвести приятное впечатление. У нее милая улыбка, ровные зубки и припухшие глазки. Покатые плечики, короткие ручки. Этакая морская свинка в обличье простоватой женщины.

Вас никогда не кусали морские свинки?

Мораль и нравственность для нашей Анжелки – умозрительные понятия. Она уверена, что их выдумали люди, считающие себя умными, для того, чтобы обманывать ей подобных. И Лосина действует на опережение!

«Без лоха и жизнь плоха» – вот девиз этой славной дамы. Когда я в последний раз интересовалась ее судьбой, она держала питомник: разводила малюток той-терьеров, крошечных изящных собачек с раскидистыми ушами. Люди готовы платить за них неплохие деньги, как за все маленькое и изящное. Анжела сразу сообразила, в чем здесь выгода, и принялась за дело со свойственной ей хваткой.

Ее несчастная истерзанная сука приносила один помёт за другим. С первой серьезной прибылью Анжела купила еще двоих производительниц, и бедные псы присоединились к конвейеру.

Щенки рождались чахлые, слабые. Анжела фотографировала их в умильных ракурсах и быстро распродала по покупателям. У тех они вскоре заболевали и дохли: не привитые от болезней (зачем тратиться!), несшие в себе целый букет генетических отклонений. Люди пытались возмущаться, но проще перекричать взбесившегося осла, чем переспорить Анжелу. «Вы убили мою детку! – визжала Лось (всех собак она называла своими детьми). – Вы ее простудили! Как у вас совести хватает смотреть мне в глаза!»

Думаю, она получала бездну удовольствия от каждого такого концерта. Их было немало, но на один ругательный отзыв о ее питомнике Анжела

строчила дюжину хвалебных, подписываясь разными именами. К тому же она никогда не скупилась на рекламу.

К концу первого года дело было поставлено на поток. Щенки росли в вонючих вольерах, не приученные ни к человеческим рукам, ни к выгулу. Анжела приводила их в порядок лишь перед тем, как показать покупателю. «Собаки – это моя жизнь! – говорила она дрожащим голосом, смаргивала слезу и целовала песика в выпуклый лобик. – Берегите моего мальчика!»

Конец ее бизнесу наступил неожиданно.

Она продала очередного дохляка десятилетней девочке. Покупку оплачивал отец. Мужчина был немногословен и хмур, но без малейших возражений выложил круглую сумму за того щенка, которого выбрала дочь. Анжела еще накинула сверху десять тысяч – сообразила, что папаша теперь никуда не денется.

Откуда же она могла знать, что девчушка серьезно больна?

Если бы щенка покупали здоровому ребенку, отец отнесся бы к смерти ее питомца легче. Но когда той-терьер отправился вслед за своими многочисленными братьями к собачьим праотцам, мужчина не стал ни подавать в суд, ни требовать деньги обратно. Собранный в интернете информации ему хватило, чтобы понять, с кем он имеет дело.

Вместо этого отец девочки дождался, когда Анжела выведет на прогулку своих племенных сук, и перестрелял их одну за другой.

Нет, Анжелу не тронул. Только собак.

Полагаю, пострадавшие собачонки встретили смерть с благодарностью. А вот Лосина пережила несколько жутких секунд, пока перед ней стоял человек с пистолетом.

На этом ее питомнику пришел конец. На отца девочки завели дело, но с Анжелы было достаточно: она так перепугалась, что оптом продала торговцу с птичьего рынка оставшихся щенков и завязала с собачьим бизнесом.

Вот Лось идет к дверям, мило улыбаясь.

Голову дам на отсечение: она и не вспоминает, что случилось в одиннадцатом классе.

Когда такси отъехало от дома, Маша достала из сумки общую фотографию. Одиннадцатый «А» в полном составе.

Итак, кого предстоит увидеть в отеле?

Само собой, Рогозину.

Но кроме нее, еще восемь человек обещали прибыть в «Тихую заводь». Об этом Маша узнала от самой Светы, спросив ее во встречном письме, кто именно прислал подтверждение. «Восемь наших девочек, включая тебя», – написала Рогозина. «Наших девочек» – как мило!

Маша попробовала договориться с самой собой. Не злиться, только не злиться! Если не считать древних воспоминаний, для этого нет повода. Может, Рогозина изменилась в своей Франции и отныне только и делает, что спасает бродячих кошек и лечит бездомных.

Но другая Маша, до сих пор страдавшая по пушистому свитеру, которого у нее не было в отрочестве, не желала понимать, какое это имеет к ней отношение: ведь не ее Рогозина спасает и лечит. Идея прощения всех, включая врагов, была Маше глубоко чужда. То, что Света сделала когда-то, – разве не основание для ненависти?

Маша вспомнила, что ничего не сказала об этом мужу, и нервно захрустела пальцами. Она попыталась убедить себя, что знать Сергею о том давнем случае совершенно не обязательно, да и не стоит вешать на него свои детские обиды и переживания... Но в глубине души прекрасно понимала, что та история вышла далеко за рамки детских обид.

Что правда, то правда. Одно небольшое хирургическое вмешательство – и Машина судьба изменилась. Не очень сильно, но весьма ощутимо.

Маша усилием воли закрыла дверь в комнату с этими воспоминаниями. В конце концов, на встрече будет не одна лишь Светка.

Во-первых, приедет Тетя-Мотя, по паспорту – Матильда Губанова. Красивое имя досталось ей в честь немецкой бабушки, но никто из одноклассников Мотю так не звал. Оно подходило для изящной фарфоровой куклы, умеющей звонко говорить «мммма-ммма!», но только не для толстой, постоянно что-то жующей девочки.

Мотя была безобидной, доброй и медлительной. Учителя лепили ей тройки и двойки, не дожидаясь, пока она закончит мямлить у доски. Но если у Моти было достаточно времени и ее никто не дергал, она неожиданно для всех показывала неплохие результаты.

Вот только старшая школа вовсе не была заточена под то, чтобы обеспечивать кому-то, выбивающемуся из общей массы, индивидуальный благоприятный режим. Мотя доползла до выпускного класса, как Сизиф на гору, толкая перед собой непосильный булыжник образования, и облегченно брякнулась вниз. «Кулинарный техникум! – издевались в классе. – Губанова – королева рубца и холодца!»

Как сложилась Мотина судьба, Маша не знала. Слышала только, что с первым мужем Матильда развелась.

Ей представилась загрубелая могучая тетка с пятью подбородками и складчатой шеей. Мотя была последним человеком, который сел бы на диету. А если бы и сел, то раздавил.

Палец Маши скользил по фотографии. Первый ряд, вторая слева: Белла Шверник, она же Белка, она же Циркуль. Черные кудри, жгучие очи и длиннющие худые ноги, за которые Шверник и получила второе прозвище. Еще за то, что гибкость в ней выражалась отрицательными величинами: Белка ходила так, словно проглотила шест, ноги ставила, как цапля, а если требовалось бежать, передвигалась скачками кузнечика.

На ее лице совершенно невозможно было выделить одну главную черту. Длинный нос («румпель!» – хохотала Светка Рогозина) громко требовал внимания к себе. Но над ним призывно блестели огромные миндалевидные глаза безбрежной ночной черноты. Затем взгляд притягивал великолепный крупный рот. Из-за этого Маша никогда не могла понять, красива Белка или нет. Начнешь рассматривать по отдельности нос или губы – хочется их немедленно зарисовать. А соберешь вместе – и не лицо получается, а куча металлолома.

Говорить спокойно Белка не умела в принципе. В ее изложении даже решение алгебраического уравнения выглядело как единство и борьба противоположностей. Учительница русского и литературы стала бояться Шверник после того, как та разрыдалась над судьбой Сонечки Мармеладовой и успокоить ее удалось только с помощью медсестры.

Маша Белку выносила с трудом. Не в том смысле, что не любила, – просто в ее присутствии казалось, что воздух перенасыщен кислородом. Эмоции искрили и обжигали окружающих. К тому же на Белку временами что-то находило, и она принималась вдохновенно нести ослепительную чушь. Маше навсегда запомнилось, как Шверник вступила в спор с химичкой, доказывая той, что можно словесным воздействием изменить температуру воды.

– Боюсь, Беллочка, – сказала старенькая Валентина Андреевна, – на это не хватит даже твоих удивительных способностей.

Белка настаивала. С пылом рассказывала о последних опытах в Тибете. О биоэнергетической матрице. О знахарстве и вербальных стрелах, посылаемых воде человеком.

Валентина Андреевна была миролюбивая старушка в буклях, но она плохо переносила деятельное невежество. Поставив перед Беллой стакан

с водой из-под крана, она сунула в него градусник и попросила делом доказать Белкину гипотезу.

Шверник набрала побольше воздуха. Шверник открыла рот. Шверник обратилась к воде как к могущественному источнику жизни.

– Грейся! – требовала Белла, делая над стаканчиком пассы.

– Дай мне тепло! – умоляла она.

– Я изменю твою кристаллическую решетку! – угрожала Шверник.

Вода насмешливо покачивалась в стаканчике. Градусник невозмутимо показывал двадцать два градуса.

Через сорок минут Белка выдохлась. Не доверяя термометру, она макнула палец в воду и зарыдала от осознания своего фиаско.

– Голубушка, что ж поделать, – утешала ее химичка. – Это законы природы.

– Я тоже природа! – утирала слезы Белла. – Почему я не могу влиять даже на какую-то дурацкую аш-два-о?!

Валентина Андреевна сочувственно улыбнулась и заметила, что пока это получилось только у одного человека.

– И я хочу быть таким человеком, – выла Белла, у которой рушилась вера в магическую силу слова.

– Боюсь, моя девочка, тебе бы это не понравилось. Из доступных нам свидетельств почти неоспоримо следует, что к его умению прилагалась весьма неприятная процедура.

– Какая? – всхлипнула Белка.

– Распятие на кресте, – кротко сказала Валентина Андреевна.

Водитель время от времени поглядывал в зеркало заднего вида на сосредоточенную женщину, сдвинувшую тонкие рыжие брови. Пассажирка рассматривала большую фотографию, водила по ней пальцем и иногда шевелила губами.

Саша Стриженова, она же Стриж или – куда чаще – Доска. Худенькая невзрачная девочка, о которой и сказать-то толком нечего. Маша проучилась с ней четыре года, но знала о Стриже только две вещи: Саша умеет рисовать иероглифы тушью и шевелить ушами. Маша даже не могла сказать, что поражает ее больше.

Первая способность Стрижа выяснилась на уроке истории, а о второй она узнала случайно, забежав среди урока по ошибке в неработающий туалет. Стриж стояла у окна, обхватив себя руками, и вся была поглощена шевелением. Уши ее двигались с такой амплитудой, словно Доска

собиралась улететь в майское небо, послав школу ко всем чертям.

Маша даже допускала, что когда-нибудь ей это удастся.

Анжела Лосина. Вот уж кто без колебаний принял приглашение – в этом сомневаться не приходилось. «Халя-а-ва, сладкая халява!» – любила петь Анжела на мотив «горной лаванды». Если бы Лосину пригласили пожить бесплатно недельку в аду, она бы рванула туда, не задумываясь. Даже объяснение бы привела – мол, там полезные горячие термальные источники. В действительности философия Анжелы была проще: «Дают – надо брать».

Правда, у этого кредо имелось и продолжение: «Не дают – все равно надо брать», но об этом Лось старалась не распространяться.

Анна Липецкая. Иначе как Аномалией никто ее не звал. Даже у учителей иногда срывалось: «Аномалия, к доске!»

Вот она, в дальнем углу на снимке, неприязненно смотрит куда-то в сторону. Классная едва уговорила ее сфотографироваться. Каких-то пятнадцать лет спустя Липецкую назвали бы готом, но тогда в Машинной школе никто не знал таких слов, и поэтому она была просто Шизой.

Тощая, костлявая, как недокормленная галка, с черными сальными волосами, Аномалия была единственным человеком, которого Рогозина никогда не трогала. Во всяком случае, не трогала всерьез. Потому что иногда на Аномалию, по ее собственному выражению, «нападали психи». Это означало не атаку шизофреников, а вспышки неконтролируемого бешенства. Аномалия визжала так, что уши закладывало, щелкала зубами, как волк, могла ударить стулом. В таком состоянии с нее стало бы убить обидчика, и Светка с ее развитым чутьем это хорошо понимала.

Кое-кто из учителей говорил про Аньку – оторва.

В десятом классе Липецкая проколола себе уши и нос, в одиннадцатом набила татуировку на предплечье. Оба раза был скандал. Но выгнать ее не имели права, а Анька в ответ на все обвинения молчала и ухмылялась черно-синими губами, так что от нее в конце концов отвязались. Она плевала на всех, сквернословила как сапожник, слушала тяжелый рок, красила волосы в дикие цвета и не имела ни одного друга. Вокруг нее всегда витал странный сладковатый аромат, напоминающий душный запах тления, и Маша ничуть не удивилась, когда однажды в раздевалке Аномалия вытащила из кармана дохлую ворону.

Она не удивилась бы даже в том случае, если бы Липецкая решила эту ворону съесть.

На уроках Аномалия непрерывно щелкала пальцами. Смыкала ладонь вокруг одного – и резко дергала. На весь класс раздавался хруст сустава.

– Липецкая! – нервно вскрикивал учитель.

Аномалия криво ухмылялась и на некоторое время переключалась на рисование в тетради.

Однажды Маша подглядела, что она рисует. Безглазые лица. Птиц с головами младенцев. Огромную хохочущую рыбу, выдергивающую крючок из пойманного человека.

Училась Аномалия при этом хорошо. Одно время подозревали, что за нее кто-то делает домашние задания, но блестяще написанные контрольные не оставили от этой идеи камня на камне. На вручении аттестатов выяснилось, что в классе три отличницы: умница и светлая голова Юля Зинчук, сама Маша и – ко всеобщему изумлению Анна Липецкая.

Глядя в окно машины на грязный апрельский пейзаж, Маша вспомнила, как однажды возвращалась домой из школы в такой же весенний день. Ее задержали после уроков, и она решила сократить путь через гаражный кооператив.

В самом кооперативе обитали четыре злобных метиса кавказской овчарки, страшные, как уголовники. Маша подозревала, что по ночам эти громадные раскосые псы понемногу перегрызают веревки и делают подкоп.

Если кто-то проходил мимо, псы поднимали такой лай, что потом долго звенело в ушах. Дьявольских этих отродий держали сторожа. Всякого, кто делал замечание по поводу их питомцев, ожидал душ из собачьего гавканья и человеческой брани.

Маша страшно боялась, что жуткие твари могут сорваться с привязи. И выбирала дорогу в обход, по краю гаражей: получалось чуть дольше, зато не приходилось сталкиваться с лающими зверюгами.

Она шла одна по узкой дорожке, болтая пакетом со сменкой, и размышляла о какой-то ерунде, когда навстречу ей из щели между гаражами выбрался человек с блуждающей улыбочкой на добром лице. Человек встал перед Машей, улыбнулся еще шире – и распахнул пальто.

К своим почти семнадцати годам Маша не только не сталкивалась с такими людьми, но даже не слышала о них. Остолбенев, она смотрела на то, что раньше скрывали драповые полы. В голове мелькнула неуместная мысль, что у него должны мерзнуть ноги, ведь холодно же, снег вокруг...

А затем человек открыл рот и кое-что произнес.

Маше доводилось слышать непристойности от мальчишек в школе.

Но это была не просто непристойность. Она побледнела от страха и отвращения и сделала попытку отступить.

– Давай же, – ласково сказал человек и кивнул на то, что росло у него между ног. – Попробуй. Тебе понравится!

Маша замотала головой.

Лицо его словно бы потекло, размягчилось. Человек сделал странный, неестественный жест рукой. Как будто кто-то, сидевший у него внутри, приноравливался к внешнему телу.

Широко раскрыв глаза, Маша смотрела на происходящую с ним метаморфозу, не в силах ни закричать, ни убежать. Из кармана его пальто торчала длинная деревянная линейка с испачканным чернилами уголком, и эта обыденная деталь отчего-то превращала происходящее в абсурд, невысказанный бред, страшный, как сон, от которого не можешь очнуться.

– Хороши в моем саду цветочки, – напевно проговорил человек.

Зрачки его расширились. Глаз залила чернота.

В этот миг Маша осознала, что она отсюда не выберется. Кошмар не закончится, ее не разбудят. В горле осталось только глухое сипение вместо крика. Сделав над собой отчаянное усилие, она шагнула назад, споткнулась – и упала. Сменка отлетела в сторону.

– Девочка моя, умничка, – быстрым свистящим шепотом сказал человек и двинулся к ней.

А в следующий миг Маша увидела на крышах кооператива две фигуры.

Аномалия бежала, перепрыгивая через расщелины между гаражами, дико скаля зубы. А рядом с ней мчался...

На миг Маша забыла даже про человека в пальто. На лице ее отразилось такое изумление, что мужчина обернулся.

Рядом с тощей девчонкой с развевающимися черными волосами мчался огромный грязный пес, метис кавказской овчарки. И зубы его были так же оскалены, как у Аномалии.

Бамц! Бамц! Бамц! – отзывались крыши.

– Фас! Возьми! – дико заорала Липецкая, громыхая по старому железу.

Человек попятился и кинулся прочь. Не задержавшись ни на секунду возле края крыши, пес сиганул вниз и угодил на кучу рыхлого снега. Спрыгнув с нее, он пробежал мимо лежащей на тропинке Маши – ее обдало брызгами грязи – и бросился следом за убегающим.

Анна спрыгнула точно так же. Оба они, девочка и пес, явно проделывали это не в первый раз. И так же, как собака, рванула за беглецом.

Маше показалось, что прошло не больше пяти секунд. Все трое едва успели свернуть за поворот, как оттуда донеслись лай и дикие крики.

– А-а-а-а! – вопил мужчина на одной ноте.

Что-то бешено визжала Аномалия, и, заглушая людей, надрывался пес.

Когда Маша добежала до места событий, все было кончено. Аномалия сидела на мокром снегу, потирая окровавленный кулак. Мужчина исчез. А возле Анны развалился в грязи метис кавказской овчарки, грызя какой-то лоскут.

Присмотревшись, Маша поняла, что когда-то он составлял одно целое с мужским пальто.

Липецкая подняла на нее глаза и слизнула кровь с костяшек.

– Ты сменку посеяла, – хрипло сообщила она. – И портфель, походу, тоже.

Маша стояла над ними, в трех шагах от собаки.

– Познакомься, кстати, – сказала Аномалия, кивнув на зверюгу. – Это Гнида. Гнида, это дура.

– Почему дура? – машинально спросила Маша.

– Потому что приперлась к гаражам. Кой бес тебя сюда понес? О, стихи! Фигасе! Елина, я поэт! «Кой бес тебя сюда понес, кой бес тебя сюда понес», – пропела Аномалия. – Этот козел уже месяц здесь маячит, ты не в курсах, что ли?

Маша молча помотала головой.

– Вот поэтому и дура, – пробормотала та.

Обе замолчали.

Зверь оставил в покое вырванный из пальто клочок, задрал ногу и стал вылизываться. На внутренней стороне бедра у него торчали колтуны, похожие на скомканные одуванчики. Гнида оскалил верхнюю губу, вцепился в один и с тихим рычанием начал выгрызать из шерсти.

Он был таким убедительным, таким неоспоримо живым, что остатки кошмара рассеялись бесследно. Как будто в мире, где существовали собаки, умеющие бегать по крышам, не могло быть девочек, онемевших от страха перед взрослым ублюдком. «Что со мной было? – подумала Маша. – Почему я вела себя как покорная овца?»

Неподалеку от них приземлился голубь, покосился глупым глазом на пса и снова улетел.

– Надо в милицию пойти, – неуверенно предложила Маша, провожая его взглядом.

– Иди, – разрешила Липецкая.

– А ты?

– Чтобы Гниду усыпили? Я, может, чокнутая, но не идиотка.
– За что его усыплять? – изумилась Маша. – Он меня спас!
– Он человека покусал, кретинка, – объяснила Аномалия. – И без того все жильцы вокруг жалуются на местных собак. Сначала усыпят, потом разбираться будут. Герой? Ну на тебе орден посмертно. И что я с этим орденом делать буду, задницу им закупоривать?

Маша подумала еще и села рядом с ней. Все равно куртка грязная...

С одной стороны, Аномалия была безусловно права. Но Маше в голову пришел еще один аргумент.

– А если этот... этот человек... если он снова нападет? Не на меня. На кого-нибудь другого.

Они только прогнали его. Да, сильно напугали, даже причинили вред. Но он придет в себя и вернется. В этом у Маши не было никаких сомнений. Она видела его улыбочивые глаза, слышала его шепоток и твердо знала: то, что сидит в этом человеке, сильнее голоса страха. Оно выгонит его снова в закоулки, где редко ходят взрослые, но часто бегают дети.

Аномалия зачерпнула горсть грязного снега и запихала в рот. Прожевала – и обвела рукой окрестности:

– Угощайся!

Маша подняла на нее взгляд.

– Ты знаешь, кто он.

– Чего?!

– Ты видела его раньше, – настаивала Маша. – Ты сказала, он уже месяц здесь ошивается. Ты знаешь о нем больше, чем показываешь.

Девочка молча облизала пальцы от снега, словно не слыша.

– Аня, пожалуйста...

– Не называй меня так! – резко оборвала Липецкая. – Хочешь проявить благодарность – просто свали отсюда на хрен!

Маша встала. Неловко потопталась возле Анны, но, когда пес уставился на нее недобрыми раскосыми глазками, решила, что ей и в самом деле пора.

– Спасибо тебе. Спасибо большое. Я его... Я его очень испугалась. Я не смогла бы ничего сделать.

Кажется, ее благодарственная речь только раздражала спасительницу. Маша еще раз повторила «спасибо», развернулась и пошла к брошенным вещам.

– Он больше этого не сделает ни с кем, – проговорили ей вслед. – Можешь не трусить.

Маша быстро обернулась. Аномалия сидела как ни в чем не бывало

и выдергивала суставы пальцев один за другим.

– Что ты сказала?

– Я?

Липецкая презрительно вздернула верхнюю губу. Глядя на нее, пес сделал то же самое.

– Глюк словила от шока, Елина? Домой шлепай. Девочка-припевочка.

Маша постояла, разглядывая ее и что-то соображая. И, больше ни о чем не спрашивая, ушла.

...Аномалия с тех пор не попадалась ей на глаза после школы, как и ее лохматый приятель. Движимая каким-то смутным чувством, Маша никому не рассказала о том, что произошло с ней в начале апреля за гаражами. А потом этот случай странным образом растворился в ее памяти, вернувшись в область мутных снов и тягостных кошмаров. Нужно было нырнуть глубоко-глубоко, чтобы вытащить его на поверхность, но как раз той весной у Маши началась бурная личная жизнь, и она не хотела никуда нырять. Талый снег смыл всю грязь – и воспоминания о случившемся.

В мае снова разразился скандал с участием Липецкой. Она явилась в школу с татуировкой на шее под правым ухом, и разъяренный отец предпринял целое расследование, пытаясь узнать, кто проделал это с его несовершеннолетней дочерью.

Выяснение обстоятельств привело к тому, чего никто не мог ожидать. Одним из сторожей при гаражах оказался всего год как вернувшийся после отсидки Мишаня Чалый, мужик лет сорока пяти, беззубый и лысый, как старик. Обитал он в бытовке, выделенной ему кооперативом. Туда же приводил псов, если ударяли сильные морозы. Там же выбил Аномалии обе ее татуировки. И там же кололся чем попало.

Последнее выяснилось, когда на горестный собачий вой пришел второй сторож и обнаружил Чалого, загнувшегося от передозировки. Всего лишь часом позже до Мишани добрался отец Аномалии, но отомстить бывшему зэку уже не смог. Липецкую три месяца проверяли на все возможные инфекции, однако в этом Мишаня оказался добросовестным: его игла была чиста.

Биография у покойного сторожа выглядела скверной: за ним числились и убийство, и несколько ограблений, и еще болтали шепотом о двух недоказанных висяках, где тоже проглядывал след Чалого. Как Аномалия познакомилась с ним, никто никогда так и не узнал. Как и о тех отношениях, которые связывали ее с бывшим зэком и наркоманом.

Кое-что могла бы рассказать Маша. В середине мая круги от этой

истории разошлись по всей школе, а в конце месяца их тихий район встал на уши из-за того, что в овраге за парком, когда полностью сошел снег, обнаружили труп с признаками насильственной смерти. Тело принадлежало Евгению Сутелину, бывшему учителю музыки в Доме культуры, человеку со всех сторон хорошему и уважаемому. Жил он один, тихой холостяцкой жизнью, и соседи понятия не имели, что учитель пропал.

Перед похоронами Маша зашла в Дом культуры и остановилась перед огромной памятной фотографией в траурной рамке.

– Милая, с тобой все хорошо? – сочувственно спросила гардеробщица. – Может, водички? Евгений Петрович-то, наверное, педагогом твоим был, светлая ему память.

«Он больше этого не сделает ни с кем. Можешь не трусить».

– Педагогом, – подтвердила побелевшая до синевы Маша. – Нет, спасибо, все хорошо. Теперь все хорошо.

Глава 4

1

Наконец-то все в сборе! Мои повзрослевшие одноклассницы и я, Светлана Рогозина-Крезье.

Мне нравится новое имя: нечто среднее между Крезом и «крейзи». В нем звучат отзвуки одновременно богатства и помешательства – вполне органичный дуэт.

Я и вправду иногда кажусь себе немного помешанной. А вот мой последний муж слишком рассудителен. Мужчина, лишенный фантазии, скучный, как бетонный забор. Узнай он о том, что я задумала, с него стало бы обратиться к психиатру. «Здоровому человеку не может прийти такое в голову!»

Наш брак был до того нормален, что иногда меня подмывало снять трусы и пройтись колесом – просто чтобы посмотреть на физиономию мужа. Благопристойное супружество! Боже, какой кошмар. Как-то раз, вскоре после свадьбы, я решила немножко разнообразить наши отношения и, заведя супруга в спальню, завязала ему глаза шелковым платком.

И знаете, что сказал мне на это?

«Дорогая! – прогнусавил он. – Но ведь я ничего не вижу».

Надо бы выдать тебе премию имени капитана Очевидность, подумала я тогда. А вслух ответила, что так и задумано.

«Но мне не нравится, когда ничего не видно», – удивленно сообщил он, крутя головой.

«А вот так нравится?» – спросила я, подкрепляя свои слова действием.

Некоторое время он всерьез обдумывал мой вопрос. А потом сказал... Нет, вы в жизни не поверите, что именно!

Супруг тревожно ощупал ткань, закрывавшую ему глаза, и спросил: «Дорогая, ты что, взяла мой Эрмес?»

Его соблазняет красивая молодая жена, а он беспокоится о том, что помнется его дорожный шейный платок!

Надо было задушить его этой тряпкой. Впрочем, тогда покойный супруг стал бы являться ко мне ночами и горестно выть: «Эрмес! Ты испортила мой Эрмес!»

Но вернусь к своей идее. Не стану спорить: она и впрямь

не из очевидных. Милая, this is just crazy, это просто безумие, сказала я себе, когда мысль о «Тихой заводи» первый раз пришла мне в голову.

«Ты совсем с ума сошла. У тебя ничего не получится!»

Но почему не получится?

Я стала выискивать препятствия к осуществлению моего плана – и не обнаружила их. Те, что были, не выглядели непреодолимыми, а преодолимое – это не препятствие вовсе. У меня ушел год на то, чтобы все подготовить.

Целый год.

Всего год!

Я готова была ждать и дольше.

И вот наконец мы в «Тихой заводи»: все, включая ту единственную мою бывшую одноклассницу, которая не получала от меня приглашения. И тем не менее она здесь.

Что она ощутила, увидев меня? Почудился ли мне ужас в ее глазах? Даже если и так, она быстро овладела собой. Замкнутое лицо, плотно сжатые губы. Ни взглядов исподтишка, ни попыток заговорить со мной. Но я не сомневаюсь: после первого шока она пришла в себя и теперь лихорадочно перебирает варианты действий.

Что же ты решишь, моя дорогая?

У меня есть несколько предположений. Самое очевидное – она сбежит, не дожидаясь развязки.

Или попытается уговорить меня молчать.

Подкупить? Ей нечего мне предложить.

Я ненадолго задерживаюсь перед стеклянными дверями обеденной залы. Еще секунда – и они распахнутся. С этого момента игра начнется!

Не знаю, отчего я медлю... Все отлично подготовлено.

Но я стою и думаю, что еще есть возможность сказать «стоп». Вот сейчас, когда почти поднялся занавес, прима может сбежать! Бывшим одноклассницам оставлю записку с извинениями. Выдумаю заболевших родственников или вовсе ничего объяснять не стану. Зачем? Я больше никогда с ними не встречусь.

Но что мешает мне войти? Возможно, голос совести требует, чтобы я оставила свою жертву в покое.

То есть – милосердие?

Нет, нет. Я не настолько добра.

Меня тревожит тот миг, когда все вскрыется?

Снова мимо. Я жду его всей душой.

Страх! Вот оно! В стеклянных дверях виднеется мое размытое

отражение, и мне отчего-то не по себе. Вот что удерживает меня от того, чтобы выйти на сцену и остановиться в перекрестье чужих взглядов.

В детстве я всегда шла навстречу тому, что меня пугало, будь то ночная тень за шторой или компания хулиганов в переулке. Именно так следует поступить и в этот раз. Тем более что страх мой совершенно иррационален. Для него нет никаких причин.

Не убьет же она меня, в самом деле!

Я смыкаю пальцы на ручке двери и с силой толкаю ее.

2

Четырьмя часами ранее

Уже на подъезде к отелю колеса зацепили лед в широкой колее, и машину повело так, что Маша от испуга схватилась за спинку переднего сиденья.

– Да что ж такое-то... – сквозь зубы пробормотал водитель.

Зима, мысленно ответила ему Маша, всего лишь зима. Это безжалостное время года начиналось для нее в ноябре и заканчивалось – не всегда, но как правило – в марте.

Такси черепашьям ходом доползло до отеля. Маша захлопнула за собой дверцу, глубоко вздохнула – и беззвучно засмеялась.

В начале апреля внезапно появляется воздух, которым можно дышать.

После зимы, забивающей черным снегом нос, горло и голову.

После зимы, острым холодом прокалывающей щеки, раскатывающей издевательский гололед под ногами. После зимы, лишаящей тебя равновесия. И тепла. И жизни.

В небе изредка приоткрываются окна, и оттуда веет синевой. Как будто кто-то большой взял тебя на ладонь, нахохлившегося, жалкого, и отогревает теплым голубым дыханием.

Маша проводила взглядом отъезжающее такси. В плотно утрамбованном слое облаков над «Тихой заводью» кто-то насверлил лунок, и сквозь них виднелось небо, чистое и прозрачное, как озерная вода.

Пахло известкой и мелко порезанным огурцом. Из фонтана выпрыгивал дельфин с отбитым носом, целясь в небо.

Какое спокойное тихое место, подумала Маша, и вдруг заметила фигуру в окне.

Кто-то смотрел на нее со второго этажа. Поняв, что его раскрыли, человек отшатнулся и растворился в глубине комнаты.

...Навстречу Коваль с Савушкиной по узкой дорожке прошел щеголеватый мужчина в пальто, галантно приподнял ветку перед Ирккой. Она встретила с ним глазами. «А ничего такой!»

– Люб...

– А?

– Любка!

– М-м?

Подруга шла, уткнувшись в телефон, и не желала замечать ни парка, ни встречных особей мужского пола.

– Видала, какой хлыщ?

– Видала, – равнодушно отозвалась Сова.

– А ты бы с ним того, э? – не отставала Ирка. – Замутила бы, Люб?

Савушкина страдальчески закатила глаза.

– Господи, Коваль! Что за подростковый жаргон! И – нет! Не замутила бы!

Насколько Ирка могла судить по замеченным обрывкам смс, Савушкина вела бурную переписку, жонглируя тремя любовниками и мужем.

– А почему? – огорчилась она. Мужчина ей понравился, и она хотела, чтобы Любка своим одобрением косвенно подтвердила его высокое качество. – Некрасивый?

Савушкина оторвалась от телефона и обернулась на уходящее пальто.

– Ира, какая разница – красивый, некрасивый! Мне в принципе непонятно, зачем это нужно. Возня эта, пыхтение... Я понимаю, когда есть выгода. А так – для чего?

– Для удовольствия! – с горячей убежденностью возразила Ирка.

– Для удовольствия я лучше на массаж схожу.

Сова еще раз посмотрела вслед мужчине и оценивающе прищурилась:

– Конечно, если ты думаешь, что может быть какая-то польза...

Коваль засмеялась и махнула рукой.

Любка Савушкина рассматривала секс как инвестицию. Она вкладывала себя, существо безусловной ценности, и желала получить заслуженно высокий процент. Смысла отношений, отягощенных постелью, но при этом не приносящих дивидендов, Савушкина не понимала. «Все эти копошения! – надменно говорила Люба. – Люди слишком много болтают о сексе. Да и занимаются тоже», – добавляла она, подумав.

Сама же Ирка была человеком сугубо плотским. Иногда она думала, что из нее получился бы типичный мужик, не признающий обязательств:

секс на одну ночь, веселое партнерство людей, которых не связывает ничего, кроме постели, – и слава богу! Зачем обременять такое чистое, совершенное удовольствие какими-то отношениями?

Любка презирала мужчин (женщин тоже, но в меньшей степени). Ирка их обожала. Со своей собственной телесностью она была не в ладах, зато умела ценить ее в других. О, эти выгнутые шеи! Мускулистые руки в синеватых венах! Кожа, пахнувшая песком! Их смешное и в то же время совершенное устройство там, где они так отличны от женщин!

Коваль пропела бы оду мужчинам, если бы умела.

А Любка бы ее жестоко за это высмеяла. При этом она очень дорожила замужеством и делала все, чтобы муж не догадывался о ее связях на стороне.

«Все-таки у Бога извращенное чувство юмора», – думала Ирка, глядя на подругу. Создать женщину настолько желанную – и при этом лишить ее чувственности!

Больше всего восхищало, что муж считал Любку нежной фиалкой на залитом солнцем поле, по которому ежечасно пробегают стада диких носорогов. Савушкина спала с его боссом (из лучших побуждений – для развития карьеры супруга), а он переживал, что жена совершенно не приспособлена к этой жестокой жизни.

Такси отъехало от отеля.

– Кто это там? – спросила Ирка, прищурившись. – Савушкина, ты видишь?

Любка шла, уткнувшись в телефон, и что-то невнятно гугукнула в ответ. Коваль силой развернула подругу и ткнула пальцем.

На площадке перед зданием, задрав голову, переминалась высокая длинноногая женщина в джинсах и зеленой куртке. Из-под шапки выбивались пышные рыжие волосы.

– Елина! – сморщилась Коваль, не дожидаясь ответа подруги.

– А, Куклачев! Пойдем, поздороваемся, что ли.

Коваль насупилась.

– Ир, засунь свою классовую ненависть куда-нибудь подальше, ага? – нежно попросила Савушкина.

Ирка возмущенно фыркнула, но двинулась за подругой.

Маша пробежала взглядом по окнам. Ее не удивило, что кому-то захотелось ее рассмотреть. Но в том, как быстро этот человек отпрянул, было что-то неестественное. Маша нахмурилась, пытаясь понять, в чем дело. Вот! Это было слишком резко. Слово его дернули сзади, обхватив

за шею.

Она отсчитала окна от центральной лестницы, решив разузнать, кто живет в этом номере.

– Какие люди! – проговорили за ее спиной, сильно растягивая слова.

– И без котиков, – дополнили со смешком.

Маша узнала голоса сразу же, и все мысли о человеке в окне вылетели из головы. Японский воин внутри нее вскинул меч, готовясь к обороне.

Спину выпрямить. Подбородок приподнять. Уголки губ тоже чуть-чуть вздернуты: еще не улыбка, но уже и не задумчивость. Самое время вспомнить кодекс Бусидо, успела подумать Маша. Что-нибудь подходящее к случаю.

Цитаты из книжки вихрем пронесли в ее голове. «Будучи ранен, самурай должен почтительно обратиться со словами прощания к старшим и спокойно испустить дух».

Черт, не то! Никакого испускания духа, это преждевременно!

«Во время сна не следует ложиться ногами к резиденции сюзерена».

На редкость актуальный совет.

«Если человек оказывается в сложном положении, он может справиться с возникшими трудностями, помазав слюной мочку уха».

«А вот это прекрасная идея! – с энтузиазмом поздравила себя Маша. – Если сейчас я примусь слюнявить себе ухо, Кувалда с Совой, как минимум, обалдеют. А если мне удастся сделать это еще и без помощи рук...»

Маша не успела додумать мысль до конца. Но ей хватило и начала, чтобы с уголками губ все пошло насмарку. Так что, поворачиваясь к Савушкиной и Коваль, она от души смеялась.

Ира Коваль умела признавать чужие достоинства. Как ни противно ей было смотреть на Елину, она не могла не согласиться, что выглядит та бессовестно хорошо.

Ирка помнила ее замкнутой и высокомерной. При взгляде на Коваль у рыжей мымры всегда появлялось такое выражение, словно Ирка наложила кучу посреди класса, но надо сделать вид, что все в порядке. Похожие лица становятся у воспитанных людей, когда в трамвайный вагон заходит благоухающий бомж.

Этих воспитанных Коваль ненавидела всей душой. Воняет тебе? Ну так открой пасть и скажи словами! А не криви рожу, как вот эта...

Но сейчас Елина улыбалась, и вообще выглядела худой и молодой. Коваль даже не знала, что сильнее возмущает ее. Она сама отчаянно боролась с каждым лишним килограммом, но килограммы, однажды

встретившись с Ирой, возлюбляли ее навсегда и не желали покидать. Сжуешь на ночь два фундука, а наутро такая прибавка в весе, будто всю ночь обжиралась кокосовыми орехами, причем скорлупой тоже не брезговала.

– Здорово, Елина! – сказала Коваль. – Сколько, типа, лет, сколько зим.

«Никакой помощи от этого японского кодекса, – с тоской подумала Маша. – Сомневаюсь, что самурай встречал противника придурковатой лыбой».

– Привет, Ира! Здравствуй, Люба.

Имена ей удалось выговорить с трудом. Никогда подружки Рогозиной не были Ирой и Любой. Они были Кувалдой и Совой.

Ирка Коваль, получившая свое прозвище за размер кулака и постоянную готовность применить его как последний аргумент в споре, раздалась в плечах, коротко постриглась и отрастила мощный подбородок. На лице ее играла хорошо знакомая Маше кривая ухмылка, и в целом Кувалда осталась все той же белобрысой девицей с редкой челкой. Разве что основательно заматерела.

А вот Любка Савушкина преподнесла сюрприз.

В одиннадцатом классе это была крошечная девушка с нежным голоском и бюстом третьего размера на тельце ребенка. Ручки голубовато-белые, как у куколки. Мужчины, особенно немолодые отцы многочисленных семейств, при виде Савушкиной теряли дар речи и понимали, что жизнь прошла напрасно.

Маша всегда знала: Любка – из тех тихих омутов, в которых черти не просто водятся, а пляшут, поют и устраивают корпоративные пьянки с выездом в боулинг. В отличие от Кувалды, Сова со всеми была мила. Однако Маша опасалась ее куда больше, чем Ирку: у той все на лице написано, а Савушкина непредсказуема. Взять хоть тот дикий случай с охранником.

Стоящая перед ней сейчас женщина выглядела как Дюймовочка, которая вышла замуж за крота, но не провела остаток дней в темной норе, а развелась с ним, отсудив половину содержимого кладовки. Крошечная, изящная, ротик как воробьиный клювик – и ощутимый запах денег, витающий вокруг.

Маша по привычке мигом подобрала Любке подходящий костюм и декорации.

Во-первых, к черту пальто. Вокруг хрупкой шейки и лилейных плечиков должны сиять меха. Норка серебристая, упругий завиток

каракуля, головокружительно дорогой песец...

Во-вторых, чулки в сеточку: бесстыдные, дразнящие. И чтобы черная стрелка ползла по мраморно-белой икре и выше.

Наконец, туфли на шпильке цвета змеиной кожи.

– Ты... э-э-э... почти не изменилась, – сообщила Ирка.

«То есть осталась забитой девчонкой с неровными зубами и обкусанными ногтями?» – про себя усмехнулась Маша.

– Ты тоже, – соврала она.

– Кого-нибудь еще из наших уже видела? – поинтересовалась Любка.

Маша отрицательно покачала головой.

– Я только приехала. А вы?

– В номере найдешь письмо, – сказала Сова, словно не услышав ее вопрос. – От Светки. Она будет к четырем часам.

– И просит всех ждать ее в столовке, – прогудела Кувалда.

– Ее вы тоже не встречали? – осторожно спросила Маша.

– Не-а.

– Странно, – вслух подумала она.

Повисла пауза. То ли подействовал кодекс Бусидо, то ли пахнувший огурцом воздух, обостривший Машину чувствительность, но только она ясно поняла: Сова с Кувалдой тоже находят это необычным. А значит, они не общались с Рогозиной и знают о ее планах не больше, чем остальные.

В Маше окрепла уверенность, что Светка задумала не просто слет ведьм, то есть, простите, собрание бывших одноклассниц. Записки какие-то... Приглашения! От всего происходящего веяло сумасбродством и ребячеством.

Вот только ни первое, ни второе никогда не были свойственны Рогозиной.

Матильда, пыхтя, затащила сумку в номер. Она хотела попросить кого-нибудь помочь ей, но за стойкой на первом этаже сидела женщина типажа Авада Кедавра – умри все живое. Авадакедавра смерила Губанову таким взглядом, что та мигом стушевалась и решила, что сумка не так уж и тяжела. И вообще, нечего дергать занятых людей.

До назначенного времени оставалось всего двадцать минут. Мотя наспех привела себя в порядок, и тут в дверь постучали.

Высокая рыжеволосая женщина со смешливым лицом улыбнулась ошарашенной Моте.

– Господи, Елина! Уииии!

Мотя взвизгнула от радости и повисла на Маше всей тушей. Та покачнулась и едва не упала. «Раздавлена одноклассницей!» – мелькнул перед Мотиными глазами заголовок желтой прессы. Она поспешно отступила.

– Извини! Извини, пожалуйста! Я просто... Ужасно рада... Но не знала, как... Прости...

Мотя смутилась и замолчала. Как всегда в подобных случаях, ее охватил жгучий стыд. Господи, ну что она за животное такое! Бросилась на практически незнакомого человека, чуть не покалечила. Не всякому понравится, когда к нему липнут девяносто с лишним килограммов Губановой. К тому же она успела вспотеть в номере, и от нее наверняка воняет!

Сеанс самоедения был неожиданно прерван.

– Мотя! – вскричала Елина. – Ну что ты несешь!

Матильда решила поднять глаза. Ее бывшая одноклассница искрилась такой неподдельной радостью, что она едва не расплакалась от облегчения.

– Мотька, как же здорово, что ты приехала! – с чувством сказала Маша. – Ты не представляешь, как я рада тебя видеть.

...Когда часы показывали без десяти четыре, к малой обеденной зале отеля «Тихая заводь» одновременно подошли три женщины. Двое – Матильда и Маша – с нескрываемым любопытством взглянули на третью. «Нет, не из наших», – подумала Мотя.

Та сдержанно улыбнулась. Одернула короткий жакет. И вдруг, подмигнув Маше, взялась за указательный палец и с хрустом дернула.

Елина вздрогнула и уставилась на нее во все глаза.

Перед ними стояла дама, в которой безошибочно опознавался руководящий работник солидного предприятия. Даму мягко облегал со всех сторон брючный «Хьюго Босс» или кто-то в этом роде. Мотя Губанова ничего не смыслила в брендах, но чувствовала, что здесь пахнет Боссом. Или Сен-Лораном. Или каким-нибудь другим известным именем, за которым встают неброские фасоны и обескураживающие цены.

Золотые часы на запястье. Холеные руки. Твердый и прямой взгляд.

Мотя по-прежнему не понимала, кто это такая. Раньше эта женщина ей не встречалась.

– Гниду помнишь? – спросила дама странное. Губанова даже решила,

что ей послышалось.

Но Елина медленно кивнула.

– Девочки! Бабоньки! – окончательно потерявшись, воскликнула Мотя. – Да что ж тут творится-то! Дамочка, вот вы – кто?

Она прижала руки к груди, заранее извиняясь за глупый вопрос.

«Дамочка» снисходительно улыбнулась. Моте почудилось что-то знакомое в этой полуулыбке-полуухмылке, но она не была уверена...

– Мотя, это Анна, – медленно проговорила Елина, словно не веря самой себе. – Анна Липецкая, если я не ошибаюсь.

– Не ошибаешься, – подтвердила дама. – Прекрасно выглядите, девочки.

Теперь челюсть отвисла у Матильды.

– Анна – в смысле Аномалия?

– Она самая, – подтвердила дама. – Не уверена, что в настоящее время имею право носить это имя.

Мотя почувствовала, что ей нужно сесть. Судя по сложному лицу Елиной, та испытывала похожее желание.

Это – Аномалия?!

Как? Как татуированная, дикая, психованная девка, из носа которой торчал железный штырь, а уши были изрешечены словно дыроколом, превратилась в эту, черт бы ее побрал, гладкую леди?!

Мотя сделала попытку рассмотреть уши, но они были, как шлемом, прикрыты блестящими каштановыми волосами. Однако штыря в носу определенно не наблюдалось. Да и татуировки, кажется, тоже.

– Вот это крутяк! – восхитилась Мотя. – Не, серьезно? Вы... ты... вы... – Анна?

Дама понимающе усмехнулась.

– Помнишь, как я тебя чуть микроскопом не отоварила?

Последние сомнения развеялись. Еще бы Мотя не помнила, как посреди биологии Шиза обернулась к ней и прошипела: «Еще раз чавкнешь своим бутербродом – убью!» Колбаса тогда встала у Моти поперек горла. Аномалия одной фразой обрушила на нее целую лавину ненависти. Мотю погребло под ней, и потребовалось некоторое время, чтобы она, задыхаясь, сумела вылезти на поверхность и вдохнуть глоток воздуха.

«Жрешь и чавкаешь, жрешь и чавкаешь...» – цедила Шиза. Пальцы ее и в самом деле вцепились в микроскоп с такой силой, что побелели костяшки.

До этого дня Мотя вообще не задумывалась о том, что ее привычка

может кого-то раздражать. Жевать для нее было так же естественно, как ходить или разговаривать. С той лишь разницей, что, когда Мотя жевала, она чувствовала себя в безопасности.

«Липецкая, ты чего схватилась за прибор?» – забеспокоилась биологичка.

«Клавдия Сергеевна, Шиза меня убьет!» – закричала бы Мотя, если бы рот ее не был забит хлебом. Но она боялась лишней раз шевельнуть челюстью. Микроскоп, с размаху проламывающий ей голову, представлялся не лучшей альтернативой молчанию.

Так что Мотя сидела, окаменев, и в ужасе таращилась на психопатку.

Некоторое время Аномалия гипнотизировала ее ненавидящим взглядом, а потом вдруг ослабилась.

– В Брюсселе – писающий мальчик. А у нас – жующая девочка. Симметрия!

И отвернулась от несчастной Моти, которая чуть не свалилась от облегчения в обморок.

– Мы, кажется, опаздываем, – заметила Анна. Она кивнула на дверь из толстого стекла, за которой виднелись расплывчатые силуэты. – Все уже в сборе.

– Рогозиной не хватает.

– Вы ее видели? – глаза у Анны заблестели.

Маша улыбнулась про себя. Всех интересует Света Рогозина. За двадцать лет ничего не изменилось. Точнее, за восемнадцать.

Она внезапно вспомнила, что забыла проверить свою догадку.

– Девочки, идите, я сейчас к вам присоединюсь.

Маша махнула рукой и быстро пошла к лестнице. Анна и Мотя проводили ее взглядами.

Поднявшись на второй этаж, она отсчитала восемь дверей. Если ее теория верна, за девятой должен быть номер Светки.

Но пройдя по длинному коридору до середины, Маша озадаченно остановилась перед дверью без всяких опознавательных знаков. У нее мелькнула было мысль, что это курилка и Рогозина законопослушно выходила сюда курить из номера. Но когда она потянула за ручку, дверь не поддавалась.

Заперто.

Нет, не курилка.

Маша не могла объяснить, почему мысль о подсматривающем из окна человеке тревожит ее. Что-то с ним определенно было не в порядке.

Но сколько ни вызывала Маша перед глазами отпрянувший силуэт, она не могла сконцентрироваться на этой неправильности.

Соседняя дверь приоткрылась, и из номера, толкая перед собой пылесос, вышла горничная в синих перчатках до локтя. Маша приветливо улыбнулась, но женщина зыркнула на нее недружелюбно и что-то буркнула. Только очень оптимистичный человек мог счесть эти звуки за приветствие, но Машу это не остановило.

– Простите, что за этой дверью?

Горничная явно напряглась.

– А чего такое-то? – хрипло спросила она.

– Мне просто любопытно.

«Вот и шла бы ты со своим любопытством куда подальше», – явственно отразилось на лице женщины. Но она молча выудила из кармана ключ и открыла дверь.

Это оказалась кладовка, просто кладовка с окном. В углу швабры, на полках средства для мытья полов и унитазов, тряпки... Маша, не задумываясь, шагнула внутрь, и женщина за ее спиной издала протестующий звук.

– Да-да, простите, – рассеянно согласилась Маша, пытаясь понять, каким образом Рогозина – или не Рогозина? – попала в эту комнатку. Взгляд человека в окне определенно показался знакомым...

– А не скажете ли вы... – начала она и обернулась к горничной.

Та хмуро молчала, уставившись на свои туфли. От нее исходила почти физически ощутимая неприязнь. «Да чем я ей так помешала?» – удивилась Маша, внимательнее вглядываясь в испитое лицо.

Испитое! Машу осенило. «Да у нее здесь припрятано! Она ждет не дождется, пока я уйду». Слабый запах перегара окончательно подтвердил ее уверенность.

– Простите, а у кого еще есть ключи от этого чулана?

– У всех наших.

– То есть у горничных?

– И у старшей по смене.

– Ясно. Спасибо большое. Извините, что отвлекла вас.

Похоже, извиняющийся Машин тон несколько растопил лед, потому что женщина помолчала и добавила чуть мягче:

– Ну и запасной.

Маша, уже собиравшаяся уходить, встала как вкопанная.

– Запасной? Где?

– Вроде как не велено нам об этом трепаться. – Горничная шмыгнула

носом.

– Я не украду ни одного ведра, обещаю!

– На пожарном кране лежит. Чтобы старшую не дергали, если кто свой забудет.

Тетка с явным облегчением выпроводила Машу и захлопнула дверь.

«На пожарном кране, значит, – размышляла Маша, возвращаясь в обеденную залу. – То есть любой, кто подсмотрел, как забывчивая горничная кладет его туда, мог открыть подсобку. Но зачем? Может, и в самом деле, просто покурить?»

Нет, рискованно. Могут застать. Да и бытовая химия на полках, опасно.

Ну и что? Двести рублей в карман горничной – и она забудет о том, что кого-то видела».

Маша щелкнула пальцами. Нужно было спросить эту алкоголическую тетеньку, не посещал ли кто-нибудь сегодня ее драгоценную комнатку. Хотя все равно ведь соврет...

Часы в холле показывали без одной минуты четыре. Сквозь стеклянную дверь Маша видела внутри волнистые фигурки: они беззвучно и плавно перемещались, словно рыбки в аквариуме. Маша приблизила лицо к стеклу. Одна рыбка, вторая, третья... Она насчитала восемь. Но Рогозина в ответном письме ясно написала: будет восемь человек вместе с ней, Машей.

Неужели Светка уже там?

Исключено. В таком случае женщины не рассеялись бы по комнате, а столпились вокруг нее.

Кто же восьмой?

Маша до последнего не была уверена, что войдет в залу. Любопытство пересилило, но она почувствовала легкую дурноту при мысли, что сейчас все взгляды обратятся к ней. Ну-ка, что там у нас говорит кодекс Бусидо для укрепления духа самурая?

«Полезно иметь в рукаве немного румян. Может случиться так, что, когда человек проснется ото сна или придет в себя после веселой попойки, цвет лица его окажется нехорош. Тогда следует достать румяна и немного припудрить лицо».

Вот спасибо тебе, дорогой кодекс, от души поблагодарила Маша и, изобразив на лице уверенность, которой вовсе не испытывала, толкнула дверь.

Часы на противоположной стене показали ровно четыре. Все дружно обернулись к ней.

– Куклачев! – разочарованно фыркнула Кувалда после секундной заминки.

Маша громко поздоровалась, и взгляд ее заскользил по собравшимся.

Первая – Ирка Коваль. Ссутулилась возле окна, скрестив руки на груди, и зыркает исподлобья из-под своей челки, от которой она так и не избавилась за двадцать лет. «Коня на скаку остановит и всаднику морду набьет», – вспомнила Маша. Не только всаднику, но и коню, а потом и избу разнесет по бревнышкам, даром что горящая.

Вторая – Савушкина. Изящная, как змейка, Любка тянется за бокалом. На тонком запястье ослепительно сверкает браслет. В отличие от помятой Кувалды, Савушкина юна и нежна, только глаза выдают возраст. Глаза у Любки очень взрослые, и при виде Маши в них явственно мелькает облегчение. Кого она боялась увидеть – неужели Рогозину?

Третья – Тетя-Мотя. Вот она, ближе всех за столом: румяная, толстая, круглолицая, в плохо сидящем костюме простецкого синего цвета. Наверняка тщательно наряжалась на эту встречу и, конечно, выбрала худшее.

Четвертая – Анна Липецкая. Безукоризненность и респектабельность во всем, начиная от замшевых «оксфордов» и заканчивая часиками на кожаном ремешке.

Остальных Маша еще не видела и теперь жадно вглядывалась в их лица.

Пятая – Анжела Лосина! Застыла с блюдом канapé в руках. Почти не изменилась: все та же крепко сбитая энергичная тетка с оценивающим жадным взглядом. Прическа «да здравствуют бюджетные парикмахерские», джинсы «сойдет и Малая Арнаутская», блузка «бабушка носила ее всего двадцать лет». Анжела всегда любила прибедняться. И всегда умела извлечь из этого выгоду.

Шестая... Тут Маша ненадолго задумалась, перебирая в памяти список, присланный Рогозиной. Кто эта мрачная носатая дама? И почему у нее такой загадочный траурный вид? Смоляные пряди свисают вдоль длинного бледного лица, высокий ворот-стойка черной сорочки упирается в острый подбородок. Маша решила бы, что это повзрослевшая Липецкая, но им с Мотей уже встретилась одна Анна десять минут назад.

Траурная женщина, несомненно, поняла, что Маша пытается опознать ее, и с высокомерной жалостью наблюдала за ее попытками. «Кто, кто еще был в списке? – вспоминала Маша изо всех сил. – Саша Стриженова... Нет, это не может быть она, та не могла вырасти такой верстой». И вдруг ее осенило – Циркуль!

– Белка! Белка Шверник!

– Во-первых, не Белка, а Белла, – низким голосом поправила дама. – Во-вторых, давно уже не Шверник, а Чарушинская. Здравствуй, Мария.

Мысли заметались в Машиной голове. «Надо выразить соболезнования ее утрате. Но я понятия не имею, что у нее случилось. Выглядит она так, словно у нее погибли все родственники, коллеги и домработница».

Не успев толком осмыслить произошедшую со Шверник метаморфозу, Маша перевела взгляд на седьмую участницу событий.

И на мгновение потеряла дар речи.

– Саша? Саша Стриженова?!

Женщина рассмеялась:

– Мне привычнее, когда ты называешь меня Стрижом.

– И Доской? – непроизвольно вырвалось у Маши.

Мальчишеская стрижка, открывающая длинную гибкую шею. Кожа гладкая, как лепесток, с розоватым отсветом на скулах. Осанка балерины.

Замухрышка Стриженова превратилась в абсолютную, безусловную красавицу.

Маша рассматривала ее молча. На нее всегда в присутствии настолько красивых людей нападала восхищенная немота.

– Ты никогда меня так не дразнила. – От улыбки у Стрижа появились ямочки. – Здорово, что ты приехала! Садись рядышком, поболтаем.

– С удовольствием... – начала Маша и тут вспомнила: восьмой! Кто же восьмой?

Она завертела головой, однако вокруг мелькали те же лица.

– Здесь был еще кто-то! Еще один человек.

– Официант, – спокойно пояснила Саша. – Он только что вышел.

Маша почувствовала себя глупо. Официант! Ну разумеется.

– Ты ожидала кого-то другого?

Стриж с неожиданной пронизательностью взглянула на нее.

– Я подумала, что Юлька тоже могла приехать, – сказала Маша, не задумываясь. – Юлька Зинчук!

В эту секунду в зале наступила такая глубокая тишина, словно от ее слов выключился звук. Все перестали разговаривать. Лосина застыла с куском соленой рыбы на вилке. Мотя Губанова уткнулась в тарелку. Ирка Коваль и Савушкина обменялись молниеносными взглядами: как будто ударились друг об друга бильярдные шары и раскатились в разные стороны.

Дверь распахнулась, и вошла Света Рогозина.

Глава 5

1

Впервые в жизни Маша отчетливо почувствовала, как тишина меняет оттенок. Из зловещей она стала напряженно-выжидательной, хотя никто по-прежнему не издал ни звука. Только Мотя тихонько ойкнула, уронив с вилки ломтик огурца.

Взрослая Светка была и похожа, и непохожа на того прелестного безжалостного подростка, который запомнился Маше. Она внезапно поняла, что подсознательно боялась увидеть Рогозину в инвалидном кресле. Живая здоровая Светка и желание собрать бывших одноклассниц не монтировались друг с другом.

Однако Рогозина стояла перед ними именно что живая и здоровая и приветственно улыбалась.

В ней что-то изменилось, и довольно существенно. Маша не смогла сходу уловить, что именно. Одно сохранилось точно: Света Рогозина по-прежнему выглядела изумительной красавицей.

Красота Саши Стриж была деликатного, сдержанного свойства. Красота Рогозиной ошеломляла и сбивала с ног.

Сияние золотых волос, русалочья зелень глаз. Голливудской кинозвездой на красной дорожке Светка смотрелась бы уместнее, чем в скромной зале подмосковного отеля. Сходство с актрисой, готовой позировать и раздавать автографы, усугублялось тем, что для встречи Рогозина выбрала длинное облегающее платье цвета спелой вишни.

«Сережа прав: она прима, жаждет аплодисментов и готова за это платить. Мы для нее не больше, чем массовка».

Выдержав точно рассчитанную паузу, Светка потрянула волосами, рассмеялась и быстро пошла навстречу замершим в ожидании женщинам, раскинув руки.

– Девочки! Боже мой, сколько лет!

И тотчас все будто очнулись от сна. Кувалда с Совой кинулись к Рогозиной, энергичная Лось метнулась к столу – освободить место и подливать вино. Вернувшийся официант не сразу сумел отнять у нее бутылку и убедить предоставить ему право обслуживать гостей. Мотя Губанова поднялась и топталась возле стула в нерешительности, явно

не понимая, что ей делать: выразить ли теплые чувства, как Савушкина с Коваль, или вспомнить, как к ней относились в школе, и воздержаться от проявления пылких эмоций.

Но Рогозина сама разрешила все сомнения.

– Матильда! Белла! Саша!

Она по очереди обняла всех. Будь Машина воля, она постаралась бы избежать этих объятий. Не то чтобы ей чудилось что-то фальшивое в происходящем – нет, Светка казалась искренне обрадованной тем, что все они встретились. Однако сама Маша не испытывала совершенно ничего. Внутренности были заполнены какой-то ватной пустотой, которой она сама от себя не ожидала. Пускай бы ей было неприятно, брезгливо, страшно... Любые живые эмоции лучше, чем это диковатое непонимание: что я вообще должна чувствовать? Что я, Маша Елина, должна ощущать при встрече с человеком, которого так долго ненавидела?

В душе ничего не отозвалось. Только где-то в глубине сознания замерцала тревожная лампочка: теперь Маша была почти уверена, что это не Рогозина наблюдала за ней из окна. Рост, фигура... нет, не она. Но кто же?

– Елина!

Светка все-таки прижала ее к груди. Затем отстранилась, держа Машу за плечи, заглянула в глаза.

– Ты как модель с портретов старых мастеров. У тебя волосы – венецианское золото, ты знаешь?

Маша не знала, как реагировать на явно преувеличенный комплимент. Волосы как волосы, светло-рыжие. Никакого венецианского золота и в помине нет. Но Светка, к счастью, не требовала ответа. Она похвалила прическу Саша Стриж, рассыпалась в восторгах по поводу цвета лица Тети-Моти, отметила стиль Беллы Шверник.

Она не смущалась, не делала пауз. И чем дольше Маша наблюдала за ней, тем больше убеждалась, что Светка действует согласно какому-то своему плану. Первый пункт этого плана – расположить к себе присутствующих. Что и было выполнено со свойственной Рогозиной прямотой и стремительностью.

Что у нас дальше в сценарии?

– Девочки мои хорошие! – Рогозина прижала руки к груди с трогательной искренностью. – Давайте пообедаем, а? Я ужасно есть хочу. Держу диету, но периодически все равно срываюсь. А потом будем болтать и перемывать друг другу косточки!

Все рассмеялись. Зазвенели тарелки, официант заскользил между

стульев, подливая вино и воду.

Маша принялась жевать салатный лист без малейшего аппетита. Разговор, поначалу скованный, понемногу оживлялся. Светка грамотно дирижировала беседой: где надо, подключалась с занимательными историями или же расспрашивала кого-нибудь, скромно уступая место на трибуне выступающему. Так Маша выслушала потрясающую историю Анжелы Лосиной о гибели ее бесстрашных собак, защитивших хозяйку крошечными тельцами от пули мстительного возлюбленного.

Всем сидящим за столом было ясно, что Лосина врет хлеще сивого мерина. Анжела всю жизнь оценивала совокупный интеллект окружающих как одну десятую от своего, а потому не затрудняла себя правдоподобными выдумками. «И так сожрете!» – говорило выражение ее лица. Без сомнения, Светка Rogozina отлично все понимала.

Но она так участливо склонялась к Лосю, с таким серьезным видом внимала ее ахинею, что Анжела размякла и пообещала Светке лучшего щенка из помета, забыв, что все потенциальные собачьи матери погибли геройской смертью.

Потом настала очередь Белки Шверник.

– Я надеюсь, у тебя ничего не случилось? – сердечно сказала Rogozina.

– Как ты могла заметить, я ношу траур! – отозвалась Белла. – Траур по ушедшей любви.

– Господи! Кто-то умер?

– Смерть может забрать человека, но любовь остается с нами! – патетично воскликнула Шверник-Чарушинская. – Никто не погиб, но стоило ли судьбе беречь нас, если душа не наполнена светом!

«А, так домработница-то жива! – обрадовалась Маша. – Просто Шверник в своем репертуаре с поправкой на кризис среднего возраста».

Тем временем Rogozina уже втянула в разговор стесняющуюся Мотю и расспрашивала ее о детях.

«Да что здесь, черт возьми, происходит? – озадачилась Маша. – Что за имитация светской беседы? В жизни не поверю, чтобы Светку интересовали губановские отпрыски».

– И что все-таки у нее с лицом? – пробормотала она вслух, забывшись.

К счастью, ее услышала только Саша Стриж.

– Межбровная разглажена ботоксом, но это ерунда, – вполголоса сказала она. – Нос переделан, причем очень грамотно. Колумеллу меняли. Чистая работа! В носогубках филеры, в скулах, похоже, тоже. Круговую по возрасту рано, но не исключала бы. Блефаро? Не уверена. А вот кантопластика латеральная была, это точно.

Маша изумленно воззрилась на нее. Саша тихо рассмеялась.

– Маш, над Светкой качественно работали пластические хирурги. Хорошие. Ринопластика, круговая подтяжка, филеры в скулах и носогубных складках – это только то, что я вижу. Про мелочи даже не упоминаю.

– А кантопластика – это что?

– Коррекция уголков глаза. Латеральная – значит, внешний угол. Видимо, он у нее начал опускаться с возрастом, лицо стало выглядеть уставшим. После тридцати такое со многими случается.

«Так вот почему Рогозина показалась мне изменившейся!»

– Саша, откуда ты все это знаешь? – тихо спросила Маша. Она вызвала в памяти фотографию их класса и, мысленно разглядывая ее, убеждалась, что Стриж права.

– Я работаю в клинике пластической хирургии. Обработанные лица сразу вижу.

– Жалко, – не задумываясь, сказала Маша.

– Что?

– Что у Рогозиной обработанное.

– Почему? – удивилась Саша.

– Потому что до этого было чудо. Удивительное явление: прекрасная девушка. А что стало? Умелые руки хирургов – и все.

– По-моему, как раз наоборот, – возразила Саша. – Что поразительного в природной красоте? А здесь она ювелирно доведена до совершенства. И сделал это отличный врач. Я испытываю гордость и восторг, когда думаю об этом. Мой коллега – он хирург... Знаешь, какие у него руки! Женщины к нему приходят страшные, с перевернутыми верблюжьими горбами под глазами. А уходят счастливые и смеющиеся. Я думаю, лет через пятьдесят мы сможем сами выбирать себе внешность.

– А пока мы видим перекошенные лица и выпученные губы, – вслух подумала Маша, вспомнив нескольких отечественных телезвезд.

– Это результат плохой работы, – серьезно сказала Саша. – Грамотное вмешательство не должно быть заметно. Если бы я не объяснила тебе насчет Светки, ты бы ни о чем не догадалась.

Маша искоса взглянула на Стрижа и поспешно отвела взгляд. «А ты сама – тоже результат хорошей работы?»

– Панически боюсь наркоза, – сказала Саша, прочитав ее невысказанный вопрос. – Так что мой путь, к сожалению, естественное старение.

Маша начала краснеть.

– Я не хотела...

– Брось! – Саша махнула рукой. – Я все равно профдеформированная, как и все у нас. Бывает, замечу красивую женщину в ЦУМе, а в голове сразу щелкает: «Ага, сумочка от Баленсиаги, туфли от Прады, нос от Кутузовцева. Зря она к нему за носом пошла, лучше бы к Патунишвили. А сумочка ничего такая».

Маша рассмеялась.

Вокруг разговаривали, шутили, обменивались новостями. Лосина оказалась в курсе всех событий: у кого родились дети, кого выгнали с работы, кто женился, развелся и снова женился. Мотя, обрадованная доброжелательным вниманием Светки, расцвела и почти перестала стесняться. Ирка Коваль принялась налегать на вино и моментально захмелела.

– Я читала «Душу мира», и меня насквозь пронизывал космос! – невпопад завывала Белка.

– Да погоди ты со своей душой, Шверник, – оборвала ее Кувалда. – Дай человеку о себе рассказать. Свет, ты чего в Россию-то вернулась?

Рогозина собиралась ответить, но Белла возмущенно вскочила:

– Моя фамилия – Чарушинская! Я уже всех известила!

– Подумаешь! Я ж тоже давно Васильева. И Любка фамилию поменяла, как замуж вышла. Да и остальные, поди, тоже. Но мы не заставляем корячить мозги и запоминать, кого как теперь именуют. Только ты выпендриваешься!

– Вы все – как хотите. Но я требую, чтоб меня называли Чарушинской!

– И где же господин Чарушинский? – прищурилась Ирка.

Маше показалось, что Белле этот вопрос пришелся не по душе. Но Светка снова вмешалась:

– Девочки, девочки! – Она сделала знак официанту, и тот мигом подлил всем вина. – Давайте выпьем за встречу! Мы очень изменились, и это прекрасно!

Белла недовольно села на место. На Кувалду она бросила уничижительный взгляд, который должен был морально размазать Ирку, как масло по бутерброду. Но Коваль в эту самую секунду опустошала тарелку, и заряд благородного презрения пропал зря.

За вином последовали две перемены блюд, затем кофе, десерты... Маленькой стычке Циркуля и Кувалды не дали вырасти в полноценную свару, хотя кое-кто явно сожалел об этом. И общий разговор вернулся в мирное русло.

Теперь Рогозина сосредоточила общее внимание на себе. Критиковала

манеры французов, смешно изображала в лицах, как ведут себя итальянские мужья по отношению к женам и мамам, развлекала сценками из быта африканских племен. Солировала, но солировала умело. Царила, но не подчеркивая разницы между собой и остальными. Даже Мотя Губанова, для которой все рогозинские истории были из жизни инопланетян, включилась в общий разговор.

Первоначальная неловкость окончательно рассеялась.

«Как пишут в книжках, за обедом царила непринужденная атмосфера», – подумала Маша.

Саша Стриж наклонилась к ней.

– Дурацкое какое-то ощущение у меня.

– Ты о чем?

– Такое чувство, будто мы имеем дело не с Рогозиной, а с ее реинкарнацией. Которая даже не помнит, что она там натворила в прошлой жизни! Согласись, глупо предъявлять счета новому перерождению.

Саша попала в яблочко. Маша смутно ощущала что-то похожее, но не могла выразить так точно. В ее душе зародилось сожаление, что она не принимала всерьез эту девочку в школе. Тихая, незаметная, вечно себе на уме. Из достоинств разве что умение шевелить ушами. А стоило бы к ней приглядеться! Глядишь, в компании подруги было бы не так тошно отсиживать годы до последнего звонка.

«Глупо предъявлять счета». Вот именно! Маша хотела посмотреть в лицо детским страхам, а ее обманули: вместо жестокосердной девчонки подсунили милую состоятельную даму. У Маши никак не получалось связать ее с той, прежней Рогозиной. За годы, прожитые за границей, Светка приобрела слабый акцент, и это еще больше усиливало иллюзию «перерождения». «И где та, кого я боялась? Это даже смешно, впору кричать: верните мне прежнюю Рогозину».

– Саш, а Саш?

– М-м?

– Можешь честно сказать, почему ты приехала в «Тихую заводь»?

– В каком смысле?

Показалось Маше, или Стриж в самом деле напряглась?

– Вот смотри: нас здесь восемь – не считая Светки, которая все это затеяла. Все взяли отпуска или отпросились у своих семейств. Пристроили котов, распихали попугайчиков по знакомым... Понимаешь, к чему я веду?

– Пока не очень. – Голос Саши зазвучал на удивление сухо.

– Каждая из нас приложила известные усилия, чтобы попасть в «Тихую заводь». Спрашивается – отчего? У нас никогда не было тесной

дружбы в классе. Мы здесь явно не ради друг друга.

Она сделала паузу, давая Саше возможность ответить. Стриж молчала.

– Лосина здесь потому, что халява, – начала перечислять Маша. – Кувалда с Совой – потому что бывшие Светкины приятельницы. Мотя наверняка воспользовалась случаем, чтобы отдохнуть от семейства. Она многодетная мать, ты знаешь?

Саша молча кивнула. Маша взглянула на ее лицо и пожалела, что затеяла этот разговор. Но останавливаться было поздно.

– Что здесь делают Белка и Липецкая, не знаю. А ты, Саша? С Рогозиной ты почти не общалась, ни с кем из нас не дружила...

– Извини, меня, кажется, Аномалия зовет, – перебила ее Стриж.

Липецкая и впрямь делала какие-то знаки, но не ей, а официанту. Саша стремительно поднялась и перешла на другую сторону стола.

«Ай да я, – с горечью сказала себе Маша. – Ай да молодец. Обидела человека. Полезла к нему со своим никчемным любопытством».

Она расстроилась. И извиняться глупо, и делать вид, что все нормально, после того как Стриж сбежала, тоже не слишком умно.

Саша уже сидела рядом с Анной, очень тонкая и прямая, как стрела, и старалась улыбаться. Но нежно-розовый румянец сменился отчетливой бледностью.

И тут Маша насторожилась. Голос совести по-прежнему твердил, что она была бестактна, но теперь Маша прислушивалась не к нему, а к своей интуиции.

В конце концов, она не спросила ничего криминального. Стриж всегда могла отшутиться, соврать или перевести разговор на другую тему. Однако Машин внезапный вопрос так подействовал на нее, что она не выбрала ни один из этих способов и попросту сбежала.

Вот она сидит напротив: бледная, враз подурневшая, автоматически кивающая в такт речам Анны. Маша готова была поклясться, что Стриж не слышит ни слова из того, что ей говорят. Остановившийся взгляд замер на сверкающем браслете, обхватывающем по-детски тонкое запястье Любки Савушкиной.

«Зачем ты в действительности приехала сюда, Саша Стриженова?»

Вот так! Три часа болтовни – и они уже готовы меня любить.
Первая часть Марлезонского балета отыграна превосходно.

Завтра мои девочки проснутся расслабленными. Они почти приняли обновленную меня и теперь не ждут никакого подвоха. Так и слышу их голоса: «Рогозина стала совершенно другим человеком! Такая милая! Такая деликатная!»

Им хочется верить, что люди меняются к лучшему.

Но это вовсе не так. Люди либо становятся сильнее, либо остаются такими, какими были.

Лишь одна из моих бывших одноклассниц знает, что я представляю собой на самом деле. Сомневаюсь, сможет ли она заснуть этой ночью.

Не спи, дорогая! Мучайся от догадок, что ждет тебя завтра.

Но самое главное наступит на третий день. Развязка! Срывание покровов и разоблачение тайн! Эх, мне бы писать романы... Как минимум один я сотворила из своей жизни, и получилось неплохо.

Этот день подходит к концу – долгий и очень успешный день. Кажется, я нигде не допустила ошибок.

Единственный человек, вызывающий у меня беспокойство, – Маша Елина. Мне не нравится, как она смотрит на меня. Не доверяю рыжим! Выглядят бесхитростными, но внутри потемки чернее закоулков лисьей норы.

Как смешно она одеревенела, когда я обняла ее – Буратино, да и только. Она опаздывает с контролем выражения своих эмоций лишь на долю секунды, но этой доли мне хватает. Я все вижу, маленькая моя лисичка! Ты ждешь ловушки. Подставы. Удара исподтишка.

И поскольку в этом она не ошибается, после обеда я бросила все усилия на то, чтобы растопить ее недоверчивость.

Но черт бы побрал этих воспитанных женщин! У меня ничего не получилось. Она рассказывала о том, что я и так знаю: замужем, есть сын от первого брака, зарабатывает тем, что пишет сценарии для детских передач. Между прочим, ни словом не обмолвилась, что муж – частный детектив.

Я испробовала все, чтобы разговорить ее и расположить к себе. Зашла с беспроигрышной карты про детей – мимо. Переключилась на ее работу – снова промах. На личную жизнь! – она молчит. Сплетни – м-м-м, какая сладкая тема! – а она вежливо уходит от разговора.

Неужели ей настолько сильно досталось тогда, в школе? Или чувствует что-то неладное?

Первое мне на руку, второе нет. Если она поделится с другими своими подозрениями...

Что ж, Маша Елина, мне жаль, но ты не оставила мне выбора. Завтра я

нанесу тебе такой удар, чтобы ты не могла думать ни о чем другом, кроме собственной боли. Убирайся в свою нору и зализывай раны, рыжая женщина с внимательным взглядом серых глаз, ни разу не улыбнувшаяся мне за весь день.

Не вздумай испортить мою игру!

Мотя проснулась от вибрации телефона.

– Прохлаждаешься, мать? – строго сказал в трубку Валера. – Тут без тебя пять мужиков от голода с ума сходят, а ты! А что ты?

– А я в постели блаженствую, – тающим от счастья голосом поведала Мотя.

Валерка посопел в телефон.

– Ух, я бы с тобой поблаженствовал, – пригрозил он наконец, понизив голос. «Мальчишки рядом бродят», – поняла Мотя.

– Вот вернусь... – пообещала она, нежно сжимая трубку.

В дверь номера постучали.

– Соскучился без тебя, – уже человеческим голосом сказал муж. – Давай там романы-то не крути, слышь?

Мотя поскакала к двери, на полпути спохватилась и вернулась за халатом. В дверь по-прежнему стучали. Халата она не нашла и завернулась в одеяло.

– Валер, тут ко мне кто-то ломится! Я тебе перезвоню.

– Кто еще ломится! Вот приеду и кости ему переломаяю! И тебе наваляю по первое число – слышь, жена?

– Я позвоню!

Мотя нажала «отбой» и ринулась к двери, путаясь в одеяле.

Валерка ревновал ее всерьез, и это ей необычайно льстило. Если на улице незнакомый мужчина бросал на его жену мимолетный взгляд, Валерка начинал закипать. «Вот так толстуха!» – читала Мотя на лицах встречных. «Вот так роскошная женщина! Хочу себе такую!» – читал Валерка. Он пушил свои черные усищи, вращал глазами и грозил, что в следующий раз побьет мерзавца.

В такие минуты он становился ужасно смешной, нелепый и невозможно, невозможно родной. Один раз Мотя, забыв о стеснительности, расцеловала его прямо на улице – к огромному смущению обоих. Прохожие, конечно, развлеклись, наблюдая их пару:

большая толстопопая Мотя и щуплый носатый Валера с усами щеткой. Но мужу было на это наплевать. «Ах ты моя темпераментная чертовка!» – мурлыкал он, щипая Мотю за задницу.

Она до икоты, до полуобморочного состояния боялась, что Андрей со Славкой не примут ее нового мужа. При их любви к родному отцу они могли устроить ей и Валере развеселую жизнь. Но он удивительно легко нашел к ним обоим подход, и за это Мотя полюбила его еще крепче.

А потом родились Павлик и Максик. У Моти стало на десять килограммов веса, на полголовы седых волос и на два счастья больше.

Однажды они договорились, что после работы Мотя зайдет за мужем и они погуляют. Подойдя к решетчатой ограде, Мотя увидела за ней двух девиц из Валеркиного отдела. Девушки курили.

Из здания вышел Мотин муж.

– Наш таракан побежал, – скривилась одна из девиц. – Противный, фу! Жидконогая козявочка-букашечка.

Мотя, в целом, боялась посторонних людей. Это в семье она была королева-мать, темпераментная чертовка и богиня кухни в одном лице. Внешний мир видел в ней лишь глуповатую безобидную толстуху.

Однако злобные девицены слова всколыхнули в Матильдиной груди какое-то неизвестное ей доселе чувство. Только на днях Валерка рассказывал, как прикрывал ошибки одной из сотрудниц, и по всему выходило, что именно она и обозвала его только что жидконогим.

– Ах ты дрянь неблагодарная! – сообщила Мотя через решетку. Девушка изумленно обернулась и презрительно выпустила дым из маленького красного ротика.

– Женщина, вы кто?

– Я-то известно кто, – набирая обороты, воскликнула Мотя. – А вот тебе совесть бы не мешало иметь!

– Побег из психушки, – фыркнула вторая. – Пойдем, Тань.

«Тань!» Именно Татьяной ее и звали, ту бестолковую сотрудницу, которую не уволили только благодаря ее мужу.

– Да я тебя об забор расплющу! – крикнула Мотя, ворвалась в калитку и ринулась на обидчицу.

Даже если бы она неделю подыскивала слова, у нее не получилось бы придумать ничего более устрашающего. Пыхтя, как паровоз, Мотя неслась навстречу неблагодарной Татьяне. Вид ее не оставлял никаких сомнений в том, что она способна исполнить угрозу, и девушки с воплями брызнули в разные стороны.

Мотя добежала до места, где они курили, и остановилась. Уф-ф-ф!

– Родная, ты чего?

Валерка спешил к ней, с беспокойством поглядывая на вздувшуюся пузырем блузку на спине любимой.

– Я, это... Спринтером решила заделаться, – выговорила Мотя, утирая пот. – Валер, а Валер...

– Чего?

– Как ту поганку звали, за которой ты отчет переделывал?

– Татьяна. Татьяна Рудакова. Кстати, она уволилась два дня назад. Оно и правильно, работник из нее никудышный.

– Правильно, ага, – согласилась Мотя. – Пойдем-ка скорее отсюда, Валер.

...Снаружи стучали. Распахнув дверь, Мотя узрела горничную с письмом на подносе.

– Это вам! – пропела та. – Приглашение!

– Опять?

Поняв, что чаевых не дождешься, горничная не стала задерживаться. Мотя закрыла за ней дверь и плюхнулась на кровать.

Что еще придумала Рогозина?

Она прочитала одну-единственную строчку, и хорошее ее настроение улетучилось бесследно.

4

– В сауне с бассейном?!

Ира швырнула белый прямоугольник в мусорное ведро и вопросительно уставилась на Любку.

– Чо за дела? На фига в сауне-то?

– Понятия не имею.

Савушкина достала приглашение из ведра и пробежала глазами.

– Бассейн и сауна, – пробормотала она. – У тебя купальник есть, Ир?

– Откуда?

– Ладно, я тебе свой запасной дам, он слитный.

Коваль захохотала так оглушительно, что за окном с подоконника в испуге сорвались голуби.

– На какое место я его одену – на голову, что ли?

– Не преувеличивай свои масштабы, – поморщилась Любка. – И не «одену», а «надену». Надевать одежду, одевать Надежду – простое же

правило. Мнемоническое.

– Охреническое... – огрызнулась Коваль. – Мне в твоём купальнике будет ни вздохнуть ни пернуть.

– Жалость-то какая!

Коваль слишком хорошо знала Любку, чтобы не расслышать в саркастическом тоне скрытого беспокойства.

– Люб, ты чего?

Савушкина вскинула на нее огромные глаза. Совой ее прозвали не столько из-за фамилии, сколько из-за умения долго смотреть на собеседника, не мигая. Почему-то именно в таком виде вся Любкина прелесть исчезала, и проявлялась хищная, пугающая сторона. Выиграть у нее в гляделки не мог никто, включая Рогозину. Один-единственный раз Любка поддалась и жестоко пожалела: та устроила ей такой разнос, что их дружба повисла на волоске. «Ты меня за дуру держишь? – кричала Светка, наступая на нее. – Думаешь, я не распознаю твои поддавки?» – «Я не хотела, чтобы ты все время проигрывала!» – пискнула Любка. «Проигрыш может быть и у сильного! – отрезала подруга. – А поддаются только слабакам! Никогда не смей больше так делать! Ты меня унизила!»

– Сама не знаю, Ир, – соврала Любка. – В воду не хочется лезть.

Коваль потерла воспаленные глаза.

– Ну, давай не пойдем.

– С ума сошла! Забудь и думать!

– Что так? – прищурилась Ирка. – Хочешь выгоду свою поиметь со Светки?

Любка действительно собиралась. До вчерашнего вечера. Пока одна фраза, случайно оброненная Рогозиной, не заставила ее похолодеть.

«Что это было? – в недоумении и страхе спрашивала себя Савушкина. – Совпадение? Или я ослышалась? Или...»

Она не могла заставить себя думать об альтернативах. Иначе вместо трехдневного отдыха в компании бывшей школьной подружки перед Совой открывалась такая бездна, что она не в силах была даже отшатнуться от края.

«Может, поделиться с Кувалдой? А толку? К тому же у нее все на лице будет написано. Если окажется, что...»

Нет. Стоп. Ничего не окажется. Конечно, нужно выяснить, что Светка имела в виду. Но наверняка это была просто оговорка. Оговорка!

– Рогозина вчера сказала, что подумывает открыть косметическую клинику в Италии, – сказала Сова и села к зеркалу, бездумно ероша свои ангельские кудряшки. – В Милане.

- На какие шиши?
- Деньги бывшего мужа плюс кредит.
- Не слабо! – присвистнула Коваль. – Целую клинику?
- Да. Говорит, там это востребованное направление, а готовых специалистов мало.

Ирка пронизательно уставилась на подругу своими водянистыми глазами.

- Мужа хочешь пристроить, – констатировала она.
- Возможно, – кивнула Любка, не меняясь в лице.

В конце концов, это чистая правда. Была. До того, как она услышала кое-что... «Стоп! Не думать об этом!»

- Плохая идея, – пожала плечами Коваль.
- Это почему?
- Во-первых, муж твой откажется. Где Москва, а где Милан! Здесь у него имя, клиентура, а там?

- А там Италия!
- Дыра дырой! – парировала Ирка.

Савушкина презрительно расхохоталась.

- Давно ль ты начала осваивать границу, милая? Откуда тебе знать об Италии? Из передачи «Клуб кинопутешественников?»

Коваль не обиделась. Она никогда не обижалась на Любку. Может быть, именно поэтому Савушкина, чей змеиный язык мог жалить до бесконечности, в издевательствах над Иркой никогда не позволяла себе зайти слишком далеко. Не оттого, что они были подругами – это никогда не остановило бы ее, – но оттого, что Иркина молчаливая готовность все снести оказывалась непреодолимой преградой для Любкиной злости.

– Я тебе не про себя, а про супруга твоего, – спокойно возразила Коваль. – Не подпишется он под этим проектом. Если только ты ему плешь не выешь. Я ж тебя знаю, Савушкина. Ты – адский мозготряс.

- Кто? – изумилась Любка.
- Мозготряс. Если тебе чего хочется, ты начинаешь человека трясти, как грушу, пока с него хотя бы яблочко тебе в руки не упадет.

– С груши, – кивнула Сова. – Яблочко. Ага.

– Вот именно! Проще яблоко родить, чем объяснить тебе, почему здесь только груши растут! Может, ты своего и уломаешь, но я б тебе не советовала. Не надо вам с Рогозиной иметь никаких дел.

Савушкина слушала Ирку, глядя на нее в зеркало. Отражение – загадочная вещь: бывает, оно открывает то, чего никак не ожидаешь увидеть. На лице подруги, произносящей последние слова, явственно

проступила брезгливость.

Выражение это было настолько не свойственно Коваль, что озадаченная Любка обернулась к ней.

– Хорош трепаться! – потребовала Ирка в своей обычной манере. – Показывай купальник свой микроскопический!

«Показалось», – облегченно выдохнула Савушкина.

Глава 6

1

После раннего завтрака, на котором она встретила лишь парочку бодрых пенсионеров, Маша отправилась в парк. Апрель с утра обманчиво поманил солнцем, расписав щедрыми масляными мазками стены столовой, но, стоило ей выйти из отеля, окатил холодом, как из бочки. Дул крепкий ветер, настоянный на снегу, сосульках и сосновых иглах, и Маша в первую секунду решила вернуться.

Как вдруг заметила в глубине парка знакомую фигуру.

Толстуха в лыжном костюме и шапке с огромным красным помпоном переваливалась через закостеневшие сугробы, пытаясь выбраться из-под деревьев на тропинку. Подтаявший накануне снег за ночь схватился ледяной коростой, и бедная женщина скользила на одном месте, зачем-то прикрывая ладонью живот и из-за этого едва удерживая равновесие.

Маша живо сбежала с лестницы и помчалась в парк, забыв про холод.

– Мотя! Руку!

Губанова вцепилась в нее, едва не повалив Машу, и наконец-то ступила на расчищенную асфальтовую дорожку.

– Фух! Ну надо же, – она изумленно покачала головой. – Прямо как в капкане.

Маша едва удержалась от смеха, глядя на ее обескураженное лицо.

– Господи, Мотя! Зачем тебя туда понесло?

– Представляешь, свиристеля увидела под сосной. Решила рассмотреть поближе, а он – порх! – и улетел. – Мотя огорченно взмахнула руками, показывая, как это случилось. – Наверное, его мой пумпон испугал.

Она с гордостью показала на пушистый красный шарик.

– Этот пумпон Максик сделал! – сказала она, напирая на «у» в помпоне. – Сам, представляешь?

– Прекрасный помпон, – с улыбкой согласилась Маша. – А сколько твоему мальчику?

– Которому из? – рассмеялась Мотя. – Старшим тринадцать и пятнадцать. Младшим шесть и четыре. Боевые пацаны! Я от них-то сюда и сбежала. Надо ж матери отдыхать хоть иногда, правильно я говорю?

Маша растила одного спокойного умного мальчика, основным

недостатком которого, по ее мнению, была чрезмерная увлеченность «Рамштайном». Будь у нее четыре «боевых пацана», лучшим местом для отдыха она считала бы обитую матрасами палату в сумасшедшем доме.

– Ты, Мотя, героическая личность, – ничуть не лукавя, сказала она.

– А, брось. Была б я героическая, осталась бы с первым мужем.

Она взяла Машу под руку и увлекла в глубь парка.

Если б Маша в этот момент обернулась, она увидела бы человека в том же окне, откуда вчера за ней наблюдали. И поскольку день стоял солнечный, она узнала бы его, и не случилось бы всего того, что случилось потом.

Но Маша не обернулась.

– Я про героизм и первого мужа не очень поняла, – осторожно сказала она, памятуя о неудачном окончании разговора с Сашей Стриж.

– Супруг из него вышел паршивый, – пояснила Мотя. – А папаша – отличный! Прямо выставочный папаша, хоть сейчас медаль вешай. Из-за этого я его козлиное отношение ко мне до-о-о-олго согласна была терпеть. А потом как-то раз спросила себя: Мотя, кто у нас мера всех вещей? Человек, как утверждал Протагор! А ты, Мотя, не человек разве? Может, ты насекомое, Мотя? А если нет, отчего ты все происходящее меряешь детьми, а не собой?

На Протагоре Маша вздрогнула и внимательно посмотрела на Губанову. Но лицо у той оставалось безмятежным.

– Короче, выгнала я своего Алексея. А тут у одного сына в школе проблемы, у другого переходный возраст во всей красе... – Она махнула рукой. – Вот тогда с качествами бывшего супруга кое-что и прояснилось.

– Например?

Мотя остановилась.

– «Хороший отец» – это ведь разные вещи с точки зрения ребенка и матери. Понимаешь? – она доверчиво заглянула Маше в лицо. – Для ребенка хороший – это какой? Веселый, играет с ним, разрешает на компе рубиться весь день и лопать чипсы. А для матери совсем даже наоборот. Хороший – значит заставил уроки делать, накормил супом-вторым-компотом и на прогулку одел как надо, а не в то, что под руку подвернулось. Алексей-то однажды нашего младшего ребенка на улицу отправил в балетных чешках. А что такого, говорит, они все равно черные, грязь не видна. Это в октябре! А сыну ничего, даже понравилось. Радовался: по горке хорошо скользят.

Она перевела дух.

– Твой бывший муж из этих, из веселых? – понимающе спросила

Маша.

– Ага! Дети его обожают. Даже чужие завидуют: мол, прикольный у Андрюхи со Славяном папка! А он и правда прикольный. – Мотя помолчала. – А что Славка после той прогулки в больницу загремел, так это ведь уже другая опера, верно? Или лучше сказать, жанр. Был жанр нескучных выходных, стал жанр суровых будней. На буднях-то Алексей и сдулся. Больницы, уколы, рентгены, взятки сестричкам – это женская епархия, он к ней касательства не хотел иметь. Так и не навестил Славку ни разу за две недели.

Мягкое расплывшееся Мотино лицо словно подобралось. Маше внезапно пришло в голову, что эта большая неуклюжая женщина может быть очень опасна, если обидят ее детей.

– Что я о себе да о себе! – спохватилась Мотя. – Ты лучше вот что скажи: зачем нас Rogozina в сауне собирает?

Маша рассеянно проводила взглядом белку, удиравшую вверх по стволу. Ее первоначальное решение проявить дипломатичность и смягчить углы сменилось нежеланием врать.

– Развлекись она хочет за наш счет, Мотя. Женщины себя в купальниках обычно не любят, стесняются. У одной целлюлит, у другой живот, у третьей шрамы от кесарева. Мало кто идеален. А тут все как на ладони.

– Да и пускай развлекается, – смиренно согласилась Мотя, щурясь на солнце. – Я не против. Взять меня: центнер весу, сиськи давно живут на пузе, щеки льнут к плечам. А почему? Потому что жру в свое удовольствие.

Маша оторопело уставилась на Губанову. Какие еще щеки на плечах?

– А много ли у меня других радостей? – с неожиданным пылом воскликнула Мотя. – Вот мне подруга все время твердит: детей родить ума много не надо! Соску им в рот сунуть ума много не надо! По школам распихать... Ну, ты поняла. А я ее слушаю – и жрать хочу! Лопаю – и такой кайф ловлю... Как наркоманка, честное слово. Это со школы пошло: как заладит Rogozina свое «дура жирная», так лишь бы сожрать что-нибудь. Она же смеялась, когда я ела, и отставала от меня. И вот знаю я, что дура! Знаю, что толстая! Что никчемная, ни к чему не пригодная, кроме того, что вообще все умеют! А все равно жру!

Маша пыталась вклиниться в этот поток, но не смогла.

– Ну, нету, нету в моей жизни ничего важного! – покаялась Мотя. – Вот ты, Маш, сценарии пишешь. По ним детские передачи снимают. Значит, ты детей радуешь!

– А ты? – не выдержала Маша. – Ты своих не радуешь, что ли?

– Своих! Да разве это достижение....

Мотя сникла. Нелепая вязаная шапка съехала на глаза.

Маша поправила ей шапку, как большому ребенку. Губанова стояла покорно, не шевелясь.

– Мотя, а Мотя, – осторожно спросила Маша. – А откуда у тебя вообще эта идея – про достижения?

Мотя тяжело молчала. На лбу у нее ярче проявились контуры большого родимого пятна, и Маше вспомнилась их деревенская корова Белка.

– С подругой, бывает, говорим о том о сем, – неохотно призналась Мотя.

– А много ль детей у подруги?

– Нету у нее детей.

– А кто у нее есть? – Маша начала тихо закипать.

– Хомяк. Этот, как его... джунгарский.

– Джунгарский. Со сливу размером?

– Ага, – радостно подтвердила Мотя. – Хорошенький – сил нет.

«Гнать бы тебе эту подругу в три шеи, – злобно подумала Маша. – Вместе с ее хорошеньким хомяком». Она представила мелкую тощую подругу, как она клещом присосалась к большой уютной Моте и тянет из нее соки, а рядом, вцепившись зубами, болтается джунгарский хомяк.

– Давай возвращаться. Скоро у нас свидание в сауне.

Когда они подошли к отелю, Маша подняла глаза на окна второго этажа. Но человек, который следил за ними, уже покинул свой наблюдательный пост.

Поднявшись по лестнице, Маша собиралась зайти в номер, но, поколебавшись, вернулась к пожарному крану. Смущенно оглядевшись вокруг, приподнялась на цыпочки, пошарила вслепую – и нащупала сверху небольшой ключ.

«Я просто загляну! На минуточку».

Она подкралась к каморке, чувствуя себя без пяти минут преступницей, и повернула ключ в замке.

«Ну и что я ожидала здесь найти?»

С чувством смутного разочарования Маша перешагнула через порог. Еще пять минут назад у нее теплилась надежда, что женщина, побывавшая здесь, обильно подушилась, прежде чем покинуть номер. В доброй трети прочитанных книг и фильмов таинственную незнакомку вычисляли по запаху духов. Чем черт не шутит, думала Маша, может, и в этот раз...

Но черт в этот раз отказался шутить. Пахло слабыми химикатами, старыми тряпками, пластиком – и больше ничем.

Маша подошла к окну, присела на узкий подоконник. Парк раскинулся перед ней как на ладони. «Одной из горничных стало скучно, она убивала здесь время. А отпрыгнула, потому что любой человек, застигнутый врасплох, пытается скрыться».

Хорошее объяснение, простое и правдоподобное. И соответствует бритве Оккама: не следует множить сущности без необходимости. Так постоянно твердит Макар Илюшин, напарник Сергея, и он совершенно прав.

Но сидя на холодном подоконнике в тесной каморке, Маша всем нутром ощущала, что этот пустяковый случай является исключением из правила уважаемого философа. «Я видела раньше эту женщину. Может быть, она одна из наших... Но кто?»

Маша спрыгнула с подоконника и заметила, что у нее развязался шнурок. Присев на корточки, она быстро затянула его, и вдруг взгляд ее наткнулся на какой-то предмет, торчащий из узкой щели под подоконником. Не раздумывая, Маша ухватилась за него – и вытащила на свет нож с черной рукоятью. Нож был длинный и тонкий. Охотничий? Кухонный? Маша не разбиралась в холодном оружии. Зачем горничным понадобилось прятать его здесь?

В коридоре послышались шаги. Вздвогнув от неожиданности, Маша быстро сунула нож на место и вскочила. Если войдут и спросят, что она здесь делает, что ответить?

Ее всегда смущали подобные ситуации. Но, к счастью, шаги стихли вдалеке. Маша выскользнула из каморки, вернула ключ на место, и вскоре сбивчивые мысли о ноже были вытеснены размышлениями о предстоящей встрече, до которой оставалось всего полчаса.

С чего все началось, никто потом не смог толком объяснить. Уже сидели за столом в предбаннике – распаренные, расслабленные, завернувшиеся в простыни, – уже легкомысленно болтали и пили слабенькое кислое вино, отлично освежавшее после сауны... Как вдруг началось.

Загорелось не везде и не сразу. Первой общую мирную тональность беседы изменила Белка Шверник.

Шверник выглядела царски. Простыня драпировала ее фигуру, как тога – римского патриция. В ушах болтались тяжелые гроздьи серег, которые она не пожелала снять даже в парной. Мрачный значительный взгляд, страдальческая складка в углах рта: Шверник определенно нравилась себе в амплу женщины-драмы.

– Я влюбляюсь в мужчин одного типа, – объясняла она своим низким голосом, – в мрачных талантливых подвижников с миссией. Со служением идее. Вам понятно, что такое миссия?

Обращение было адресовано всем, но взглянула при этом Шверник только на Мотю. Пунцовая Мотя сидела на лавочке, хрустя фисташками, и была похожа на гладкого счастливого тюленя.

– Миссия-то... Это вроде как дело, верно?

– Да! Мужчина без дела – пустышка! Он не способен меня увлечь.

Белла эффектным движением откинула волосы со лба.

Роковая женщина, с восторгом думала Маша. Юдифь! Саломея, черт возьми! И как играет, как входит в роль. Где она трудится, интересно, – уж не в театре ли? Ей бы пошла сцена.

– Он должен меня презирать! – пламенными глазами Белла обвела всех, сидящих вокруг. – Отвергать! Лишь через отвержение прихожу я к любви!

– Куклачев, подай бутылочку, – попросила Коваль.

Еще накануне это обращение не застало бы Машу врасплох. Но сейчас, когда все шло так чудесно, она почти уверилась в том, что ее подозрения были напрасны. Японский воин стащил с себя доспехи и сунул меч в ножны.

Секундная заминка – и Маша протянула Кувалде бутылку с белым вином, сделав вид, что не заметила обращения. Но настроение у нее начало портиться.

– Я приходила к нему нагой, как Маргарита! – делилась Шверник, сверкая черными глазами.

– Прямо по улице нагишом шла? – удивилась Коваль.

– Летела, – поправила ее Савушкина. – По пути разбивая окна в чужих квартирах.

– Хулиганство! – осудила Коваль.

– Это метафора! Разумеется, я была одета! Но душа моя была обнажена, как... как...

Белла запнулась, подбирая слова.

– Как меч самурая, – пришла на помощь Маша.

– Как стриптизер на шесте, – одновременно с ней предложила Сова.

– Как задница в бане! – обрадовалась Кувалда.

Белла снисходительным движением левой брови поблагодарила Машу, а презрительным движением правой уничтожила Сову с Кувалдой. Во всяком случае, так было задумано. Практика несколько разошлась с намерениями, и несколько секунд женщины с легкой оторопью наблюдали, как черные брови Циркуля расползаются в разные стороны. Когда Белла уравнивала свое лицо, все вздохнули с облегчением.

Пытаясь вспомнить, не упоминал ли кто-нибудь о профессии Шверник, Маша на некоторое время ушла в себя. А когда вернулась, Белла уже учила остальных, как надо правильно жить.

– Чтоб звездами сыпалась кровь человечья! – пылко выкрикивала она, рубя воздух ладонью. – Чтоб выстрелом рваться вселенной навстречу!

– А можно без выстрелов? – спросила Мотя, словно проснувшись. – Можно я буду мирный атом?

Белла поперхнулась на полуслове. Взгляд сфокусировался на толстухе, и блеснула в нем такая злоба, что изумленная Маша решила – померещилось. Губанова, конечно, не вовремя влезла со своим мирным атомом, перебив романтический настрой. Но не настолько же!

Однако Шверник скривила губы и жестко отрезала:

– Ты не атом! Ты амеба!

«Ой-ей, – мысленно ахнула Маша. – Это что такое?»

Вопреки ее ожиданиям, Мотя нисколько не обиделась.

– А что, неплохо было бы размножаться делением, – задумчиво сказала она. – А то рожаешь, рожаешь...

– «Рожаешь, рожаешь», – передразнила Белла противным голосом. – Вот именно. Плодишься как кошка!

Мотя и на этот раз не возмутилась.

– Кошкой тоже быть неплохо.

Она улыбнулась, надеясь погасить конфликт. Никто не мог бы сделать это мягче и безобиднее.

Но Шверник рассмеялась, показав крупные желтые зубы, и Маша поняла, что огонь давно уже не тлеет, а всюю полыхает.

– Кошкой – да, – промурлыкала Белла. – Но не бегемотихой же.

Любая гадость, сказанная мягко, производит куда более сильное воздействие, чем откровенная грубость. Белла улыбалась. Белла снова была мила. Белла, казалось, простила Моте ее неуместную реплику.

И тем сильнее оказался эффект от ее оскорбления.

Мотя открыла рот, закрыла и испуганно посмотрела на Машу. Этот взгляд вовсе не был криком о помощи. Губановой и в голову бы не пришло просить кого-нибудь заступиться за нее. Но от унижения и обиды слезы

чуть не брызнули из глаз, она не знала, что говорить и что делать, и среди людей, разом ставших чужими и опасными, машинально нашла единственное дружелюбное лицо.

Маша хотела вмешаться, но ее опередили.

– Слышь, Шверник! – позвала Ира Коваль. – Ты не борзеешь ли часом?

– Гопник против истерички, – шепнула сидевшая рядом Анна Липецкая. – На кого ставим?

– Я не Шверник! – взвизгнула Белла. – Сколько можно повторять – я Чарушинская!

– Чепушинская! С фи́га ли ты Чарушинская? Замуж не выходила, даже и не лечи. Шверник ты! Шверником родилась, Шверником и помрешь! И не заливай нам про солнечную Италию. Имели тебя там все в виду!

Никогда прежде Маша не думала, что брань Кувалды будет звучать для нее райской музыкой. Под этим агрессивным напором ее противница опешила. В школе никто и не подумал бы заступаться за Мотю, и вмешательство Коваль оказалось для Беллы неприятным сюрпризом.

– Действительно, Белка, это было не очень красиво, – согласилась Саша Стриж.

– Ой. Кто это говорит о некрасивом поведении?

Маша не сразу поняла, кому принадлежит медоточивый голос, внесший свою ноту в ссору. Она покосилась на Савушкину, но та молча рассматривала розовые ногти.

Из дальнего угла выдвинулась крепко сбитая фигурка и бесстрашно встретила изумленный взгляд Стриженовой.

«Анжела!»

Какой бы намек ни скрывала Лосина за своей загадочной фразой, ее удар достиг цели: Саша побледнела как простыня, в которую была завернута.

– Лезут тут всякие, с бревном в своем глазу, – с гаденькой торжествующей усмешечкой добила Лось.

Стриж, ко всеобщему изумлению, молчала. Лицо ее стало жалким и некрасивым. Никогда прежде Маша не видела такого быстрого преображения из красавицы в дурнушку.

Наступило растерянное молчание.

– Девочки, нам что-то подмешали в вино? – нарушила его Анна, вставая за полотенцем.

Она остановилась посреди комнаты, обвела всех взглядом и улыбнулась.

Это не была миролюбивая улыбка, призывающая закопать топор войны. Это была улыбка воспитателя, удивленного и огорченного тем, что младшая группа детского сада вновь затеяла драку. Маша всегда завидовала женщинам, которые умеют так улыбаться – с позиции взрослого. Улыбка-недоумение, улыбка-дистанция.

На какое-то время ей показалось, что с вмешательством Анны все и закончится. Как скандальная семья в присутствии чужого человека прекращает ссору, так и бывший «А» класс должен был опаматоваться и устыдиться.

Но Лось оказалась непрошибаема.

– Вино! – захихикала она. – Вино!

Все с недоумением уставились на нее.

– Вино! – хохотала Анжела, совсем уж неприлично тыча пальцем в Анну.

Та с вежливым удивлением пожала плечами.

– Припадок, чо, – констатировала Коваль. – В хлорке перекупалась. Слышь, Лось! Тебе бы того, афобазольчику попить. Пару недель курсом – и психи как рукой снимет.

Анжела махнула рукой, утирая выступившие от смеха слезы. «Никакой это не припадок», – с неприятной уверенностью поняла Маша.

– Ой, девки, ржу с вас! – выдохнула румяная Лось. – В вино, говорит, что-то подсыпали. А в водочку ничего не подсыпали? В коньячок, э? В самогончик-одеколончик?

Она фамильярно подмигнула Липецкой.

Анна не поменялась в лице. По-прежнему взгляд ее выражал лишь легкое сожаление, что все остальные вынуждены слушать эту белиберду. Но Маша, сидевшая ближе остальных, заметила, как под влажной прядью на виске просвечивает пульсирующая голубая жилка. Она толкалась под кожей, вздрагивала, и от сочетания этого безумного биения и фарфоровой застылости лица Маше стало страшно.

Липецкая заметила ее изменившийся взгляд. Не переставая снисходительно улыбаться, она поправила прядь. Бешено пульсирующая жилка скрылась под волосами.

«Господи, да что здесь творится?!»

Рогозина, свежая и прекрасная, выглядела единственным уцелевшим цветком в саду, по которому прошелся ураган. Она с сочувственной насмешкой поглядывала на бывших одноклассниц, словно говоря: «Не знаю, девочки, что на вас нашло».

«Лицемерка! – Маша от досады прикусила губу. – Если бы хотела,

прекратила бы этот балаган за минуту».

Она с каждой секундой чувствовала себя хуже и хуже. Все происходило слишком быстро! Словно под кастрюлей с водой включили огонь, и сразу забурлило, минуя стадию нагрева.

Какой-то бес вселялся в женщин, которые еще вчера были милы и дружелюбны.

«Кто, кто это сделал? Черт с Анжелой, она всегда была без тормозов, но отчего взбесилась Шверник? Ее что, Лось покусала?»

– Мне не нравится, когда меня называют бегемотихой, – вдруг проснулась Мотя.

Все обернулись к ней. Она, набычившись, смотрела чуть выше головы Беллы, избегая встречаться с той взглядом. На коленях у нее скопилась кучка скорлупок от орехов, и это придавало всем ее словам комедийный оттенок.

Если бы не напряженность момента, Маша бы рассмеялась. В этом вся Губанова! Десять минут переваривала оскорбление, пока не подобрала нужную фразу.

– Это было грубо, – угрюмо настаивала Мотя. – Я такого не заслужила. Я тебя не оскорбляла.

Шверник сморщила длинный нос и окинула ее фигуру выразительным взглядом.

– Ты оскорбляешь мое эстетическое чувство!

– О господи! – вздохнула Маша. – Бел, ты озверела?

– Елина, ты посмотри на это тело! – Шверник протянула длинную тонкую руку. – Кому будет лучше от того, что вы скрываете от нее истину? Это вместилище души изуродовано, причем ее собственными стараниями!

Мотя попыталась уменьшиться и съежиться. С таким же успехом слон мог спрятаться в кустах земляники.

– Белла, что на тебя нашло? – Маша непонимающе всматривалась в черноволосую женщину. – С чего ты вообразила себя проповедницей?

– Я не сторонница лжи!

– Да, ты сторонница хамства под маской правдолюбия, – очень спокойно сказала Анна.

– Послушай, Матильда! – воззвала Белла, игнорируя их всех. – В действительности я желаю тебе добра. Ты еще можешь взять себя в руки и изменить свою судьбу! Поверь мне! Лучше горькая, но правда.

Кувалда покачала головой.

– Ну, Циркуль, ты даешь. И в школе была посмешище с прибабахом, и сейчас такая осталась.

– Заткнись!

– Что, не нравится правда-матка? – Коваль злорадно оскалилась. – Сама закрой фонтан. Вместилище, блин! Угробище.

– А ты в школе была бойцовская собака, – вдруг сказала Саша Стриженова и вскинула голову. – По команде «фас» кидалась на любого, на кого укажут.

Белла послала ей благодарный взгляд.

– А я тебя тоже лупила, да? – ухмыльнулась Ирка.

Саша стиснула зубы.

– Ладно, пусть я бойцовская собака, – согласилась Коваль. – А вы мстительные сучки, девочки. В юности сдачи дать трусили, решили теперь оторваться.

– Хабалка! – взвизгнула Белла.

– Циркуль фригидный! – выплюнула Коваль.

Но Белла уже собралась с силами и больше отступить не собиралась.

– Тебя здесь все ненавидят!

– А над тобой здесь все ржут! – фыркнула Коваль и немедленно загоготала в подтверждение собственных слов.

– Уж лучше пусть смеются, чем ненавидят, – сказала Саша, с холодной брезгливостью глядя на Ирку. Не самое приглядное зрелище, молча согласилась Маша. Кувалда никогда не отличалась красотой – на то она и Кувалда. Но отчего Стриж так ополчилась на нее? Как Маша ни старалась, она не могла припомнить серьезных стычек между этими двумя.

Впрочем, Кувалда в школьные годы имела привычку раздавать затрецины просто так, между делом. Должно быть, Стрижу этого оказалось достаточно. Не слишком приятно жить в страхе, что тебя в любую минуту может приложить тупая агрессивная дылда.

– Да кто меня ненавидел? Только дохляки вроде тебя. Это, блин, даже приятно!

И Коваль снова засмеялась.

– Зинчук.

Кто это сказал, Маша не поняла. Но слово упало, словно камень, брошенный в воду, и от него побежали круги.

Ухмылка стерлась с Иркиного лица.

– Зинчук? Юлька Зинчук? – произвольно повторила Маша.

Кто бросил это имя? И почему все молчат и так странно смотрят на нее?

– А ну, хорош сводить с Ирккой счеты, – вдруг резко сказала

Савушкина. – Слышишь, Стриж? Нашли девочку для битья спустя столько лет.

Стриж ненатурально захохотала.

– Девочка для битья? Вот уж точно! Бьет себе, и бьет, и бьет... Что там было с несчастными детишками, напомни?

– Хватит, я сказала! – Сова повысила голос.

Двадцать лет назад этого было бы достаточно, чтобы Стриж заткнулась. Двадцать лет назад этого было бы достаточно, чтобы заткнулись вообще все, кроме Рогозиной.

– Как тебя их родители не прикончили, не понимаю, – не унималась Стриж.

– Я тебя саму щас прикончу, – процедила изменившаяся в лице Кувалда. – Это все вранье! Не смей повторять.

– О да, вранье! То-то тебя уволили с треском. Пинком под зад!

– И посадить могли, – вдруг встряла Шверник. – Если бы знали, как ты...

– Закрой пасть! – рявкнула Кувалда.

Света Рогозина подняла руку:

– Девочки, ну хватит, в самом деле! Сколько можно вспоминать старые обиды! Да и обиды-то были несерьезные... Так, мелкие обидки.

– О, неужели?

Это уронила Анна. Все смолкли и даже как будто подались в разные стороны, освобождая место на ринге для тяжеловесов. Анна по-прежнему стояла, держа в руках полотенце. Рогозина сидела в кресле как на троне, и пушистые золотые волосы, сияющие над головой, усиливали сходство.

Противостояние бывшей королевы и бывшей помещанной.

– Несерьезные обидки? – саркастичная улыбка заиграла на губах Анны. – Как мило!

– Я сказала что-то не то?

Вопрос был задан с невинностью, граничащей с издевкой.

– Обидки – это далеко от того, что мы чувствовали на самом деле.

– Ты-то тут при чем? – влезла вездесущая Лосина. – И кстати, за себя говори!

Но ее подчеркнуто не заметили ни Липецкая, ни Рогозина.

– Мне очень жаль, что я тебя задела, – огорчилась Света. На этот раз Маша не могла понять, всерьез Рогозина или издевается.

– Мне тоже жаль, – кивнула Анна. – Жаль, что ты пренебрежительно отзываешься о прошлом. Ты пытаешься выставить ничтожными события, которые имели для нас огромное значение. И для меня, и для остальных.

– Анна! Это было давно!
– Как видишь, аукается до сих пор.
– Извини, в этом я уже не виновата.
– То есть ты не думаешь, что в происходящем есть и твоя доля ответственности?

Рогозина подалась вперед.

– Ты о чем?
– Мне действительно нужно сказать об этом вслух?
– Да, пожалуйста.
– Ты прекрасно знаешь, о чем говорит Стриж, – с прежним спокойствием проговорила Анна. – К слову о том, кто кого натравливал: это ведь ты делала, Света. Мы все здесь ссоримся, развлекаая тебя. Ладно, почему бы и не поразвлечься, в конце концов. Ты оплачиваешь этот банкет и хочешь не только хлеба, но и зрелищ. Пускай! Но только не делай вид, что ты здесь ни при чем. А главное – не смей обесценивать мои чувства. У меня не было никаких, как ты выразилась, обидок! Я просто подумывала убить тебя, и один раз почти сделала это.

Как нелепо звучит это «убить тебя» из уст взрослой, внешне невозмутимой женщины, подумала Маша.

Рогозина откинулась на спинку кресла. Маше показалось, что в зеленых глазах мелькнуло удовлетворение, но она уже ни в чем не была уверена.

– Липецкая, ну правда, ты-то куда лезешь? – мрачно осведомилась Кувалда. – Тебя в школе за сто верст обходили, как бешеную собаку.

– Бешеных собак не обходят, – вдруг сказала Саша, не глядя на Анну. – Их обычно стараются застрелить.

– Вот именно, – кивнула Анна. – Ты попала в точку. Ну что, Коваль, освежить тебе воспоминания о бешеной собаке? А тебе, Люб? А тебе, Света?

Она выглядела очень спокойной, но теперь всем, а не только Маше, стало ясно, что ее спокойствие – маска. Что бы ни вспомнилось Анне Липецкой из прошлой жизни, она с трудом держала себя в руках. Темные глаза встретились с зелеными: секунда – и Рогозина улыбнулась краешком рта, словно ей показали что-то очень приятное, но секретное, что никому нельзя выдавать. «Да она отлично знает, о чем говорит Анна, – поняла Маша. – Это все очередное притворство».

– Батюшки! Еще одна жертва режима, то есть ой, школьной травли! – Лосина с преувеличенным изумлением всплеснула руками. – Не может быть! Да у вас тут прямо какой-то сраный Освенцим!

– Господи, вот же ты дура, – не выдержала Стриж.

– А ты шалава, – невозмутимо отозвалась Лось.

Стриж начала подниматься. «Вот только драки нам не хватало!» – ахнула Маша. Болела бы она за Стрижа, но ставить было бы разумнее на Лося.

Но тут Савушкина обратила кроткий взгляд на Анжелу, и Маша вспомнила давний урок истории, на котором Любка единственный раз в жизни, кажется, делала доклад. Тогда-то и выяснилось, к удивлению многих, что по отцу Любка – Финкельштейн. Смеяться над еврейской фамилией стал бы только кретин, а после того, что именно Любка рассказала о судьбе родственников по отцовской линии, еще и подлец. Такого сочетания в десятом «А» не нашлось.

«Зря Лось упомянула про Освенцим».

– Ты бы, Анжела, думала хоть иногда, прежде чем пукать ртом, – лениво посоветовала Савушкина. – Воздух же портишь.

– А ты еще одна шлюшка! – отбрила та, не раздумывая. – Думаешь, у нас тут коллективный склероз? Про охранника все забыли? А вот утрись!

– Охранник-то, должно быть, не слишком возражал, – вдруг подала голос Мотя. – А вот Друзякина не очень обрадовалась, когда у нее деньги слямзили.

Друзякина была фамилия географички. Маша не сразу вспомнила, что в десятом классе действительно был скандал – у учительницы из сумки украли деньги. Она не знала, много ли взял вор, помнила только, что его не нашли. Приходили усталые женщины из милиции, разговаривали со всеми вместе и с каждым по отдельности, потом директор произносил пламенную речь о том, что поступок одного бросает тень на всех...

История так ничем и не закончилась. Кроме того, что географичка отказалась работать с их классом: неоспоримо было доказано, что никто другой на перемене не заходил в кабинет географии. В качестве замены поставили завуча, и до конца года десятый «А» забыл о контурных картах и прочих никому не нужных глупостях.

«Получается, Мотя знала, кто украл деньги? И намекает, что это Анжела?»

– Бегемотина, ты о чем? – прищурилась Лось. – Все мозги салом залило?

Для Маши это стало последней каплей. Взрослая Анжела Лосина растворилась, и место ее заняла пятнадцатилетняя Лось.

«Повторяется то, что было в школе. Мотю унижают. Над Шверник смеются. Стриж выросла и пытается дать сдачи Кувалде, не понимая,

что скачет по тому же замкнутому кругу. Черт возьми, надо было прожить столько лет, чтобы ничему не научиться?!»

Она встала. Все, с нее хватит. Они превращаются в обезьян, швыряющих друг в друга пометом. Взрослые женщины! С семьями, с детьми! Что с ними делается? Ей-богу, предположение Липецкой о том, что в вино подсыпали дурман, кажется не таким уж неправдоподобным.

Куда уходит детство, как пелось в популярной песенке. Вот вам и ответ. Да никуда оно не уходит! Торчит, сволочь, все время рядом, болтается где-то около левой височной доли. Один укол – и ты снова подросток, жалкий, огрызающийся, уязвимый, как черепаха без панциря. Налет зрелости слетает с тебя, как скорлупа с расколотого грецкого ореха. А там, внутри, ты всегда ребенок.

Ты всегда проигравший.

– Мотя, пойдем. – Маша решительно взяла толстуху за руку. – Простите, девочки, но так... так нельзя! Света, спасибо за сауну.

Губанова пыталась запахнуть сползающую с груди простыню.

– Мы, значит, все такие невоспитанные, – издевательски протянула Белла Шверник. – Одна ты в белом пальто стоишь красивая. Только пальтишко-то испачкано!

Маша отвернулась. Она не позволит втянуть себя в эти омерзительные школьные дразги.

– До встречи, девочки. Увидимся вечером.

– Пока... – пробормотала Мотя, стараясь ни на кого не смотреть, и пошлепала вперед первой.

Под всеобщее осуждающее молчание Маша дошла до двери. Из приоткрытой щели дохнуло прохладным воздухом. Только теперь она почувствовала, какая духота стоит в предбаннике.

– Ничего не хочешь с нами обсудить? – вслед ей поинтересовалась Рогозина неожиданно зло.

Именно из-за этого Маша и остановилась. Рогозина говорила так раньше, много лет назад. Но еще ни разу она не позволяла себе таких интонаций здесь, в «Тихой заводи».

«Я больше не подросток. Впору бы добавить: у тебя нет власти надо мной».

Маше самой стало смешно.

– Нет, Свет, не хочу, – она покачала головой, не оборачиваясь. – Всего хорошего.

Взгляд ее задержался на медном черпаке с длинной деревянной ручкой, забытом на скамье.

– Елина, ну пойдём! – умоляющим шепотом позвала Мотя, топчущаяся с той стороны двери.

– Жалко, – вздохнула Рогозина. – Нам всем было бы интересно послушать, что там у тебя вышло с Гудасовым. Ты, как-никак, жизнь мужчине искалечила! Может, поделишься, что у вас с физруком на самом деле произошло? Раз уж все равно ворошим бывшее...

«Жизнь искалечила?!»

Все заклинания разом перестали иметь смысл. Ярость, по капле сочившаяся со дна души с того самого дня, как Маша получила приглашение, наконец прорвала плотину и хлынула полноводной неудержимой черной рекой.

Пальцы сами сомкнулись вокруг теплой деревянной ручки.

Ковш оказался тяжелым, гораздо тяжелее, чем она ожидала. Но это было хорошо. Стремительно разворачиваясь к Рогозиной, в два шага преодолевая разделяющее их пространство, вскидывая правую руку, Маша до самого конца не переставала ощущать *правильную* тяжесть ковша.

Глава 7

1

От переживаний Мотя пропустила обед – кажется, впервые за последний год. Позвонить бы Валере, чтобы успокоиться, да ведь он сразу по ее голосу поймет: что-то случилось. И придет, чего доброго, чтобы увезти ее отсюда силком. С него станется!

Обычно Мотя улыбалась при мыслях о муже, но сейчас губы ее были плотно сжаты.

«Это я во всем виновата. Я все испортила».

Мотя чуть не заплакала от отчаяния. Маша никогда не простит ее, если узнает правду.

Плохо, ой как все плохо!

Невыносимо захотелось хоть что-нибудь пожевать. В столовую Мотя не могла спуститься: ей казалось, у нее на лбу горят слова: «это сделала я». Стоит кому-нибудь взглянуть на ее лицо, и сразу все станет ясно. Шверник примется хохотать, как гиена, и тыкать пальцем: так вот кто виноват! Гоните ее отсюда! Господи, если бы Маша не схватилась за проклятый ковш, все бы обошлось. Но теперь... И кто его только там бросил?!

Внезапно Мотя вспомнила, что ковш на скамейке оставил не кто иной, как она сама.

– Дурацкий ты бегемот!

Она чуть не заплакала.

В мини-баре нашлись три пакетика с фисташками, и Мотя мигом сточила один. Ей как никогда хотелось курить, а возня с орешками немного успокаивала. «Может, все-таки стрельнуть у кого-нибудь сигаретку? Нет, ребенок же...»

Ребенок! Она ведь еще не решила, что делать с беременностью. После случившегося ей даже представить было страшно, что можно дать жизнь еще одному человеку. Мир так жесток, так враждебен! «Никаких детей, никаких детей, никаких детей!» В состоянии, близком к панике, Матильда пробежалась по комнате, зачерпнула еще горсть орешков и бросила – по ошибке схватила скорлупки.

Мысли пихались и толкались в голове. Несчастливая Мотя не знала, на чем сосредоточиться.

Когда ее заставляли думать быстро, она всегда впадала в ступор. Губанова умела споро делать две вещи: готовить еду и есть. В критические моменты вторая способность вырывалась далеко вперед, и Мотя сжирала приготовленное раньше, чем оно доходило до полной кондиции.

Ребенок, дети, Рогозина, физрук, Маша... Мотя схватилась за голову. Она должна сосредоточиться на чем-то одном!

«Господи, какое у нее было лицо, когда она подняла ковш!»

Маша. Вот о ком нужно подумать в первую очередь.

Мотя ничего не понимала в уголовном праве. Она слышала, как Белка кричит, что Елину за такое надо поместить в психушку! Анна так озверела, услышав это, что Белла попросту удрала, подпрыгивая как заяц. «Что-то от Шизы в ней все-таки осталось, если ее до сих пор боятся. А с виду такая солидная тетенька, прямо кандидат наук!»

Может быть, обратиться к ней? Вместе они смогут убедить Светку не заявлять в полицию!

Нет, она же поссорилась с Рогозиной! – вспомнила Мотя.

Значит, придется действовать одной.

Как ни плохо Мотя представляла работу правоохранительной системы, она кое-что слышала о делах частного обвинения. Тот, кого обидели, может помириться с обидчиком – так помнилось ей, – и в этом случае никакого дела не будет.

«Уговорю Светку, – решила Мотя. – Я ей все объясню! Попрошу!»

А если она откажется?

«Тогда я ее своими руками убью! – вспыхнула она. – Нет, руками не смогу, а вот сесть сверху и раздавить – пожалуй!»

Придя в боевое настроение, Мотя выбежала из своего номера и помчалась к рогозинскому. Трижды постучав в дверь и не получив ответа, она растерялась. Что делать, если Рогозиной не окажется в номере, Мотя не подумала.

«Буду ждать!»

Мотя привалилась к двери.

Незапертая дверь распахнулась, и она влетела спиной в комнату.

Пять минут спустя Матильда Губанова вышла, покачиваясь, и зачем-то побрела в сторону, противоположную той, откуда пришла. Но ей сейчас было не до поиска верных направлений. Потрясенная увиденным, она забыла о Машинной участи, забыла даже о ребенке, которого носила, – впервые за все это время. Ее терзал один вопрос: «Зачем она это делает? Зачем?!»

Мотя завернула за угол и нос к носу столкнулась с Кувалдой и Савушкиной, выходящими из лифта.

– Тетя-Мотя! Пожрать топаешь? А чо у нас с лицом?

Любка тоже нахмурилась, разглядывая Матильду.

– Тебя словно молнией ударило! Мотя, что случилось?

– Н-н-ничего... – пробормотала Губанова и сделала попытку улизнуть от обеих.

Ее перехватили с двух сторон.

– Выкладывай! – потребовала Кувалда.

– Не трогайте меня, – прошептала Мотя.

– Откуда ты такая бредешь, Матильда? – озадачилась Любка, не сводя с нее глаз. – Тебя изнасиловали на сеновале? Нет, тогда была бы радость. Что у нас тут поблизости имеется?

– Библиотека, массажист, – начала Коваль.

– ...рогозинский номер...

Ирка с Савушкиной переглянулись. Мотя предприняла еще одну попытку вырваться из лап Кувалды.

– Это... это личное!

– Врешь. Ты виделась со Светкой!

– Нет! – отчаянно замотала головой Мотя.

Снова быстрые взгляды. Эти двое, кажется, понимали друг друга без слов.

– Что-то интересненькое здесь произошло, – детским своим голоском, отчего-то наводившим на Мотю куда больший страх, чем сипение Кувалды, констатировала Сова. – Матильда, давай-ка ты сядешь и обо всем нам расскажешь. Как бывшим подругам!

Мотю отвели к окну, где напротив неработающего телевизора стоял маленький потертый диванчик, и она покорно опустилась на него.

Воспоминание о том, что она заметила в номере Рогозиной, лишало ее воли к сопротивлению. В глубине души она даже испытывала облегчение от появления Совы с Кувалдой. Сама бы она никогда не стала им ничего рассказывать. А теперь выходило, что ее вынудили. В этом нет ее вины!

– Давай, Теть-Моть, облегчи душу!

– Тише, Ира. Правда, Мотя, расскажи. – Сова присела перед ней на корточки и положила крошечную ручку на толстое Мотино колено. – Ты же расстроена, я вижу. Может быть, в наших силах помочь?

Если бы таким увещевающим тоном Робин Гуд обращался к богатеям, те сами отдавали бы ему все, включая нижнее белье и лошадиные подковы. И счастливы были бы, что легко отделались.

– Я шла к Свете, – хрипло сказала Мотя. – Хотела поговорить.

– О чем?

– О Елиной.

– Великодушный ты человек! – одобрила Сова. Мотя, прекрасно понимавшая, что эта откровенная лесть – лишь средство расслабить ее и добиться ответа, почувствовала гордость. Глупую, противную, но гордость. Ее похвалили!

– Постучалась... Никто не ответил...

– Ты вошла – а там труп! – сострила Кувалда.

Сова укоризненно глянула на нее из-под длинных ресниц – и Ирка тут же сделалась серьезной:

– Извини, Матильдочка. Больше не буду.

– Я случайно заглянула... – пробормотала Мотя. – Там никого не было.

Любка прищурилась, но решила не заострять внимание на случайном проникновении в чужой номер. А Мотя выдохнула с облегчением – ей было стыдно признаваться, что под ее весом распахнулась дверь. В глубине души ее терзало страшное подозрение, что дверь была заперта, просто ее замок оказался слабоват против Мотиного напора.

Створки лифта в холле разъехались. Кувалда недовольно обернулась, но Сова была слишком поглощена Мотиным рассказом и дернула подругу за руку: не отвлекайся!

– И что же ты такое страшное увидела в рогозинском номере? – почти небрежно поинтересовалась она. – Я просто теряюсь в догадках!

– Там... на столе...

Из лифта никто не вышел, и Кувалда снова переключилась на Мотин рассказ.

– Что на столе?

И тогда Мотя сказала что. Избегая смотреть на Коваль и Савушкину.

В наступившей тишине снова громыхнул лифт, уже закрываясь. Кувалда вздрогнула и схватилась за Любку.

– Матильда, если ты врешь... – очень тихо проговорила Сова. – Скажи, что ты это выдумала.

Мотя молчала. Всем троим было ясно, что сочинить такое ей не под силу.

– Мы должны их забрать! – Любка выпрямилась. – Быстро! Сейчас же.

Она дернула за собой Мотю.

– Я туда не пойду!

– Пойдешь! – отрезала Любка. – Покажешь, где лежали папки! Коваль! Живо!

Вдвоем с Кувалдой они извлекли Мотю из кресла и потащили ее к номеру Рогозиной.

– Не пойду! Не буду!

Любка даже не ответила. Она целеустремленно влекла за собой Матильду, словно маленькая лодчонка тяжеленную баржу. За ними мчалась бледная Коваль, подталкивая Мотю в спину.

Возле номера все трое остановились. Узкая полоска света выбивалась из-под неплотно закрытой двери.

– Она уже там! – пролепетала Мотя. – Вернулась!

Сова обожгла ее взглядом. И, подняв руку, очень осторожно постучала. Тишина.

Если бы в этот момент кто-то крикнул у Моти над ухом, она бы рухнула без сознания.

Любка постучала громче.

– Там никого нет, – после паузы шепнула Ирка.

Сова толкнула дверь и вошла. Коваль без колебаний последовала за ней, а Мотя осталась стоять снаружи.

– Ты на стреме! – распорядилась напоследок Кувалда.

«На стреме!» Мотя горестно рассмеялась: да она делает карьеру! Из наводчика – в этого, как его... стременного!

Но в действительности ей было не смешно, а страшно. Что делать, если появится Рогозина? А она, нутром чувствовала Губанова, непременно появится, и очень скоро! Взвешивая, чей гнев страшнее – рогозинский или совино-кувалдинский, Мотя даже слегка успокоилась. Дверь распахнулась, едва не ударив ее по лицу, и шипящая сквозь зубы Любка втащила ее внутрь.

– Мамочки! – пискнула перепуганная Матильда.

– Ты издеваешься, или как? – оборвала ее Савушкина яростным шепотом.

– Что? Что??

– Где эти твои бумаги? Где фотографии?

Только теперь Матильда обвела взглядом комнату.

Стол был совершенно чист. Папки, которые она видела собственными глазами, которые трогала, перелистывала страницы, ужасаясь наскоро прочитанному, – папки пропали бесследно.

Пока мне все удастся! Первая и вторая части отыграны с блеском, осталась заключительная.

Три дня! Я сразу сказала себе: милая, у тебя всего три дня.

К концу первого они должны меня любить. Ставим галочку «сделано».

К середине второго – ненавидеть. Опять галочка. Девочки бешутся при одном только взгляде на меня. «Рогозина, Рогозина!» – звенит у них в ушах. Мне жаль, но это совершенно необходимая часть спектакля. Память человеческая – удивительная штука: насколько крепко она держит ненужное, настолько легко выбрасывает то, что забывать ни в коем случае нельзя.

Сегодня вечером вы еще поваритесь в своем гневе, рыбки мои. Пусть этот соус хорошенько загустеет! Вы все оказались до смешного управляемы – кроме одной, которая второй раз преподнесла мне сюрприз. От нее я этого совершенно не ожидала.

Серьезно, я думала, она меня убьет! Вспышку бешенства можно было ожидать от Анны – той, какой она была прежде. Не скажу, что мне нравилась Шиза, но я ее уважала. В первую очередь – за самодостаточность. Ей действительно было глубоко наплевать на общее неодобрение.

Но Елина не такова. Когда я смотрю на нее, мне вспоминается название книги Франсуазы Саган: «Немного солнца в холодной воде». В Машке всегда чувствовалась уязвимость. Даже когда она стояла перед вами с непроницаемым лицом, вы видели маленькую девочку, плачущую над брошенной кошкой. Не то чтобы нытик – скорее существо, для которого шлепки этого мира отзываются слишком болезненно.

Я сама была такой же. К счастью, очень недолго.

Эти хрупкие ранимые женщины, даже вырастая, никогда не обучаются давать сдачи. Воздаяние врагу по заслугам? Они даже не поймут, о чем вы! Сто аббатов Фариа могут денно и ночью распинаться перед ними, но из них все равно не выйдет графа Монте-Кристо.

Социальные вегетарианцы. Беззубые чудики! Ни клыков, ни когтей, а в качестве компенсации за пережитое унижение – лишь утешительная мысль «зато я не опустилась до их уровня».

Люблю подобных людей: с ними можно делать все, что угодно.

Теперь вы понимаете, почему я спокойно ждала, пока Елина расплачется и уйдет? В номере она бы еще поревела, потом позвонила бы мужу, пожаловалась, опрокинула коньячку – и постепенно успокоилась бы. В общем, я не держала ее за серьезного противника.

Нельзя сказать, что именно в этом я и допустила ошибку.

Нет: я ошиблась во всем.

Если когда-то Елина и была слабой, это время давно прошло. Она изменилась не меньше, чем Аномалия, но, поскольку это не сопровождалось метаморфозами внешности, я ни о чем не догадалась.

А зря!

У меня было очень мало времени, чтобы пересмотреть свои представления об этой женщине и о том, на что она способна. Не больше трех секунд. Но поверьте, когда вам в физиономию летит медный ковш, на другом конце которого разъяренная рыжеволосая фурия, у вас есть весомый стимул уложиться в этот срок.

«Твою мать! – мысленно взывала я, уворачиваясь от удара. – Она взбесилась!»

Жутко боюсь психованных! Я не заорала во всю глотку лишь потому, что перепугалась до потери голоса.

М-да, получилось неловко. Во-первых, я неуклюже шмякнулась с кресла. Во-вторых, вокруг поднялся такой визг, что я едва не оглохла.

В-третьих, ковш врезался в столик, на котором зеленел виноград в блюде и стояло вино. Словно в замедленной съемке глядя на разлетающиеся осколки, я поймала наконец ее прямой взгляд – до этого она все время смотрела мне в переносицу – и в этом твердом, злом, но совершенно не безумном взгляде прочитала то, что должна была понять сразу.

Она не собиралась меня бить. Она меня просто пугала.

Она издевалась надо мной, эта рыжеволосая стерва!

Нет, она была не на шутку зла за упоминание физрука и с большим удовольствием обрушила бы свое оружие мне на голову. Я так и заорала, едва мне помогли подняться: ты пыталась меня убить!

Знаете, что она сделала? Усмехнулась и ответила словами Миледи: «Если бы я стреляла в вас, мы бы сейчас с вами не разговаривали». В отличие от меня, у нее хватило хладнокровия цитировать фильмы.

Тетки заметались, как пингвины, на которых напал поморник. Толку от них было не больше, чем от опрокинутого кресла. «Я этого так не оставлю!» – крикнула я вслед Елиной дурацкую ходульную фразу, но она даже не обернулась.

Черт меня возьми! Дважды так промахнуться в оценке одного человека! Надеюсь, я больше нигде не оплошала.

Прелестные посиделки оказались скомканы. Пришлось вызывать уборщицу и объясняться по поводу сломанного стола. А когда я вернулась в номер, заметила, что поранилась осколком. Кровь не останавливалась,

и пришлось идти в медкабинет за бинтом.

Здорово же Елина выбила меня из колеи, если я забыла запереть номер! Закономерный итог был таков: к моему возвращению папки пропали.

Обнаружив это, я улеглась на кровать и стала думать.

Кража – это не смертельно. Файлы есть в моем компьютере, их всегда можно распечатать. Но что, если вор сбежит от страха раньше времени, испортив мне игру? Да и Машка, скорее всего, уедет!

Вот этого допустить никак нельзя, сказала я себе и взялась за телефон.

Обзвонив каждую и сказав нужные слова, я вновь повалилась на кровать. Отлично! Вечером мы все соберемся, и наступит время для третьего акта. Финал! Та-дам!

В эту минуту я лежу и обдумываю свою тронную речь. Интересно, *она* все-таки сбежит или придет меня послушать? Час назад я дала ей понять, что все приближается к развязке. Она сделала вид, что не поняла меня. Ей не хватило ни ума, ни дерзости вступить в открытое противостояние: она только отводит взгляд и притворяется дурочкой.

Меня клонит в сон. Бассейн, сауна, выходка Елиной... Я должна отдохнуть и набраться сил. Завтра у девочек будет, что обсудить, – им хватит разговоров на десять лет вперед! Но сегодня я должна...

Глаза смыкаются. Надо поставить будильник на телефоне, чтобы не проспать... Но так лень...

Я погружаюсь в дрему, и кажется, мне начинает сниться сон. Картинки проносятся перед глазами. Чудится щелчок ключа, проворачивающегося в замке... Дверь приоткрывается... Сквозь полусомкнутые ресницы я вижу знакомую фигуру и, не просыпаясь, думаю: зачем она здесь? почему у нее ключ от моего номера? И что она сжимает в руке?

Как вдруг осознаю, что это давно уже не сон, а реальность.

К шести Белла была готова. Черное платье – она признавала в одежде только алый, белый и черный, – запястья унизаны серебряными браслетами, тяжелые цепи свисают с груди. Белла взглянула в зеркало и решила, что хороша.

Любовь к серебру и черному цвету она привезла из Италии, где прожила два года. Ей хотелось стать свободной художницей, пойти по стопам великих. Когда выяснилось, что картины не продаются, Белла

впала в замешательство. У нее не было плана на случай провала, потому что она не признавала ни планов, ни провалов. «Пускай судьба несет меня, как ветер крутобокую ладью!» Подразумевалось, что ветер непременно вынесет ее судно к теплым берегам, где путницу ждут кров и признание аборигенов.

Но крошечная арендованная студия на побережье быстро сожрала небогатые средства, холсты пылились у стен, а противные толстопузые хозяева туристических магазинчиков отказывались брать новые картины. Нет, синьора, говорили они и качали головами, простите, публике не нравится.

Заискивание перед просвещенной итальянской публикой боролось в Шверник с желанием кричать на главной площади с утра до вечера: «Господа! Вы – быдло, господа!»

Когда позже ее спрашивали, как она могла уехать из благословенной Италии, Белла отвечала, не покривив душой: «Когнитивный диссонанс рвал меня на части!» После этого собеседник почтительно затыкался.

Теперь Беллу снова терзал диссонанс. В четыре позвонила Рогозина, говорила намеками, напускала туману... Все как любила Белла! Но после того, как Светка обошлась с ней в Италии...

Нет, это она вспоминать не будет. Что было, то прошло. Надо идти на встречу, тем более обещано нечто удивительное.

Шверник решительно вышла из комнаты, забыв выключить ноутбук.

На мониторе некоторое время сияла заставка – фотография полей Тосканы. Белла сама сделала этот снимок, подражая Светке, которая, выйдя замуж, начала выкладывать в «Инстаграмм» один пейзаж прекраснее другого. Тоскана, Маремма, Лигурия, Ломбардия... А скалы Сардинии! А развалины Сицилии!

Но если у Рогозиной на каждый снимок набегала толпа комментаторов, то изысканную работу Беллы никто не заметил.

Анна вынула из шкафа юбку, добавила к ней свитер. Подумав, заменила свитер на жакет с блестящими металлическими пуговицами. Она будет слишком чопорно смотреться в этом костюме – но пусть. Спокойствие важнее.

Одежда – это броня. Если ты живешь изнанкой наружу, рано или поздно научишься защищаться. Или сдохнешь.

Часы.

Тонкая золотая цепочка.

Браслет.

Три кольца: змея, слон, кошка. Ум, сила, коварство. Все предметы, надетые на Анну Липецкую, были ее персональными оберегами. Непробиваемыми латами. Каждый имел свое значение, свою историю. Ей достаточно было бросить взгляд на часы, чтобы выравнилось дыхание. Потрогать цепочку, чтобы паническая атака отступала.

На это потребовалось пять лет терапии. Зато по истечении этого срока Анна с чистой душой выкинула все упаковки таблеток, занимавшие шкафчик в ванной комнате.

Теперь она умела защищаться своими силами – и никто не назвал бы ее больше Шизой.

После долгих бесед с психологом они решили, что сосредоточенность на внешней «бронне» – самый подходящий способ чувствовать себя в безопасности, пусть весьма своеобразный, но зато работающий. До нынешнего утра Анна была уверена, что ее защиту практически невозможно разрушить.

И не учла только одного: что она может оказаться в ситуации, когда на ней не будет одежды.

Услышав о сауне, Анна отвернулась, чтобы никто не увидел ее лица. Если бы она не знала Рогозину так хорошо, то подумала бы, что этот удар направлен конкретно против нее.

«Но ведь на самом деле я ее совсем не знаю. Эта женщина и Светка Рогозина из нашей школы – два разных человека».

«Довольно паранойи! Даже если твоя мания величия оправдана, получить доступ к медицинской карте – выше ее возможностей».

Звучало убедительно. Пожалуй, Рогозина действительно забронировала сауну для их посиделок без всякого умысла.

Но все это не отменяло того факта, что не в силах Анны было сохранять спокойствие, оставшись голой в компании восьми человек. Купальник не в счет.

Однако, подумав, она нашла выход. Во-первых, оставила цепочку – память о бабушке, ниточка, связывающая ее с любящими людьми. Анна ощущала ее как гибкий теплый луч, прильнувший к шее.

Защита номер один.

Тонкое кольцо со змеей. Глаз у змеи – рубин. Кольцо они купили вместе с мужем во Франции в лавке антиквара. Анна примерила его просто так, из чистого любопытства. Но змейка обвила палец, подмигнула алым

глазом – и Илья, посмотрев на лицо жены, без единого звука выложил круглую сумму. С тех пор Анна почти никогда не снимала кольцо. У кого-то есть охранная собака, кто-то доверяет совам... А ее тотем – гадюка.

Защита номер два.

А третий оберег оказался совсем уж смешным. Может, потому и работал. Анна ухитрилась, провозившись целый вечер и исколов пальцы иголкой, зашить в шов купальника тонкую гибкую веточку ивы, сорванную в парке.

Хлыст.

Скрючившись под тусклым торшером в двенадцатом часу ночи, Анна вдруг увидела себя со стороны – и расхохоталась. Сидит взрослая тетка, глава целого аналитического отдела, – немаленького отдела, хотелось бы заметить! – и вставляет в трусы ивовый прутик. Ну не Шиза ли ты, Липецкая, после этого?

Но она вспомнила слова своего врача и мысленно повторила главную заповедь: «Не будь сама себе врагом!»

Делай то, что считаешь нужным.

И все-таки ее защит не хватило: она ввязалась в лишний, бессмысленный спор. Это выглядело глупо, и, застегнув последнюю пуговицу под горлом, Анна поклялась себе не повторять ошибок.

Первым человеком, которого она увидела, спустившись в бар, оказалась Маша Елина.

– Ты? – Анна не смогла сдержать удивления. – Я думала, ты давно уехала!

– Светка позвонила, – просто ответила та. – Сказала, что хочет прилюдно извиниться и кое-что объяснить. Вот я решила остаться.

Анна нахмурилась.

– Что? – не поняла Маша. – Что-то не так?

– Да нет, все так... – Анна не совсем была уверена, что это правда. – Просто...

«Просто мне Рогозина сказала совсем другое».

В дверях показались Ира Коваль в джинсах и рубаше, роковая Белла с губами вампирши и Савушкина, одетая до такой степени скромно, что это выглядело бесстыдством. Маша никогда не могла понять, как у Любки так получается, но самое длинное платье на ней развязно намекало, что под ним игривое кружевное белье с секретиками.

Подошла молчаливая Мотя, избегавшая встречаться взглядом с кем-либо, включая Машу. Саша Стриж выступила из темноты, по-прежнему бледная, как утопленница. И последней в маленький, тускло освещенный

зал влетела, дробно стуча каблуками, Анжела Лосина.

– Что пьете, девочки? Кто угощает?

Круглые глазки без малейшего смущения оглядели собравшихся.

Ей не ответили. Все напряженно ждали.

В половине седьмого Анна демонстративно взглянула на часы. Без двадцати семь Савушкина позвонила в номер Рогозиной, но ей никто не ответил.

– А зачем мы вообще ее ждем? – спросила Саша, ни к кому конкретно не обращаясь.

– За бизнес перетереть! – радостно сообщила Анжела.

Все уставились на нее.

– Какой еще бизнес? – хмыкнула Коваль.

– А я не знаю, мне откуда знать-то! Я вообще-то в бассейн пойти хотела, а то тут у некоторых приступы случаются... – Анжела покосилась на Машу. – Припадки лечить надо, между прочим!

– А вот глупость неизлечима, – пробормотала Савушкина.

Но Лосину это не смутило.

– Короче, я уже купальник напялила. А тут звонит Светка, говорит, бизнес решила забабахать, без меня ей никак. Ну, я и прискакала. Человека-то хорошего всегда выручить надо!

– Слушай, Лось, – страдальчески сказала Любка, потирая лоб. – Ты, конечно, индивидуум той еще альтернативной одаренности. Но даже тебе должно быть понятно, что никаких бизнесов Рогозина с тобой вести не будет.

– А это мы еще посмотрим. Завидуешь, Сова, что не пригласили в дело?

– Нет никакого дела.

– Мне Света сказала, что хочет извиниться, – подала голос Маша. – Хотя извиняться стоило бы мне. Я б уехала, честно говоря... Но она так просила...

– Непривычно как-то, – промямлила Мотя.

– В каком смысле? – обернулась к ней Саша.

– Ну, как будто в ней совесть прорезалась.

– Вот уж в самом деле непривычно, – усмехнулась Анна. – Лично меня заманили сюда обещанием удивительного сюрприза.

– Может, сюрприз в том, что она не придет?

– Мне обещали кое-что показать, – буркнула Ирка. И она, и Савушкина сидели с такими сумрачными лицами, что на их фоне Белла Шверник выглядела сияющей Белоснежкой.

– В общем, каждую из нас сюда заманили чем-то притягательным, – подытожила Маша. – Я купилась как дура.

– Все купились, – бросила Сова.

Женщины замолчали. Маша следила за минутной стрелкой огромных часов в виде головы Чеширского кота, висевших сбоку от бармена. Кот многозначительно ухмылялся.

– Короче, так! – Коваль стукнула по столу ладонью – чашки подпрыгнули и шарахнулись от нее. – Я пошла отсюда.

– Я, пожалуй, тоже.

Маша поднялась.

– Зайду к Светке на всякий случай, мало ли, может, она проспала, а телефон отключен.

– Можно я с тобой? – Мотя опасно покосилась на Кувалду с Совой. Любка послала ей самую сладкую улыбку, от которой даже Машу передернуло.

– Пойдем, конечно!

– Давайте все пойдем, – предложила Анна. – Глупо здесь сидеть.

В конце концов в баре осталась одна лишь Анжела. Похоже, она верила, что обскачет всех, если дождется Рогозину в условленном месте.

– Двести один, – вслух отсчитывала Мотя номера на двери, – двести три, двести четыре... Двести шесть!

– Абырвалг, – зло бросила Любка. – Ты еще на заборе надписи прочитай!

Мотя немедленно спряталась за тонкую спину Саши, а Маша удивленно взглянула на Савушкину. Что это с ней? Или в этом отеле водятся духи дрязг, которые заставляют людей кидаться друг на друга на ровном месте?

Она постучала, но никто не отозвался. Еще раз – с тем же результатом.

– Возможно, Света принимает ванну! – обвиняюще заметила Белла.

– Возможно, у Светы реактивный понос, – злобно буркнула Коваль.

– Тебе, Ира, в принципе доступно понимание эвфемизмов? – поинтересовалась Шверник.

– Встречный вопрос: а тебе, Шверник, в принципе доступно, когда чужой кулак в твоём родном носу?

Белла на всякий случай отодвинулась. Как и все остальные, она не верила всерьез, что Коваль действительно может ее стукнуть, но перестраховаться не мешало.

– Ну что, давайте расходиться... – вслух сказала Маша. – Света нас

покинула.

Мотя, которая до этого времени старалась скрыться за Сашей, внезапно высунула шею, как черепаха из слишком маленького панциря:

– А если дверь открыта?

И тут же спряталась обратно.

– Открыта? – задумчиво переспросила Маша. – С чего бы это...

Она нажала на ручку двери, и та с тихим скрипом подалась.

– Ой! – Маша по инерции сделала шаг через порог. – Света! Ты тут? Извини, мы стучали!..

– Это вообще-то номер люкс! – строго сообщила всем Шверник.

– Да ладно! А мы-то думали, сортир типа «придорожный».

– Твое чувство юмора хромает, Ира.

– Щас ты сама у меня хромать будешь.

– Да замолчите вы обе!

Машу подтолкнули в спину, и вся компания, гомоня и переругиваясь, ввалилась в двести шестой номер. Несколько секунд все оглядывались...

А затем шум как будто отсекли ножом. На срезе мерзлой тишины заструился единственный звук: Стриж втянула воздух сквозь стиснутые зубы.

Японский воин, про которого Маша и думать забыла, сжал ей горло железной рукой, пресекая тошноту, и жестко приказал: соберись! Она автоматически вскинула запястье с часами к глазам: шесть пятьдесят восемь.

Страх не было. Только неожиданное понимание, что сейчас она главная и должна решить, что делать.

– Всем выйти из комнаты, – одними губами проговорила Маша. – Ничего не трогать.

Кувалда внезапно рванулась к Рогозиной, лежавшей на кровати, но ее перехватили Маша и Анна.

– Я сказала, ничего не трогать! – осипшим голосом повторила Маша. – Быстро все на выход. Ира, ты ей не поможешь.

Они вытащили Коваль, которая осела в коридоре у стены, бессмысленно глядя перед собой. Матильда начала всхлипывать. Саша схватилась ледяными пальцами за Машину руку:

– Нам нужно вызвать врача!

Маша невидяще взглянула на нее. Врача? Зачем? Ах да, врача.

– Сначала звоним в полицию. И еще... Мотя, спустись вниз и скажи, что в отеле убит человек.

Макар Илюшин и Сергей Бабкин, два частных сыщика, ввалились в квартиру, обвешанные с ног до головы пакетами с провизией. За окном быстро темнело, закатное небо собиралось в складки: полоса густо-синяя, полоса голубая.

- А Костя где? – осмотрелся Макар.
- В лагере. У него какие-то сборы для умных.
- Все-то тебя бросили...

С этими словами Илюшин бессильно опустил пакет с мясом на пол.

– Угу. Живу беззаботной холостяцкой жизнью, – хмыкнул Сергей. – Тапочки в шкафу.

– Оно и видно по твоему осунувшемуся лицу.

– Издеваешься? Машки всего второй день нет.

– Ну и что? Ты создан для счастливой семейной жизни, как свекла для борща.

- Свекла без борща не чахнет.
- Значит, как гуппи для аквариума.

Бабкин фыркнул.

- Харч пошли сварганим, гуппи!

На кухне Макар запрыгнул на подоконник, с которого Маша ради него давным-давно убрала все цветы, и стал наблюдать, как его друг занимается ужином.

Бабкин готовил вдохновенно. Остро наточенный нож мелькал в его огромных лапах. Кусочки мяса бойко подпрыгивали на разделочной доске. На плите упревала гречка, из кружки пахло сушеными грибами, которые Сергей успел размолоть в труху.

Скорость и организованность Бабкина поражала даже Илюшина. Макар и сам делал все быстро, но за это время он успел бы в лучшем случае раскрошить сушенный гриб.

- Может, зря ты опером стал, Серега? Повар из тебя вышел бы крутой.
- Это намек на то, что оперативник из меня так себе? – Бабкин одним движением высыпал мясо на сковородку.

«Ааа, горячо!» – заорало мясо и возмущенно зашкворчало.

– Ты стремился бы к мишленовской звезде. Выигрывал бы конкурсы у Гордона Рамзи...

- Что за чувак?

Илюшин недоверчиво уставился на Бабкина.

– Ты не знаешь, кто такой Рамзи?
– Малахов, что ли? Египетского разлива?
– Почему египетского? – опешил Макар.
– Ну, Рамзес, Рамзи... – Бабкин перемешал мясо и ловко опрокинул грибную труху в гречку.

– Так, понятно: поваром тебе не быть.

Сергей включил чайник:

– Да я бы повесился от такой работы. Тебе какой заварить – черный, зеленый?

– Все равно.

– Тогда кофе, – решил Бабкин. – У нас в институте был парень, Лёха, а фамилия у него была Крупа. Вот он на третьем курсе понял окончательно, что ловить ему здесь нечего, и ушел в кулинарный техникум. Мы еще прикалывались над его фамилией: Крупа – и поваром будет.

– А про Похлебкина вы не слышали?

– Я слышал, но думал – псевдоним. Лёха Крупа был парень одаренный! Салат из редиски ваял, как Моцарт, – виртуозно! Рыба жареная у него была – богиня. Про шашлык промолчу, за этот шашлык Лёхе все грехи после смерти скостятся. Но, кроме готовки, он ни думать, ни говорить ни о чем не умел. У нас потом долго, если кто тупит, говорили: да ты как Крупа! Понимаешь, какого нестандартного интеллекта был чувак, если его имя стало нарицательным?

Бабкин задумался, перемешивая кашу с мясом:

– Слушай, а чего мы вообще про Крупу вспомнили?

– Ты про кулинарный техникум завел.

– Не я про техникум, а ты про перемену участи.

Илюшин вопросительно вскинул бровь. В активный словарь его друга не входили подобные выражения.

– Машкина фраза, – тут же признался Бабкин, безошибочно истолковав мимику Макара. – Она любит истории, где человек берет и резво меняет себе судьбу. Называет это «перемена участи» – говорит, звучит как песня.

Он разложил горячую кашу по тарелкам.

– Как у нее дела? – Макар прыгнул с подоконника и предвкушающе облизнулся.

В отличие от друга, он терпеть не мог готовить, а питался пиццами из ближайшего итальянского ресторанчика. Он был самым верным и последовательным их клиентом, и когда с утра не поступал заказ на пару пицц, администратор начинала волноваться. В последний год ресторан,

следуя моде, добавил в меню азиатскую кухню. Так Илюшин неожиданно для себя пристрастился к суши и китайским супам.

– Да вроде нормально. – Бабкин шмякнул в тарелки по здоровенному шмату сливочного масла. – Мне сразу не особо понравилась эта идея. Но дело ее.

– Когда она возвращается?

– Завтра собиралась. Сегодня еще не звонила, так что...

Телефонный зуммер помешал ему договорить.

– О! Легка на помине! – обрадовался Бабкин, выскакивая из-за стола. – Макар, извини! – донеслось уже из прихожей, где звенел телефон. – Пять сек!

Илюшин понимающе ухмыльнулся. «Пять сек», как же! Он успеет, не торопясь, уничтожить содержимое сперва своей тарелки, а потом и Серегиной, пока тот воркует с супругой.

Всего минуточку спустя в дверях появился Бабкин.

– Что, каша властно призвала к себе? – начал было насмешливо Макар, но взглянул на друга и осекся.

– Серега, что?

– Четыре часа назад в ее отеле убили человека, – очень медленно, словно не веря собственным словам, проговорил тот. – Подозревают Машу.

Глава 8

1

Следователь Палсергеич Викентьев переложил в ящик стола протоколы и неприязненно взглянул на мужчин, сидевших напротив. Палсергеич очень не любил тех, кто усложнял ему жизнь. А эти двое именно затруднением викентьевской жизни и занимались последние тридцать минут, и, что самое гнусное, не намерены были прекращать.

До их появления все вытанцовывалось. Картина преступления складывалась легко, как детский пазл. В компании теток произошла ссора на почве личной неприязни, закончившаяся порчей гостиничного имущества (в сауне). По прошествии нескольких часов подозреваемая поднялась в номер пострадавшей и нанесла ей шестнадцать ножевых ранений, из которых минимум шесть оказались смертельны. Про шесть смертельных, допустим, это Викентьев преждевременно решил – официальный результат экспертизы еще не пришел. Но эксперт над трупом работал опытный, и не доверять ему у следователя оснований не было.

Итак:

- во-первых, ссора,
- во-вторых, мотив,
- в-третьих, вот как снимет сейчас Игнатюк пальчики с ножа, как совпадут они с отпечаточками Елиной – и настанет всем счастье! Впрочем, Елиной-то нет, Елина получит справедливое возмездие, но ему, Викентьеву, точно настанет.

Уверенность Палсергеича в итогах расследования укреплял и поддерживал тот факт, что Елина отказалась давать показания. Он ей на это сразу заявил – вы, мол, выбираете тактику закоренелых преступников. Фактически подписываете себе приговор. Вообще-то Викентьев надеялся, что после таких слов она испугается и возьмется за ум. Эти бабы только с виду дерзкие и все из себя хозяйки жизни, а копни их чуть поглубже – в каждой сидит трусливая болонка и делает лужу под себя.

Правда, Елина-то как раз хозяйку жизни не очень напоминала. Баба как баба, рыжая, тощая, по всей физиономии красные пятна, будто она больная. Викентьев быстренько себе психологический портрет

подозреваемой нарисовал, как учили. Из портрета выходило, что женщина она неуравновешенная, злопамятная и трусливая. С такими как поступать надо? Правильно, прижимать к ногтю. Этому Викентьева уже никто не учил, он сам дошел, своим умом.

Ну и прижал ее. Когда она залопотала, что сама предложила подняться в номер, бросил как бы между прочим: а кого у нас тянет на место преступления?

Тут она должна была возмутиться, мол, в чем вы меня обвиняете? А он бы ей тогда: я вас, голубушка, еще ни в чем не обвиняю, у вас еще пока есть шанс дать признательные показания и получить снисхождение суда.

Ну и там добавить, в зависимости от ситуации, пару убедительных слов.

Но Елина тут малость спутала ему карты. Сидела растерянная, бледная, ладони к щекам прикладывала. И вдруг уставилась прямо на него и ладони на колени положила, как гимназистка. Пальцы длинные, точно спицы. «Не знаю, – отвечает, – кто у вас кого и куда тянет, а я вам пересказываю факты в том виде, в котором они мне известны».

У-у, тут Викентьев завелся. Не любил такого поведения. С представителями власти подобного себе позволять не нужно, считал он, власть на то и власть, чтобы ее уважать и где-то даже пресмыкаться. На этом вся страна стоит, вся система!

Так что он вышел из себя. Не по-настоящему, скорее, для виду, чтобы свидетельнице мозги на место поставить. Чтобы осознала, с кем можно в амбиции ударяться, а с кем себе дорожке выйдет. Но рассердился, конечно, что скрывать.

Не помогло. Баба глаза не отводит, смотрит дерзко. Я, повторяет, имею право отказаться от дачи показаний.

– Да не имеешь ты! – прикрикнул тут на нее Викентьев. – За отказ от дачи показаний у нас знаешь что полагается? Привлечение к уголовной ответственности! Статья триста восемь у-ка эрэф!

А что, интересуется Елина, по-прежнему взгляда не отводя, свидетельский иммунитет уже отменили?

Тут его всерьез зло разобрало. Грамотные все пошли, ёлы-палы! Лучше бы людей меньше убивали, а не лезли туда, где им понимать ничего не нужно!

Но терпения Викентьев не утратил. На пальцах ей объяснил, почему в отношении нее свидетельский иммунитет не работает. Наставлял деликатно, но твердо, что дура – она и есть дура, сама себя под монастырь

подведет! Норов-то показывать всякий горазд. Ты лучше покажи, куда первый удар нанесла и где нож взяла!

И что ему на его доброту ответила Мария Елина? Чем отплатила? Грубостью ответила и форменным хамством. Мне, спрашивает, кажется, или у нас с вами имеет место быть принуждение к даче показаний?

На все остальное, что наговорил ей Викентьев, отвечать уже вовсе ничего не стала. Губенки тонкие поджала, глаза опустила, сидит, не двигается. Промучился он с ней час – да и плюнул.

Стерва! А сперва показалась приличным человеком, не считая того, что сделала дуршлаг из некоей Ро-го-зи-ной-Крезье (ну и имечко!).

От злости Викентьев вцепился в это дело бульдожьей хваткой. К одиннадцати вечера еще возился с бумагами и уезжать из отеля до утра не планировал. Если бы экспертиза показала совпадение отпечатков Елиной с теми, что остались на ноже (а они остались, в этом он был уверен), – можно и к судье за постановлением по сто восьмой. Викентьев мысленно начал составлять ходатайство. Оснований для заключения под стражу предостаточно! Пускай посидит тетка, подумает о жизни...

И тут, как снег на голову, свалились эти двое.

Если Мария Елина следователю просто не понравилась, то ее мужа он, будь его воля, изолировал бы от общества. Эх, и бандитская же рожа! Такие братки в девяностых на стрелках народ валили почем зря. Неудивительно, что и жена ему подстать.

Второй – какой-то мутный крендель. Сначала Викентьев испугался, что супруг адвоката притащил. Но, приглядевшись, понял, что до адвоката парень не дорос. И говорил не так, как эта братия, и дверь с пинка не открывал, а все больше молчал и смотрел на Палсергеича серыми глазами с таким искренним любопытством, что в конце концов Викентьева это стало раздражать. Что он ему, жук на булавке?

Викентьев сперва вообще не собирался с ними разговоры разговаривать. Но этот вечер преподносил ему один неприятный сюрприз за другим: браток оказался бывшим оперативником, что окончательно сбilo Палсергеичу весь расклад.

Оперу по ушам не поездишь. Он процедуру еще и получше следователя может знать.

Поначалу Викентьев пытался играть теми картами, которые имелись на руках.

– Супруга ваша устроила скандал в сауне, – укоризненно сообщил он. – Расколола стол об ковш. – Он помолчал и добавил с сомнением: – И ковш об стол, кстати, тоже.

– Ковш об стол? – нахмурился бандит. – Бред!

– Бред не бред, – обиженно отозвался Викентьев. – А с показаниями можно ознакомиться, было бы желание.

Желания никакого супруг по фамилии Бабкин не изъявил. Вместо этого он резонно заметил, что ковш со столом являются материальным ущербом, а административные дела к подсудственности Викентьева никак относиться не могут.

Викентьев аж крякнул про себя с досады.

«Принесла тебя, уroda, нелегкая!»

– На каком основании, Павел Сергеевич, вы запретили моей жене покидать территорию отеля? – без выражения спросил урод. Глубоко посаженные глаза буравили следователя. Выдерживать этот тяжелый взгляд оказалось неприятно: словно над тобой висит бетонная плита, которая в любой момент может рухнуть.

– Ну, кто вам сказал, дорогой мой человек, что ей что-либо запрещали? – вздохнул Викентьев.

– Жена сказала.

– Она меня неправильно поняла.

– В самом деле?

– Я вам в третий раз объясняю: пожалуйста, пускай отправляется на все четыре стороны.

– Вы сказали ей, цитирую: «Тебе же хуже будет».

Викентьев сделал над собой усилие и постарался снисходительно улыбнуться.

– Устали ваши женщины, – пояснил он. – Убийство, показания... Волнительно все это. Вот и путаются.

– Женщина у меня одна, – очень ровно сообщил бандит. – До сих пор она никогда ни в чем не путалась.

И тут Викентьев сплеховал. У него было оправдание: он очень утомился, его вывело из себя упрямство Елиной, к тому же он судорожно пытался сообразить, не могла ли она записать его слова на диктофон. Эти современные телефоны, черт бы их побрал!

– До сих пор она никого и не убивала! – брякнул он в сердцах.

И тут в комнате произошло нечто ошеломляюще странное.

– Как ты сказал? – тихо спросил бандит и наклонился вперед, упираясь ладонями в стол, словно хотел раздавить Викентьева об стену.

Но поразило следователя не это. Устав выдерживать взгляд братка, он поднял глаза на его приятеля – и только сейчас заметил, что в комнате сидит другой человек. Не тот, который вошел тридцать минут назад.

Викентьев застыл, уронив челюсть. Первой его мыслью было – «чокнулся». Ничем иным, кроме собственного помешательства, Палсергеич не мог объяснить, как он ухитрился не заметить смену действующих лиц. Один человек вышел, другой зашел – а он, Викентьев, где был в это время?

Новый приятель бандита смотрел на него, прищурившись. В отличие от первого пацана, этот, пожалуй, тянул на адвоката. А еще вернее, с ужасом понял Викентьев, на наемного убийцу. Лицо собранное, волевое, жесткое. И глаза – не просто ледяные, а такие, которые все нутро вымораживают. Глухая тоска пробрала Палсергеича, и он обреченно подумал, что зря так вцепился в эту Елину, не надо было этого делать, и пугать ее не стоило, и с ногтем, к которому прижать стержезину, он тоже погорячился.

– Оговорился я, – пробормотал Викентьев.

Это гипноз, думал он, я здоров, просто они загипнотизировали меня. Но зачем? Что они собираются делать?

Избегая смотреть в острые глаза типа, по-прежнему не проронившего ни слова, Палсергеич опустил взгляд ниже и обнаружил, что разглядывает серо-зеленый шарф крупной вязки, на конце которого спустилась петля.

Следователя как будто ударило под дых. Именно этот шарф со спущенной петлей был на парне, которого оскорбленный муж притащил с собой за компанию. Викентьев замигал и, не веря собственной догадке, уставился на лицо мужчины в шарфе.

Серые глаза очень чистого, даже яркого оттенка – Викентьев впервые видел радужку такого необычного цвета. Четко очерченный рот с насмешливо поднятыми уголками. Светло-русые взлохмаченные волосы. Средний рост, телосложение худощавое, на щеке белый след, как будто от содранной болячки...

Викентьеву показалось, что стул под ним покачнулся. Это был тот же самый человек, который появился здесь вместе с мужем подозреваемой. Никто не гипнотизировал Палсергеича, он не сходил с ума и не засыпал, вырубившись на пять минут. Просто молчаливый юноша, вчерашний студент, взял и повзрослел махом лет на двадцать. Как вампир, только наоборот.

И вот тогда следователю Викентьеву стало по-настоящему жутко.

– Слушай, заканчивай людей пугать, – сказал Бабкин, когда они шли

по коридору. – Я думал, его кондратий хватит.

– А я думал, ты егохватишь по черепу, и на этом наше вмешательство в ход расследования закончится, – парировал Илюшин.

– Что я, дурак? Не стал бы я его бить. Хотя стоило бы. Инициативный придурок в следователях – кошмар всего отдела.

– Как его держат-то, интересно.

– Сынок чей-нибудь или племянник. Хотя, если Можайск... Может, у них с кадрами жестокая напряженка.

– В прокуратуре? – не поверил Илюшин.

– Ну, сомнительно, конечно.

Бабкин остановился и строго взглянул на Макара.

– Но ты все-таки прекращай. Даже мне не по себе стало. И вообще – ты долго собираешься обитать в шкуре бывшего студента? Я понимаю, ты продал душу дьяволу за вечную молодость, но надо же совесть иметь.

– Боишься, что мы скоро будем выглядеть как отец и сын? – ухмыльнулся Макар.

– Как два гея мы будем выглядеть, – парировал Бабкин. – Что неизбежно сузит круг нашей клиентуры.

Илюшин пренебрежительно отмахнулся.

– И заканчивай эти скачки туда-сюда, – настаивал Сергей.

– Думаешь, я нарочно?

– А что, нет?

– Да просто разозлился, – признал Илюшин. – Давно подобных экземпляров не встречал.

Бабкин вспомнил Викентьева и покачал головой. Молодой, обрюзгший, губа начальственно оттопырена, подбородок мешочком. Смехотворно маленький стаж (откуда взяться большому в таком возрасте), зато спесивая самоуверенность и скудоумие в комплекте. И кто пристроил поганца на такую должность...

– Кретин знатный, – согласился Макар, будто читая его мысли.

– И он будет заниматься нашим делом!

Илюшин рассмеялся.

– Ты чего?

– Нет, Серега, это не он будет заниматься нашим делом. А мы будем заниматься его.

Они остановились перед дверью.

– Сильно не терзай ее, – вполголоса попросил Бабкин.

Илюшин удивленно глянул на него.

– Ладно, извини, – Сергей поднял руки, словно сдаваясь. – Я просто

не представляю, как он... Этот козел на нее орал... Я понимаю, что ты не... А, черт! – он ругнулся от души. – Все, работаем как работаем. Все как обычно!

– Серега, ты офигел? – осведомился Илюшин. – Что значит «как обычно»? Это твоя жена. Работаем так, чтобы вытащить ее из этой бодяги.

Он деликатно постучал.

– А если это Машка тетку прикончила? – пошутил Сергей.

Макар обернулся.

Бабкин и раньше поражался его способности смотреть сверху вниз на человека любого роста, в том числе того, кто на голову выше. Но на этот раз Илюшин превзошел сам себя, сумев заодно одним взглядом выразить всю глубину презрительного удивления.

– Какая разница? – холодно поинтересовался он.

Бабкин не нашелся что ответить.

За дверью послышались быстрые легкие шаги – Маша бежала встречать их.

3

Надо было честно и с благодарностью признать: кодекс Бусидо неожиданно помог. Когда энергичный нахрапистый следователь перешел на «ты» и попытался убедить Машу, что именно она убила Светлану Крезье, в памяти всплыла цитата: «В искусстве красноречия главное – умение молчать». У Маши было очень много слов на языке. Красноречивых и выразительных. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы не швырнуть их в лицо этому человеку с глумливой ухмылочкой.

Она сумела промолчать. И как выяснилось, правильно сделала.

Спать не хотелось совершенно, возвращаться в Москву в середине ночи – тем более. Решено было задержаться до утра, а там смотреть по обстоятельствам. Пока же разбили лагерь, как выразился Илюшин, на его территории: в полупустом отеле он без всяких сложностей снял двухкомнатный люкс. Администратор встретила новых гостей такой ослепительно сияющей улыбкой, что Бабкин немедленно сделал зарубку на память: если тебе так улыбаются посторонние люди и при этом ты не принес им миллион долларов, не облагаемый налогами, значит, скорее всего, поблизости кого-то убили.

– Боятся в отеле дурных слухов, – заметил он. – Сейчас вокруг всех

клиентов будут водить хороводы.

– С чего ты взял?

– С улыбки девушки на ресепшене.

– Да просто она отбеливание сделала позавчера, вот и не нарадуется, – пожал плечами Илюшин. – А на убийство ей начхать.

Макар ошибался. Про убийство вполголоса, прижимая палец к губам и делая круглые глаза, говорили все вокруг. Стены сочлились шепотками: «Тсс! Ссссмерть! Сссстрашшшно!» Испуганные горничные шарахались ото всех жильцов и отказывались заходить в номера поодиночке. Очень быстро коллективное бессознательное утвердилось во мнении, что убийца – мужчина.

– Я подозревала, что случится что-то нехорошее, – сказала Маша. – Но настолько...

Она устроилась на диване, поджав ноги по-турецки и обхватив двумя руками кружку с чаем. Плечи ее укутывал клетчатый плед. Под пледом Маше было жарко, но Сергей, который и выпросил его у горничных, строго заметил: «Ты сейчас в шоковом состоянии. Видела полицейские сериалы? Там на тех, кто в шоке, сразу накидывают плед. Так что сиди и не рыпайся».

– Они накидывают, чтобы свидетель никуда не убежал! – возразила Маша. – Плед очень тяжелый, в нем легко запутаться. А я не побегу.

– Кто тебя знает...

– Маша, почему ты ждала плохого? – перебил их Илюшин.

Он попытался было по старой привычке примоститься возле окна, но «Тихая заводь» не была приспособлена для людей, предпочитающих подоконники стульям. Подоконник в илюшинском номере оказался узким, как линейка, и, потерпев неудачу, Макар перебрался в огромное кресло.

– Ты ведь всего-навсего приехала на встречу одноклассников.

– ...одноклассниц.

– Да, точно. Серега рассказал по дороге, что в школе у вас были не лучшие отношения. Но, понимаешь, обычно люди являются на такие встречи, смотрят на всех остальных и думают: «Ну и зачем я потратил на это время?» Или: «Хорошо, что съездил, даже отпетые уроды стали нормальными людьми». Или: «Все-таки люди не меняются. Иванов как был козлом, так козлом и остался». Понимаешь, о чем я?

– О том, что по прошествии стольких лет все эти подростковые трагедии утрачивают значение?

– Нет, они по-прежнему значимы. Но ты уже взрослая. Ты способна

отстраниться от них.

Маша задумалась.

– Хочешь сказать, что-то сразу шло не так? – сообразил Бабкин. – И Машкина интуиция встрепенулась?

Илюшин кивнул.

– Это выразилось в ощущении, что случится что-то нехорошее. На самом деле, когда они встретились, что-то уже случилось.

Маша одним глотком допила чай.

– Я не знаю, Макар. У меня нет никаких догадок.

– С остальными бы побеседовать, – пробормотал Бабкин. – Жаль, не получится. Все уже разбежались.

– Вообще-то никто не разбежался, – сухо вато сказала Маша.

– В каком смысле? – насторожился Бабкин.

– В прямом. Никто из наших, как выяснилось, уезжать не собирается.

Бабкин даже привстал от изумления.

4

Анна узнала об этом первой, потому что она раньше всех спустилась на ресепшен.

– А у вас еще два дня оплачено, – пропела длинноволосая девушка, похожая на русалку. «Правильно, это ведь заводь. В заводи должны водиться русалки. А еще сумасшедшие кикиморы с шальными глазами и болотняник с узким желтым лицом».

Анна тряхнула головой, отгоняя опасные мысли о нечисти.

– Еще два?

– Ну да. До пятого апреля включительно.

– Девушка, это какая-то ошибка, – подумав, сказала Анна. – Было оплачено три дня, не пять.

Из лифта вывалилась Анжела Лосина в обнимку со своей клетчатой сумкой.

– Нашли убийцу? – первым делом спросила она, не здороваясь и обращаясь ко всем сразу.

Анна не удержалась и взглянула на нее, хотя собиралась игнорировать эту липкую муху.

Лосина выглядела превосходно. Глаза блестят, щечки розовеют, на губах сытая улыбка. Последнее, безусловно, объяснялось тем, что Анжела лишь недавно плотно поужинала (что подтверждали и крошки,

засохшие над губой). Но Липецкую вдруг затошнило.

Анжела улыбнулась ей как ни в чем не бывало. Словно не звучало омерзительных намеков на водочку, коньяк и самогончик-одеколончик. Анну передернуло при одном лишь воспоминании об этом. По-хорошему, надо бы схватить Анжелу за толстую шкуру, тряхнуть как следует и выколотить из нее, откуда она все это взяла. Вот что действительно было важным, и Липецкая это понимала.

Но у нее не осталось ни сил, ни уверенности, что она справится с Лосем. «Все-таки в том, чтобы быть Шизой, имелись определенные преимущества», – с горькой усмешкой подумала она.

– Ничего, найдут, – сама себя успокоила Лось. – Как он ее ножом: хрысь, хрысь!

– Вы тоже выписываетесь? – чуть быстрее, чем следовало, спросила девушка. Даже казенная улыбка и та растаяла на ее губах. Лось обладала потрясающей способностью портить всем настроение.

– Ага. Лосина моя фамилия. Анжела.

Русалка уткнулась в компьютер.

– У вас тоже продлен срок. До пятого.

Анна начала кое о чем догадываться.

– Не могли бы вы посмотреть еще двух человек, если вас не затруднит?

Три минуты спустя ее подозрения подтвердились. Всей их группе было оплачено проживание до пятого числа.

– Когда она это сделала? – уже не скрывая волнения, спросила Анна. – Светлана Рогозина! Это ведь она заказывала номера!

– Простите, конфиденциальная информация, – поколебавшись, сказала русалка. – Тем более...

«Тем более, это та самая Рогозина-Крезье, которую зверски убили в нашем отеле». Анна поняла, что больше ничего не узнает.

Самым простым вариантом было предложить девушке денег. Но когда рядом стояла Лось, жадно вслушиваясь в их диалог, поступить таким образом было абсолютно невозможно.

– Ии-ха! Кайфуем до пятого! – жизнерадостно воскликнула Анжела.

Анна недоверчиво взглянула на нее.

– Ты что, останешься?

– Я что, дура уезжать, когда оплачено? – резонно спросила Лось. – Мне на этот номер месяц надо зарабатывать. К тому же у меня спина больная! А тут массажист, все дела... Сауна-джакузи!

Она подмигнула.

– Слушай, у тебя совесть есть, ну хоть какая-никакая? – поинтересовалась Анна. – Свету вообще-то убили. Она умерла, понимаешь? Не принято у людей так открыто демонстрировать пофигизм в подобных случаях.

– А мне ведь на самом деле пофиг, – спокойно сказала Лось. – Просто я, в отличие от тебя, не лицемерю. Померла Рогозина – и плевать. Я от нее только гадости видела. Так что, будем считать, это компенсация от нее напоследок. Нехорошо нарушать последнюю волю покойной!

Она подмигнула ошарашенной русалке, подхватила сумку и вразвалочку двинулась к лифту.

Анна уже не слишком удивилась, когда минуту спустя в холл спустились Коваль и Савушкина и спросили, нельзя ли им продлить проживание в «Тихой заводи». Русалка покорно повторила, что номера оплачены вперед.

– Девочки, а вам это зачем? – спросила Анна.

Любка только улыбнулась своей двусмысленной улыбкой и промолчала.

– Отдохнуть хочу нормально, – мрачно буркнула Кувалда. – Не все такие богатенькие.

Твердо решив досмотреть все акты этой комедии, Анна, не отходя от стойки, позвонила Саше Стриженовой. Стриж равнодушно выслушала известие о том, что номер оплачен. Но как только Анна обронила, что Коваль с Совой остаются, все спокойствие Стрижа улетучилось.

– Ты уверена? Уверена?!

– Абсолютно.

На том конце провода повисло молчание.

– Я останусь до пятого, – сказала Саша наконец. И повесила трубку, не прощаясь и ни о чем не спрашивая Анну.

– Простите, так вам готовить выписку? Простите! Извините!

Анна не сразу поняла, что обращаются к ней. Она задумалась так глубоко, что бедной русалке пришлось три раза повторить вопрос.

«Голову даю на отсечение, Шверник с Мотей тоже последуют примеру Лося».

Она провела ладонью по совершенно чистой коже на шее справа под ухом, покачала головой и улыбнулась так недобро, что девушка за стойкой сделала над собой усилие, чтобы не отшатнуться.

– Рано мне отсюда уезжать, – сказала Анна Липецкая.

– Все остались, – повторила Маша. – Я сама узнала об этом незадолго до вашего приезда.

Илюшин озадаченно почесал переносицу.

– Значит, Рогозина оплатила еще два дня, – пробормотал он, а потом сказал такое, от чего Маша вздрогнула:

– У нее был какой-то замысел.

Именно такими словами она и думала обо всем произошедшем до убийства. «У нее был какой-то замысел».

– Думаешь, она не просто так их собрала? – спросил Бабкин.

– Уверен. Маш, ты устала или еще в силах разговаривать?

– В силах.

– Тогда давай по горячим следам пробежимся по всему, что случилось вчера и сегодня.

– Уже позавчера и вчера, – поправил Бабкин, взглянув на часы, показывавшие десять минут первого.

На стол выставили не кофе, а зеленый чай, который Илюшин, проявив неожиданную предусмотрительность, привез с собой.

– На пару часов отшибет сонливость, – сказал Макар, заливая листовые червячки кипятком. – Потом повторим.

Бабкин вытащил блокнот и ручку. В отличие от Илюшина с его превосходной слуховой и зрительной памятью, Сергею требовалось подспорье в виде записей. Еще в следственном отделе он освоил скоропись и мог фактически стенографировать любую речь.

– Ну, поехали.

Пока Маша рассказывала, ни тот, ни другой не перебивали ее. Бабкин перестал писать лишь один раз – когда она упомянула про ковш.

– Рогозина обидела девочек, – сказала Маша, пристально рассматривая узор на чашке, – и я вышла из себя.

«Стол об ковш, – вспомнил Бабкин. – И ковш об стол».

Когда она дошла до того, как обнаружили тело, он вырвал из блокнота лист и протянул ей:

– Схему, Маш. Постарайся максимально точно. Как лежал труп, где был нож...

– Брызги сможешь воспроизвести? – спросил Илюшин.

– Попробую.

Пять минут спустя Маша протянула готовый рисунок.

– Примерно так...

Макар выбрался из своего кресла и сел на полу рядом с Сергеем. Оба склонились над схемой.

– Спала она, похоже... – пробормотал наконец Илюшин.

– Угу. Маш, большое пятно – это ты кровь так изобразила?

– Да.

– Макар, брызги должны быть на одежде убийцы.

– Согласен. Маш, у тебя что-нибудь изымали?

Она отрицательно покачала головой.

– Значит, завтра придут, – заметил Бабкин. – Смотри, вся локализация ударов в области грудной клетки.

– На животе тоже были раны, – Маша поежилась.

Илюшин раздосадованно щелкнул пальцами:

– В дело бы залезть, взглянуть на фотографии. Время смерти все равно мы отсюда не вытащим.

– А зачем?

Бабкин заложил руки за голову и растянулся на полу, словно собирался загорать.

– Что зачем?

– Время смерти нам к чему? Мы собираемся расследовать это дело? Нет, не собираемся. Это работа прокуратуры.

– Из того, что мы видели, вытекает, что прокуратура уже нашла себе обвиняемого, – осторожно заметил Илюшин, косясь на Машу.

Бабкин пренебрежительно махнул рукой.

– Брось! Этот Викентьев искал легких путей и обломился в самом начале.

– «Обломился»! – не выдержала Маша, чувствительная к сленгу.

– Это суровая правда жизни. Что поделать! Могу выразиться литературно: подрезали крылья Палсергеичу прямо в бреющем полете.

Бабкин закинул ногу на ногу.

– Ты, я смотрю, приободрился, – усмехнулся Илюшин. – А по дороге сюда ныл и стонал. Маша, слышала бы ты его!

– Я ожидал худшего, – пожал плечами Бабкин. – А теперь, послушав возлюбленную мою супругу... Кстати, супруга, брось в меня куском сахара... Спасибо! Так вот, послушав ее, убедился, что Викентьев может идти лесом в любом направлении.

Сергей сунул за щеку кусок рафинада и ободряюще улыбнулся жене. Маша не ответила на его улыбку.

– Я б не торопился уезжать отсюда, – сказал Макар, поднимая с пола

схему. – Что-то меня смущает во всем происходящем.

– Например?

– Ну, скажем, тот факт, что у убитой были какие-то планы на бывших одноклассниц, и она не довела их до конца.

– Ну, так теперь и не доведет, – отрезал Бабкин. – Но нас это не должно волновать. Пока я был уверен, что Машку при желании действительно можно притянуть к этому делу, стоял на ушах. Но теперь не вижу ни одной причины дергаться.

– Правда, не видишь?

– Абсолютно. Для начала, у следствия нет никаких улик, доказывающих ее причастность. Разбитый ковш – это бред Викентьева. Вот отпечатки на ноже – это уже другое дело. Но откуда им там взяться, отпечаткам? Вот именно, неоткуда.

– Сережа... – позвала Маша.

– М-м?

– Они могут найти отпечатки на ноже.

– Конечно, могут, – согласился Бабкин.

– Мои, – уточнила Маша. – На этом ноже могут быть мои отпечатки.

Сергей поперхнулся сахаром.

– Уверена? – быстро спросил Илюшин.

Маша протянула мужу остывший чай.

– Как? – с трудом выговорил тот, прокашлявшись. – Как на ноже могут быть твои отпечатки?!

Маша вздохнула и пересказала эпизод в кладовой. Слушая ее, Бабкин мрачнел.

– Почему сразу не сказала про нож? – спросил он, когда она замолчала.

– Я забыла про него, – призналась Маша. – Только сейчас сообразила, что это может быть тот же самый.

Илюшин с Бабкиным переглянулись.

– Викентьев будет просто счастлив обнаружить Машкины пальцы на орудии убийства, – пробормотал Сергей. Беззаботность и расслабленность слетели с него в одно мгновение.

– Зато у нас есть потенциальный убийца! – Макар щелкнул пальцами. – Горничная! Рогозина оставила ей всего пять рублей чаевых, например. Как не убить?

– Или пастой зеркало измазала, – мрачно поддержал Бабкин. – Заходит горничная в ванную, а там везде «Колгейт» выдавлен! И крышечка не завинчена! Она сразу за нож.

– За незавинченную крышечку я бы и сам прикончил.

– Тебе дай волю, ты бы вообще всех поубивал, один остался.

Оба замолчали. Маша молча протянула мужу коробку с рафинадом. Тот задумчиво взял два куса и снова растянулся на полу.

– Ладно, – уже другим тоном сказал он. – Допустим, отпечатки. Допустим, они там есть. Это если предполагать худшее. Но мы упускаем из виду одно важное соображение.

– Какое?

– У тебя нет мотива. Вообще! Ты, наверное, единственный человек во всем классе, которому не за что убивать Рогозину. Без мотива все липовое доказательство с отпечатками разбивается вдребезги. Потому что нож мог взять кто угодно, помимо убийцы. Что, собственно, и произошло.

Маша молчала, не глядя на мужа.

– Маш? – позвал Илюшин.

Тишина.

Бабкин приподнялся, настороженный отсутствием ответа.

– Маша?

Она не сразу оторвала взгляд от чашки.

– У тебя ведь нет мотива, правда? – настойчиво спросил он. – Да?

Маша наконец посмотрела ему в глаза.

– Тото, мне кажется, мы больше не в Канзасе, – пробормотал Макар и отвернулся.

Глава 9

1

Когда Юрин телефон высветился на экране в третий раз, Саша не выдержала и нажала «ответить».

– Может, все-таки вернешься? – мягко предложил он, не здороваясь. И было непонятно, что он имеет в виду: то ли вернуться в Москву, то ли вернуться к нему.

– У певицы Пинк есть клип, – сказала Саша. – Называется «Трай». Там парень с девушкой танцуют и мучают друг друга. Она его бьет, он ее швыряет в стену, подкидывает, перебрасывает через себя.

– Ты мне зачем об этом сейчас рассказываешь?

– Потому что он о нашей с тобой жизни. Ты меня подкидываешь и ловишь, а я каждый раз боюсь, что не поймаешь.

– Сашка, глупый ты мой человек...

– Глупый, – подтвердила Саша. – Я не живу, а жду, когда начну жить по-настоящему, в полную силу. А пока как будто краду у будущей себя кусочки жизни. Наши с тобой прогулки, ужины, постель... Все ворованное!

Действительно, зачем она ему все это говорит? Кажется, сейчас как раз бы подошло слово «грузить», которое так любят мужчины. «Она меня грузит».

– Ты хочешь, чтобы я от нее ушел?

– Хочу, – согласилась Саша. – Больше всего на свете. Не начинай мне говорить, что она жизнь на тебя положила, что ты ей всем обязан и так далее. Скажи честно: Саша, ты устраиваешь меня в роли любовницы, а она – в роли жены.

– Ты не устраиваешь меня в роли любовницы, а она – в роли жены.

– Тогда почему ты не разводишься, Юр? Что это за утонченный мазохизм?

– Какой на хрен «утонченный»? – рявкнул он. Все-таки ей удалось вывести его из себя. – Она от меня зависит полностью!

– Да тебе по душе такое положение дел!

– Ни черта подобного! Да, я сам виноват, я был в нее влюблен до помутнения мозгов, мне нравилось, что она не видит вокруг никого, кроме меня. Очень приятно – быть единственным светом в окошке.

А потом понимаешь, что, если окошко закрыть, она останется в темноте.

– Лестное для тебя сравнение, – не выдержала Саша. – Могу представить, как бы ты огорчился, если бы узнал, что этих окошек в ее комнате штук пять!

Она прикусила язык.

– Если бы так обстояли дела, я был бы счастлив, – устало сказал Юрка. – Но я очень хорошо помню, что она сорвалась тогда из-за меня. И все последующее – результат того срыва. Она не вернулась к нормальной жизни.

Саша молчала.

– Я совершенно уверен, что в зеркальной ситуации ты бы тоже не ушла от мужа, – твердо сказал он.

– В зеркальной ситуации я бы не завела себе любовника!

– Завела бы. У тебя на одной чаше весов был бы долг, на другой счастье.

– Долг может быть по отношению к детям. А к здоровому взрослому человеку...

– Она больна! У нее слабая психика!

Он спохватился, что повысил голос.

– Прости, Саш. Ты можешь считать меня подлецом, я он и есть. Но я буду врать ей и дальше, потому что это меньшее из зол.

– Тогда хотя бы мне не звони! – заорала она, забыв о сдержанности и достоинстве, о которых столько себе твердила. – Сиди со своей пьянчужкой, подкармливай чувство собственной значимости, а меня оставь в покое! Дай мне жить отдельной жизнью, без тебя!

– Не могу, – коротко ответил Юра и отключился.

Саша уронила голову на руки, но не расплакалась, а уставилась сухими глазами на грязное окно. Господи, почему у единственного мужчины, с которым она хотела бы провести ближайшие тридцать лет, такое гипертрофированное чувство ответственности?

«А ведь я близка к тому, чтобы убить ее, – отчужденно, словно не о себе, подумала она. – Как хорошо стало бы нам тогда! Как счастливо бы мы зажили вдвоем. И у него не осталось бы никаких мук потревоженной совести».

Правда, есть еще один способ. Совсем простой...

«Почему я до сих пор этого не сделала?»

Саша взглянула на телефон и на то, что лежало рядом с ним на столе. Эта вещь скоро будет ей сниться.

Всего один звонок. Всего один!

«А ты не думаешь, что из-за этого и убили Рогозину?»

«Тогда я тем более должна все рассказать!»

Саша потянулась к телефону. Но в последнюю секунду, вместо того чтобы взять его, с такой силой ударила кулаком экран, что тот треснул.

– Нашего физрука звали Андрей Ильдарович Гудасов. – Маша встала, сбросила плед и налила себе чай. – Сухонький, невзрачный, с татарскими кровями. Очень мягкий, заботливый и внимательный человек, прямо-таки заточенный под общение с детьми. Во время месячных достаточно было подойти к нему и сказать, мол, трудно мне сегодня заниматься – и все, он сразу входил в положение и сажал на скамейку. Что удивительно – никто из нас не стеснялся. Вы представьте: пятнадцать лет, от самого слова «месячные» краснеешь как помидор... Но с Гудасовым все как-то легко получалось. Ему даже Митька Ванеев один раз открыто сказал: «Не могу лезть по канату!» – «Почему?» – «Потому что я жирный!»

Мы все заржали, как дураки, до сих пор вспомнить стыдно. А Гудасов ему: «Напомни-ка мне, кто у нас кросс на пять километров выиграл?» Митька на лыжах здорово бегал, несмотря на полноту. И по канату он тогда полез как миленький. Мы ему даже аплодировали, когда он спрыгнул. Митю, кажется, это больше всего потрясло.

– А свои дети у Гудасова были? – спросил Макар.

– Двое мальчишек, один дошкольник, а второй в нашей началке.

Маша открыла форточку, и в комнату ворвался злой и цепкий ночной сквозняк. Сразу стало холодно.

– Бывают вот такие совершенно неприметные внешне люди, от которых исходит тепло. Почему-то именно в школах они встречаются редко. Андрей Ильдарович очень много с нами занимался, совершенно бескорыстно. Губанова никак не могла нормально мяч метнуть в цель, так он ее две недели тренировал после уроков. Правда, с Мотей даже Гудасов оказался бессилён, ну не получалось у нее, хоть ты сам об стенку разбейся. Махнул он рукой и вlepил ей трояк.

А я у него начала играть в волейбол. Никогда не умела, боялась мяча до слез. Мне однажды в нос прилетело от Кувалды, и я так хорошо это запомнила, что отказывалась играть наотрез.

– С тобой он тоже бесплатно занимался? – спросил Илюшин.

– Со всеми. Он и во дворе у себя футбольную команду сколотил и тренировал мальчишек в свободное время. Я очень хорошо помню, как терпеливо он приучал меня не бояться мяча. Потом учил со мной подачу. И однажды наступил момент, когда мне все это начало нравиться. Я ведь была совершенно неспортивная, вермишелина без малейших способностей. И вдруг откуда что взялось! Гудасов сам удивлялся, но при этом все время повторял: «Вот они, скрытые резервы!» Говорил, в любом человеке они есть. Даже про Мотьку Губанову сказал: это не ее вина, а моя, что я не смог их раскрыть. Хотя уж с Мотькой вообще ничего нельзя было сделать, она этот несчастный тряпичный мячик даже до стены не могла добросить.

– В какой момент в этой истории появляется Rogozina? – хмуро спросил Бабкин.

Маша завернулась в плед, села и некоторое время молча смотрела перед собой.

– Его обвинили в приставаниях к ученицам? – спокойно спросил Илюшин.

Она широко раскрыла глаза:

– Так ты слышал о нем?!

Макар усмехнулся.

– Нет. Но не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, к чему в итоге пришло все дело. Кто обвинил – ты?

– Ты что! – Маша покраснела от негодования. – Я бы никогда! Я его уважала!

– То есть он к тебе не приставал? – уточнил Бабкин.

– Да ни к кому он не приставал! Он был отличный простой дядька, нашел свое место в жизни и был счастлив, что приносит пользу. Но в это время в газетах начался очередной бум разоблачения педофилов. Кто-то из маленьких детей что-то якобы вспомнил, кто-то сболтнул во дворе, дошло до родителей... Но началось все с того, что на Гудасова написали анонимку. И разослали по всем инстанциям, от администрации района до прокуратуры.

– Должны были провести проверку, – нахмурился Сергей.

– Она и была. Ничего не доказали. Дети признались, что они все выдумывали и вообще толком не поняли, о чем речь. Девочка из четвертого класса, утверждавшая, что Гудасов щипал ее за попу, сказала, что перепутала физрука с мальчиком, который ей нравится. С мальчиком! И так по каждому пункту!

– А анонимка?

– Автора не нашли. Ясно было только, что это девочка и она из старшекласниц. Очень грамотно и убедительно было написано, со всеми деталями, как он к ней приставал после занятий, хватал за грудь и звал в подсобку.

– Откуда подробности?

– Письмо утекло и попало в газеты.

– У-у-у... – понимающе протянул Бабкин.

– Вот именно! И люди, которые не имели никакого отношения к нашей школе, ополчились на учителя физкультуры, которого никогда в жизни не видели и ничего о нем не знали.

– Ну, это как раз не редкость.

– Но в тот раз приняло колоссальные масштабы! Все сошлось вместе: и бум на разоблачения, и горячая тема, и это проклятое письмо... В итоге все покатило как снежный ком, и Гудасова просто погребло под ним.

– Он уволился?

– Его вынудили. К директору заявлялись мамы, кричали, что не позволят извращенцу работать в школе... Но самое ужасное случилось потом. Он возвращался вечером домой, и на него напали какие-то бритоголовые. Не знаю, скинхеды или нет, да и не важно, кто они были. Они избili его, раздели полубессознательного, обложили газетами, в которых было опубликовано это самое письмо...

– И подожгли? – глуховато спросил Бабкин.

– Пытались. Их спугнули собачники. Гудасов три месяца провел в больнице, а когда вышел, ни один родитель не отпускал своего ребенка играть с ним в футбол. Я помню, как он ходил по площадке, такой маленький, жалкий...

Она шмыгнула носом и достала платок.

– В итоге их семья переехала на другой конец города. А потом и вообще исчезла. Кто-то говорил, что Гудасов подался в Краснодар, у него там жил брат. Но на самом деле никому ничего толком о нем больше не было известно.

Бабкин встал, закрыл форточку и погладил Машу по плечу.

– Он был такой хороший, – сказала она, сдерживая слезы. – Наверное, лучший учитель, который мне встречался! Самое главное, все наши понимали, что эта история – абсурд от начала до конца, что ее раскрутили журналисты и психически нездоровые активисты из старушек с безумными взглядами. Одна такая потом приходила к школе с самодельным плакатом «Руки прочь от наших детей!». С ней была собачка, маленькая, гладенькая, как фасоль, черная и стервозная. Эта фасоль бросалась на перwokлашек

и в итоге кого-то покусала.

– Тогда старушка пришла с плакатом «Руки бы вырвать этим детям!», – предположил Макар.

Маша невесело усмехнулась.

– Мне по-прежнему непонятно, при чем тут Рогозина, – пробубнил Бабкин. – И при чем тут ты?

Маша глубоко вдохнула. Спокойно, спокойно, спокойно... Это было очень давно, очень давно.

Но привычная мантра не помогала. Слишком старательно она выковыривала по кусочкам из себя всю эту историю, как инородное тело, как разорвавшуюся пулю. Ей даже казалось, у нее что-то получилось. Но сейчас, когда муж и Илюшин сочувственно смотрели на нее, Маша осознала, что просто загоняла осколки вглубь.

«Со стороны произошедшее не выглядит таким трагичным, как изнутри. Просто неприятный эпизод. Вот и надо рассказать, как о неприятном эпизоде».

Маша протянула руку за рафинадом и, задумавшись, забыла бросить его в чашку.

– Светка Рогозина... Она...

Господи, ну разве мыслимо это пересказать? Тишину притаившегося класса, беготню солнечных зайцев по чистой доске, напряжение, звенящее в воздухе? Как объяснить, что Светка хотела жертвы – и не получила? Что она знала, как сильно Маша хочет ей врезать, и ждала этого?

– Она невзлюбила меня, – наконец сказала Маша. – То есть нет, это чушь. Она меня всегда презирала. Но однажды так случилось, что у нее не вышло кое-что, на что она рассчитывала.

«А еще на первом курсе института она стала встречаться с Митей Ваневым. Никто этого не ожидал, и сам Митька меньше всех. Но он всегда умел ее рассмешить, он кого угодно умел рассмешить. Может быть, она слишком хорошо запомнила, как он заступился за меня. Может быть, она уже тогда решила, что прихлопнет меня при первой возможности. А что этой возможности пришлось дожидаться три месяца, так Светка, вынашивая месть, была очень терпелива».

– Когда началась вся эта жуть с Гудасовым... Нет, уже после того, как его избили... В общем, через некоторое время все решили, что это я виновата.

Бабкин присвистнул.

– Она что, сказала, что это ты автор письма?!

– Ты недооцениваешь ее, Сережа. Она не сказала прямо! Она пустила

слух. Через Кувалду, Сову, Лося... Через Шверник, которая трепала языком на каждом перекрестке. Якобы в администрации у ее отца стоит секретный аппарат, на котором можно стопроцентно установить совпадение почерков. И анонимку сверили с сочинениями старшеклассниц. Говорили даже, что это сочинение задали им специально, чтобы выяснить, кто подставил Гудасова, даже дату называли! И почерк анонимки стопроцентно совпал с моим.

– Это ж ахиня, – растерялся Бабкин.

– Именно в такую ахиню охотнее всего и верят, – подал голос Макар. – Особенно в школе.

– Свою роль сыграло то, что меня никто не обвинял прямо. – Маша раскрыла сахар на стол, не замечая, что делает. – Никто не тыкал пальцем, не обзывался. Только шепотки за спиной: смотрите, смотрите, это все она! Это из-за нее! Все знали, что мы занимались несколько месяцев. Я вообще была единственной, кого Гудасов так упорно и долго тренировал. Поэтому пазл у всех сложился без сомнений. К концу школы я стала изгоем.

Маша облизнула пересохшие губы. Может быть, достаточно?

– Это все? – спросил Бабкин, словно уловив ее сомнения.

«Нет уж, рассказывать – так рассказывать целиком».

Но этот осколок врос слишком глубоко.

Вороня лошадь рысит в леваде, косит глазом, пробегая мимо. Над левадой простирает ветки старый тополь. Тысячи острых пахучих листиков вылупляются из почек. Солнце припекает спину, бежит лошадь, пахнет тополем, и лето размашисто шагает тебе навстречу. Лето, когда можно будет проводить в конюшне все свободное время, с утра до вечера. Силуэт лошади, запах тополя, тепло от солнца, предчувствие бесконечного счастья сливаются в одно непередаваемое ощущение огромной, бесконечной, прекрасной жизни, и Маша срывается с места, мчится вдоль ограды, как жеребенок, высоко подбрасывая руки и хохоча...

– Я в тот год исполнила свою мечту и записалась в школу верховой езды, – очень медленно выговорила Маша. – Количество мест было ограничено, тренеры неохотно брали девчонок. Но на меня согласились – может быть, потому, что я сама готова была хвататься за любую работу. Все конюшни драила, каждую лошадь могла скребком так отчистить, что у нее шкура блестела! Даже жеребца Топаза, которого все боялись.

– Я не знал, что ты занималась конным спортом, – удивленно сказал

Бабкин.

– Занималась, – кивнула Маша. – Два месяца. У меня получалось. Я рвалась в конюшню каждую свободную минуту, просто с ума сходила по лошадям. А однажды я пришла...

Местная дворняга, Жук, гавкает, когда она пробегает мимо него. Со скамейки у входа в конюшню поднимается коренастый мужчина, тушит сигарету в жестяной банке. Здесь курить нельзя, но ему можно. Машет ладонью, разгоняя дым. Загораживает ей проход.

Зачем она все это помнит?

«Здравствуйте, Игорь Петрович!»

«До свиданья, Маша».

– Наш старший тренер, Колядников, вышел мне навстречу, развернул за плечи и подтолкнул обратно. Я даже не поняла, что происходит. Попробовала снова к нему подойти – а он то же самое делает. Как с собачонкой, которую гоняют от дверей. Когда я заплакала, он сказал, чтобы больше ноги моей на конюшнях не было. Что ему повторение гудасовской истории не нужно.

– Вот поганец! – процедил Бабкин.

– Я ему клялась, что не имею никакого отношения к анонимке... Но если Колядников что-то решал, переубедить его было невозможно. Он распорядился не пускать меня на конюшни и выкинул из группы.

– То есть поступил в точности как те люди, которые сделали выводы о Гудасове на основании слухов, – констатировал Макар.

Маша задумалась.

– Да, пожалуй. Но мне от этого было не легче. Знаешь, это смешно, но я поняла, что чувствовал Адам, когда его изгнали из рая. А ведь он даже яблоко не срывал.

Она заставила себя улыбнуться, но по сочувственному лицу Илюшина поняла, что делать этого не стоило.

Бабкин подсел к ней и обнял за плечи.

– Машка, почему же ты мне ничего не рассказывала? И почему мы с тобой до сих пор не нашли конно-спортивную секцию, их же полно в Москве!

Она благодарно потерлась носом об его плечо.

– Не нашли – потому что поздно, Сережа. Верховой езде надо было учиться вовремя. А самое главное, мне эти лошади жизненно необходимы были именно тогда. Они буквально спасали от всего: от несчастной любви,

от ссор родителей, от страха, что я не поступлю в институт. Ты не представляешь, каким затурканным несчастным существом я была в старших классах. И внезапно нашлось место, где я чувствовала себя не прячущейся от жизни, а живущей! Счастливой! И вдруг все закончилось.

– А мне почему не рассказывала?

Маша высвободилась.

– Когда мы разводились с Игорем, он бросил в пылу ссоры, что я всегда действую втихую. И добавил: как в школе с бедолагой физруком. Я понятия не имела, что он знает о Гудасове! Я вообще никому никогда об этом не рассказывала! И когда он это выкрикнул... В общем, лучше бы он меня ударил.

– Вот уж не ожидал от Костиного папаши такой подлянки, – пробормотал Бабкин. – Вроде бы вменяемый мужик.

– Меня это так потрясло... Почти как тогда у конюшен, когда Колядников развернул меня за плечи и разве что пинка под зад не дал. И я подумала: а вдруг это правда я написала ту анонимку?

Ну вот. Она это выговорила.

– С ума сошла? – оторопел Бабкин.

– Все поверили слухам, – бесцветным голосом сказала Маша. – Тренер поверил. Учителя поверили. Класс поверил. И человек, с которым мы прожили несколько лет и родили ребенка, тоже поверил. Значит, во мне было что-то такое, что не оставляло сомнений.

– А может, это они были идиоты, а тренер твой вообще козел? – взъярился Бабкин.

– Нет. Так не бывает. Не могут быть все идиоты, а я одна невинно оклеветанная.

– Да почему же не может, когда ты только что рассказала про твоего физрука?! Маша, ты что несешь вообще? Признайся, ты шутишь!

Сергей вскочил от возмущения.

– Я могла написать анонимку и забыть об этом, – сказала она. – Избирательная амнезия. Такое случается.

Бабкин отвернулся и выразительно произнес несколько слов, обращаясь к стене.

Илюшин негромко рассмеялся и хлопнул в ладоши.

– В честь чего аплодисменты? – мрачно поинтересовался Сергей.

– Есть такой эксперимент: на доске рисуют зеленую линию, и потом двадцать человек, заранее сговорившись, утверждают, что она синяя. А один, двадцать первый, который ничего не знает, тихо сходит с ума. И в конце концов тоже соглашается, что линия синяя, а не зеленая. Никогда

не верил, что такие люди существуют в реальной жизни. Однако же вот наглядный пример!

Илюшин широким жестом указал на Машу.

Она виновато улыбнулась.

– Все-таки не совсем наглядный. Я только иногда начинала думать про амнезию. Но мне от этих мыслей, от ощущения, что я ненормальная, становилось так жутко, что я сразу же прекращала. И всегда, всякий раз где-то у меня за спиной стояла незримая Света Рогозина и тихо хихикала.

– Подожди-ка, – Бабкин присел перед ней на корточки. – А откуда стало известно, что это она пустила слух о тебе?

Теперь Маша рассмеялась уже от души.

– Что? Что смешного?

– Ты по-прежнему не представляешь, что за личность была Светка. Она сама мне об этом сказала, Сережа! Не могла же она упустить возможность насладиться выражением моего лица.

3

Два часа ночи. Я скольжу по «Тихой заводи», как по волнам. Нет звезд над нами, только шерстяные пряди облаков несутся на север. Деревья рвут небо ветвями. Ветер воет, как потерявшаяся собака, и трется об углы старого отеля.

В комнате на втором этаже три человека: двое мужчин и женщина. Говорят, говорят... Женщина плачет. Снова говорят. Я не слышу слов, я вижу иным зрением, но если потребовалось бы описать то, что открывается передо мной, я сказала бы – цвет. Много цвета. Густой синий, ровно горящий, как сердцевина лепестка свечи. Золотисто-розовый с тревожными всполохами багрянца. И чуть в стороне – странный, никогда не виданный мною прежде (я знаю это наверняка) прозрачный зеленый. Если не сосредоточиваться на нем, он кажется чистым и ровным, как если бы трава стала водой. Но стоит взглянуться, и зелень наполняется глубиной, словно ты в лодке вдруг перенесся от берега на середину моря и смотришь вниз, перевесившись через край: там, под тобой, то, что одновременно завораживает и заставляет цепенеть от страха.

Я не задерживаюсь надолго. Что-то подсказывает мне, что здесь нельзя оставаться. Но когда я покидаю комнату, всполохи багрянца тускнеют, а синеву обтекает угольная кайма черноты. Одной из них стало легче: другой принял ее ношу.

Я скольжу дальше. Вот тихо светится лиловый – женщина спит, страх и раскаяние отступают от нее на время. Крошечная фиалковая прожилка пульсирует в ней. Ей уже известно? Да, известно... Но она думает, что снова будет мальчик.

Как много узнаешь после смерти.

Еще одна комната. Серебристый струящийся лед и потоки вспыхивающей лавы – меня обдает холодом и гневом. Если бы эта женщина дала волю своим чувствам, она бы убила меня раньше той, другой. Сколько ярости, заточенной внутри, как в камне! Мне хочется коснуться ее, стянуть края страшных рваных трещин, на дне которых бурлит огненная река. Вот твой истинный цвет, оранжевое буйство, но не пламени, а алеющего на солнце мака.

Но я ничем не могу ей помочь.

Комната за комнатой, сияние за сиянием, и нет ни одного, которое повторялось бы. Над очередным, глухим асфальтовым серым, я ненадолго замираю. Здесь страх иной, он шевелится и течет под плитами, как подземная река. Он не дает уснуть. Он выстужает сердце. Будь я жива, мою душу согрело бы то, что открывается мне сейчас. Но после смерти на многое начинаешь смотреть иначе. Я вижу, как по тусклому серому бегают пятна, словно разноцветные солнечные зайцы, обрывки радуги. Их можно собрать вместе – вот здесь, под сердцем, несколько из них сливаются воедино, и радужное озеро завораживает переливами. Она болезненно любит ребенка и мучается, не умея ни выразить любовь, ни обезопасить свое дитя, и знай я об этом раньше, я не сделала бы того, что сделала.

Ветер стихает, и призрачная луна встает над «Тихой заводью». Еще одна комната. Еще одна женщина.

Мертвенный свет обволакивает моего палача и несостоявшуюся жертву.

Несправедливо, что при жизни нам дано увидеть так мало. Или же мы сами не желаем прозреть, вглядываясь только в себя, но не в других? Встреть я ее в этом облике...

Да, я отошла бы.

Я всматриваюсь в нее и вдруг замечаю то, чего не видела прежде.

Если бы у скрежета был цвет, он выглядел бы именно так. От него хочется заткнуть уши и зажмурить глаза, но я не имею возможности сделать ни то, ни другое. И уже не могу притвориться, будто не знаю ее намерений. Лгать себе возможно лишь при жизни, после – уже поздно.

Этот скрежет не унять. Он коверкает все цвета, меняет очертания.

Она сама нанизала себя на него, как на стальную булавку, и уверена, что та делает ее сильной. Но я смотрю с той стороны, откуда все предстает без искажений.

Она безумно боится, что ее узнают. Этот страх так силен, что она будет убивать каждого, кто осмелится раскрыть ее тайну.

4

– Итак, у нас есть мотив, – сказал Илюшин. – В смысле, не у нас, а у тебя, Маш.

– И, предположительно, улика, – виновато добавила она.

Сергей покосился на обоих и пожал плечами:

– Это не мотив, а детский лепет.

– ...который перестанет быть таковым, как только найдут отпечатки твоей жены на ноже.

– Если найдут.

– Если, – согласился Илюшин.

– Звучит не очень обнадеживающе... – пробормотала Маша. – Слушайте, давайте уедем отсюда завтра же, а? Пускай все это продолжается без нас.

– Напротив, – возразил Илюшин, – давайте останемся.

– Согласен. – Бабкин долил себе еще чаю и выпил одним глотком. – Нам нельзя сейчас отходить в сторону, Маш. Ты видела следователя.

– Я бы не стал пускать дело на самотек, надеясь на профессионализм товарища Викентьева, – вкрадчиво согласился Илюшин.

Маша вспомнила профессионализм товарища Викентьева, и лицо ее приобрело недоброе выражение.

– Но вы же не можете расследовать дело частным порядком!

– Почему же? Можем. Серега, брось мне сахар. – Илюшин ловко поймал белоснежный кубик. – Просто мы не будем называть это расследованием. Беседовать со свидетелями нам никто пока не запрещает. И, на наше счастье, все они остались здесь.

Маша задумалась.

– Ты не знаешь, камеры в коридорах есть? – вполголоса спросил его Бабкин.

– Знаю – нет. Первым делом спросил на ресепшене.

– То есть вообще никакой фиксации. Здорово! Кто угодно мог войти в номер. Не обязательно это был кто-то из Машкиной тусовки.

– А я сразу предложил горничную! – Илюшин с хрустом разгрыз рафинад белыми зубами. – Или у меня есть еще одна кандидатура. В холле периодически проплывает дама, не знаю, как ее должность называется... Старшая над девицами.

– Бандерша!

– Чувствуется знание предмета, – одобрил Макар. – Да, кто-то в этом роде. Грива как у льва, взгляд такой же, и из пасти несет сожранной антилопой.

Маша очнулась от задумчивости:

– Вы о ком?!

– О старшем администраторе отеля, судя по всему, – пояснил Бабкин. – Она задела в Макаре самые чувствительные струны души. Он готов жениться.

– Демоническая тетка! – Илюшин удовлетворенно потер руки. – Тютелька в тютельку подходит на роль убийцы.

– Пока на роль убийцы подхожу я!

– Не льсти себе, Мария.

Она хмыкнула. Является ли оскорблением его уверенность, что она не способна нанести человеку шестнадцать ножевых ранений?

Бабкин встал и потянулся, покрутил головой, разминая шею. «Как мы до ужаса обыденно себя ведем, – подумала Маша. – Rogozina мертва. Я нашла ее тело восемь часов назад. Такое чувство, будто прошло двое суток, не меньше. Но меня по-прежнему поражает не столько ее смерть, сколько тот факт, что одна из нас ее убила. Не то чтобы это не укладывалось в голове – ровно наоборот. Я могу представить каждую из бывших одноклассниц на этом месте. Включая себя, несмотря на всю уверенность Макара в обратном».

Она налила очередную порцию волшебного илюшинского чая, горького как хина. Спать не хотелось, непонятно, от чая или нет. Невозможно представить, что она ляжет в кровать, обнимет мужа и спокойно заснет.

– Серега, покажи мне свой блокнот, – попросил Макар.

– Держи. Что ты хочешь там найти?

Илюшин быстро перелистал первые страницы.

– Подтверждение своей догадке, кто убил Rogozinu.

Маша поперхнулась чаем. Бабкин так и застыл с поднятой рукой.

– Ты шутишь, – откашлявшись, выдохнула она. – Сережа, он же шутит?

Бабкин молчал и озадаченно рассматривал Макара. С одной стороны,

невозможно за час вычислить убийцу, выслушав от свидетеля пересказ событий. Так только в книжках бывает, да и то в таких, которые в наше время уже не печатают – читатели засмеют.

С другой стороны, это же Илюшин...

Макар редко основывался на фактах. Нет, он принимал их в расчет, но, обладая обостренной интуицией, больше полагался на нее. В двух случаях из десяти это приводило к ошибкам. В остальных восьми – к верному ответу.

Он замечал не то, что видели все остальные. Если бы Бабкину и Макару раздали по блокноту и попросили описать одно и то же событие, происходившее на их глазах, записи получились бы кардинально разными.

Сергей описывал, что люди делают.

Макар описывал, что они при этом чувствуют.

При этом психологию он считал лженаукой и никогда не мог или не желал объяснить, на чем основывает свои выводы.

Сергей, бывший оперативник, всегда плясал от фактов. Он вообще не очень хорошо осознавал, что такое интуиция и как она работает. После нескольких лет расследований под руководством Илюшина, его временами охватывало чувство, что он приблизился к пониманию. Но всякий раз Макар выкидывал фортель, который снова отбрасывал Бабкина к основанию гигантского вопросительного знака.

Как, например, сейчас.

– Шутит, конечно, – успокаивающе сказал он жене. – Или, вернее всего, глумится.

– А, ну хорошо тогда, – кивнула Маша. – А то уж я заволновалась.

Макар оторвал взгляд от записей. Выглядел он в эту минуту совершенным юнцом, лохматым, веселым и очень довольным.

– Профессия! – провозгласил он и помахал блокнотом.

– Или просто с шариков съехал, – предложил Бабкин Маше третий вариант. – В принципе, я давно этого ждал.

– Макар, при чем здесь профессия? – осторожно поинтересовалась Маша. – И чья, собственно?

– Твоя, разумеется!

– Моя?

– Ну да. Это очень здорово, что ты сценарист. Просто замечательно!

– Почему же? – спросила Маша, пытаясь хоть как-то связать сценарии для детских передач с убийством Светы Рогозиной и ощущая полное бессилие.

– Потому что это накладывает свой отпечаток, – воодушевленно сказал

Илюшин. – Обычно люди не только не понимают того, что они видят, но даже не могут увиденное внятно изложить.

Маша окончательно потеряла нить извилистой илюшинской мысли. Сергей, судя по его лицу, ее и не находил.

– А ты – можешь, – уверенно продолжал Макар. – Ты прирожденный рассказчик. Хороший рассказчик всегда сообщает слушателю больше, чем думает.

– Чем думает о чем? – растерянно спросила Маша.

– Обо всем, – размыто ответил Илюшин.

Наступило молчание. Макар удовлетворенно смотрел на Машу с Сергеем, уверенный, что все им прекрасно объяснил. Бабкин смотрел на Макара, размышляя, били ли того в детстве, и если нет, то почему. Маша пыталась понять, стошнит ли ее, если она выпьет еще адского илюшинского отвара, или лучше не рисковать.

– Так, давай сначала, – попросила она, решив, что чай все-таки нужен. Вообще что угодно, приводящее в чувство, просто необходимо, когда долго имеешь дело с Макаром. – Правильно я поняла, что о чем-то важном рассказала тебе, сама того не осознавая?

– Абсолютно!

– И что же это? – не выдержал Бабкин. – Не томи душу, выкладывай. Красуется, понимаешь, как павлин.

– Строго говоря, павлин не красуется... – начал Илюшин, но, заметив взгляд Сергея, быстро согласился: – Хорошо, про павлинов не будем. Итак...

– Итак, о чем, по-твоему, рассказала Машка?

– Как минимум, о двух очень любопытных вещах! Во-первых, о том, что все боялись приезда одного человека. Все, кроме тебя, Маш: ты даже не поняла, что происходит, лишь зафиксировала какую-то неправильность в происходящем. Надо будет разобраться, отчего так вышло. Скорее всего, ты пропустила что-то важное, но когда оно успело случиться – вот вопрос.

– Приезда одного человека? – эхом откликнулась Маша.

– Во-вторых, – увлеченно продолжал Илюшин, – из твоего текста – ну, из Серегоного текста, если уж быть объективным, – совершенно очевидно, что ты не знаешь точно, кто приехал вместе с тобой в отель.

Маша умоляюще взглянула на мужа.

– Маша не знает? – уточнил тот. – Про своих одноклассниц?

– Не имеет полного представления, скажем так.

Бабкин что-то прикинул и обернулся к жене:

– Шарики. Это они.

– Нет, вы серьезно не понимаете? – удивился Макар.

– Если оторвать ему голову и потрясти, то будет слышен металлический стук, – доверительно поведал Бабкин.

– Но это же очевидно!

– Перестали магнититься, – пояснил он. – Надо отдать его в ремонт, но, боюсь, гарантия на него закончилась.

Илюшин насмешливо фыркнул.

– Но ведь ответ просто бросается в глаза, мои недогадливые друзья. Маша не узнала многих из тех, кого увидела.

– Кого, например?

– Для начала – Шверник, Липецкую и Стриженову.

– Ну и что? Люди меняются!

– Само собой, но речь не о том. Она увидела новых людей, совершенно незнакомых. Свежих, так сказать. Их можно было бы с таким же успехом взять с улицы и присвоить имена в произвольном порядке.

– Ну, допустим, – неуверенно протянул Бабкин.

– У нее вызвала сомнения Люба Савушкина, и только двоих Маша идентифицировала четко: Матильду Губанову и Анжелу Лосину.

– Подожди, а Коваль? – вмешалась Маша.

Макар покачал головой.

– Ты ее узнала по сопутствующим признакам.

– Каким?!

– Сопутствующий признак Коваль – это Савушкина. Маленькая хрупкая женщина и большая грубая тетка. Фея и колхозница. Как только ты увидела эту парочку, у тебя нашелся в памяти подходящий ярлык. В принципе, на их месте могли быть любые другие люди похожего типажа.

Маша от изумления забыла про чай, который собиралась выпить.

– Нет, постой... Я узнала их по голосам! Раньше, чем увидела!

– Аргумент, – согласился Илюшин. – Сам голос изменить трудно. Зато манеру говорить...

Он вдруг подобрался, подался вперед и протянул, гнусая:

– Слышь, ты чо-то борзеешь не по-детски, Елина...

Бабкин захохотал. Маша широко раскрыла глаза. Это было точное воспроизведение голоса Кувалды, которую Илюшин не видел ни разу в жизни.

– Откуда ты... Как тебе...

– Говорю же – ты отличный рассказчик, – сказал Макар уже своим, привычным тоном. – Трех характеристик голоса достаточно, чтобы

попытаться ему подражать. Это не так сложно, как кажется.

– Ты хочешь сказать, Машка не может четко идентифицировать пятерых женщин из семи, – уточнил Сергей, озадаченно потирая лоб.

– Нет. Я хочу сказать, она вообще никого из них не может идентифицировать.

– А Мотя?! – вскинулась Маша. – Макар, ты что! Не делай из меня сумасшедшую.

Он снисходительно улыбнулся.

– Все обстоит ровно наоборот. Я делаю из тебя крайне здравомыслящую женщину! Сумасшедший видит знакомое лицо и тревожится: а не инопланетянин ли это в человеческой шкуре, притворяющийся моим другом? Здравомыслящий человек видит неуклюжую толстуху и прикидывает: кто же это из моих друзей? У него в голове есть перечень известных имен. Он произвольно примеряет к ней каждое и, найдя совпадение, останавливается. Все! Диагностика завершена. С Лосиной сложнее, у нее нет настолько ярко выраженных признаков, чтобы для опознания хватило одного. Но если взять другую пучеглазую коротконогую женщину и поставить перед тобой, ты не будешь полностью уверена, кто из них твоя бывшая одноклассница.

– Но лица! – запротестовала Маша. – Я же помню лица!

– Два лица, – уточнил Илюшин. – Матильду и – кого еще?.. Лосину?

Маша не ответила. Она пыталась представить, что встретила бы в отеле любую энергичную низенькую женщину на крепких ножках, которая приветственно кивнула бы ей. «Я решила бы, что это Лось. Мне хватило бы минимального сходства, на уровне типажа. Собственно, я так и сделала».

– Одно лицо, – признала она. – Мотино.

– Ну вот. Что и требовалось доказать.

Бабкин, переводивший взгляд с одного на другую, не мог больше молчать.

– Да вы с ума сошли оба! Тетки же общались! Вспоминали былое! Орали друг на друга! Невозможно чужаку притвориться кем-то, кого знает семь человек! Ну, или знало неполных двадцать лет назад.

– Чужаку – нет, – сказал Илюшин. – И здесь мы вплотную подходим к весьма интересному вопросу.

Почему-то в этот момент Маше захотелось выйти из комнаты, а еще лучше – выбежать, пока длится пауза. Она чувствовала, что не хочет слушать ни интересный вопрос, ни узнавать не менее интересный ответ. Ей только что убедительно разъяснили, что она вполне могла не знать

половины из присутствующих на встрече, и это произвело на нее сильное впечатление.

Но зачем? Зачем кому-то притворяться, скажем, Сашей Стриж?

– Не томи, голубь, – попросил Бабкин. – Куда подходим-то? К какому вопросу?

– К вопросу о том, кто такая Юля Зинчук.

Глава 10

1

– Она была умница, – сказала Маша. – Только немножко странная.

– В чем это выразалось? – тут же спросил Макар.

Маша задумалась.

– Наверное, это все-таки мы были странные, – призналась она после долгих размышлений. – А Юлька как раз нормальная.

– Опиши ее. Максимально подробно.

Бабкин раскрыл блокнот и приготовился записывать. Он устроился на полу: все стулья в этом номере казались ему слишком хлипкими, да и кресла не вызвали доверия. Макар за неимением полноценного подоконника запрыгнул на край стола и сильно склонился вперед, подавшись к Маше. «А вот теперь он всерьез взялся за дело, – понял Сергей. – До этого была разминка».

– Ну, она была типичная серая мышка, – сказала Маша. – Мне кажется, такие есть в каждом классе. Отличница, очкарик, упрямая тихоня. Мать у нее была бухгалтером, это я точно помню. Она вечно таскала портфель на одном плече – Юлька, не мать, – и к одиннадцатому классу спина у нее выглядела здорово перекошенной.

– А внешность? – спросил Илюшин.

Маша невидяще уставилась перед собой.

– Почему-то кроме очков и мышшиной косички ничего не вспоминается, – призналась она.

– Рост? Телосложение?

– Примерно с меня, может, чуть выше или чуть ниже. Не дылда и не карлица. Худая. Сейчас бы про нее сказали «стройная». Она была очень умная, но мы этого долго не замечали.

– Почему?

– Понимаешь, тихонь в школе редко считают умными. Точнее говоря, их никакими не считают, про них вообще не думают. Чтобы обращать на себя внимание сверстников, ты должен чем-то выделяться. Не выделяешься? Значит, не стоишь внимания. Во всяком случае, так было в нашем классе.

– А Зинчук не выделялась? – быстро уточнил Макар.

– До определенного времени. В десятом классе в середине года к нам пришел новый учитель по геометрии – на замену. Провел два урока. Учитель был пожилой и высокомерный, у него на лице было написано, что всех нас он по умолчанию считает идиотами – ну и мы не стали его разочаровывать. Тем более что во многом он был прав: геометрию с алгеброй нам преподавали из рук вон плохо. Но разговаривал он с нами так брезгливо, что в конце концов Светка Рогозина сделала ему замечание.

– То есть?

Маша усмехнулась.

– У Светки, в отличие от всех нас, не было прописано в настройках такой опции, как почтение к учителю. Она считала, что уважение сперва нужно заслужить. И ей было плевать, кто перед ней – учитель, дворник или президент. Она никому не позволяла так с собой разговаривать.

Сергей представил учителя советской закалки, которому десятиклассница делает замечание.

– И что дядька ей ответил?

– Выгнал из класса, – предположил Илюшин.

– Нет, он поступил куда умнее. Взял мел и написал на доске какую-то задачу – до сих пор помню, что речь там шла о коллинеарных точках.

– Теорема Менелая?

– М-м-м... Кажется, да.

– Ее как раз в десятом классе раньше проходили. Ну ладно, не имеет значения. Итак, он написал задачу...

– ...положил мел, отошел в сторону и очень мило улыбнулся.

...Мел упал и закатился под первую парту – маленький грязно-белый кусочек. Никто не наклонился за ним. Двадцать пар глаз следили за каждым движением немолодого узкоплечего мужчины со щегольской бородкой. Тот двигался подчеркнуто неторопливо, даже с ленцой. Маше пришло в голову, что он нарочно уронил мел.

– Ну так вот, мои дорогие! – Он снял и протер очки, будто продолжая давно начатый разговор. – Вы претендуете на уважение. Я говорю, что уважать вас не за что. Заметьте, я с вами честен! Но вы этого не цените. Тьмы низких истин вам дороже вас возвышающий обман.

Учитель надел очки и оглядел молчащий класс.

– А что, уважение заслуживается непременно знанием геометрии? – нарушила тишину Маша.

Рогозина одобрительно кивнула, и она почувствовала нелепую гордость.

– Да-с, моя юная леди! Представьте себе! Пока вы учитесь в школе, вы для нас, преподавателей, – лишь сумма знаний. Не верьте тому, кто будет убеждать вас в обратном. Вот потом, когда вы закончите институты и займете свое место в жизни, каждый из вас будет что-то представлять из себя как личность. А пока, уж простите, вы просто заготовки хомо сапиенса!

Он налил в стакан воды. Лёшка Демьянов порывался что-то сказать, но учитель выставил вперед ладонь запрещающим жестом. И пока он пил, никто не осмелился нарушить тишину.

Маша смотрела, как ходит кадык под воротником свитера, и думала, что фокус с водой он тоже проделал специально. Ему не хотелось пить.

Учитель вытащил из кармана брюк платок, встряхнул, разворачивая, и тщательно промокнул ухоженную бородку.

– Да-с, голубчики мои, и учтите вот еще что, – он с величайшей аккуратностью свернул платок. – Математика – царица всех наук. Это сказал великий Гаусс, о котором вы ничего не знаете. Ну, теперь будете знать хоть что-то. Не может быть полноценного интеллектуального развития без знания математики! Она структурирует и упорядочивает содержимое ваших черепных коробок!

Он выразительно постучал по голове: «Тук-тук-тук».

В другое время кто-нибудь из записных остряков не преминул бы сопроводить его жест стуком по парте. Но сейчас никто не шевельнулся.

Позже Маша подумала, что именно тогда все они впервые ощутили на себе силу настоящей сладострастной ненависти. Он ненавидел подростков, этот ухоженный мужчина с тонкими губами и морщинками, разбегающимися лучиками от уголков глаз. И от того, что он не давал труда скрывать отвращение, лишь слегка маскируя его под издевательской вежливостью, все они испуганно притихли.

За десять школьных лет им встречались учителя, в принципе не любившие детей, и учителя, не переносившие на дух детей конкретных. Среди них были грубые, глупые, злые, несчастные люди. Но не было ни одного, который получал бы такое явное удовольствие, унижая их всех скопом. И это пугало.

– Тэк-с, вы можете видеть перед собой несложную задачу, – учитель кивнул на доску. – Это уровень общеобразовательной школы. Я жду от вас решения! Вы ссылаетесь на то, что вас плохо учили? Что ж, можете работать коллективно. Я бы даже призывал вас к этому! Мозговой штурм! Генерация идей!

Он удовлетворенно потер руки и выжидательно улыбнулся.

– Ну-с, приступайте! У вас, – он взглянул на часы, – о, целых двенадцать минут! Этого более чем достаточно, но если вам требуется перемена, не стану возражать! Давайте! Докажите, что вы заслуживаете уважения старого математика!

Все угрюмо молчали.

– Ну, что же вы? – наслаждался он. – Неужели никто из вас не способен на простейшее умственное усилие? Не верю! Вы, жаждущие моего уважения! Обижающиеся, когда с вами говорят как с невеждами! Не молчите, исправьте мое мнение! Я охотно признаю, что ошибался, и принесу свои извинения.

Маша уставилась на доску, пытаясь понять, что от них требуется. Но они никогда не видели таких условий. Сзади Ванеев заскрипел ручкой и сердито пробормотал что-то.

– Поверьте, я не издеваюсь! – учитель приложил руку к груди. – У этой задачи есть целых пять решений, и каждое из них...

– Семь.

Маша решила, что ей послышалось. Но учитель надел очки и вытянул шею, высматривая, кто это сказал.

– Что-э? Простите, я не расслышал?

– У этой задачи семь решений.

Юлька Зинчук, сопровождаемая ошеломленным молчанием, вышла к доске. Топ-топ-топ-топ... Скрипнули туфельки на низком каблуке. Учитель, озадаченно сведя брови, следил за ней.

Юлька присела перед партой на корточки, пошарила, ища, куда закатился мел. Маша видела сверху ее идеально ровный пробор, разделяющий темные волосы. Юлька вскинула на нее глаза, и две секунды девочки смотрели друг на друга.

А потом Зинчук вдруг подмигнула Маше.

– Мне может не хватить мела, – сказала она мелодичным голосом, обращаясь к учителю. Никогда прежде Маша не замечала, какой приятный голос у Юльки Зинчук.

– Я принесу, – быстро сказала она и метнулась за дверь, не дожидаясь разрешения.

Когда Маша вернулась в класс, Зинчук уже перевернула левую створку и писала на обратной стороне доски. Класс, онемев от изумления и счастья, внимал.

– Учитывая, что прямая а-бэ пересекает две стороны треугольника е-ку-эр и продолжение третьей, имеем следующее решение...

Мел стучал по доске. Зинчук рисовала один треугольник за другим,

строила линии, подписывала их.

Когда прозвенел звонок, она подвела черту под пятым решением.

Никто не тронулся с места.

Учитель протянул руку за портфелем, но двадцать голов синхронно повернулись к нему, и он сделал вид, что всего лишь собирался достать ручку. Юлька Зинчук продолжала строчить на доске в благоговейной тишине, сопровождая каждое действие четким объяснением.

Ни до, ни после Маша не слышала такого прекрасного ответа. Она не понимала ничего из того, что говорит Зинчук, да и остальные, по-видимому, тоже. Но она не отдала бы ни одной секунды из тех пятнадцати минут, что Юля Зинчук решала задачу семью способами вместо пяти.

– Ну и он сбежал, – закончила Маша. – Заторопился сразу, напустил на себя озабоченность, сказал, что не смеет заставлять других учеников ждать... А у него было окно, мы специально потом в учительской по расписанию посмотрели!

– А Зинчук?

– Она его поймала, когда он мимо пробежал. Прямо за локоть схватила. Вы, говорит, обещали извиниться. Он чирикнул что-то невнятное, вроде «прин-звинень!» – и упорхнул.

Маша поднялась, чтобы достать фотографию из чемодана, но вспомнила, что они не в ее комнате, а в номере Макара.

– Молодец девочка, – одобрил Бабкин. – Вы ее качали после этого? Орден ей повесили на грудь?

– Думаешь, Юлька стала героиней? Ошибаешься. Разумеется, победительницей выглядела Светка Рогозина, потому что она первая поставила математика на место. А Зинчук – ну что Зинчук? Она всего лишь продолжила начатое. Светка незаметно сгладила в умах общественности сильное впечатление от ее выступления. Она, как я тебе уже говорила, не любила, когда в свете софитов стоял кто-то другой.

Но Юлька после того эпизода сильно приободрилась. Ее стало как-то лучше видно, что ли. Через пару месяцев мы с ней оказались на олимпиаде по физике. Я-то просто добротнo выполнила все задания, а Юлька долго над ними корпела. Итоговый балл оказался у нее ниже моего, но зато куратор потом передал через учительницу, что у Зинчук склонность к нестандартным решениям. Очень ее хвалил!

– Куда она пошла после школы? – спросил Илюшин.

– В Бауманку.

– И ты, конечно, потеряла ее следы...

Маша кивнула.

– Юлька не рвалась со мной общаться, а я не навязывалась.

– Она тебе нравилась? – неожиданно спросил Макар.

Маша задумалась. Нравилась ли ей Зинчук... Хороший вопрос.

– Юлька была острая, как стрела, – сказала она наконец. – Лук, стрела и тетива в комплекте. Сама выбрала мишень, сама натянула тетиву, сама себя выпустила. Ее роднило с Рогозиной наличие цели. Но Рогозина, захотев чего-нибудь, все свои силы устремляла на процесс хотения. Тектонические пласты должны были сдвинуться по ее воле, звезды сойтись, а и небо обрушиться на землю. Кстати, как ни странно, эта стратегия себя оправдала.

– А Зинчук?

– Зинчук принималась действовать. Намечала план. Разбивала на этапы. Если быстро долететь не получалось, двигалась с упорством улитки, ползущей на Фудзи.

– Зачем? – Бабкин оторвался от записей.

– Что зачем?

– Зачем улитка туда полезла? Никогда не понимал. Холодно же. Замерзнет на фиг.

– Пьяная была, – выдвинул версию Макар.

– То есть хлебнула сакэ – и пошкандыбала?

– Как вариант.

– Поклеп возводишь, – возразил Бабкин. – Это была приличная улитка. Сидела под горой, вдруг глядит – подкрадывается француз с бутылкой шабли. Голодный! Ну, она и рванула...

– Жить захочешь – и не на Фудзи вскарабкаешься.

Маша осуждающе взглянула на ухмыляющихся Бабкина с Илюшиным.

– Так, вы закончили обсуждение моллюска?

– Кстати, у нашей биологички прозвище было – Головоногое, – поделился Бабкин.

– А у нас физик – Буравчик, – сказал Макар. – Бешеного темперамента был дядька!

– Я вас сейчас убью обоих, – пообещала Маша. – Благо у меня даже опыт есть, по мнению следователя. Макар, ты зачем меня начал расспрашивать про Юльку?

Илюшин сделался серьезным.

– Хотел проверить одну теорию.

– Проверил?

– Нет пока. Ты так и не сказала, нравилась она тебе или нет.

– Потому что вы меня перебили со своей пьяной улиткой!

– Мы больше не будем, – покаялся Бабкин и пробежал глазами свои записи. – Остановились на том, что Зинчук была упорная девчушка.

– Упрямая тихоня, всегда сама по себе, – кивнула Маша. – По-моему, ей нравилось быть одиночкой. Я страдала от того, что у меня не было настоящих подруг, а ее это устраивало.

Она поднялась и подошла к окну. В темном стекле было видно только ее отражение.

– Про склонность к нестандартным решениям... – сказала Маша, водя пальцем по холодному стеклу. – В одиннадцатом Юлька влюбилась в Лёшку Демьянова. Тут надо пояснить, что Демьянов был самым красивым мальчиком в нашем классе.

За ее спиной угрожающе фыркнул Бабкин.

– Можешь не фыркать, – обернулась Маша. – Он действительно был красавчик: нос прямой, лоб высокий, губы резные – прямо римская скульптура. Но ужасно самовлюбленный! Говорил о себе с гордостью: «Я – сын офицера!» Папаша у него был военный.

– Нашла в кого влюбиться!

– Как мы выражались в школе, Юльке ничего не светило. Демьянов был избалован вниманием девочек. А тут какая-то Зинчук! И вот тогда во всей красе проявился Юлькин характер. Я бы на ее месте тихо страдала и любовалась Демьяновым издалека. А она взялась за дело.

– Грудь нарастила? – деловито спросил Бабкин.

– Вульгарный ты тип, Серега! – упрекнул его Макар. – Маш, я не поддерживаю этого питекантропа, прошу иметь в виду.

– Вообще-то он почти угадал.

Маша рассмеялась, глядя на их вытянувшиеся лица.

– Не грудь, конечно. Я пошутила! Для начала Юлька отправилась в парикмахерский салон и стала блондинкой. Мы только пальцами покрутили у виска. Во-первых, все понимали, зачем она это делает. Во-вторых, ей не шло. Но лишь до тех пор, пока она не заявила на уроки в полном боевом макияже. Ресницы изогнуты, губы пухлые и манящие – ух, да мы просто обалдели все, когда она вошла в класс! Завуч, увидев Юльку, забилась в конвульсиях и отправила ее смывать косметику, но Демьянов успел заинтересоваться.

– Метод прост и эффективен! – восхитился Бабкин. – Должен снова признать, что ваша Зинчук была далеко не дура.

– А потом она укоротила свою юбку, и метод стал еще эффективнее!

– Красавчик клюнул на эту мормышку?

– Да. То есть нет. То есть не знаю.

Сергей перестал писать.

– Как это?

– Я заболела, – объяснила Маша. – Успела только увидеть, как Демьянов водит клювом за Юлькой. Что-то у них намечалось! Может, она добилась своего, но, когда я вернулась через полтора месяца, все вращалось на прежних орбитах, как и не было ничего. Только Зинчук постриглась и опять перекрасилась, но это все уже было не то.

– А Рогозина?

– Рогозина сияла, – несколько удивленно ответила Маша. – Ее обычное состояние.

– Судя по тому, что ты рассказываешь, – проворчал Бабкин, – правильнее сравнивать ее не с солнцем, а с черной дырой, поглощающей свет других.

Маша хотела ответить, что он во многом прав. Но внезапно почувствовала себя неудобно. Ее охватило чувство, будто кто-то смотрит на нее, то ли сверху, то ли с улицы, как если бы птица зависла напротив окна. Она быстро обернулась, словно желая застать врасплох уличную темноту.

Ночь распласталась по оконному стеклу. Никакой птицы, конечно, не было. Никого не было и быть не могло... Однако ощущение, что в нее *вглядываются*, не исчезало.

Маша поежилась и задернула шторы.

Уверенный голос Макара окончательно развеял морок.

– Вот здесь собака и порылась!

– Похоже на то, – согласился Бабкин. – Тогда ясно, почему все в курсе, а Машка нет.

– Вы о чем? – она переводила взгляд с одного на другого.

– О том, что случилось, пока ты болела!

Макар спрыгнул со стола и упруго зашагал по комнате. Бабкин с завистью наблюдал за ним.

С пространством у Илюшина были свои отношения. Макар обладал способностью любое помещение разворачивать в беговую дорожку. Его уверенность в том, что даже трех квадратных метров вполне хватит для недолгой пробежки, творила чудеса: метры вытягивались и разрешали использовать их, как ему вздумается.

Если Бабкин хотел походить по комнате, чтобы размяться, он врезался в шкаф, запинался о табуретку и доводил люстру до желчного старческого дребезжания. Если то же самое делал Илюшин, табуретка вилась у него

под ногами, как отменно дрессированный пудель, шкаф вжимался в стену, люстра предупредительно втягивала подвески. Ничем иным Сергей не мог объяснить, как Илюшин может наматывать километры по тесной хрущевке, ни разу не сбившись с темпа и не насажав синяков острыми углами мебели.

В отличие от Макара, Бабкину для полноценных размышлений нужен был покой. Маша однажды сказала, что, если бы их двоих заколдовали, один бы стал деревом, а другой каким-нибудь юрким хищным зверьком вроде хорька. «Во-во, – согласился тогда Сергей. – Сновал бы по мне и гадил на голову. То есть принципиально ничего бы не изменилось».

Илюшин кружил между столом и кроватью.

– А знаешь, чего я жду? – шепнула Маша. – Что он однажды ускорится и понесется по стенам.

– Как мотоциклисты в цирке!

– Ага!

Внезапно Макар замер.

– Троица, троица... – донеслось до Маши и Сергея его недовольное бормотание. – Их было трое. А скажут – скажут! – что их было четверо...

– А вот Дюма он прежде не вспоминал, – поделился Бабкин.

– Так и до Кафки дойдет.

– Типун тебе...

Илюшин снова пришел в движение, но, сделав два круга по периметру номера, остановился.

– Исходя из всего, что нам известно...

Он замолчал.

– Макар! – позвал Бабкин. – Поделись догадкой своей! И она еще не раз к тебе вернется.

– Вернется-вернется... – пробормотал Илюшин. – Вот именно, вернется.

Он поднял с пола блокнот и карандаш:

– Пошли! Нужно поговорить с этими двумя.

– С кем? – изумился Бабкин.

– С рабочим и колхозницей.

Маша не сразу поняла, что речь идет о Коваль и Савушкиной.

– Сдурел? – поинтересовался Сергей. – На часы давно смотрел? Полчетвертого ночи!

Илюшин издал раздосадованный возглас.

– Макар, зачем они тебе? – спросила Маша, ощущая, что, несмотря на все выпитые литры зеленого чая, на нее наваливается безудержная сонливость.

– У меня есть кое-какие предположения. Надо их проверить.

– И что нам это даст?

Илюшин взглянул прямо на нее. В ясных серых глазах не было ни следа сна.

– Потенциально – имя следующей жертвы.

2

Когда рано утром в дверь постучали, Ира Коваль чистила зубы. Поэтому дверь открыла со щеткой, торчащей изо рта.

Как она и ожидала, в коридоре стояла Любка. Но за ее спиной обнаружили двое мужчин.

– Мужиков тебе привела, – невинно сообщила Савушкина. – В хозяйстве пригодятся.

В первый момент Ирка приняла ее слова всерьез. Любка могла пройти по главной улице города без всякой волшебной флейты, и все равно некоторое количество местных жителей от пяти до девяноста лет последовали бы за ней, глупо улыбаясь и не замечая внешних раздражителей вроде жен и детей.

«Манкая бабенка», – говорил про Любку бывший Иркин муж, непроизвольно облизываясь.

Но взглянув на гостей внимательнее, Коваль поняла, что ошиблась. Слишком деловые. Работают, значит.

– Вы по поводу Светки? – набычилась она. – А чего, попозже нельзя было? И вообще, я вчера все рассказала вашему брюхастому.

– Ир, это не оперативники. – Любка бросила ключи на стол.

– А кто?

– Вот этот – куклачевский супруг! А этот... – она прищурилась на сероглазого взъерошенного парня, – про этого ничего не знаю. Я их возле лифта встретила. Может, сын его?

– Я тебе что говорил? – непонятно обратился тот, которого назвали мужем, ко второму. – Заканчивай с этой своей вечной молодостью.

– Дамы, меня зовут Макар Илюшин, – сообщил младший. – Это Сергей Бабкин. Мы частные детективы.

Коваль от изумления икнула и выронила щетку.

Поразила ее не профессия визитеров, а то, что один из них, если верить Сове, оказался мужем Елиной. Матерый здоровяк, коротко стриженный, в джинсах и рубаше, которая выглядела тесноватой в груди.

«Спортсмен, – наметанным глазом определила Коваль. – Не просто качок». В отличие от второго, невнятного худосочного юнца, этот с первого взгляда пришелся ей по душе.

Как, как рыжему клоуну удалось отхватить себе такого мужика? Ирка всегда была уверена, что Машкин предел мечтаний – очкастый дрищ с простатой. Семейная жизнь самой Ирки сложилась не слишком удачно, и она с болезненной внимательностью относилась к чужой.

Особенно если объект внимания был ей так же противен, как Елина.

«За что ты ее не любишь?» – спросила однажды Любка.

«А за что ее любить?» – огрызнулась Ирка.

«Я не о том. Вот Стриж, Шверник, Мотыка-дура – они такие же, как Елина. Но на них ты так не наезжаешь. Чем тебе именно Машка не угодила?»

Ирка хмуро молчала. Любке этого не объяснить. На нее-то Елина не смотрит как на человека низшего сорта! А к Ирке сразу отнеслась так, будто перед ней жаба, которую предстоит целовать. То есть сама Елина – принц из прекрасного замка, а пупырчатая склизкая Коваль сидит в болотной жиже и мечет икру.

Самое противное заключалось в том, что в глубине души сама Ирка примерно так и оценивала положение дел. Где она со своим папашей, которого вчера из дурки выпустили, а где Елина с чистенькими предками. Видала Ирка ее мамашу – фря в плиссированной юбке!

Слов «сноб» и «спесивый» Коваль не знала. Поэтому объяснила Любке просто, без затей: «Дерьма в ней много».

И вот эта рыжая немочь замужем за таким отборным экземпляром.

Но тут Любка еще раз повторила то, что заставило Коваль сразу же забыть о своем возмущении.

– Частные детективы... – со значением протянула Савушкина.

Теперь и до Ирки запоздало дошло. В животе нехорошо поджалось, словно кишки стиснули кулаком.

«Значит, они все-таки пришли из-за Рогозиной».

– Можно сесть? – спросил юнец.

Ирка хотела кивнуть, но Сова ее опередила.

– Сначала скажите, что вам нужно! И вообще, какое отношение вы имеете к расследованию убийства? Этим занимается прокуратура, а не частные детективы.

– Мы хотели бы задать вам несколько вопросов, если позволите, – мягко сказал юнец. – Как вы справедливо заметили, самим убийством занимается следователь. Но есть некоторые сопутствующие

обстоятельства...

– Да Елину они выгораживают! – вмешалась Ирка. – Чего тут непонятного!

– Мы ее не выгораживаем. Просто у нас возникли предположения, кто может быть убийцей, и я собираюсь подтвердить их с вашей помощью.

– Или опровергнуть, – подал голос елинский муж.

– Или опровергнуть, – согласился юнец.

Он держался как-то уж очень непринужденно. И смотрел с доброжелательной улыбкой. Отчего-то Ирку это злило.

Она быстро глянула на Савушкину. Судя по Любкиному лицу, та тоже не совсем понимала, что от них требуется.

– Предположения... – протянула она. – Ну хорошо, спрашивайте.

– Когда вы в последний раз видели Юлию Зинчук?

Ирка решила, что ослышалась.

– Что?

– Когда вы в последний раз видели Юлию Зинчук? – спокойно повторил юнец. – Можете вспомнить?

Коваль несколько секунд невыразительно смотрела на него.

– Нет, – сказала она наконец.

– Простите?

– Не могу. Я ведь тебе отчет давать не обязана, так? Приперся какой-то хрен с бугра и расселся у меня в номере!

Это было не совсем точно, поскольку гости не сидели, а стояли, но Ирка пренебрегла такой мелочью.

Юнец перевел взгляд на Любку, решив, очевидно, что та будет сговорчивее.

– Я был бы вам очень признателен, если бы вы...

Но Савушкина уже поднялась, изменившись в лице.

– Уходите!

Юнец и муж Елиной переглянулись.

– Убирайтесь отсюда, вам сказано! – взвизгнула Любка. – Не уйдете – охрану вызову!

– Какая любопытная реакция, – озадаченно сказал парень, потирая переносицу.

– Ты думаешь, мы шутики шутим? – разозлилась Ирка. – А ну проваливай!

В том, что при желании она справится с мелким, у нее не было сомнений. Вот со здоровяком возникли бы проблемы. Но Коваль надеялась, что тому хватит ума не драться с бабой.

– Я тебе что говорил? – хмуро спросил муж Елиной, не обращая на нее внимания. – Без реверансов нельзя было обойтись?

– Тебе чужда галантность, мой неучтивый друг, – с грустью констатировал юнец, тоже как будто не замечая ни хозяйку номера, ни ее подругу.

Это окончательно вывело Ирку из себя.

– Сам уйдешь или дверь твоей башкой выбить? – заорала она. – Козел, блин! Приперся, на, урод, на!

Звук собственного голоса подхлестывал Коваль. Она двинулась на незваных гостей, сжав кулаки. Страх и растерянность, мучившие ее все это время, наконец-то оказались вытеснены добротной злостью. Ради этого Ирка готова была драться с кем угодно.

Любка не видела лиц гостей – они стояли к ней спиной. Кувалда перла на них, как танк, и можно было не сомневаться, что на этом разговор закончится.

– Одиннадцатый класс, третья четверть, – сказал юнец. – Мальчик Демьянов и девочка Зинчук.

Ирка встала как вкопанная. Она открыла рот, но не смогла издать ни звука.

Любка Савушкина бессильно опустилась в кресло.

– Вот с этого надо было начинать, – буркнул муж Елиной. – А то «позвольте, разрешите»...

– Я рискну еще раз повторить свою просьбу, – с отвратительной вежливостью сказал юнец, обращаясь к Коваль. – Не ответите ли вы на несколько вопросов? Когда вы в последний раз видели Юлию Зинчук?

– В школе, – выдавила Коваль. – Давно.

– Что случилось с ней в одиннадцатом классе?

Молчание.

– Уточню – в третьей четверти?

Молчание.

– Вы ведь обе прекрасно понимаете, о чем я говорю.

Молчание. Они даже не пытались выкрутиться – «мы не помним» или «это вас не касается». Не пытались притворяться, что не понимают, о чем речь. Просто молчали. Бабкин смотрел на двух женщин, и происходящее нравилось ему все меньше и меньше.

– Это была просто грубая шалость, – выговорила наконец Любка.

– Шалость, – повторил Макар. – Грубая.

Он внимательно посмотрел на нее. Любка пожала плечами:

– И глупая. Мы не были добрыми девочками в школе.

– Серьезно, ничего особенного, – добавила Коваль.

«Руки, руки ей держи!» – «Кусается, тварь!» – «А-а-а-а!»

Ирка налила себе воды и выпила залпом, как водку.

Илюшин сунул кулаки в карманы брюк.

– Мне хотелось бы вам кое-что объяснить, – сказал он. – Я не знаю, что произошло много лет назад. Но я знаю, что произошло здесь недавно. Ваша подруга устроила встречу бывших одноклассниц. И что особенно интересно, женщины, которые были на этой встрече, боялись упоминания имени Зинчук – все, кроме одной.

«Коридор такой длинный, что кажется, они бегут вечность. Догнать, сбить с ног, подмять под себя... Кто это визжит? Светка?»

– Давай сюда!

– Я не знаю, где они!

– Ищи, дура!

– Вот, вот...

Дрожжащие скрюченные пальцы, блеск металла».

– Кроме кого? – спросила Ирка, просто чтобы перебить звеневшие в ушах отголоски криков. Ей казалось, их слышат все.

– Кроме моей жены, – подал голос здоровяк.

– Она единственная, кто не понял, отчего вас так волнует Зинчук. – Юнец взглянул на Коваль. – И это снова возвращает нас к школьной истории.

– Чушь! Какая тут связь?

– В конце концов, – словно не слыша Савушкину, продолжал парень, – женщину, которая все это устроила, нашли убитой.

На словах «все это устроила» Любка с Коваль вздрогнули и переглянулись. О чем он говорит, о встрече? Или о том, что произошло восемнадцать лет назад? Что ему известно?

– Бред... – растерянно пробормотала Коваль.

– Зинчук могла через столько лет после того случая в школе решить отомстить? – спросил Макар.

– Только если она шизанулась начисто, – не раздумывая, ответила Любка.

– Спрошу иначе: могла Юлия Зинчук после того случая в школе начисто, как вы выразились, шизануться?

– Нет!

– Ирина, а вы что скажете?

Коваль уставилась в пол.

– Это была просто шалость, – тупо повторила она.

«Откуда столько крови? И на лезвии, и на полу...»

– Кто-нибудь, дайте бинт. Дайте же этот чертов бинт! Что вы стоите?!»

Макар потянулся и непринужденно покачался на пятках. Бабкин устал стоять, но сесть им так никто и не предложил, а сам он не собирался просить разрешения второй раз. Особенно у этой грудастой стервы карманного формата с лицом развратного ребенка.

К его удивлению, Кувалда вызывала у него куда меньшую антипатию. Крупная, ширококостная, могучая и довольно безбашенная баба, если решила применить силу, чтобы выставить их из номера. И при всем этом жалкая, что ли. Несчастливая.

– Пожалуй, я от вас устал, – вздохнул Макар. Бабкин даже покосился на друга – не показалось ли. Но, судя по тому, что обе женщины устали на Илюшина – одна гневно, вторая недоверчиво, – он все расслышал верно.

– Вы делаете глупость за глупостью. Начиная с того, что отказываетесь со мной нормально говорить, и заканчивая тем, что остались в отеле.

– Говорить с вами нам и в самом деле не о чем, – сказала Любка, собравшись с силами, – это исключительно наша добрая воля. А с отелем что не так? Рогозину убили? Давайте без всякой фальши: никакой подружкой она нам не была. Мы о ее жизни знали исключительно из интернета. А она о нашей не знала вообще.

– Не интересовалась, – поправила Ирка.

– Да, правильно: знала, но не проявляла интереса. То, что ее убили, ужасно. Но оплакивать ее мы не будем. Так что не стоит читать нам лекции о морали.

Илюшин удивленно вскинул бровь:

– Мораль? Вы меня и впрямь не поняли или только делаете вид? Скажу вам прямым текстом, – он повысил голос, – я абсолютно убежден, что *Юля Зинчук в отеле*. Больше того – она одна из вас! Что вы так смотрите на меня? Да-да, одна из восьми, приехавших на встречу. У нее есть цель, и, как сказала мне Маша Елина, она пойдет к этой цели маленькими шагами. Первый шаг уже сделан.

Любка не очень натурально рассмеялась.

– Ты же не хочешь сказать, что это Зинчук убила Светку из-за школьных обид?

– Что случилось в третьей четверти? – вопросом на вопрос ответил Макар.

Савушкина замолчала, кусая губы.

– Как одна из нас может быть Зинчук? – вмешалась Ирка. – Чо несешь-то? Я всех отлично...

Она вдруг замолчала. Перед ее мысленным взором встала Саша Стриж. Но не та незаметная девчонка, которую она помнила, а нынешняя строгая красавица. Коваль искала и не находила между ними никакого сходства.

– Вот-вот, – кивнул наблюдавший за ней Илюшин. – Именно об этом я и говорю. Одна из ваших – это Зинчук. Она в отеле, она убила Рогозину, и судя по тому, что вы обе наотрез отказываетесь рассказать, что случилось в одиннадцатом классе, причина именно в том происшествии. Знаете, что из этого вытекает?

Недобрый взгляд остановился на Коваль. «Почему юнец? – некстати подумала она. – С чего я решила, что он сопляк?»

– Из этого вытекает, что вы – следующие.

Зубная щетка, лежавшая на краю стола, покачнулась и упала на ковер. От этого негромкого звука подпрыгнули все, кроме Макара.

– Чушь собачья, – сказала побледневшая Сова. – Ты просто дурак.

Илюшин усмехнулся.

– Зато вы неплохо соображаете. Вы пришли к точно таким же выводам, что и я, кроме разве что понимания, как близко Зинчук находится от вас. Да, она в одном шаге. Но тогда возникает закономерный вопрос: зачем вы остались в отеле? Я хочу сказать – зачем вы остались в отеле *на самом деле*?

– Мы хотим отдохнуть, – механически, как заезженная пластинка, повторила Коваль.

Он пропустил ее слова мимо ушей.

– Вы думаете, что это была ваша идея. Но это не так. Я почти уверен: Рогозина не оплачивала дополнительные дни в «Тихой заводи». Это сделал кто-то другой, прикрываясь ее именем. Вы хорошо помните Юлю Зинчук? Маша описала ее: одиночка с высоким интеллектом и склонностью к нестандартным решениям. И если верить вам, психически больная. Представьте себе этот компот, ужаснитесь и скажите мне – кто на самом деле подсказал вам задержаться в отеле?

Обе молчали.

– Кто?! – повысил голос Макар. – Кто навел вас на эту идею? Пусть не прямо, пусть опосредованно. Эта женщина опасна, смертельно опасна для вас обеих! Вы же видели тело своими глазами!

Коваль умоляюще взглянула на подругу. Савушкина коротко качнула головой: молчи! не поддавайся ему!

– Знаете, у меня есть лишь одно объяснение вашему нежеланию говорить.

Илюшин, не глядя на них, пошел к выходу. Сергей Бабкин последовал за ним.

– Какое? – не удержалась Ирка. Любка отчаянно семафорила ей, но она не могла не спросить.

Он обернулся у самой двери, когда Коваль уже была уверена, что не получит ответа.

– Вы надеетесь добраться до нее первыми.

Глава 11

1

– Что за день такой!

Бабкин в сердцах бросил куртку на стул.

Местные оперативники, у которых он пытался выведать хоть минимум информации, оказались настроены враждебно. С бывшим коллегой беседовать не пожелали ни по делу, ни на отвлеченные темы. Обычно Бабкин умел располагать к себе людей. Лишенный природного обаяния Илюшина, когда-то он начал действовать «от ума» и обнаружил, что пачка сигарет, вовремя вытащенная из кармана, творит чудеса; что пытаться разговорить мужчину лучше в грязной обуви, а не в чистой; что женщины охотнее идут на контакт, если им не улыбаться. Последнее поразило его больше всего. Некоторое время Бабкин всерьез опасался, что причина в его мимике, пока Илюшин не развеял его сомнения. «Да очень просто, – объяснил Макар. – Пока не улыбаешься, в тебе видят замученного работягу. Такому хочется помочь».

– Сначала Савушкина и Коваль, теперь эти... Ну не везет!

– А я с сегодняшнего утра под подпиской о невыезде, – известила Маша. – Следователь был холоден и нелюбезен. Придется искать утешения в кодексе Бусидо.

На этот раз местом дислокации выбрали ее номер. Здесь было в три раза теснее, чем в люксе, зато подоконник оказался достаточно широк, чтобы Илюшин мог устроиться на нем с комфортом. Чем он немедленно и воспользовался.

– Ты читаешь кодекс Бусидо?

– Пыталась вырабатывать по нему стойкость и бесстрашие.

– А почему в прошедшем времени?

Маша засмеялась.

– Видишь ли, – подал голос Бабкин, расправлявшийся со вторым завтраком. – Машка недооценила японцев. Они для нее слишком большие выдумщики и фантазеры.

– Ткни наугад в любую цитату, – попросил Макар.

– Произвольный тык? – Маша перелистнула страницы. – Легко! «По прошествии времени преступник забудет причину своего

преступления. Поэтому лучше сразу его казнить».

– Хм. – Илюшин задумался. – Какой изысканный, тонкий гуманизм!

– Мне такой недоступен, – подал голос Сергей. – Маш, давай еще что-нибудь. Чувствую, придется вдохновляться самураями.

– Пожалуйста! «Самурай воспользуется зубочисткой, даже если он не ел».

Бабкин посмотрел на овсяную кашу и бутерброд. Потом на Илюшина.

– Не понял... Сожрет он ее, что ли?

– Да тут широкое пространство для экстраполяции! – восхитился Макар. – Например, самурай воспользуется туалетной бумагой, даже если...

– Варвары вы, – вздохнула Маша.

– Между прочим, у нас зубочисток нет, – сказал Бабкин, жуя. – Люкс без зубочисток! Маш, утешь меня мудростью Бусидо.

– А можно я попробую?

Илюшин протянул руку за книжкой.

– Давай что-нибудь этакое, окрыляющее, – потребовал Бабкин. – Нам еще работать и работать!

Илюшин, зажмурившись, ткнул пальцем в страницу и открыл глаза.

– «Чтобы отомстить, – прочитал он, – нужно просто ворваться в жилище обидчика и умереть от меча».

Все помолчали, осмысливая эту мудрость.

– А Монте-Кристо-то и не знал... – протянул Бабкин.

– Не самурай ты, Моня, не самурай... – поддакнул Макар.

– «Моня» – это ты к кому сейчас обращаешься? – озадаченно спросил Бабкин, забыв про кашу.

– К графу.

– А почему Моня?

– Ну, так он же Эдмон. Думаешь, в детстве его звали Эдмончик? Ничего подобного. Конечно, он был Моня! Кстати, обретение колоссальных богатств вполне вписывается в эту теорию.

– Маш, отбери у него кодекс, – попросил Бабкин. – Меня пугают такие быстрые скачки его психики.

Илюшин захлопнул книжку и положил на подоконник.

– «Ворваться в жилище обидчика...» Серега, что ты думаешь про Савушкину с Коваль?

– То же, что и ты: обе врут.

– И обе боятся, что еще важнее.

– А ты всерьез считаешь, что они хотят сами отыскать Зинчук

и разобраться с ней по-своему, по-семейному? Или так бросил, для устрашения?

– Нет, почему же... Могут рискнуть.

– Кишка у них тонка, – пренебрежительно сказал Сергей.

Маша с сомнением покачала головой.

– Я бы не была так уверена насчет кишки. Знаешь, я думаю, что Рогозина когда-то дружила с ними, потому что они сильные. Обе, каждая по-своему. Она искала похожих на себя.

– Одна лупила тех, кто слабее, другая делала гадости исподтишка, – возразил Бабкин. – В чем тут сила?

– Я тебе просто не все успела рассказать.

Сергей потянулся за блокнотом.

– Когда мы были в десятом классе, наняли нового охранника, – начала Маша. – Не знаю, из каких соображений директор из всех претендентов выбрал именно этого – может, чтобы при взгляде на него хулиганы сразу разбежались. Жуткий был тип! Его не только дети, но и учителя побаивались.

– Почему жуткий?

– Ну, он был устрашающего облика. Громадный, косматый, нечесаный... На вопросы отвечал односложно или вообще не отвечал, только зыркал люто. Жил в подсобке при школе, днем сидел возле двери и время от времени посматривал на входящих. Мы старались побыстрее мимо него проскочить. От его взгляда мороз продирает по коже. Он как будто прикидывал, как бы ловчее тебя расчленишь.

– Может, в душе он был добряк, – заступился Бабкин за охранника.

– Он был просто цепной кобель, которого приучили не кусать людей. Сейчас бы такого на пушечный выстрел не подпустили к школе, а тогда считалось, что все нормально. Тем более поговаривали, что он приходится родственником жене директора – в общем, желающих выступить за его увольнение не нашлось.

Маша открыла чемодан.

– Что ты ищешь?

– Фотографию нашего класса.

– Вас с охранником фотографировали? – изумился Бабкин.

– И в полосатых робах, – прокомментировал Макар. – Чтобы не разбежались.

– Да ну вас! Я Любку хочу показать в юности...

Маша вытащила свитер и озадаченно уставилась на пустое дно чемодана.

– Что за ерунда... Наверное, переложила и забыла. Ну, так про Савушкину. Этот тип, его Григорий звали, что-то ей сказал. Что уже само по себе было удивительно, потому что обычно он не трепал языком. Мы потом пытались узнать, что именно, но Кувалда молчала как партизан, а к самой Любке подкатывать с такими вопросами было опасно. Вроде бы он сделал ей замечание, но по какому поводу – неизвестно. Сова огрызнулась, он разозлился – и через пять минут они уже орали друг на друга. Ну как – орали... Орал Григорий. Рык у него был такой, что писклявую Любку заглушал напрочь. Прибежала завуч. Савушкиной сделали выговор, охраннику ничего не сказали.

– То есть сочли нормальным, что он повысил голос на школьницу? – уточнил Илюшин.

Бабкин с Машей дружно рассмеялись.

– Макар, ты в России учился или за границей?

– Это было так давно, что я все забыл, – отшутился Илюшин.

– А я и рада забыть, но помню, – серьезно сказала Маша. – В школе дело обстоит так: подросток по умолчанию всегда неправ. Там ведь каждый взрослый облечен маленькой, но властью. А иногда и не маленькой. Григорий был оскорблен в лучших чувствах: на него, взрослого солидного мужчину, кричала какая-то мелкая тля! Он стал к Любке цепляться. Однажды не пускал ее в школу, пока ноги как следует не вытрет – говорил, у нее подошвы грязные. В другой раз она выскочила покурить на перемене, он ее заметил из окна и не поленился дойти до директора. Опять был скандал, Любке грозили, что ее исключат из школы. Савушкина бесилась ужасно! Называла Григория орангутангом. Когда проходила мимо его стола, начинала гукать, как обезьяна. С третьего раза до него дошло, в чем дело, и он тоже озверел.

– И чем закончилось это противостояние двух культур? – ухмыльнулся Илюшин.

...О том, что случилось, Маше шепотом рассказала Мотя Губанова. Мотя хронически отставала по химии, и добрейшая Валентина Андреевна разрешила ей приходить на полчаса раньше, чтобы позаниматься. Так из-за своей неуспеваемости Мотя стала единственной из всех учеников, кто своими глазами узрел последствия Любкиного финта.

В то утро дежурный учитель, подойдя к школе, обнаружил, что она закрыта. Охранника, по совместительству выполнявшего функции сторожа, нигде не было видно. Пока нашелся запасной ключ, пока провозились с замком, прошло минут десять. Уже и другие учителя подтянулись,

дергали дверь, кидали камушки в окна первого этажа. Но, ко всеобщему негодованию, Григорий так и не появился, хотя шумели изрядно.

«Где этот вахлак?» – возмутилась педагогическая общественность. Учитель труда как человек, хорошо знающий жизнь, предположил, что охранник нажрался в хлам и теперь дрыхнет. Валентина Андреевна попросила его выбирать выражения при детях. Трудовик покосился на Губанову и высказал сомнения в том, что этот великовозрастный ребенок услышал что-то новое для себя. Тут подошла завуч и решительно направилась в подсобку, прервав таким образом разгорающуюся полемику.

Все остальные последовали за ней. «Нажрался!» – шепотом настаивал трудовик. «Дмитрий Юрьевич, воздержитесь от инсинуаций!» – ругалась химичка. Мотя тащила за ними следом, притворяясь невидимым слоном.

Дойдя до подсобки, ожидаемо обнаружили, что закрыто изнутри. Стучали-стучали, кричали-кричали и в конце концов начали уже посматривать друг на друга беспокойно: уж не помер ли этот упырь? Совсем было решили, что пора вызывать милицию, но тут дверь распахнулась.

Дальнейшее с первого раза Мотя не смогла рассказать. Возбужденно размахивала руками, мычала, краснела... Маше пришлось по капле выцеживать из нее, что же они увидели.

А увидели они, как из подсобки вышла десятиклассница Любка Савушкина. Нагишом, если не считать цепочки и скромнейших туфель-лодочек. Пышные Любкины груди светились в утреннем полумраке, как дыни, напоенные солнцем. Розовела шейка. На шелковом животе отпечатались резинка от трусов.

– Доброе утро, – детским своим голоском поздоровалась Любка, словно не замечая собственной наготы. И пошла в сторону туалета, помахивая платьем, переброшенным через руку.

Завуч прислонилась к стене. Трудовик восхищенно прошелся матерком. Валентина Андреевна даже не сделала ему замечания – она протирала очки, пытаясь понять, не пригрезилось ли ей это явление Афродиты.

Григорий обнаружился в подсобке крепко спящим. Был он, как и Савушкина, совершенно гол. Но алкогольные пары не витали вокруг него, и от этого вся ситуация выглядела еще ужаснее. «То есть он даже не спяну?!» – ахнула завуч.

«У-у, это ж уголовка, – обрадовался трудовик. – Она ж несовершеннолетняя!»

Тут Моте хватило ума незаметно скрыться, сделав вид, что она вообще

не появлялась на месте событий. Дальше скандал набирал обороты без нее. Она лишь видела, как уже одетая Савушкина заходит в кабинет директора все с той же блудливой улыбкой на лице.

Маша многое бы отдала за то, чтобы послушать их разговор. Но что бы ни сообщила Савушкина директору, охранник Григорий исчез из школы в тот же день вместе с вещами – исчез начисто, словно и не было его никогда. Даже стол, за которым он сидел, убрали. «Странно еще, что подсобку не сожгли», – без тени юмора заметила Мотя Губанова.

Любка осталась в школе. Выглядела она и вела себя так, словно ничего не случилось. Круги от брошенного в воду камня все-таки разошлись – Маша подозревала, в основном стараниями трудовика, – но зримо проявилось это лишь один раз, когда географичка Друзякина вернулась к ним после долгого перерыва. Увидев Любку на третьей парте, принципиальная, как Мальчиш-Кибальчиш, Друзякина вспыхнула.

Маша отчасти даже сочувствовала ей. При взгляде на саму Ираиду в голову непроизвольно приходил термин «квадратно-гнездовая». Возможно, именно поэтому любые проявления женственности у девочек Ираида Андреевна считала преступными и яростно искореняла. Распущенные волосы, накрашенные ресницы, юбки выше колена – все это вызывало у нее острую непереносимость. Можно представить, каким ударом по ее принципам оказалась история с Любкой!

– На твоём месте, Савушкина, я бы посоветилась смотреть в глаза людям, – брезгливо уронила Друзякина. – Пересядь на последнюю парту!

Маша ахнула про себя. То, что Ираида женщина бескомпромиссная и недалекая, было известно всем. Теперь выяснилось, что еще и очень неосмотрительная.

– А позорную доску вы мне на грудь повесить не хотите? – оскалила Сова мелкие зубки. – Я сижу на этой парте. С дальней мне плохо видно! У меня справка от окулиста есть – хотите покажу?

Справка от врача перечеркивала шанс географички на победу. Но в одном она себе не отказала: разочарованно отойдя от Любкиной парты, процедила под нос, но вполне отчетливо:

– Бесстыжая!

Класс затих. Услышали все.

– А хотите, – бархатный голос Любки заскользил следом, – я и вашего мужа совращу?

Тишина застыла неподъемной глыбой.

Маша была уверена, что Ираида этого не стерпит. Выволочет Любку из класса за ангельские кудряшки, устроит такое разбирательство,

что Савушкиной точно не учиться больше в этой школе. Но в глазах Друзякиной что-то мелькнуло – много позже повзрослевшая Маша поняла, что это был страх.

– Запишите тему урока, – сдавленным голосом сказала Ираида. – «Научно-техническая революция и мировое хозяйство».

Когда Маша замолчала, Илюшин восхищенно насвистел незамысловатый мотивчик.

– Лихой у вас подобрался класс, – развеселился Бабкин. – Оторва на оторве! Осталась интрига: а что с Коваль?

– Валентину Андреевну соблазнила, – предположил Макар.

– Директора.

– Весь педсовет. Чтобы не мелочиться.

– Тренера она побила, – сказала Маша.

Наступила минута молчания.

– Он ущипнул ее за попу, и она сломала ему руку, – предположил Бабкин.

– Мимо!

– Ладно, сдаюсь. Рассказывай!

– У нее не такая занимательная история, как у Савушкиной. Ирка занималась в волейбольной секции. К ним пришел новый тренер и с первого же занятия начал орать на девчонок. Молодой, неопытный. Орал не на Иркину группу, а на новичков. Кувалда сначала просто пыталась с ним поговорить, объясняла, что девчонки зажимаются от крика, перестают соображать.

– Видимо, знатно он глотку драл, если в волейбольной секции это воспринималось как нечто из ряда вон выходящее, – заметил Илюшин.

– Во-во, играли мы в тот волейбол, – поддержал Бабкин. – Там все орут будь здоров!

– Самое забавное, что этих же девчонок Коваль на правах старожилы сама гоняла и третировала. В клубе было полно взрослых девиц, которые могли заступиться за младших, но сделала это только Ирка. Тренер, конечно, чихать хотел на ее просьбы и продолжал прицельно говорить девчонкам гадости. Одной – что у нее руки как макаронины, другой – что она заторможенная дура. Об этом рассказывала Савушкина, которая иногда забегала посмотреть на Иркины тренировки.

– А другие тренеры? – нахмурился Илюшин.

Вместо Маши ответил, невесело усмехнувшись, Бабкин:

– Макар, ты плохо знаешь наш спорт. В дни моей юности было нормой

орать на детей – лишь бы давали результат. Все это делалось с молчаливого одобрения родителей. Сейчас что-то сдвинулось к лучшему, кажется. Костя вон ходит в бассейн и доволен.

– Никто на них не орет и крестинами не обзывает, – подтвердила Маша. – Ирка Коваль терпела-терпела, а потом запустила мяч тренеру в спину. Ты, кричит, слов не понимаешь, может, силу поймешь? Надо сказать, его это не проняло. Он только посмеялся. Коваль, которая ожидала, что ей, как минимум, сделают замечание, а как максимум, попробуют выставить из секции, даже огорчилась. Ей хотелось поднять бучу.

– Это тоже от Савушкиной известно?

– Да. Любка настойчиво советовала оставить этого придурка в покое: тренер наглый, девчонкам твердит «я из вас, курицы, людей сделаю» – ни к чему Коваль с таким связываться. Но Кувалда уперлась как танк. Она вообще, если вы заметили, упертая. В секцию ходила девочка, похожая на Любку: мелкая, но прыгучая как тушканчик. Они ее и прозвали Тушканчиком. И вот эту мелочь, когда у нее что-то не получилось, тренер обозвал кривоногой лилипутихой. Девчонка – в слезы! На этот раз Ирка мячом не ограничилась.

– Что, всерьез побила? – поразился Бабкин. – Сколько ей было лет?

– Пятнадцать. Конечно, он был сильнее, зато Ирку переполняла ярость. Она налетела на него как сумасшедшая. Молотила кулаками, точно взбесившийся кенгуру! И успела пару раз заехать ему по физиономии, пока ее не оттащили. Три недели тренер ходил с синяками, а девчонки в открытую над ним смеялись.

– Коваль выгнали?

– Удивительно, но нет. Сам обиженный не поднимал шума – может быть, боялся, что станет посмешищем. А остальные молчали.

Макар задумчиво побарабанил пальцами по подоконнику.

– Значит, девочка Тушканчик была похожа внешне на Савушкину... А скажи-ка мне, друг мой Маша, ваша Коваль замуж вообще выходила? А то у меня из твоих рассказов складывается ощущение, что...

– За тренера.

– Что?

– Она вышла замуж за этого тренера, – четко проговорила Маша. – Четыре года спустя.

– Вот это номер! – присвистнул Бабкин.

– А потом родила от него девочку и развелась. Это я уже здесь узнала. Кажется, он пил... И еще с Иркой вышла очень нехорошая история лет десять назад. Она устроилась на работу в тот самый клуб, где когда-то

занималась сама, и стала тренировать детей. Но всего через год или полтора ее уволили за рукоприкладство. Родители сразу нескольких детей обратились с жалобами к руководству клуба. Папа одной девочки оказался журналистом и поднял волну, после которой Ирке оказался заказан путь в профессию. Если вам нужны подробности, их должна знать Саша Стриженова. Это она мне рассказала.

– Коваль сейчас работает?

– Инструктором в фитнес-центре. Устроили ее туда с большим трудом и только благодаря широкой клиентуре Любкиного мужа.

– А кто у нас муж, волшебник?

– Пластический хирург, кажется.

В дверь постучали. Хмурая горничная заглянула в комнату:

– Посуду можно забрать?

Когда она ушла, катя перед собой тележку, Илюшин сказал:

– Серега, ты заметил, как Савушкина с Коваль цеплялись за то, что это была просто шалость? Мне теперь действительно любопытно, что они такое сотворили.

– Избили Зинчук? – предположил Сергей.

– Тогда бы я видела синяки!

– Тебя долго не было, могли сойти.

– Резонно. Но ты всерьез полагаешь, что школьная драка годится как повод для убийства почти двадцать лет спустя?

Бабкин задумался. До этого он вообще не ставил под сомнение предположение Илюшина. Ему было не до того: требовались действия, а не размышления. Но теперь, когда Маша проговорила это вслух, он вынужден был согласиться: версия Макара выглядит крайне сомнительной.

– Это была не драка.

– Что?

Оба обернулись к Илюшину.

– Это была не драка, – повторил он. – У меня есть кое-какие соображения, но они...

Макар замолчал.

– Что они? – не выдержала паузы Маша.

– ...слишком мерзкие, чтобы их озвучивать, – неохотно закончил Макар.

Маша посмотрела на мужа, тот – на нее. «Это что же за соображения такие, если даже Илюшин считает их мерзкими?» – мелькнуло у обоих.

– К счастью, у нас есть отличная возможность поговорить с другими

твоими одноклассницами! Серега, бери блокнот и пойдем побеседуем с остальными дамами.

Илюшин бодро спрыгнул с подоконника.

– Стоп-стоп-стоп!

Он остановился перед Машей, преградившей ему путь.

– Что? Что такое?

– Я против, – твердо сказала она. – Макар, мне все это не нравится.

– Не понимаю...

Маша собралась с духом.

– Прости, пожалуйста, но это несерьезно.

– Что именно?

– Твоя версия о том, что Зинчук среди нас и что она убила Рогозину.

Ну вот. Она это сказала. Маша изо всех сил старалась, чтобы вышло не очень обидно, потому что обижать Илюшина ей хотелось меньше всего.

– Никто не станет расправляться с бывшей одноклассницей из-за древней ссоры! Даже если предположить, что Юлька и в самом деле сошла с ума, хотя в это я не верю. Наверняка ты прав и восемнадцать лет назад действительно вышла какая-то неприглядная история. Это объясняет, почему никто не рад был бы видеть здесь Зинчук. Но убийство?! Нет, невозможно.

Илюшин улыбнулся, и Маша облегченно выдохнула про себя. Кажется, все нормально.

– Так что нам надо просто вернуться домой, – подытожила она.

– Ты совершенно права, – согласился Макар. Бабкин, кажется, поперхнулся в своем углу. – Тебе надо вернуться домой. А мы с Серегой останемся и попробуем найти Зинчук.

Маша так и села.

– Здорово ты его переубедила! – восхитился Бабкин.

Илюшин подкинул на ладони его блокнот.

– Вы оба правы. Никто не станет мстить школьному врагу из-за старой ссоры! Если только она не имела далеко идущих последствий. Представьте, что в одиннадцатом классе случилось что-то, что направило жизнь Юли Зинчук на другие рельсы. И вот, много лет спустя, она видит своего врага – благополучного, всем довольного, не понесшего никакого наказания. А теперь скажите мне с прежней уверенностью, что в этой ситуации никто не пошел бы на убийство.

– Какие рельсы, Макар? Она поступила в Бауманку!

– Это все внешнее, – отмахнулся Илюшин. – Ты можешь считать, что ее жизнь сложилась прекрасно. А она при этом убеждена,

что добилась бы в тысячу раз большего, если бы не вмешательство одного-единственного человека. Если она была сильно влюблена в этого мальчика, как его – Демьянов, да? – то все осложняется еще и первой любовью.

Маша замолчала. Про красавца Демьянова она совсем забыла. К тому же ей пришло в голову, что со стороны запрет на посещение конюшни не выглядит такой уж трагедией. Однако она сама числила этот небольшой, хоть и неприятный эпизод одним из самых тягостных в своей жизни. Как выразился Илюшин? Направило на другие рельсы?

– Лошадь могла сбросить тебя или покалечить, – сказал Макар, будто прочитав ее мысли. – Но ты не думаешь о том плохом, что могло случиться. Ты думаешь о том, что потеряла, а потеряла ты многое.

– Я бы в любом случае не стала никого убивать!

– То, что для одного – лишь основание для расстройств, для другого – повод для убийства. И повторю тебе еще раз: ты недооцениваешь свою наблюдательность. Почему ты обратила внимание на женщину в окне?

– Не знаю... Не уверена...

– А я почти уверен – ты увидела там Зинчук. Только она была не в образе. Во всяком случае, не полностью в образе. Ты словно заметила двух людей в одном, и в твоей голове это отложилось как странность, которую надо разъяснить. Кстати, нож вполне вписывается в эту теорию. Прятать его в номере опасно – чего доброго, найдет слишком старательная горничная, и будут проблемы. Вещи? В вещах могут рыться. А в кладовке не так уж много шансов, что его обнаружат.

Маша попыталась представить, что видит в окне Юльку Зинчук. Но образ расплывался, исчезал. Она не могла сконцентрироваться на лице той девочки, которую помнила со школьных лет. Пригодилась бы фотография, но, как назло, та пропала.

– Сережа, а ты не брал общий снимок нашего класса?

– Нет, – удивленно отозвался Бабкин. – Подожди: тот, который ты мне показывала?

– Да.

– Я думал, ты его сюда привезла.

– Привезла, а теперь почему-то найти не могу. Все обыскала. Растяпа какая-то!

Илюшин с Сергеем быстро переглянулись.

– Ты номер всегда запираешь, когда выходишь? – после паузы спросил муж.

– Да... – не совсем уверенно сказала Маша. – Хотя вообще-то я не помню.

Снова быстрый обмен взглядами. На этот раз Маша заметила его, и он ей очень не понравился.

– А давайте-ка, братцы, вместе поищем эту фотографию, – решительно предложил Илюшин.

Двадцать минут спустя стало совершенно ясно: снимка в номере нет.

– А ты его из комнаты точно не выносила? – уточнил Бабкин.

Маша покачала головой.

– Вот вам и косвенное доказательство моей версии. – Макар помрачнел. – Возвращаемся к первому предложению: Маша, ты уезжаешь, мы с Серегой остаемся.

– Ты что, думаешь, снимок украла Юлька Зинчук? – не поверила Маша.

– Не знаю. Но кто-то же украл. Рылся в твоих вещах, проник в номер... Сделать это не так уж сложно, но неприятен сам факт.

– Неприятен – это слабо сказано. – Бабкин поднялся. – Маш, собирайся, я тебя отвезу в город.

– Забудь и думать, – отрезала она. – Никуда я не поеду, во всяком случае, без вас!

– Если Илюшин прав, тебе здесь оставаться опасно!

– Маш, это действительно не лучшая идея, – поддержал его Макар. – Нам нужно здесь от силы два дня.

– За два дня со мной ничего не случится, – твердо сказала Маша. – Я буду везде ходить с тобой, Серез. Ты меня защитишь, если что. Но с моей стороны Зинчук опасаться нечего: если я не узнала ее до сих пор, шансов, что это случится, практически нет.

– Даже не знаю, радоваться этому или огорчаться, – пробормотал Илюшин.

Бабкин рассерженно измерил шагами комнату.

– От меня – никуда! – предупредил он, нависнув над женой.

– Клянусь!

– Мне чертовски не по душе, что ты остаешься сидеть тут в компании убийцы!

– В вашей компании!

– Не важно! Мы понятия не имеем, на что способна эта женщина.

«Как раз таки имеем», – подумала Маша, вспомнив исколотое тело на кровати, но промолчала. Теория Илюшина после его объяснения представлялась ей теперь не такой уж невероятной. И Юльку она бы в самом деле не опознала, пожелай та остаться неузнанной. Но это значит, что...

«Да. Каждая из них. Кроме Моти... И Коваль с Савушкиной».

Маша поймала себя на том, что перебирает лица и примеряет их к тому образу, что сохранила ее память. Не Саша. Не Аня. Не Белка...

«Я просто не хочу, чтобы это были они. Пускай бы это оказался чужак, ревнивый любовник, психопат, в конце концов! Кто угодно, кроме наших!»

Так она и сказала мужу и Илюшину.

– Возможно, ты и права, – неожиданно согласился Макар. – Наша задача здорово облегчается тем, что здесь работает следственная группа. Уликами, опросами свидетелей, поиском записей с камер – вдруг они все-таки есть! – будет заниматься именно она. И я процентов на восемьдесят уверен, что им удастся отыскать, кто это сделал. Пятна крови на одежде, следы обуви на ковре... Поверь мне, убийца не мог не оставить зацепку. Да взять хоть нож!

– На котором мои отпечатки...

– Будь это так, тебя бы уже вели отсюда под белые ручки, – проворчал Бабкин.

– Вот именно, – кивнул Макар. – Так что исходим из того, что твоих отпечатков на нем нет.

Маша непроизвольно потерла кончики пальцев.

– Но если все так, как ты говоришь, зачем здесь мы?

– Потому что остаются эти двадцать процентов, – ответил за друга Бабкин.

– Верно. И потому, что следователь вгрызся именно в тебя. Мы кровно заинтересованы в том, чтобы нашли убийцу. И раз уж у нас есть кое-какие предположения, а также возможность их проверить, зачем упускать такую оказию?

Маша подошла к окну. Она второй раз ловила себя на ощущении, что на нее время от времени кто-то взглядывает: пристально, но будто бы издали. Если бы напротив стоял дом, Маша всерьез предположила бы, что там засел кто-то с биноклем. Но за окном качались лишь деревья, и выискивать на них наблюдателя было смешно и глупо.

– А если... – медленно проговорила она, – если мы и в самом деле найдем ее?

Маша отвернулась от окна и внимательно посмотрела на Илюшина с Бабкиным.

– Если ты прав, Макар? Зинчук здесь, и я догадаюсь, под чьей маской она прячется? Что тогда?

– Пойдем к следователю, – немного удивленно отозвался тот. – Маш, ты пойми: он вовсе не выбрал тебя своим персональным врагом.

Ему просто нужно дело раскрыть, причем с минимальными затратами. Вот и все. Мы сдадим ему Зинчук, и пусть разбирается с ней сам.

Бабкин встал, задел кодекс Бусидо на столе и тот упал, раскрывшись на середине.

– Выбери наугад любую цитату, – попросила Маша. – Как ни странно, меня они успокаивают.

Сергей наклонился за книжкой.

– «Не имеет смысла умирать, когда люди о тебе плохого мнения», – прочел он.

Повисло молчание.

– Похоже, Рогозина поступила в точности наоборот, – пробормотал Бабкин.

2

Проснувшись утром, Мотя не сразу поняла, где находится. Спросонок она всегда чувствовала себя особенно бестолковой. В голове с трудом ворочались тяжелые мысли, слипшиеся, как дрожжевое тесто. Где она? Почему такая жесткая подушка? Кто купил эти странные шторы в оранжевую полоску?

Сонный Мотин мозг искал, за что зацепиться, чтобы утвердить себя в этом мире, – и не находил. Вокруг все было чужое. Даже свет за окном, бледный, молочный, был не тот, к которому Мотя привыкла в своей квартире.

Это-то ей и помогло. Слово «чужой» еще раз вспыхнуло перед глазами, и Губанова все вспомнила.

Ребенок.

Отель.

Рогозина.

Убийство.

Вместе с воспоминаниями нахлынуло чувство голода. Мотя сглотнула, вскочила и заметалась, ища, что бы перехватить до завтрака. Но все орешки она подъела накануне, от шоколадки остался только фантик с крошками. Высыпав их в рот, Мотя торопливо оделась и побежала в столовую.

У скудного шведского стола она налетела на Беллу Шверник. Циркуль выглядела таинственно и нелепо в кожаных брюках и черном свитере с высоким горлом.

– Ты! – свистящим шепотом выкрикнула Белка. – Как! Ты! Можешь!

Есть! В такое! Утро!

Мотя уставилась на поднос, который держала Шверник. Тарелка манной каши и два бутерброда с колбасой.

– А это для чего – для поделок на конкурс? – вырвалось у нее.

Шверник вскинула голову.

– Для поддержания плоти! Я не имею права сдать в такой момент.

Мотю всегда сбивал с толку чужой апломб. Она не понимала, о каком таком моменте говорит Белка. Но Шверник выглядела и вела себя так, словно все вокруг держится только на ней, и чтобы не случилась катастрофа, она должна питать свое тело. Но лишь ради остальных!

– Ты собралась на похороны? – глупо спросила Мотя.

Ей представились рыдающие родители Рогозиной, которые с двух сторон висят на Шверник. А та стоит, несгибаемая, как ручка метлы, и держит несчастных стариков за плечи.

– Какие похороны? – изумилась Шверник. – Господи помилуй, ну ты и дура.

Белла водрузила на поднос стакан с чаем.

– Бел, почему ты меня так не любишь, а? – почти дружелюбно спросила Мотя. – Ну вот что я тебе сделала? Сначала в бане ты меня приложила... И вот теперь тоже... За что?

Белла наградила ее высокомерным и насмешливым взглядом.

– Да-да-да, поиграй в обиженную толстушку! Это лучшее, что тебе удастся!

И удалилась, всей узкой костлявой спиной выражая презрение.

Глотая безвкусную кашу, Мотя размышляла над «обиженной толстушкой». «Если уж на то пошло, – думала она, – то из нас двоих обиженная – Белла, а не я».

Это была старая история. Давным-давно Белка разыскала Мотю и предложила ей поучаствовать в одном совместном дельце. Идея была очень проста: Шверник, часто наезжавшая в Италию, собиралась продавать там предметы рукоделия. По ее заверениям, на все русское народное был высокий спрос. «Да итальяшки с ума сходят, если видят, что вещь своими руками сделана! – горячась, доказывала Шверник. – А от твоих кусочков у них дар речи пропадет!»

«Кусочками» Шверник называла лоскутные одеяла, которые Мотя от скуки взялась шить во время первой беременности. В доме нашлось множество обрезков, и Матильда без всяких схем выкладывала тряпочки, как бог на душу положит. Получалось неожиданно неплохо. Мотя даже завела маленький магазинчик в интернете, через который изредка

продавала то одно, то другое. Там-то ее и отыскала Белла.

«У них это называется пэчворк! Остромоднейшее направление! Обогатимся, Губанова! У меня есть выходы на галереи и магазины! Они у нас с руками оторвут эту продукцию».

И Мотя послушала. Развесила уши, называется. И ведь с кем ввязалась в дело – с Беллой Шверник! От Циркуля в школе было много жужжания и мало проку, и с годами ничего не изменилось.

Договорились они так: Мотя станет искать рукодельниц и скупать у них изделия, а Белла – перевозить в Италию и продавать. Прибыли собирались делить пополам. Может, из этого что-нибудь и вышло бы, не заяви о себе во весь голос человеческий фактор.

Время для Матильды Губановой и Беллы Шверник шло по-разному. У Моти внутренний его ход был очень медленный. Пятнадцать минут – практически как секунда, раз – и нету, закончились. Можно успеть зевнуть, щелкнуть пальцами, но и только.

Для Беллы в пятнадцати минутах мог уложиться полный рабочий день. За пятнадцать минут она успевала продумать презентацию, набросать основные идеи, перекусить и сделать два деловых звонка. Все это в конечном итоге обращалось в пшик, потому что презентации Белле были ни к чему, вести деловые переговоры она не умела, а ее основные идеи не стоили ломаного гроша. Но для их с Мотей отношений это было несущественно. Главное – что Мотя выглядела медлительной коровой, а Белла – стремительным локомотивом, толкающим вперед их маленький бизнес.

Мотя не торопясь списывалась с рукодельницами. Обсуждала условия. Встречалась. Выкупала вещи. На все это у нее уходил месяц.

Белла успевала за два дня долететь до Италии, там распихать по лавчонкам и магазинчикам лоскутные одеяла, договориться с хозяевами и вернуться обратно. Она искренне не понимала, отчего еще не готова следующая партия. «Почему ты тянешь время?! – отчаянно взывала Белла. – Почему ты ничего не делаешь?!»

Мотя очень удивлялась. Разве она тянет время? Вовсе нет. Она действует, как договаривались. Просто отчего-то обычный телефонный звонок занимает у нее два часа. А на встречу нужно потратить целый день.

«Ты опаздываешь! – возмущалась Шверник. – Я жду тебя уже двадцать минут!»

Мотя извинялась и раскаивалась, а в следующий раз опаздывала снова. Но не из вредности, а потому, что в ее внутреннем ходе времени двадцать минут были такой маленькой единицей, что опоздать на нее – то же самое,

что задержаться на десять секунд. Ведь никто не ругает человека за то, что он приходит на десять секунд позже!

Если бы Белла Шверник согласилась оставить Мотю работать в ее внутреннем ритме, у них могло бы что-то получиться. Но Белла ругалась, Белла кричала, Белла требовала немедленного результата. Мотя пугалась, торопилась – и безнадежно все портила. Начинала путать время встречи и суммы выплат рукодельницам. Теряла чеки. У нее все падало из рук, болела голова, она становилась плаксивой и всего боялась.

В конце концов все закончилось так, как и должно было. Белла без спроса изъяла у Моти ее записную книжку со всеми адресами и телефонами рукодельниц и объявила, что отныне выкидывает свою неудачливую партнершу из бизнеса. Она все будет делать сама!

Но здесь Беллу ждал крайне неприятный сюрприз.

Мотя, при всей ее медлительности и неуклюжести, производила на людей хорошее впечатление. Она выглядела основательной и безукоризненно честной. Ей доверяли. К тому же ее хорошо знали по рукодельным форумам, где репутация многого стоила.

Белла Шверник была резка, криклива, не слушала никого, кроме себя, и абсолютно не умела вести дел с мастерицами. Ее злила их необязательность и полное непонимание, сколько они хотят получить за свою работу. Она обрушивала на них тонны бесполезной информации и окончательно запутывала. Их любимые лоскутные одеяла для нее были всего лишь товаром, который можно выгодно продать.

У нее был бы шанс, поставь Шверник все на чисто деловые рельсы. Но Белла от непонимания накричала на одну рукодельницу, обругала вторую, не отдала деньги третьей – и окончательно все провалила. Ее бизнес протянул еще пару месяцев и тихо почил.

У Моти в памяти отложилось, что у нее украли любимую записную книжку (вот что было жалче всего, и бог бы с деньгами!).

А у Шверник – что все ее дело провалила Матильда Губанова.

Отхлебывая приторный чай, Мотя косилась в тот угол, где сидела Циркуль. Но Белла, поев за пять минут, стремительно удалилась. Мотя облегченно выдохнула.

Больше в столовой никого из ее бывших одноклассниц не наблюдалось. По соседству две пожилые женщины, похожие на грустных куриц, синхронно били ложечками по вареным яйцам. Возле окна молча завтракала семья с подростком. Тишина прерывалась только пискom смартфона мальчишки, гонявшего по экрану каких-то разноцветных

существ.

Мотя вспомнила сыновей и попыталась представить, что они делают сейчас. Но мысли упорно возвращались к тому, что случилось вчера.

Ей категорически не хотелось думать об убийстве. Обычно Моте удавалось легко переключиться: стоило вообразить мужа или сыновей, как размышления устремлялись в привычное русло: кто куда будет поступать, какую одежду нужно прикупить к лету... Но только не сейчас.

«Почему я не хочу думать об этом?»

Если дать себе труд хоть немного поразмыслить, ответ станет очевидным. Можно зажмуриться и заткнуть уши, но невозможно не понимать, кто расправился с несчастной Рогозиной. Мотя видела достаточно, чтобы у нее не осталось сомнений.

«Потому что я знаю, кто убийца».

Мотя одобрительно кивнула самой себе. Верный ответ!

«А она... она знает, что я знаю?»

И снова все было ясно.

«Конечно!»

«Ты понимаешь, что это означает для тебя, Матильда?»

Мотя огорченно отодвинула сыр. Вот! Вот именно поэтому она и не хотела думать о смерти Светы. Потому что все эти ужасные рассуждения испортили ей аппетит. А прийти в нормальное расположение духа Мотя могла, только с удовольствием покушав. Выходит, она попала в замкнутый круг.

Внутренний голос сказал мягко, словно разговаривая с ребенком:

«Мотя, что ты здесь делаешь?»

«Завтракаю!»

«Нет, что ты делаешь в отеле? Ты только что осознала, насколько опасна для убийцы. Так почему бы тебе не уехать отсюда прямо сейчас?»

Мотя уткнулась в тарелку.

Она не может уехать! Во-первых, к ней до сих пор так и не пришло решение, что делать с ребенком...

«Мотя, ты дура? – четко спросил внутренний голос, почему-то с интонациями Машки Елиной. – Ты видела, что она сотворила с Рогозиной? Какой ребенок, какое решение? Беги! Спасайся!»

Не могу, упрямо возразила Мотя. Это важно! Я настроилась на то, что решу все именно здесь. Мне трудно свернуть с выбранного пути! И потом, меня-то убить будет посложнее, чем Рогозину. Я так просто не дамся.

Внутренний голос потрясенно молчал.

Во-вторых, настойчиво продолжала Мотя, я не должна так просто сбегать. Если я знаю, кто убил, мне нужно понять, что делать с этой информацией.

Она мимоходом вспомнила следователя, но отбросила идею поделиться сведениями с ним. Очень уж противный! Мотя не собиралась ему доверять. Но кому, кому рассказать?

Елина?

Мотя помрачнела. А вот и третья причина, почему ей нельзя уезжать. До тех пор, пока она не поговорит с Машкой Елиной...

«Но ты можешь сделать это потом!»

«Потом я этого точно никогда не сделаю! Либо сейчас – либо никогда!»

Мотя запыхтела от раздирающих ее противоречивых мыслей. «Беги!» – «Поговори с Елиной!» – «Сейчас же!» – «Нет, сперва позвони Валерке и все расскажи ему!» – «Ты не можешь!» – «Ты не смеешь уехать!» – «Пока ты не рассказала ей, ты должна остаться здесь!» – «Но тебя убьют!»

– Никто меня не убьет, – твердо сказала Мотя и поднялась.

Две пожилые тетушки за соседним столиком изумленно вытаращились на нее.

– Никто меня не убьет, ясно? – повторила покрасневшая Матильда и пошла к выходу, не забыв захватить напоследок кусочек сыра.

3

План был прост. Так сказал Илюшин. Илюшин всегда это говорил, и каждый раз Бабкина охватывали недобрые предчувствия, потому что по собственному опыту он знал: хочешь максимально усложнить предстоящее дело – скажи, что оно простое.

– Нам нужно найти Юлию Зинчук, – обозначил задачу Макар. – И поднести ее на блюдечке следователю. Дальше пусть он сам разбирается, соответствуют ли ее отпечатки найденным на ноже.

– Это если они есть.

– Даже если нет, у него появится предмет для размышлений. У Зинчук имеется мотив...

– ...о котором мы не знаем, – немедленно дополнил Бабкин.

– ...и возможность!

– ...о которой нам тоже ничего не известно! И, кстати, даже этого

недостаточно для обвинения.

– А нам и не требуется никого обвинять, – заявил на это Илюшин, легкомысленно помахивая блокнотом. – Нам нужно переключить фокус внимания следователя с твоей жены на нового персонажа. Не говори мне, что это сложно!

– С учетом того, что мы не знаем ни персонажа, ни мотива? Скажу!

– Значит, надо вычислить Зинчук и разузнать у бывших одноклассниц твоей жены, чем ей насолила Рогозина много лет назад.

Сергей только головой покачал. Он отказывался понимать, как можно расследовать дело, не собирая улики, не анализируя все обстоятельства произошедшего...

– Считай, что мы просто опрашиваем свидетелей, – успокоил его Макар.

– И даже этого мы не имеем права делать, – недовольно пробормотал Бабкин. Но последовал за другом, поскольку выбора ему не предоставили.

Машу закрыли в номере, несмотря на ее протесты.

– У тебя есть телефон, книги, компьютер, – заявил непреклонный Сергей. – Считай, что ты под гуманным домашним арестом.

– Гуманным? Я даже увидеться ни с кем не могу!

– А тебе не нужно ни с кем видеться.

– Боже упаси, – согласился Макар. – Мы по-прежнему понятия не имеем, кто из ваших – Зинчук.

– Но послушайте! – запротестовала Маша. – Давайте будем логичны! Мы можем методом исключения сразу сказать, кто из наших – точно не Юлька!

Макар без предупреждения бросил блокнот Сергею. Другой человек получил бы записной книжкой в голову, но если Бабкин в чем-то опережал Илюшина, то в быстроте реакции, и Макару об этом было отлично известно. Сергей просто вскинул руку – и блокнот оказался в ней.

– А если бы в глаз попал? – флегматично осведомился он.

– Исключено! Я целился в лоб. Записывай, мой стремительный друг.

– Да подождите вы! – растерялась Маша. – Что записывать?

– Твои соображения о том, кто точно не Зинчук.

– Для начала – Савушкина и Коваль. Одна малютка, вторая дылда. Юлька, если мне не изменяет память, примерно с меня ростом.

– То есть метр семьдесят плюс-минус пять сантиметров, – черкнул Бабкин.

Макар взъерошил волосы.

– Я бы сделал допуск на все десять. Вряд ли Маша так точно оценила

в юности рост девчонки, с которой они даже рядом ни разу не стояли.

– Может, на физкультуре?

Макар и Бабкин с надеждой уставились на Машу.

Она отрицательно покачала головой:

– У Юльки было освобождение.

– Жаль.

– Ну ладно, с ростом в целом ясно: средний.

– А по комплекции сразу отпадает Мотя, – вставила Маша.

Макар усмехнулся.

– Серега, если твоя жена наберет тридцать кило, ты ее узнаешь?

Маша поняла, к чему он клонит.

– Говорю вам в сотый раз, я помню Мотино лицо, – настойчиво сказала она. – Губанова почти и не изменилась. Только раздулась немножко. Как воздушный шарик!

– Уже сгораю от желания увидеть женщину – воздушный шарик, – пробормотал Бабкин, делая пометки в блокноте. – Все прочие годятся на роль Зинчук?

Маша неохотно кивнула.

– Впрочем, нет! Подожди! Анна! Анна Липецкая отпадает.

– Почему?

– Она сразу при встрече напомнила мне одну вещь, о которой могли знать только мы двое.

– Точно только вы двое? – вмешался Макар. – Липецкая больше ни с кем не могла поделиться?

Маша открыла рот, чтобы сказать «ни в коем случае», – и закрыла.

Могла. Запросто.

– Еще она сделала кое-что... Щелкнула суставами пальцев. У нее была такая дурацкая привычка в школе. Макар, почему ты смеешься?

– Потому что именно это и выглядит подозрительно! Человек с первой секунды напоминает тебе то, что должно сразу разъяснить, кто он такой. А потом демонстрирует привычку, по которой его все помнят. Не слишком ли нарочито?

Маша не нашла, что возразить. Но тут ей пришла в голову свежая мысль.

– Подождите, а не зря ли вы собираетесь городить весь этот огород? Ведь можно просто аккуратно взять у всех отпечатки пальцев и...

Она осеклась.

– Вот именно, – подтвердил ее невысказанное опасение Макар. – С чем их сверять? У вас в школе снимали отпечатки?

– Нет, конечно!

– Тогда они нам ничем не помогут. Если только Зинчук не попадала в базы за последние годы. Увы, но на этот поиск у нас нет ни времени, ни ресурсов, так что его мы тоже оставим товарищу Викентьеву.

Маша воздела руки к небу, то есть к потолку:

– Неужели вы надеетесь, что Юлька себя выдаст? У вас нет ни отпечатков, ни ее фотографии, ни толкового словесного описания – ничего!

Илюшин усмехнулся.

– У нас есть восемь женщин, из которых одна совершила убийство. Мы можем просто ткнуть наугад! Какова вероятность точного попадания, мой необразованный друг?

Маша уже не расслышала, что ответил Бабкин. В ответ на «необразованного друга» он с силой швырнул в Илюшина ластик и метнулся вслед за стремительно удирающим приятелем. Только хлопнула дверь да протопали шаги в коридоре.

«Мальчишки! – фыркнула Маша. – Одному уже к сорока, второй не намного младше, а они все дурачатся, словно им по двенадцать».

Подумав, она подошла к двери и повернула задвижку. В то, что среди бывших одноклассниц оказалась Юлька Зинчук, Маша не очень верила. В то, что она придет по ее душу, тем более.

Но ее по-прежнему не оставляло странное, едва уловимое чувство, что за ней наблюдают.

Глава 12

1

Бабкин трижды сверился со своими конспектами в полной уверенности, что перепутал имена. Эта женщина с прямыми широкими бровями, непринужденно сидящая в кресле, не могла быть Аномалией.

Однако это была именно она. Анна Липецкая.

– Я приехала сюда, потому что мне требовался враг.

Илюшин склонил голову набок, как он делал всегда, узрев что-то крайне любопытное.

– Люди создают себе воображаемых друзей, – сказала Анна. – А я когда-то придумала воображаемого врага.

– Зачем? – изумился Бабкин.

– Он делал меня сильнее. Друзья – это спасательная перина, которая не даст вам ушибиться слишком сильно, если вы упадете. Это лекарство, которым смазывают раны. Враги – это крючья: вы зацепитесь за них, чтобы не упасть, и перина не потребуется. Да, они исцарапают вас, но они же научат осторожности. Хороший враг – это тренировочный полигон. Вы так ловко научитесь уклоняться от опасности, что ран на вас попросту не будет.

Она достала сигарету из серебряного портсигара с монограммой. Бабкин уже тысячу лет не видел портсигаров и подозревал, что ими пользуются только пажоны с претензией на оригинальность. Но Липецкая не выглядела женщиной с претензиями на что бы то ни было, особенно – на оригинальность.

– Здесь нельзя курить, – сочувственно предупредил Илюшин.

– Я не курю. Мне просто нравится держать ее.

Она не улыбнулась, объясняя это. Обычно, Бабкин знал, женщины слегка улыбаются, как бы извиняясь за маленькие странные привычки. Липецкая не собиралась ни извиняться, ни оценивать свою привычку как странную.

Анна крутила сигарету, не выпуская ее из пальцев, но и не сминая. При взгляде на нее приходила мысль о швейцарском часовом механизме, точном и выверенном. Простая гладкая стрижка, загорелая шея. Сильное, волевое лицо с великолепно очерченным подбородком.

И все-таки что-то с ней было не в порядке. Какой-то изъян, прочно

скрытый за холодной броней. Той самой расслабленности, которую Анна демонстрировала, как раз и не хватало: присутствовала лишь ее хорошая имитация.

«Имитатор», – подумал Бабкин. Слово это, внезапно выскочившее, будто хлеб из тостера, больше не оставляло его. Анна Липецкая все время что-то изображала... Понять бы еще что.

– Кто был вашим врагом в школе? – немедленно спросил Макар.

Она одобрительно кивнула:

– Вы правы. Конечно, Света Рогозина. Но это был выдуманный враг. Я наделяла ее теми достоинствами, которых она в действительности не имела, и мысленно усиливала ее способности.

– Так легче было конкурировать?

– Вы неплохо соображаете, – благосклонно кивнула она. Это был не комплимент, а сухая констатация факта. – Да, мне требовался соперник. Я вообразила, что Света поступила в МГУ. Это заставило меня очень стараться, чтобы сдать экзамены туда, куда я хотела. Потом я убедила себя, что она претендует на то же место, куда рвалась я.

– И сделали все, чтобы опередить ее?

– Само собой.

– У вас получилось?

– У меня получается все, за что я ни берусь, – без всякой рисовки сказала Анна.

– У вас есть дети?

Она вскинула на Илюшина темные глаза. Даже Бабкин, не успевавший улавливать нюансы их диалога, почувствовал, что Макар каким-то образом попал в болезненную точку. «Она бездетна?»

– Один ребенок, – ровно сказала Анна. – Девочка. Ей пятнадцать.

– Она похожа на вас? – зачем-то спросил Макар. Бабкин не мог понять, откуда Илюшин берет именно такие вопросы.

– На мужа.

– А-а, тогда хорошо.

Илюшин замолчал, явно не собираясь больше ничего объяснять. Женщина некоторое время смотрела на него, пытаясь скрыть удивление, но в конце концов не выдержала:

– Вы о чем?

– Что, простите?

– Почему это хорошо?

«Неужели из себя ее выводит?» – гадал Бабкин.

– Я имел в виду, что так вам легче ее любить, – мягко ответил Макар.

На этот раз Анна Липецкая замолчала надолго. Бабкин знал, что Илюшин почти любого собеседника время от времени вводит своими умозаключениями в состояние транса. Понять, о чем думает эта женщина, было невозможно.

– О чем еще вы хотели меня спросить? – наконец поинтересовалась она.

– Вас зовут Юлия Зинчук?

Несколько мгновений Анна ошарашенно смотрела на Илюшина, а потом от души расхохоталась.

– Зинчук?! Я?

Внезапно смех оборвался. Изумление сменилось недоверием, недоверие – пониманием. Она осознала, что на самом деле имел в виду Макар.

– Здесь Зинчук? – растерянно повторила Анна. – И вы думаете, что она – кто-то из нас? То есть это она... Она – убила?

Бабкин внимательно наблюдал за лицом женщины. Если она и играла, то играла превосходно.

– Я не знаю, кто убил, – сказал Макар. – Но Юля Зинчук среди вас. Вы ее не узнали, потому что она неплохо замаскировалась.

Выражение лица Анны стало отрешенным, глаза сузились. Сергей понял: она перебирает лица. Пытается понять – кто? Кто из них?

«Значит, идея Макара не показалась ей бредовой».

Это уже говорило ему о многом. Как минимум – что Илюшин прав, когда копает в прошлом, в завалах школьных секретов и тайн.

– Кто? – резко спросил Илюшин, так же пристально наблюдая за Анной. – О ком вы сейчас подумали?

Она почти испуганно взглянула на него. Рука непроизвольно потянулась к золотой цепочке на шее.

– Ни о ком!

Бабкин чуть не подскочил. Липецкая врала! Пальцы ее скользили по крошечным золотым зернышкам, перебирая их, поглаживая. Минуту спустя она совершенно успокоилась и прямо взглянула на Макара.

– Почему вы вообще решили, что Зинчук здесь?

– Поздно.

– Что?

– С этого вопроса надо было начинать. Сейчас его уже поздно задавать. Вы мне поверили.

Она усмехнулась и развела руками, признавая маленькое поражение.

– Что ж, может быть, вы и правы. Юлька всегда была...

– ...немножко странная? – подсказал Бабкин, вспомнив Машины слова.

Что-то промелькнуло в глазах Липецкой.

– Странной в школе была я. По сравнению со мной остальные выглядели образцами нормальности. Юля Зинчук была совсем обычной, но только до тех пор, пока вы не начинали к ней приглядываться.

– Это относится к любому человеку, – сказал Макар.

Она обдумала его слова и кивнула:

– Понимаю, о чем вы. Если под микроскопом рассмотреть самую серую личность, то и в ней обнаружится тьма... особенностей. Но Зинчук действительно умела удивлять.

– Например?

– Она не была доброй девочкой. Я имею в виду, что когда вы смотрели на Юльку, она казалась довольно славной, умненькой, приятной и все такое. К этому комплекту автоматически приплюсовывается обычно и доброта. Но вот как раз ею-то Зинчук и не обладала. У меня эта убежденность сложилась из одного случая. В Юлькином подъезде жила бабулька. Бывают старушки – божьи одуванчики, а бывают старухи – дьявольские чертополохи.

– Эта была из вторых?

– Да. Ветеран войны, кажется, или бывшая блокадница. Не женщина, а мегера. Сухая, тощая, всегда с клюкой, хотя не хромала. Старуха ненавидела «сытеньких», по ее выражению. Однажды Юлька возвращалась из магазина, откусила от рогалика, сморщилась и выкинула его в урну. Старый оказался рогалик, черствый. Старуха налетела на нее как ведьма! Только что сидела на скамейке – и уже размахивает клюшкой и грязно ругается. Как она честила Юльку! Я такой брани наслышалась, которой прежде не знала. А знала я, поверьте мне, немало.

– А где вы сами были в это время? – заинтересовался Макар.

– На крыше подъезда лежала, – невозмутимо ответила Анна. – И наблюдала за происходящим. Юлька попыталась оправдываться, вместо того чтобы просто сбежать, и окончательно вывела мегеру из себя. Та стукнула ее клюкой по спине. Надо сказать, приложила от души: Юлька даже вскрикнула от боли, но больше от неожиданности. Она явно не ожидала, что старуха пустит свою палку в ход. И вот в этот момент...

Анна задумалась.

– Так что – в этот момент? – не выдержал Сергей, когда молчание затянулось.

– Я бы сказала, – начала Липецкая, подбирая слова, – что именно тогда

расстановка сил изменилась.

– В каком смысле?

– Надо было видеть Юлькино лицо, чтобы понять! Из испуганной школьницы она превратилась в пылающую гневом мстительницу. Я думаю, у нее было обостренное чувство личной неприкосновенности. Знаете, есть люди, которые не переносят, когда до них дотрагиваются. А Юлька не могла осмыслить, что ее ударили. Она закричала на весь двор звонким голосом: «Вы не смеете так поступать! Это постыдно!» Знаете, я тогда захохотала, лежа на крыше подъезда. «Постыдно!» Ну кто так выражается, кроме героев книжек? Сейчас я бы не стала смеяться. Зинчук именно такими словами и думала.

Макар подлил себе воды.

– А как это связано с добротой?

– В тот момент, когда старуха ударила Юльку клюкой, я поняла, что Зинчук ей этого не простит и не спустит. Другой человек на Юлькином месте нашел бы массу оправданий полоумной женщине. Она воевала или голодала, она была просто больной старухой, в конце концов! Но для Зинчук это не имело значения. Юлька написала заявление в милицию – можете себе представить? Заявление! И даже нашла свидетеля!

Макар усмехнулся во весь рот. Бабкин вопросительно уставился на него, Анна вздернула бровь.

– Я сказала что-то забавное?

– Нет. Просто я вдруг понял, что за свидетеля она нашла.

Бабкин покосился на Липецкую, по-прежнему не зная, что имеет в виду его друг. И по ее помрачневшему лицу догадался, что ей-то как раз это вполне понятно.

– Не знаю, как вам удалось, – неохотно сказала она. – Но вы правы. Зинчук сообщила, что я наблюдала всю сцену от начала до конца. Подумать только, все время, что я лежала на крыше, мне казалось, что я здесь самая хитрая! А выяснилось, что это была Юлька. Она вычислила меня! А я этого даже не заметила.

– Честное слово, мне нравится эта девочка! Вы подтвердили ее рассказ?

– Я побоялась врать. Да и зачем? Выгораживать старуху? Эта ведьма растеряла всю свою ярость и пыл, когда выяснилось, что ей грозит. Она плакала и просила пожалеть ее. Но Юлька не успокоилась, пока не заставила старуху извиниться.

– Из вашего рассказа следует лишь, что Юля Зинчук жаждала

справедливости.

– Вот именно! А справедливость и доброта стоят очень далеко друг от друга. Каждому, кто видел мегеру, было ясно, что на самом деле она несчастная больная женщина, которую нужно оставить в покое. Но только не Юльке! Она не делала скидок ни на возраст, ни на тяжелую судьбу. Ее оскорбили – и она требовала моральной компенсации.

– А вы?

– Что я?

– Будь вы на ее месте, вы бы не требовали?

– Никогда! – твердо отказалась Анна. – Я бы просто пожалела старую дуру! Но жалость Юльке не была свойственна. Вы можете сказать, что я делаю слишком большие выводы из маленького случая, но я чувствую, что права.

– Вы знаете, что за ссора случилась между Rogozinoy и Zinchuk?

– Понятия не имею. Я не приглядывалась к жизни внутри класса. Говорила себе, что это копошение насекомых, которое не должно интересовать свободную личность вроде меня.

Макар понял, что больше ничего дельного не выведает.

– У вас были причины в школе ненавидеть Rogozinu?

– У меня были причины ненавидеть всех людей, – усмехнулась Анна. – Во всяком случае, так я считала в шестнадцать лет. Мне представлялось, что мои одноклассники и я – это разные виды. И, поверьте, Светка ничем не отличалась от других.

Закрыв за сыщиками дверь, Анна Липецкая постояла, отрешенно постукивая пальцами по косяку и пытаясь вспомнить, не проговорила ли она где-нибудь. Кажется, нет. Ее смущало, что она не могла понять, насколько эти люди опасны. Анна всегда оценивала новых людей именно по этому критерию.

«От них можно ожидать бед?»

Этот парень, Илюшин... Он куда проницательнее своего напарника. Как быстро догадался про ребенка – Анне даже стало не по себе. Она и в самом деле, когда Лерка родилась, страшно боялась, что девочка будет похожа на нее. Вторую Аномалию Липецкая не перенесла бы. У нее едва хватает сил принимать себя, а на такого ребенка их не останется ни капли.

Увидев новорожденную, Анна заплакала от счастья. «На мужа! – рыдала она перед изумленными акушерками. – Она похожа на мужа!» Те, бедные, не могли взять в толк, отчего роженица заливается слезами

радости. «Ты, милая, вроде как и сама не уродина! – осторожно успокоила одна. – Что ж за муж-то у тебя такой, Ален Делон, что ли?» Когда Илья пришел на выписку, весь персонал собрался поглазеть на него. «Нет, не Делон», – подытожила всеобщее мнение та же акушерка и разочарованно фыркнула.

Но для Анны это не имело значения. Она готова была любить в своей дочери кого угодно, кроме продолжения самой себя.

«Вот и ответ. Да, сыщик опасен, если так быстро тебя раскусил».

О чем еще он спрашивал? Ах да, не было ли у нее причин ненавидеть Рогозину!

Женщина начала смеяться. Она хохотала, запрокинув голову, выкрикивая сквозь смех:

– Не было... причин! Ах-ха-ха! Ни одной... ха-ха! причины!

Из глаз брызнули слезы. Анна пыталась достать водку из бара, но руки ходили ходуном, и она испугалась, что от спиртного станет еще хуже. Помогло простое испытанное средство: Анна открыла кран, дождалась, когда потечет обжигающе ледяная вода, и сунула голову под струю.

Шею словно ошпарило. Холодные струйки просочились под рубашку и заструились по спине. Но припадок пошел на спад.

Негромкие истерические смешки еще срывались с ее губ. Анна вытерла лицо жестким полотенцем, похлопала себя по щекам – без жалости, до красных пятен. Из зеркала на нее глянула дикая растрепанная женщина с безумным взглядом. Правый глаз у женщины дергался.

– Все, все, уже все, – успокаивающе забормотала Анна. – Мы сами справились...

Пока она сушила волосы феном, пришла в себя окончательно. Но требовалось переключиться, уйти от мыслей, вызвавших истерику.

«Они говорили про Зинчук. Есть ли у них ее фото?»

У самой Анны хранился только общий снимок класса, который она, как и Маша, привезла с собой.

«Зинчук и Рогозина... Рогозина и Зинчук...»

Анна полезла в сумку за фотографией, повторяя две фамилии на разные лады. И обнаружила, что снимок пропал.

Она точно помнила, что положила его в книгу рассказов Куприна, которую взяла с собой – читать вечерами. Пока было не до чтения, и Куприн оставался в сумке.

Зеленую книгу с золотыми буквами на корешке Анна сейчас держала в руках. Но фотография их класса, сложенная пополам, исчезла.

В коридоре возле пожарного крана Макар приподнялся на цыпочки и похлопал по ящику.

– Есть ключ!

Он показал его Бабкину и вернул обратно.

– Стало быть, Машка права, и сунуть нож под подоконник мог кто угодно.

– А отпечатки, Серег? Можно снять?

– С ключа? Забудь. Его держали в руках минимум три человека, включая горничную. А убийца, если у нее есть хоть капля ума, была в перчатках.

– Или был, – пробормотал Илюшин.

Бабкин уставился на него.

– Секундочку! Кто рассказывал мне, что убийца – Зинчук?!

Макар положил ключ на место.

– Во-первых, это было только предположение.

– Ха!

– С большой долей вероятности. Во-вторых, кто тебе сказал, что Зинчук обязательно должна явиться в женском обличье?

И, оставив ошеломленного Бабкина осмысливать такой поворот, двинулся по коридору.

Сергей догнал его возле лифта.

– Стой! Ты хочешь сказать, она вполне может притворяться мужиком?

– Почему бы и нет, – пожал плечами Макар.

– Да здесь мужчин-то в отеле раз-два и обчелся!

– Как минимум, здесь есть технический персонал. И следовательно Викентьев, хочу заметить, сильно похожий на бабу!

– Тьфу на тебя, – в сердцах сказал Бабкин. – Никогда не могу понять, когда ты шутишь!

Макар насмешливо взглянул на него.

– Это потому, мой заблудший друг, что я всегда говорю всерьез.

Он мимоходом сорвал блестящий листок с фикуса в холле, потер в пальцах и принялся.

– Что ты думаешь по поводу Липецкой? – спросил Бабкин, наблюдая за его манипуляциями.

– Больше вранья, чем правды. И больше ума, чем хитрости. Для нас это хорошо.

– Почему это?

– Потому что умные люди, как правило, удивительно прямодушны.

Он свернул истерзанный лист в трубочку. Сергей плохо переносил бессмысленные действия, они его отвлекали. Он собрался с мыслями, стараясь не смотреть, как Макар будет измываться над листом.

– Случай со старушкой как бы намекает, что Зинчук была на редкость злопамятной девицей.

– В самом деле, – язвительно согласился Макар. – Подумаешь, клюкой дали по хребту!

– Участник войны!

– То есть спасибо, что глаз не выколола?

– То есть я хочу сказать, что это нетипичное поведение для школьницы!

– Если только вся история не была рассказана нам специально, чтобы утвердить нас в подозрениях насчет Зинчук! – Макар сунул трубочку из фикуса в рот на манер сигареты.

Бабкин почувствовал, что тихо звереет.

– Выплюнь бяку! – рявкнул он. – И объясни мне, как ты собираешься это проверять!

Илюшин спрятал трубочку в карман рубашки.

– К счастью, – обрадовал он, – у нас целых восемь свидетельниц, а не одна!

Анжела Лосина открыла дверь и многообещающе улыбнулась. Она любила нравиться мужчинам, а чужим мужьям – особенно. По телефону звонящий представился супругом Машки Елиной, и Лось перед встречей надела специальный бюстгальтер, приподнимающий грудь, и натянула сверху облегающую майку с большим вырезом. Повертелась перед зеркалом и удовлетворенно хихикнула. Прямо-таки аппетитная вдовушка! А Елина – сплошная рыжая тоска. Ни сисек, ни задницы. Анжела наспех сжевала утаченную с завтрака булочку с разноцветной посыпушкой и помчалась открывать дверь.

Эффект от майки и бюстгальтера оказался еще сильнее, чем ожидала Лось. Оба гостя уставились на ее прелести с одинаковыми выражениями лиц. Пожалуй, несколько озадаченными.

Анжела торжествующе ухмыльнулась про себя. Усадив визитеров,

она заварила чай и подала его в лучших традициях роскошных женщин, как они ей представлялись: низко наклоняясь, чтобы можно было разглядеть даже больше обещанного. Бабкин покраснел и отвел взгляд. Илюшин с любопытством Алисы, заглядывающей в кроличью нору, рассмотрел открывающиеся виды.

– Я предполагаю, что это Юлия Зинчук убила Рогозину.

Лосина с любопытством, но без особого удивления взглянула на Илюшина.

– Типа, приехала и кокнула? – уточнила она. – Вообще-то могла.

– А что случилось между ней и Рогозиной в одиннадцатом классе?

С умильного личика тут же сползло радушие.

– Мне откуда знать? – раздраженно вскинулась Лось. – Я им что, нянька?!

Макар с Бабкиным переглянулись. «Врет!» – «Угу. Как сивый мерин».

Но расспрашивать было опасно. Оба понимали, что Лосина оцетинится и прогонит их.

Илюшин щелкнул пальцами, будто что-то припомнив:

– Анна ведь обещала рассказать! – Он сделал вид, что собирается встать. – Большое спасибо за помощь, Анжела. Не будем больше отвлекать занятого человека.

Лось встревожилась.

– Анна? Какая Анна? Липецкая, что ли?

– Да-да, именно она.

– Мы к ней как раз после вас собирались зайти, – пробасил Бабкин.

И тоже привстал, надеясь, что их нехитрая выдумка подвигнет Лосину на откровенность.

Простой расчет Илюшина оправдался. Анжела принужденно рассмеялась.

– Нашли кого слушать! Шизу!

– Она производит впечатление вполне разумной женщины, – провокационно заметил Макар.

– Видать, качественно ее полечили!

– Где полечили?

– А вы что, не знали? В психушке!

– Кого нынче удивить психиатрической лечебницей, – светски заметил Илюшин. – Депрессии, усталость от работы...

– Какая депрессия! – взорвалась Лось. – Ее Рогозина туда запихала!

Макар с Бабкиным замерли.

Довольная произведенным эффектом, Анжела выдержала долгую

паузу. Сергей бросил взгляд на Илюшина и понял, что на этот раз напарник не притворяется. Макар и в самом деле не ожидал этого услышать.

– Как это – запихала? – осторожно спросил он.

– А вот так! Папочке ее наябедничала!

Илюшин снова сел, внимательно глядя на Лосину.

Ангела сдержала ухмылку. То-то же! Не променяют они ее на Аномалию! Тем более та может сболтнуть кое-что... Кое-что лишнее.

При мысли о том, что известно Анне, Лось помрачнела. Но новый вопрос частного детектива отвлек ее от неприятных размышлений.

– О чем наябедничала?

Лось уселась поудобнее. Все внимание было снова устремлено на нее, и она расцвела под выжидательными взглядами.

– У Аньки отец был не родной, а отчим, – обстоятельно начала она. – Военный. Строгий мужчина! Хотел из нее человека сделать, а Анька сопротивлялась. Она его ненавидела! И мамашу свою ненавидела за то, что та за него замуж вышла. Ужас сколько крови она ему попортила!

– Я слышал, она хорошо училась, – осторожно сказал Макар.

Лось всплеснула руками:

– Ай, да при чем тут учеба! Я училась кое-как, но на меня мамка не нарадовалась! А Анька всегда вела себя как идиотка!

– Например?

– Отчим ее по утрам на зарядку поднимал в шесть. А Анька вместо упражнений давай танцы с выкидыванием ног устраивать! Он ее лупить, она визжать! Ну не дура?

– А мать там, говорите, имелась? – мрачно спросил Бабкин, представив себе эту картину: здоровый мужик наказывает пятнадцатилетнюю девчонку за то, что она не хочет делать зарядку.

– Имелась, имелась! – готовно закивала Ангела. – Серьезная женщина, ответственная такая. Бухгалтер!

– И она поддерживала такой стиль воспитания?

– А что с Анькой еще было делать? – удивилась Лосина. – Она по-человечески не хотела, и с ней не захотели. Как иначе-то! Отчим ей так сказал: женщина должна уметь готовить, прибираться и руками стирать на случай, если машинка сломается! Правильно? Правильно! А Анька ему заявила, что он ей не муж, так что пускай лучше свою жену учит готовить и пол мыть, а она на домашнее рабство не подписывалась. Ну не наглая?! Он ее денег карманных за хамство лишил. А Анька хитренькая такая, выкрутилась: нашла тетечку одну старенькую, у которой два пуделя жили, и стала их за денежку выгуливать.

Лосина осуждающе покачала головой. Видно было, что она всей душой переживала за отчима.

– Потом у нее совсем крыша съехала! Она и татуировки делала, и курила, и бухала. Ужас! Отчим ее поколачивал иногда, но не помогало. У него аж душа болела. Ну никак не удавалось из Аньки человека сделать!

«Поколачивал...» Бабкин вспомнил женщину, с которой они разговаривали недавно. Неудивительно, что Машка не узнала ее. Глубоко же Липецкой пришлось спрятать того подростка, которым она когда-то была.

– А при чем тут Рогозина? – зло спросил он. Илюшин бросил на него предостерегающий взгляд, но Бабкину трудно было держать себя в руках. Эта маленькая розовощекая тетка, довольная собой, за несколько минут изобразила ему картину ада, в котором жила пятнадцатилетняя Анна Липецкая. Как большинство действительно сильных людей, Сергей не переносил страданий слабых. «Военный! Сволочь он, а не военный».

– Светка однажды придумала, как поставить Аньку на место!

Ангела взяла с блюдца печенье и принялась жевать.

– На какое место?

– Ну, чтоб не выпендривалась, – пояснила Лосина. – Анька много о себе воображала! Света этого не любила. Анька... как бы это сказать... авторитет ее подрывала, во! И Светка пошла к ее отчиму.

Лосина произнесла это как само собой разумеющееся.

– Пошла к отчиму? – переспросил Макар, тоже нахмурившись.

– Ага! Рогозина всегда умная была!

– И что умная Рогозина сказала отчиму Липецкой? – со странной интонацией полюбопытствовал Илюшин.

– Во-первых, что Анька хотела с крыши спрыгнуть! – Ангела загнула палец. – Во-вторых, что она на людей кидается. В-третьих, и про выпивку, и про курево. Присочинила, конечно, не без этого.

– Про крыши тоже присочинила?

– Не, про крыши правда. Только она на верхотуру забиралась, потому что от высоты балдела. Шиза! А Светка отчиму сказала, что Анька собиралась с собой покончить. И двух свидетельниц привела!

– Савушкину и Коваль, – догадался Бабкин.

– Ага! Вы умный! – тонко польстила ему Ангела. – Почти как Светка. Про психиатра ведь Анькиному отчиму тоже она подсказала. Так-то он человек хороший, но не то чтобы ослеплял интеллект.

«Если уж даже тебя отчим Липецкой не ослеплял интеллект, значит, совсем был дурак», – подумал Бабкин.

– И чем все закончилось?

Он уже понимал, чем закончилось, но все-таки хотел услышать это от самой Лосиной.

– В психушке ее закрыли. – Анжела с особым удовольствием выговорила «в психушке». – После окончания школы все поступили кто куда. Одна только Липецкая поступила в дурку.

Анжела удовлетворенно засмеялась.

– И сколько она там провела?

– Ой, это вы лучше у нее спросите! Год, что ли...

– Год?! – не поверил Сергей.

– Или два... Да какая разница!

– Безжалостная вы женщина, Анжела, – заметил Илюшин.

Анжела неспешно отхлебнула чай.

– А за что мне ее жалеть? За то, что она ручкой в меня тыкала? Гегемоном обзывала? Ножом стращала?

– Ножом? – заинтересовался Бабкин.

– «Бабочкой». Она его в кармане носила. Всем говорила, что там расческа. Но я-то видела! Она мне один раз в туалете его показала...

– За что?

Лосина осеклась, поняв, что сболтнула лишнего. Ухмылка сменилась настороженной гримасой.

– А я разве помню... – мрачно пробормотала она.

Но уже одна лишь смена ее настроения говорила сама за себя.

– Анжела, а вы сами встречались с отчимом Липецкой?

– Боже упаси! – открестилась женщина.

– Тогда откуда так хорошо знаете подробности их беседы с Рогозиной? – подловил Бабкин.

В маленьких круглых глазках блеснуло насмешливое превосходство.

– Сама она мне рассказала!

– Кто, Рогозина?

– Не Шиза же! Она как была дура с прибабахом, так и осталась. Пусть как хочет рядится, но меня-то не обманешь! Я человек проникательный, скромничать не буду.

– Скромничать не надо, – согласился Илюшин. – А когда Рогозина с вами поделилась? После того, как ее план с психиатрической лечебницей сработал?

Анжела кокетливо махнула рукой:

– Да ну вас, Макар! Вы думаете, Светка меня уважала в те времена? Она только сейчас стала понимать, в кого превратилась Анжела Лосина!

«А ведь она не притворяется, – подумал Бабкин, глядя, как светится удовольствием ее лицо. – Лосина действительно убеждена, что Рогозина произвела переоценку одноклассников и поставила ее на почетное первое место! Как ребенок, честное слово. Глупый, жадный, противный ребенок».

– То есть Рогозина рассказала вам о разговоре с отчимом Липецкой недавно?

– Позавчера, – важно кивнула Анжела. – Во всех подробностях выложила! И про то, как Анька после больницы чуть не повесилась. И про то, как пила.

– Пила?

– Бухала по-черному! И кололась! И по рукам пошла. А потом какой-то мужик заставил ее завязать, сам бывший алкаш. Но тут не знаю, врать не буду!

– Много же вам сообщила покойная! – вырвалось у Сергея.

– Ой, разве это много! Светка мне про всех наговорила!..

– Про кого еще? – быстро спросил Макар.

И это была ошибка. Анжела Лосина считала себя очень, очень хитрой. Что такое ум, она толком не понимала, но демонстрация хитрости утверждала ее в собственном превосходстве над любым противником. Поспешность выдала интерес Илюшина, и Лосина задумалась. Мысль считывалась с ее лица так явственно, словно субтитры скользили по лбу. «Что я могу получить за эту информацию?» – прикидывала Анжела.

Жадность взяла верх даже над мечтой унижить Елину. Для Лосиной больше не имело значения, что подумает о ней Машкин супруг.

– Я бы вам сказала, – удрученно протянула она, – но ведь Света мне завещала хранить эти секреты в тайне!

Она сообразила, что за тайну и завещание эти двое должны прилично раскошелиться! В действительности больше ей рассказать было почти не о ком. Кроме Саши Стриженовой – но на этот счет у Лосиной были свои соображения.

Когда Рогозина позвонила в ее номер поздно вечером, Анжела уже засыпала. Но первые же Светкины слова согнали с нее весь сон. «Давай посидим за рюмочкой ликера? – доверительно предложила Рогозина. – Поболтаем, как в старые добрые времена...»

Никаких старых добрых времен не существовало. И уж кому-кому, а Светке об этом было известно. Вряд ли она забыла то, что сделала тогда с Анжелой...

Но Лосина улыбнулась и приняла правила игры. Если Рогозина хочет

вымолить прощение за тот случай, она не станет противиться.

Светка прощения не просила, но за ликером (оказавшимся десятилетним коньяком) порассказала такого, что у Анжелы глаза на лоб полезли. Теперь стало ясно, куда после школы исчезла Липецкая! А мать-то ее врала, что Анька уехала поступать в Питер!

«Неужели она и в самом деле алкоголичкой стала?» – пугалась Лосина.

«Самой настоящей! – клялась Светка. – До белой горячки допивалась!»

Откуда у Рогозиной все эти сведения, Лосина не спрашивала. Как и о том, зачем ей все это сообщают. Какая разница! Ее выделили из всех, ее посвятили в тайну!

Ах, как жаль, что придется держать язык за зубами! Как приятно было бы прищучить гордячку Липецкую.

«Отчего же за зубами? – наивно удивилась Светка. – Завтра в сауне можешь намекнуть Аньке, что все знаешь. Посмотрим, как она запляшет! Да и Стриженовой тоже».

Анжела так и расцвела в предвкушении.

«Пускай денег предложат! – думала она теперь, глядя на Бабкина с Илюшиным и пытаясь на глаз определить стоимость их одежды. – Частные детективы всегда платят, когда им что-то рассказывают!»

В действительности, вздумай Илюшин предложить гонорар за информацию, Анжела оказалась бы в непрестом положении. Почти все, что знала, она уже выложила. Но Лосина не имела привычки думать на ход вперед. Старую поговорку «Будет день – и будет пища» она давно переиначила на свой лад: «Будут деньги – там посмотрим».

«Давай, давай спроси, сколько я хочу!» – мысленно подгоняла она Бабкина. Тот представлялся ей более платежеспособным, чем Илюшин.

Но к ее острому разочарованию, оба частных детектива поднялись.

– Спасибо за содержательную беседу, – вежливо сказал Макар.

Анжела осознала, что если будет обходиться одними намеками, то останется ни с чем. Вот же тупые!

– Вообще-то у меня сейчас с финансами напряг, – озабоченно сказала она, усиленно притворяясь, что эта светлая мысль только что пришла ей в голову.

Илюшин выразил сочувствие, но это не помешало ему идти к двери.

– Света мне много любопытного порассказала! – сделала Лосина последнюю попытку и многозначительно подмигнула Бабкину: – Про вашу жену, между прочим, тоже!

Если бы Бабкин купился, Анжеле пришлось бы все сочинять, потому что про Елину Рогозина не обмолвилась ни единым словом. Но на этот раз Лосина проявила нехарактерную предусмотрительность и придумала, о чем будет врать. «О любовнике скажу. Любовник-то у каждой найдется!»

Однако только впустую потратила усилия. Сергей Бабкин, улыбаясь вежливо и холодно, почти как его приятель, уже прощался у двери.

– Вам, значит, не интересно? – вспыхнула Анжела. – Что же вы за частные сыщики такие!

– Интересно! – Макар открыл дверь. – Но не за деньги.

– Бесплатно, между прочим, только птички поют! – обиделась Лосина.

– Не только, – сказал Илюшин. – Еще сыр в мышеловке лежит.

3

Анжела скривила напоследок такую физиономию, что сомневаться в ее чувствах не приходилось. Оказавшись в коридоре, Макар рассмеялся. Бабкин покачал головой:

– Ну и гнусная же тетка!

– Зато веселая.

– Да брось!

– А ты заметил, что у нее в декольте?

Тут они загоготали оба в голос, так что шедшая мимо девушка в униформе чуть не уронила стопку отглаженных простыней.

– Извините, мадемуазель! – Макар ловко перехватил белье. – Не подскажите, где триста двенадцатый?

Девушка объяснила, как пройти, и стрельнула напоследок глазками в Илюшина. Бабкин хмыкнул.

– Отчего б тебе не оттачивать обаяние на Машкиных одноклассницах? Пока с миру по нитке собираем.

– На следующей отточу, – пообещал Макар. – Кто у нас?

– Александра Стриженова, она же Саша Стриж, она же Доска.

– Сейчас заведет ту же песню: не помню, не участвовала, не привлекалась! Такое чувство, будто все в сговоре.

– Да что там могло случиться серьезного? Не убили же они эту Зинчук?

Макар поднял указательный палец и сделал вдохновенное лицо:

– О! А ведь это мысль! Представь себе, что класс в полном составе прикончил девицу! На вечеринке! А остаток года одноклассницы

по очереди притворялись ею.

Бабкин представил, и его передернуло.

– Фантазии у тебя! – проворчал он. – А Машка ничего не замечала, потому что у нее зрение минус двадцать, например...

– ...или она в сговоре со всеми, – невозмутимо закончил Макар.

Бабкин недобро зыркнул на него.

– Блестящая версия, но есть одно уязвимое место.

– Какое?

– Кто тогда убил Рогозину?

Макар резко поскучнел.

– Ты подрезал крылья полету фантазии, мой приземленный друг!

– Радуйся, что за ногу ее к забору не привязал. Ладно, топаем к Стриженовой...

– И слушаем стандартный набор вранья.

Десять минут спустя

– ...Разумеется, я знаю, что случилось в одиннадцатом классе, – сказала Саша, удивленно глядя на них. – Все это знают.

Глава 14

1

Ира Коваль тяжело облокотилась на подоконник. После того, как ушли частные сыщики, ей стало совсем худо. Сова, всегда подбадривавшая ее, на этот раз молча исчезла.

Значит, все-таки Зинчук. Она взяла папки!

Коваль мрачно усмехнулась. Что ж, разумно. На месте Юльки она поступила бы так же.

Впрочем, нет. На месте Юльки она убила бы их, всех троих. Только не откладывая в долгий многолетний ящик, а сразу же. Теми же самыми ножницами.

Наверное, смысл того, что они сделали, в одиннадцатом классе понимала только Светка Рогозина. Она вообще очень много понимала про других (но не про себя). А вот Ирка тогда решила, что ничего особенного, они просто немного проучат обнаглевшую Зинчук. В том, что Юлька зарвалась, Коваль не сомневалась.

В школьные годы у Иры Коваль, дочери запойного пьяницы и истерички, был идол: он носил кудрявые золотые волосы, звонко смеялся и смотрел глазами зелеными, как майская трава. Кроме Любки Савушкиной, идол был единственным во всем белом свете, кто принимал Ирку Коваль без всяких оговорок, целиком, и даже уважал ее.

Того, кто покусится на божество, Ирка готова была придушить собственными руками. Светлана Рогозина воплощала для нее все самое прекрасное, что только может быть в человеке: красоту, силу и власть. Настоящую силу, а не примитивное умение разогнуть руками подкову.

Савушкину Ирка любила всем сердцем. Рогозиной она поклонялась.

Но чем глубже в прошлом оставалась школа, тем чаще Ирку навещали нехорошие мысли.

Иногда кажется, что совершаешь злую шалость. А на самом деле протыкаешь человеку внутренности иглой. По какому счету с тебя спросится в будущем – как за иглу или за шалость?

И уверен ли ты, что именно в будущем станешь держать ответ, а не держишь его уже сейчас?

Когда она поделилась однажды этими мыслями с Савушкиной, Любка

отмахнулась:

– Не выдумывай. Нет никакого возмездия! В загробную жизнь я не верю, а в этой все зависит от нас самих.

– А может быть, все-таки есть возмездие? – упрямо возразила Ирка. – Только мы об этом не знаем!

– Как это – не знаем?

– А вот так. Живешь себе, живешь, и ничего страшного не случается. Но и ничего хорошего тоже! Тебя наказывают твоей же собственной жизнью.

Некоторое время Сова смотрела на подругу без своей обычной легкой усмешечки.

– Может ты, Ир, и согласна считать свое существование божьим наказанием, – сказала она наконец. – Но я – нет. И прекрати пилить себя из-за Зинчук. Ничего ужасного мы не сделали.

Ире стоило больших трудов удержать рвущийся с губ нервный смех. Ничего ужасного? Отчего же тогда ей временами снится, что это она убегает по бесконечно длинному коридору, стены которого сближаются и сдавливают ее. Что это ее догоняют, валят на пол, втискивают в рот первую попавшуюся тряпку? Что это она извивается под тяжестью взгромоздившегося на нее тела, отбивается руками и ногами, мычит от беспомощности и унижения? Сильная рука давит на ее затылок, лицо утыкается в пол. Руки стиснуты за спиной. Ломит плечи! Отпустите! Отпустите меня!

Ирка просыпалась с отчаянным криком. Каждый раз этот сон становился все реалистичнее и в то же время абсурднее. Коридор замыкался в бесконечный круг, по которому она мчалась без всякой надежды на спасение. Блик сверкал на серебристом острие ножниц. Рука на затылке превращалась в гранитную плиту, расплющивавшую ее тело. И голоса, голоса, перебивающие друг друга! *«Давай сюда!»* – *«Я не знаю, где они!»* – *«Ищи, дура!»* – *«Кто-нибудь, дайте бинт. Дайте же этот чертов бинт! Что вы стоите?!»*

Ее голос.

Светкин голос.

Любкин.

Во сне Ирка раздваивалась на жертву и преследователя, и самое страшное, что не в ее силах было изменить ни первое, ни второе.

Она до боли стиснула пальцы. В парке перед отелем прогуливалась девочка с длинными волосами, ничуть не похожая на Зинчук. Но Коваль теперь повсюду чудилось Юлькино лицо.

«Если перенестись в прошлое, в тот день, что бы я изменила?»

Ничего. Каждый раз Ирка задавала себе этот вопрос, и каждый раз звучал один и тот же до отвращения честный ответ. Это она нынешняя видит кошмары. А она прежняя считала, что они все делают правильно.

«Шалость!»

Коваль засмеялась и уткнулась лбом в холодное стекло.

«Да мы ее фактически изнасиловали».

Дверь за ее спиной бесшумно приоткрылась.

2

– Они ее обкорнали, – сказала Саша Стриженова.

Бабкин решил, что ослышался.

– Что они с ней сделали?!

– Постригли, – повторила она. – Омерзительная история. Но знали о ней действительно все, кроме Маши.

– А Лосина сказала, что ничего...

– Врет! – с силой перебила Саша. – Лось не только была в курсе, но и принимала во всем живейшее участие!

Сергей боялся открыть блокнот, чтобы не спугнуть ее.

– И в чем оно заключалось?

Судя по напряженному голосу Макара, он тоже опасался, что приступ откровенности Стриженовой может в любой момент закончиться.

– Она заманила Зинчук, – с прежней уверенностью сказала Саша. – Заманила в квартиру к Савушкиной. Одна бы Юлька не пошла, она стеснялась. А Лосина предложила свою компанию, и Зинчук согласилась.

Саша вспомнила сцену в сауне, выступление Анжелы, понятное только им двоим... И в голосе ее прорезалась неприкрытая злость:

– Эта лживая дрянь сообщила Юльке, что у Совы якобы собирается вечеринка для своих. И Лёшка Демьянов тоже будет.

– Мальчик, который нравился Зинчук?

– Она была в него влюблена. Сильно влюблена! Так могут влюбляться только подростки.

Саша поднялась, чтобы взять сигареты. Джинсы, черная водолазка, тонкая серебряная цепочка – ничего вычурного. Бабкин бросил взгляд на Илюшина и с неожиданным удовольствием убедился, что тот впечатлен.

Стриженова оказалась высокой голубоглазой шатенкой с мальчишеской стрижкой. Бабкин любил длинные волосы у женщин, но даже он вынужден был признать, что Саша могла бы обриться наголо, и это ни капли не испортило бы ее.

Он вообще не мог представить, что могло бы испортить это лицо. Выразительные линии подбородка и скул, каким-то особым образом широко расставленные глаза, чуть вздернутые к вискам... Бабкин сосредоточился, пытаясь поймать неуловимую особенность, делающую ее лицо таким притягательным. Бесплезно. То же самое, что ловить руками мираж.

Саша Стриженова открыла настежь окно, закурила и выпустила дым из бледных губ.

– Простите, я не предложила вам. Вы будете?

– Нет, спасибо.

Она села на стул очень прямо, не касаясь лопатками спинки.

– Вы занимались в балетной студии? – вдруг спросил Илюшин.

– Что, простите? Нет. Почему вы так решили?

– Осанка.

– Ах, это... – Саша невесело усмехнулась. – Последствия старой травмы. Мануальный терапевт запретил мне сутулиться. Но вы ведь не обо мне пришли говорить, правда?

«Нет, если только ты – не Юля Зинчук, – мысленно ответил Бабкин. А Стриж вполне могла быть ею. – Старая травма, говоришь?»

– А Юлька Зинчук ради дурака Демьянова даже научилась танцевать, – сердито сказала она. – Ходила в студию в нашем Доме культуры.

Она замолчала. Ни Бабкин, ни Макар не торопили ее. Илюшин тихо надеялся, что отель сэкономил на качественных детекторах дыма, и ее рассказ не перебьется свирепым воем сирены.

Из окна потянуло зверским холодом. Стриженова как будто не замечала его.

– Может быть, начнете с того, кто это придумал? – осторожно предложил Бабкин.

– Нет. – Она покачала головой. – Начать надо с того, что Демьянову нравились куклы-златовласки. Роскошные красотки с расстегнутыми верхними пуговицами блузок, а не тихие отличницы с косичками.

Илюшин со всей отчетливостью вдруг увидел, что сама Саша когда-то была именно такой: тихой и с косичками. И ей тоже нравился похожий на ожившую римскую статую Лёшка Демьянов, с мускулами, широкой улыбкой и отсутствием всякой рефлексии. Но она не решилась сделать

того, что Юлька Зинчук. Или просто не сообразила.

– Юлька начала себя менять, – сказала Саша. – Ориентиром она выбрала Рогозину. Сначала осветлила и завила волосы в дивные кудри. Таких золотых волн, как у Светки, конечно, не получилось, но все равно было красиво. Потом она научилась краситься в точности как Светка. В ней как будто проступало новое лицо на фоне блеклого старого. И знаете, на Юльку хотелось смотреть.

Илюшин начал понимать логику одиннадцатиклассницы Юли Зинчук. Если рядом есть девочка, которая нравится всем, включая мальчика, который нравится тебе, то что самое простое? Подражать ей.

«Своеобразная идея. Но ведь оправдала себя».

– А потом она явилась в школу в умопомрачительном прикиде. – Саша улыбнулась. – Мини-юбка, ботфорты... И все! Лёшку Демьянова можно было брать голыми руками.

Она встала и закрыла окно. Бабкин, ежившийся все это время от холода, облегченно выдохнул.

– Но Юлька допустила одну очень серьезную ошибку. Вы понимаете какую?

Сергей покачал головой. Илюшин кивнул.

– Она стала копией Рогозиной, – объяснила Саша, внимательно глядя на Бабкина. – Светку бы это только смешило, если бы подражание не оказалось успешным. Ведь Лёшка, которого королева класса числила в своих поклонниках, обратил на Юльку внимание.

– Хотите сказать, именно это Рогозиной не понравилось?

Саша страдальчески поморщилась:

– Нет, невозможно! Невозможно объяснить нормальному человеку весь этот расклад! Вы даже представить себе не можете, Сергей, какая мешанина из подростковых комплексов, обид, серьезной взрослой ненависти и жажды власти заливала наш класс. Светке Рогозиной был катастрофически мал размах школы. Ей бы двор при каком-нибудь Людовике Четырнадцатом – там бы она оказалась к месту. «Не понравилось!» Ха! Да она пришла в бешенство! Каждый день обновленная Юлька Зинчук откусывала от ее власти. Макар, вы понимаете?

– Думаю, что да. Только Рогозина имела право привлекать к себе такое внимание. И внимание юношей должно было принадлежать лишь ей.

– Особенно такого юноши, как Демьянов! – подхватила Саша. – Плевать, что он сто лет не был нужен до этого! Как только Юлька стала перетягивать его на свою сторону, Рогозина озверела. Ну как же! Мальчик из ее свиты, лучший экземпляр коллекции поклонников!

– Вот и злилась бы на него, – бухнул Сергей.

– Мальчики в подобных случаях работают переходящим призом. – Саша снова улыбнулась.

Бабкину все меньше нравилась ее улыбка. Не в том смысле, что улыбалась Стриженова некрасиво, нет. Просто он был достаточно наблюдателен, чтобы знать: такой улыбкой люди прикрывают гримасу боли. У Саши Стриженовой что-то очень болело, и чем дольше он смотрел на нее, тем отчетливее понимал это.

«Травма или не травма, а спину прямо она держит как человек, на которого взвалили слишком тяжелый груз. Именно такие обычно сохраняют осанку из последних сил».

– Теперь вам понятно? – Саша гневно сверкнула глазами. – Бедная Юлька покусилась сразу на все: на собственность Рогозиной и на ее светлый облик. Я один раз услышала, как Кувалда назвала Зинчук воровкой, но подумала, что это о Лешке. Ничего подобного! Она имела в виду, что Юлька подражала Светке. А несчастная Зинчук и понятия не имела, какую бурю она подняла! С ее точки зрения, ничего страшного не происходило. Наоборот, все шло прекрасно! Лёшка Демьянов не отличался умом и не догадывался, что все ее преобразования лишь ради него. Он только видел, что Зинчук расцвела. День, когда он пересел к ней за парту, переполнил чашу Светкиного терпения. Я уверена, она все придумала именно тогда.

Дерево за окном раскачал весенний ветер. Ветки проскребли по стеклу, но Саша не обернулась на звук. Она смотрела на телефон, включенный на беззвучный режим. Тот вибрировал на столе.

«Вам звонят», – чуть не ляпнул Бабкин. Но Стриженова и сама это видела. Сергей заметил, что по экрану паутиной разбегаются трещины.

Прошло не меньше минуты, пока сотовый подпрыгивал и жужжал. Наконец Саша отбила звонок и невидящим взглядом скользнула по лицам Бабкина с Макаром.

– О чем я... Ах да. О той вечеринке, которой на самом деле не было.

– Ее Рогозина придумала?

– Весь этот план был плодом Светкиного ума. Вернее, Светкиной злобы. Ей нужно было не просто выставить Юльку в нелепом виде. Она хотела проучить ее так, чтобы Зинчук до конца жизни запомнила этот случай. В чем в чем, а в фантазии Светке было не отказать.

Бабкин выразительно глянул на Илюшина. «Записывай, записывай!» – глазами показал Макар.

– Савушкина распустила слух о вечеринке. И о том, что Демьянов

настойчиво просил, чтобы Юлька обязательно пришла.

– А сам он сказать не мог!

– Он не ходил в школу два дня, так что у Юльки не было причин сомневаться. К тому же, знаете, при всем своем уме она была... Как бы это назвать... Доверчивой. И плохо понимающей эмоции других людей. Никто из нас, девочек, не осмелился бы копировать облик Рогозиной. Мы понимали, что ничем хорошим это кончиться не может. А Юлька – нет.

– И никто из вас ее не предупредил? – вырвалось у Бабкина.

– Она бы не поняла наших объяснений, поверьте. Хотя сейчас я жалею о том, что даже не пыталась. Но мы были очень разобщены. Каждый сам за себя! А главное – никто не догадывался, к каким чудовищным последствиям приведет Юлькина влюбленность.

Телефон снова завибрировал. Сашино лицо на мгновение окаменело. Она снова отбила звонок, и голос ее звучал глуховато, когда она сказала:

– В тот вечер Лосина заманила ее в квартиру Савушкиной и сбежала сразу, как только Юльку втащили за дверь. Ей было все равно, что дальше произойдет.

Она провела рукой по лбу.

– От Коваль я знаю, что Юлька почувствовала неладное только тогда, когда зашла в комнату, где должны были собраться наши одноклассники. Там, естественно, никого не было. И Лешки Демьянова тоже, он вообще понятия ни о чем не имел. Коваль говорила, что Юлька до последнего улыбалась и радовалась, как дура. Про дуру – это Иркины слова. Она всей душой презирала Зинчук за ее легковерие. Увидев пустую комнату, Юлька попятилась, но тут ее перехватила Кувалда. И держала до тех пор, пока Рогозина зачитывала обвинительный приговор.

– Что она делала? – не поверил Бабкин.

– Перечень Юлькиных преступлений был зачитан вслух. Коваль с Савушкиной развеселились и хохотали, слушая, как Светка хорошо поставленным голосом декламирует, на что именно покушалась Зинчук. Юлька все это время пыталась вырваться, но Кувалда очень сильная, она удерживала ее без труда. А потом Светка с тем же серьезным лицом огласила приговор: выжечь на лбу клеймо «воровка» и обстричь волосы перед тем, как сослать в класс.

– Клеймо, значит, – повторил Илюшин.

– Сделав паузу, Рогозина сообщила, что суд решил принять во внимание умственную отсталость обвиняемой и ограничиться только стрижкой. Сова с торжественным видом подала ей на подносе ножницы. И тут Юлька дернула головой назад, попала Коваль затылком по носу, и та

от боли и неожиданности выпустила ее. Зинчук кинулась к выходу. Но у родителей Савушкиной была большая квартира с длинным коридором... В общем, Коваль догнала ее, повалила... Юлька визжала и отбивалась, будто они собирались ее убивать. Я думаю, в некоторой степени для нее это так и было. От ее сопротивления они озверели еще сильнее. Ей скрутили руки за спиной, в рот засунули кляп... Коваль позже сказала мне: «В какой-то момент я испугалась, что мы ее придушим». Но никто из них уже не мог остановиться. Кто-то ударил ее, чтобы не дергалась, потом Светка заорала, чтобы принесли ножницы, и Любка долго металась по комнате, потому что их уронили по дороге. Хотя Ирка прижимала Юльку к полу очень крепко, Зинчук, услышав лязганье ножниц, задергалась так, что они ее порезали. У нее осталась ранка на предплечье. Неглубокая, просто царапина. Но у Рогозиной, когда она увидела кровь, сделалось такое дикое лицо, что Коваль перепугалась до смерти. Ей показалось, что Светка сейчас вырвет ножницы у Любки из трясущихся рук и забьет ими Зинчук до смерти. Юлька снова нарушала ее план, понимаете? Она не унижалась перед ними, не плакала, а сопротивлялась так отчаянно, что все происходящее окончательно перестало быть шуткой, пусть даже и злой.

– Помнится, во Франции и Бельгии после освобождения брили женщин, вступавших в связь с фашистами, – вдруг сказал Илюшин.

– В Нидерландах тоже. Но я сомневаюсь, чтобы Рогозина знала об этом. Ей просто хотелось унижить Юльку как можно сильнее.

Саша вздохнула.

– В конце концов они обкромсали ей эти светлые локоны, которые Юлька так старательно завивала. Оставили, может, сантиметров десять торчащих ключев. У Светки был заранее приготовлен тубик с краской, и они намазали ей волосы ядреным составом. Смывать ничего не стали, а просто подержали двадцать минут – и выпустили.

Бабкин представил себя на месте оскверненной девушки.

– И она не пыталась броситься на них?

– У нее сил не осталось, – сказала Саша. – Она выбралась из квартиры Савушкиной и там свалилась на площадке. Эти три дряни испугались, что с Зинчук что-то не в порядке. Но она полежала, поднялась и двинулась вниз по лестнице. Они наблюдали с балкона, как она идет домой, а вслед ей оборачиваются прохожие. У нее же все волосы были перепачканы этой гадостью, и еще кровь на руке, на одежде... Про лицо страшно подумать. Я увидела Юльку через два дня после этого. У нее были такие глаза... Как будто она вернулась с войны. Вам, наверное, это сравнение кажется

смешным?

Но ни Бабкину, ни Макару смешно не было. «Шестнадцать ударов ножом, – вспомнил Сергей слова жены об убийстве Рогозиной. – Странно, что не больше».

Одно соображение не давало ему покоя.

– Саша, я вот чего не понимаю... Почему Зинчук не обратилась в милицию?

– Что вы! Она обратилась! Юлька позвонила маме, та примчалась домой, и они обе кинулись в ближайшее отделение. Мама у нее была такая же тихая и незаметная, но за дочь готова была биться до последнего.

– И что же? Тут ведь уголовщина чистой воды. А! – он хлопнул себя по лбу. – Несовершеннолетние же!

– погоди, – вмешался Макар. – Одиннадцатый класс! По шестнадцать им точно исполнилось!

Саша покачала головой.

– Вы зря спорите. Возраст ни при чем. У Светки был влиятельный папочка, которому она представила все как маленькую женскую месть. Он даже посмеялся над ее выдумкой. Сначала Юльку уговаривали забрать заявление, но она стояла насмерть. Тогда он подключил свои связи, и дело спустили на тормозах. Ее мама пыталась как-то предать происходящее огласке, писала в газеты, хотела пробиться на телевидение. Но Светка только наслаждалась ситуацией. Через неделю после того случая я стояла в коридоре, и возле меня столкнулись Юлька и Рогозина. Светка засмеялась и говорит: «Зинчук, когда ты уже осознаешь: мы – люди не вашего уровня, тебе до меня не дотянуться. Прыгай-прыгай, дворняжка!»

Бабкин подумал, что чем больше узнает о Свете Рогозиной, тем меньше понимает, как ей удалось прожить так долго.

– Зачем вы приехали на эту встречу? – внезапно спросил Илюшин.

– По своим личным резонам, не имеющим отношения к Рогозиной.

Ответ прозвучал фальшиво, и Бабкин насторожился. Они не говорили Стриженовой, что подозревают в одной из живущих в отеле Юлю Зинчук. Уж не в этом ли причина ее откровенности?

Фотографию Машиного класса Сергей видел один раз и совершенно не помнил, как выглядела Зинчук. Правда, он и Стриженову не помнил. Бабкин был уверен только в одном: на снимке и близко не было похожей красавицы.

– Тогда разрешите задать еще один вопрос?

Макар вновь стал чрезмерно вежлив. «Как всегда перед тем, как спросить всякую гадость», – хмыкнул про себя Сергей.

– Конечно, – устало согласилась Саша.

– Вы знаете все подробности того дня, когда Рогозина с подругами поиздевались над Зинчук.

– Да, мне Коваль рассказала.

Илюшин прищурился.

– Но ведь вы не были с ней подругами, – мягко напомнил он. – Вы ее боялись, она вас презирала.

– Откуда вы знаете? – вырвалось у Стриженовой. Пальцы левой руки обхватили ручку выдвижного ящика стола, и Бабкин снова подобрался. Что у нее там?

– Из одной вашей ссоры в сауне можно все понять, – уклончиво ответил Макар, не упоминая Машино имя.

– Вы так говорите, как будто сами там были!

– Не был. Но у меня талант. Я умею делать правильные выводы из минимума информации.

– И вы сделали вывод... – криво улыбаясь, начала Саша.

– ...что подобная откровенность со стороны Коваль выглядит очень странно. Мне спросить у нее о деталях или вы мне сами расскажете?

Саша порозовела. Пальцы разжались, но руку далеко от ящика Стриженова не убирала. Сергей отдал бы что-нибудь ценное за то, чтобы заглянуть внутрь.

– Не надо спрашивать, – торопливо попросила она.

Черт возьми, неужели они ее нашли? Это – Зинчук?!

«Стрижка короткая... Другие ее не узнали... – быстро соображал Бабкин. – Но тогда от этой красавицы следует ожидать сюрпризов».

Сергей по умолчанию ожидал всего от любого человека, заколовшего другого шестнадцатью ударами ножа. «Да и восьми бы хватило». Он сдвинулся вместе со стулом чуть подальше и сел так, чтобы быть готовым вскочить в любой момент. Ему хотелось верить, что в ящике не огнестрельное оружие. «Склонна к нестандартным решениям». «Застрелить двух сыщиков, явившихся с неудобными вопросами – это очень, очень стандартное решение», – мысленно заверил он Стриженову.

Илюшин выжидательно молчал.

– Я ее напоила, – призналась Саша и покраснела еще сильнее.

– Кого – Коваль?

Стриженова кивнула.

– Когда Юлька вернулась в класс с обкромсанными пегими волосами, все заподозрили неладное. К тому же она вела себя странно, а Рогозина смотрела королевой. В конце концов Савушкина проговорила, что они

подшутили над выскочкой. Сама Юлька молчала, но постепенно до нас дошли слухи об уголовном деле. А! Было еще кое-что, связанное с Анькой.

– Липецкой?

– Да. Я однажды забежала в туалет на перемене. А там наша Шиза размахивает ножом перед лицом Анжелы Лосиной и шипит, как змея, что та – сволочь, раз подставила Зинчук. Я незаметно смылась. А на другой день подстроила так, чтобы нас с Кувалдой после уроков оставили дежурить вдвоем. Припрятала в портфель с утра бутылку отцовской настойки и заранее плотно пообедала в школе. А остальное было просто. Достаточно оказалось поспорить с Коваль, что она опьянеет быстрее, чем я.

У Сергея округлились глаза.

– Так вы на самом деле ее напоили!

– Ну конечно, – удивилась Саша.

– Прямо в школе?

– В каморке, что за актовым залом, – процитировала она «Чижа». – Ирка раскололась почти сразу. Думаю, ей самой хотелось облегчить душу. Но без настойки она не выбрала бы меня в наперсницы.

Бабкин представил двух старшекласниц, которые терпеть не могут друг друга, и как они сидят в пыльной комнатенке и глотают, скривившись, пахучее содержимое бутылки прямо из горлышка. Если б их застали, то выговором бы не ограничилось. «Вышибли бы обеих из школы, как пить дать».

– Но зачем вам это понадобилось? Seriously, для чего?

Саша ненадолго задумалась. Пальцы левой руки машинально поглаживали ручку выдвижного ящика. Илюшин склонил голову набок.

– Я всегда хотела знать обо всех правду, – сказала она наконец. – «Кто владеет информацией, тот владеет миром» – вот мое убеждение с детства. Слова «кредо» я тогда не знала, но это было именно оно. Поэтому я всю жизнь пытаюсь докопаться до истины. Мне казалось, если я буду знать правду, это убережет меня от чего-то плохого.

– И что, уберегло? – спросил Илюшин.

На секунду у Саши стало такое лицо, будто она не знает, плакать ей или смеяться.

– Наоборот, – отрывисто сказала она.

Закрыв за сыщиками дверь, Саша вернулась к столу. Пять неотвеченных вызовов на телефоне...

«Если он сейчас позвонит, я все ему расскажу. Хватит!»

Саша Стриженова выдвинула ящик. Он был пуст, не считая двух

одинаковых тонких синих папок.

– Расскажу, – вслух повторила Саша.

Прозвучало жалобно, а не уверенно.

Телефон завибрировал. «Юра», – высветился абонент. По «Юре» змеились трещины.

Саша вытащила верхнюю папку. Открыла. Распечатки фотографий лежали наверху, целая пачка. Что под ними, Стриженова выучила наизусть. Сначала – отчет частного детектива. Потом – имена, адреса, служебное положение каждого из тех, с кем встречалась запечатленная на снимках женщина...

Теперь Саша знала о них столько же, сколько убитая Рогозина.

Время встреч. Названия гостиниц (женщина предпочитала две неподалеку от Тульской, обе в хайтековском стиле, с огромными стеклянными окнами: похоже, именно это помогло фотографу качественно сделать свою работу).

Непристойно голые тела на снимках. Саша поймала себя на том, что разглядывает обнаженную грудь женщины, и краска бросилась ей в лицо.

Она захлопнула папку и достала вторую. Телефон настойчиво дребезжал, но словно бы где-то вдалеке.

В этой папке снимков не было. Лишь несколько от руки написанных свидетельств, из которых Саша выхватывала обрывки фраз: «Я, такая-то... подтверждаю факт... инструктор Ирина Коваль...» И копии клубных карт.

Рогозиной пришлось постараться, чтобы собрать эти досье.

«Я скажу ему сегодня вечером, – твердо решила Саша. – И у нас все будет хорошо».

Анжела Лосина ворвалась в собственный номер, как вихрь, пронеслась, сшибая разбросанную обувь и скидывая на пол одежду. Переполнявшая ее злость требовала выхода. Проще всего было сорвать ее на людях, но людей в пределах досягаемости не было. Дома досталось бы детям и мужу (которые отражали истерические нападки с упругостью батута, и потому Анжела могла сколько угодно прыгать на них – пока не свалится от усталости), но дети и муж остались в Москве. Телефонная ссора – жалкий суррогат! Требовалась качественная, живая схватка, чтобы надсаженная от ора глотка болела, а в душе били тамтамы победы.

Злилась Анжела потому, что с раннего утра ее преследовали неудачи. Сначала сыщики, с которых она рассчитывала *влегкую срубить деньжат*, проявили оскорбительное равнодушие к ее секретам. Утешая себя тем, что мужа Елиной теперь можно брать голыми руками (так бесстыдно пялиться на ее грудь!), Анжела вошла в ванную комнату и в зеркале узрела, что ее богатое декольте украшает облетевшая с булочки разноцветная посыпка. В результате из выреза майки выпирали два кулича.

На этом мелкие неприятности не закончились. Массажист, у которого Анжела пыталась вытребовать полагающийся ей сеанс, сообщил, что у него запись за три дня. В скандал втянуть себя не дал и просто захлопнул дверь перед лицом беснующейся женщины.

Если бы из головы Анжелы торчала труба, к этому моменту из нее уже валил бы пар. Поэтому, завидев Сашу Стриженову, бредущую по коридору с отсутствующим видом, Лось всхрипнула, забила копытом и ринулась к ней, выставив рога, как бык на тореадора.

Стриж была второй, о ком поведала Анжеле Света Рогозина. Анжела в восторге потирала ладошки. Роман с женатым мужчиной! И с кем!

В сауне ей одной фразой удалось сбить спесь с красотки. Теперь Лось страстно желала отвести душу после утреннего позора – и кто подходил на роль девочки для битья лучше, чем безнравственная любовница!

– А-а, наша скромница... – начала Анжела.

Но тут ее ждал неприятный сюрприз. Стриженова, еще вчера проявившая себя образцовой мямлей, внезапно взяла Анжелу за горло и притиснула к стене.

– Откуда знаешь про Юру?

Лось оторопела и от неожиданности, и от стремительности событий. Только что Стриж без интереса взглянула на нее – и вдруг напала! просто так! даже не поругавшись перед этим!

Хватка у Доски оказалась железная. Тонкие стальные пальцы сжимали горло, вдавливаясь в кожу.

Лось выпучила глаза.

– Кто тебе сказал? – холодно повторила Саша. – Ну? Рогозина?!

Анжела отчаянно закивала.

Саша выпустила ее шею и потеряла пальцы.

– Похоже, у нее на всех было досье, – непонятно сказала она, обращаясь явно не к Анжеле. – И на тебя тоже, между прочим.

Лосина схватилась за горло.

– Ты меня чуть не придушила! – захрипела она. – На помощь! Убивают!

– Громче ори, – посоветовала Саша.

Анжела принялась ругаться. Набор брани у нее был довольно однообразный. Саша брезгливо сморщила нос и пошла прочь.

– Сука! – выплюнула ей вслед Лосина. – Шлюха, подстилка!

Стриженова внезапно обернулась и пошла обратно.

Вот когда Анжеле действительно стало страшно. До этой секунды она пыталась прийти в себя от неожиданности. Но теперь в глазах Стриженовой мелькнуло что-то такое, что Лось попятилась и уперлась спиной в стену.

– Тебе ведь Светка посоветовала это сказать, да?

– Не трогай меня!

Саша скрестила руки на груди. Как это Анжела раньше не замечала, до чего Доска высокая и сильная? Может быть, даже не слабее Кувалды!

– Тебе Светка велела нас цеплять? – повторила Саша. – Меня и Аньку? Ты бы сама не додумалась!

– Ничего она мне не велела!

Саша сделала шаг и приблизилась вплотную. Анжела попыталась лягнуть ее, но промахнулась.

– Просто разрешила! – выкрикнула она, окончательно перепугавшись. – Светка сказала, что я могу тебя подколоть!

– Подколоть, значит, – понимающе кивнула Саша.

Тут Анжеле окончательно стало ясно, что если кому и суждено пасть на арене, так это быку. Она не была трусливой, но физический отпор получала последний раз в песочнице, на прогулке подготовительной группы детского сада. В школе пару раз ее прикладывала Кувалда, но эти тычки Анжела воспринимала даже с благодарностью. «Могла бы и шею свернуть», – почтительно думала она, разглядывая широкий разворот Ирковых плеч.

От всех остальных Анжела умела, по ее собственному выражению, отбрехаться. Единственным исключением стал человек, застреливший ее собак. Одна мысль о нем до сих пор бросала Лося в дрожь. Стриженова чем-то напоминала его, и если бы Анжела заметила это сходство раньше, в сауне она скорее дала бы посадить себя голой попой на печь, чем сказала бы хоть слово.

Саша постояла перед ней, о чем-то размышляя, и снова пошла своей дорогой. А Анжела осталась, осмысливая случившееся.

«А ведь чокнулась наша Доска! От Липецкой заразилась!»

Эта мысль, как ни странно, ее успокоила. Шизы – что с них взять! Понятные и объяснимые явления восстанавливали веру Анжелы в свою

силу, и в номер она вернулась уже в полной боевой готовности.

Которая лишь усугублялась перенесенным только что стрессом.

«Я им покажу! – повторяла про себя Анжела. – Я им покажу!» Кому и что она покажет, было не совсем ясно, потому что к Стриженовой она бы теперь не подошла на пушечный выстрел.

Но тут в дверь постучали.

– Уборку нужно? – Снулая горничная возникла в дверях.

– А раньше вы прийти не могли? – разъярилась Анжела.

– Извините, – равнодушно ответила женщина. – Работы много.

– Прибегите сейчас!

Наблюдая за горничной, идущей в ванную, Анжела вдруг поняла, как она может снять напряжение. Как только тетка скрылась, Лось отыскала в кошельке две пятидесятирублевых купюры и бросила на смятую кровать.

«Развлекусь!»

Горничная вернулась через пять минут. «Быстро же ты, матушка, помыла сортир», – усмехнулась про себя Анжела. К ней стремительно возвращалось хорошее настроение. Она сидела на диване, делая вид, что читает книжку, но сама исподтишка наблюдала за ленивой неповоротливой тетехой.

Добравшись до купюр, горничная аккуратно свернула их и сунула в карман фартука. Тут-то Лось и встрепенулась.

– Эй, милочка! Ты что творишь?

Женщина непонимающе обернулась к ней.

– Чего?

От этого туповатого «чего» Лось внутренне так и запела.

– Ты мне не чевокай! – взвизгнула она. – Я все видела! Ты деньги украла!

– Они на белье лежали...

– Мало ли что где лежит! – Анжела прибавила громкости. – Я сумку перетряхивала, деньги и выпали!

– Я думала, это чаевые!

– Сначала спрашивать надо, потом думать! Чаевые! Не жирно ли тебе будет сто рублей чаевых?!

Лось разошлась и еще две минуты отчитывала нерадивую дуру. Спускала пар. Она ждала, что тетка возразит ей, а может, даже начнет препираться. Тут бы Лось вызвала администратора и закатила полноценный скандал. Но горничная с тем же туповатым выражением смотрела куда-то в сторону и только невнятно мычала в ответ.

Деньги тетке Анжела, конечно, не разрешила оставить и выпроводила со словами «знаю я вас таких».

После этого ей изрядно полегчало. Обретя силы, Лосина спустилась на ресепшен и пожаловалась на массажиста. Испуганная ее агрессией девушка извинялась и бледнела, толком не понимая, за что просит прощения у этой напористой курносой женщины.

Поднявшись на второй этаж, Лось без малейших содроганий прошла мимо номера, где убили Рогозину. Мысль о шестнадцати ударах ножом даже вызывала у нее восхищение. Лось ни на секунду не приняла всерьез рассказ Илюшина о Юльке Зинчук.

Поэтому, когда из номера Ирки Коваль раздался громкий крик, ей не стало страшно – только ужасно интересно.

Кричала сама Кувалда.

Может, кто-то другой из их класса и задумался бы, прежде чем ворваться в номер. Но только не Лось. Она была любопытна до бесстрашия, до потери инстинкта самосохранения. Если кого-то снова убивали, Анжела хотела занять место в первом ряду.

Плечом толкнув дверь, она влетела в комнату, по инерции пробежала еще несколько шагов, споткнулась и брякнулась в кресло, очень удачно попавшееся на ее пути.

– Лось! – воскликнула одна из двух женщин. – Ты что, сдурела?!

Анжела приняла устойчивое положение и осмотрелась.

Возле окна застыла в оборонительной позе Ирка, выставив перед собой сжатые кулаки. К некоторому разочарованию Лосю, она была жива и здорова. А перед ней, вскинув острый подбородок, стояла Белка Шверник.

– Кричали! – с достоинством пояснила Лось.

– Боже мой! – Шверник издевательски фыркнула. – Какие все нервные! Одна кричит, как раненый слон, стоит дотронуться до нее...

– Ты ко мне подкралась! – обвинила Коваль.

– Дверь была открыта! Я стучала, но ты не ответила!

– И ты, типа, решила, что можно войти?! Я фигею с твоей деликатности, Шверник!

Анжела с удовлетворением отметила, что не ей одной пришлось сегодня испытать неприятные чувства. Судя по пятнам на лице Кувалды, Ирке тоже пришлось несладко, когда за ее спиной неожиданно возник человек.

– Не Шверник, а Чарушинская!

– Чего ты вообще сюда приперлась? И ты, Лось, тоже? Чего расселась?

– Я думала, тебя убивают. – Лосина в последний момент проглотила «надеялась».

– И решила поучаствовать? Давайте шагайте отсюда обе!

Кувалда указала на дверь ленинским жестом.

– Сначала ты мне кое-что объяснишь! – отчеканила Белка.

«Это я вовремя зашла! – восхитилась Анжела. – Циркуль требует объяснений у Кувалды! Ну поворот!»

И она поудобнее устроилась в кресле. Теперь ее можно было выставить из номера только вместе с ним.

Кувалда подняла бесцветные брови.

– Ты обкуренная или как, Шверник? Травка – хорошее дело, но фингал так быстро не выветривается.

– Я не пользуюсь стимуляторами! – возмутилась Белла.

– Еще бы! Тебя тогда вообще разорвет.

Шверник гневно раздула ноздри.

– Отвечай мне!

– На что отвечать-то?! – разозлилась Коваль.

– Кто рассказал тебе про Италию?

К изумлению Лося, Кувалда внезапно стушевалась.

– Какую еще Италию? – смущенно спросила она, отводя глаза.

– Ага! – возликовала Шверник. – Я так и знала! Тебя кто-то настроил против меня, сознавайся! Вчера ты сказала: «Не заливай нам про солнечную Италию, тебя там имели в виду». С чего ты это взяла?

Коваль замялась.

– Ну, Светка сказала, – неохотно призналась она. – Рассказала, как тебя прокатили... Со светским визитом.

– Ой, это о чем? – Лось с жадной пытливостью переводила взгляд с одной на другую. – Белка, о чем она?!

– Ни о чем!

– В самом деле, что здесь происходит?

Все три женщины обернулись. Любка Савушкина стояла в дверях, немигающий взгляд больших как блюдца глаз был устремлен на Беллу.

Та поежилась. Под Любкиным взглядом Шверник чувствовала себя мышью, которой вот-вот вцепятся в мягкий беззащитный загривок и уволочут на съедение.

– Спрошу еще раз. – Сладкозвучный голос резал тишину хуже любого корежащего уши скрипа. – Что здесь происходит? Ира?

– Обсуждаем Рогозину, – буркнула Коваль, стараясь не встречаться с Совой глазами.

– Ответ не принят. Белла?

Шверник молчала, поджав губы.

– Тебя, Лось, спрашивать бессмысленно. Ты сама вряд ли понимаешь, что здесь делаешь.

– Вообще-то я твою подружку спасала! – удивляясь самой себе, брякнула Анжела.

– От кого? – усмехнулась Сова. – От Белки, что ли?

– Я думала, ее убивают!

– Разве что звуковой волной!

– Рогозина пыталась нас перессорить!

Все уставились на Беллу. Та кусала и без того красные губы.

Сова нахмурилась. В приоткрытой щели за ее спиной Анжеле почудилась затаившаяся в коридоре фигура, но она была слишком увлечена словами Шверник, чтобы обратить на это внимание. Через несколько минут, вспомнив об этом, Лось снова пригляделась. «Нет, почудилось».

– В Италии вышла не очень красивая ситуация, – тщательно подбирая слова, пояснила Белла. – Я рассказала о ней лишь нескольким доверенным людям... Но не Свете.

Кувалда наконец отлепилась от подоконника и села на стул. Сова прошла вглубь комнаты, достала из чемодана фляжку и налила содержимое в винный бокал, никого не стесняясь. По номеру разнесся острый аромат коньяка.

– Сплошные тайны мадридского двора, – констатировала Сова. Опрокинула бокал, выпила коньяк в несколько больших глотков и обернулась к ошеломленным женщинам: – Шоколадку никто с собой не носит? А виноград? Боже мой, толку от вас...

– А Света, которой ничего не рассказывали, поделилась с Кувалдой! – влезла Анжела, обрадованная, что наконец-то разобралась во всех этих хитросплетениях.

– Но выяснили мы это только сейчас, – закончила Коваль.

Сова залезла в мини-бар и долго чем-то шуршала. Когда она вынырнула, в руках у нее темнела плитка шоколада.

– Вы, маленькие мои дурочки, и понятия не имеете, сколько всего о вас на самом деле знала Рогозина! – жестко сказала она. – И чем еще это обернется! Ваше счастье – в неведении.

– О нас.

– Что? – Сова вздрогнула и посмотрела на Коваль.

– Знала о нас, – мрачно уточнила Ирка.

И на этот раз взгляд она не отвела.

Собираясь на обед, Анжела Лосина остановилась перед зеркалом и приложила к груди новую блузку, купленную специально для этой поездки. В зеркале отразилась по-прежнему жизнерадостная особа, украшенная гипюром в цветочек.

– В воде не горит, в огне не тонет, – похвалила себя Анжела.

Утренний эпизод с Доской не выветрился у нее из памяти, но совершенно потерял остроту. Психованная, что с нее взять, с чувством глубокого превосходства думала Лось. И бездетная. Завтра помрет, и ничего от нее не останется.

От самой Анжелы, случись ей помереть, остались бы два олуха, один из которых успел попасть на учет в полицию за издевательства над младшеклассниками, а второго месяц назад ей сдали возмущенные соседи, поймав гадающим в лифте. Но подобные мелочи ее не смущали.

Она примерила блузку. Что-то в отражении комнаты за спиной заставило ее задуматься.

Два частных детектива утверждали, что здесь Зинчук. Анжела даже близко не подпустила эту идею, потому что была уверена: что-что, а память на лица у нее отменная. Если бы в их компании затесалась Юлька, она бы опознала ее за минуту.

Лось продолжала смотреть в зеркало, но не на себя, а чуть в сторону. Сейчас, когда она осталась одна, ее перестали отвлекать чужие тайны, ссоры, крики и взаимные обвинения. И Анжела вдруг кое-что вспомнила. Кое-что настолько не укладывающееся в голове, что женщина приложила руку ко лбу, проверяя, не заболела ли.

События сегодняшнего дня, сумбурные и неприятные, вдруг выстроились в один логичный ряд, уходящий хвостом в зазеркалье. И оттуда же, из зазеркалья, проступило в темноте и стремительно стало приближаться одно-единственное лицо. Оно становилось все крупнее, крупнее, пока все приметы времени слетали с него, как налипший мусор, и наконец, увеличившись до размеров полноценного человеческого отражения, стало выглядеть таким, каким Лосина его запомнила.

– Ёшкин кот... – ошеломленно протянула она.

Теперь она абсолютно точно знала, кто убийца.

Глава 15

1

– Уф!

Сергей бросил на диван блокнот, распухший от записей, и повалился следом.

– Маш, кто-нибудь приходил?

Она отрицательно покачала головой.

– Ни следователь Викентьев не тревожил меня, ни жестокий пятый прокуратор Иудеи, всадник... Короче, никого тут не было.

– Ты Булгакова читала, – догадался Бабкин.

– Ошибаешься. Я читала кодекс Бусидо.

– Требую подтверждения! – подал голос Макар, заказывавший в номер пиццу и ожидавший ответа с трубкой возле уха.

Маша закрыла глаза, вспоминая, и процитировала:

– «Если выпить отвар, приготовленный из навоза пятнистой лошади, то можно остановить кровотечение из раны, полученной при падении с нее».

– Знаешь что, – после долгой паузы попросил Бабкин, – если я вдруг упаду с лошади и поранюсь... Короче, забудь эту фразу.

– ...и без ананасов! – закончил Илюшин наставления в телефон. – Черт знает что, – пожаловался он, повесив трубку. – Везде пихают консервированные ананасы.

– Ты еще не знаешь, чем кормят раненых всадников!

– Слышал и ужаснулся. Маш, ты пиццу будешь?

– Нет, спасибо. Аппетита никакого.

– Серега, а ты?

– После всего, что мы услышали, боюсь, даже борщ в глотку не полезет.

Маша накинула на плечи свитер и села ближе:

– Вы что-то узнали?

Илюшин и Сергей помолчали.

– Пожалуй, даже больше, чем хотелось бы, – сказал наконец Бабкин.

– Но меньше, чем нужно, – дополнил Макар.

– А если не говорить загадками?

– Для начала – что случилось в одиннадцатом классе, пока ты болела.

Сергей начал рассказывать, но на второй фразе понял, что лучше предоставить пересказ Илюшину. Ему не хотелось повторять эту историю.

Машу повествование потрясло. Она несколько раз менялась в лице, слушая, как стригли Зинчук.

– Господи, бедная девочка! И она еще доучивалась с нами несколько месяцев!

Маша вытерла слезы и нервно прошлась по комнате. «Если бы я узнала о том, что произошло, еще тогда... Это бы что-нибудь изменило?»

«Да, – твердо ответила она себе. – Изменило бы».

– Я хотя бы попыталась быть с ней рядом! – вырвалось у нее. – Чтобы она не выносила одна... это все! Насмешки, презрение, унижение! Ведь все знали, и никто ничем не помог ей!

«Потому что каждая была за себя», – вспомнил Бабкин слова одной из их сегодняшних собеседниц.

– Мария, скажи мне, а что-нибудь хорошее в Рогозиной было? – спросил Макар, чтобы переключить ее.

Она остановилась, промокнула платком мокрое лицо.

– Было. Сила, ум, обаяние, вера в себя. Но все эти прекрасные качества отравлялись дурными, и в итоге получался кошмар.

– Как если бы в бочку меда добавить ложку навоза... – расшифровал Сергей.

Илюшин вырвал из тетради лист и нарисовал на нем схематичную девочку: ручки-палочки, платице-треугольник, круглая голова с косичками.

– Я спрашиваю потому, что сегодня нам довелось узнать несколько любопытных фактов, – пояснил он, не прекращая рисовать. – Ты знала, что Рогозина запихала Анну Липецкую в психушку?

Маша села. Она молча смотрела на Макара, пока тот заштриховывал здание без окон, с одной лишь дверью.

– Ты шутишь?

– Если бы! – вместо друга отозвался Бабкин. – Накапала на скудные мозги отчиму девчонки, бывшему военному. Наврала о попытке суицида. В общем, грамотно действовала девочка Света.

– Это вам сама Аня рассказала? – упавшим голосом спросила Маша.

– Нет. Анжела Лосина.

– С которой тоже все не так просто, как кажется! – подхватил Илюшин. – Потому что ее мамаша работала уборщицей в районной администрации. Где, напоминаю, трудился в свои лучшие годы папаша

Рогозин.

– Только не говори, что он ее совратил, и Анжела – его ребенок! – взмолилась Маша.

– Хм. Занятная версия. Нет, но мне нравится ход ваших мыслей, Марьиванна!

– Уволил он ее, – пробурчал Бабкин. – По просьбе своей доченьки.

Маша хлопнула себя по лбу:

– Господи, точно! Как я могла забыть! Лосина однажды как с цепи сорвалась, наорала на Рогозину, а от карающей десницы Кувалды удрала и закрылась в пионерской комнате. Но несколько дней спустя она прилюдно извинилась, и я думала, что этим все и закончилось.

– Сдается мне, Мария, плохо ты знала Светлану Рогозину, – констатировал Илюшин. – Она поговорила с папой, и Лосину-старшую вышибли с теплого места. Об этом, конечно, нам поведала не сама Анжела.

– Она-то старательно делала вид, будто ей не за что обижаться на покойную, – усмехнулся Бабкин.

– Откуда же вы узнали?

– Ты не поверишь. От Беллы Шверник!

2

...Жгучая дама с низким голосом и многозначительным взглядом. Длинные выпуклые веки покрыты черно-зелеными тенями и похожи на раковину моллюска. Раз поймав это сравнение, Сергей уже не может отделаться от него.

– Я вам все расскажу! – страстно обещает она. Браслеты звенят на запястье, когда она встает. От такой худой цыганистой женщины ожидаешь грации и легкости, но Шверник двигается на удивление скованно.

– Лось поклялась отомстить! – шепчет Белла, наклоняясь к ним. У нее тяжелые духи и куча дырок в ухе, которые бросаются Сергею в глаза. Из каждой дырки свисает какая-нибудь серебряная штука. «Оторвут ей эти гири ухо на фиг», – думает он, машинально записывая: месть Лоси. Потом перечитывает и несколько секунд не понимает: какая месть? кому? за что может мстить лось?

3

– Лосину-старшую так и не взяли обратно, – сказал Макар.
– Она осталась без работы?
– Тут у нас белое пятно, – с сожалением признал он. – Сама Лосина клянется и божится, что ничего подобного не помнит. Но на месте следователя я бы уже рыл в этом направлении. Надо выяснить, жива ли мать Анжелы, и если нет, то когда и отчего умерла.
Он изобразил на тетрадном листе метлу и сидящую на ней женщину.
– Дожили, – огорчился Сергей. – Голых баб рисует!
– Это я под впечатлением от Шверник. Знойная женщина, мечта поэта.
Не будь с ней тоже не все ладно, я бы подумывал жениться.
Маша широко раскрыла глаза.
– В каком смысле не все ладно? Господи, у нее тоже кого-то уволили?
– Хуже, – сказал Сергей. – Ей нанесли смертельное оскорбление.
Правда, об этом знала только твоя Матильда.

4

...Когда они с Макаром добрались до номера Губановой, оба выглядели так, словно по ним всю ночь плясали черти.

Или ведьмы.

– Последняя! – ободрил Макар. – Со всеми побеседовали, кроме нее.
– Я щас сдохну. – С этими словами Бабкин сполз по стене прямо на пыльный старый ковролин в коридоре.

Он сам не понимал, отчего его так вымотали каких-то три часа разговоров. Не с криминальными гнусными типами, а с милейшими добропорядочными женщинами!

Может быть, потому, что у каждой из них из школьного шкафчика вываливался не просто скелет, а целое небольшое кладбище?

– Макар, у тебя были нормальные отношения с одноклассниками?

– Вполне.

Илюшин присел рядом с ним, вытянул длинные ноги, перегородив весь проход.

– Чем дольше я их слушаю, тем больше мне кажется, что погружаюсь в какой-то ад, – признался Бабкин.

– Ты настоящего школьного ада не видел, мой трепетный друг. Здесь меня поражает другое.

– Что именно?

– То, как долго каждая из них хранит в памяти эти переживания.

Не само событие, а именно отзыв на него. Ведь обычно эмоции стираются, бледнеют со временем. Ты все помнишь, но ничего не чувствуешь, и это благо. Но у них не так. Ни у Маши, ни у остальных. Я догадываюсь, с чем это связано, но не совсем уверен...

– Делись! – попросил Сергей.

– У нас встреча с Губановой.

– Три минуты перерыва! Мы его заслужили!

– Если мы не придем вовремя, рискуем застать рассерженную женщину.

– А если придем, тогда испорчусь я! – пригрозил Бабкин.

Макар рассмеялся и махнул рукой.

– Ладно, отдыхай. Но потом будет марш-бросок!

Сергей облегченно выдохнул и прислонился затылком к стене.

– Так чем ты объясняешь такую долгую память у этих женщин?

Макар потер переносицу:

– Понимаешь, как ни крути, но Рогозина – самая успешная из них.

На редкость удачные замужества, жизнь богатой, независимой дамы, самореализация в творчестве... Еще и красота! Я не хочу сказать, что они ей завидуют. Не в зависти дело. Но достижения Рогозиной каким-то извращенным образом легитимизируют то, что она делала с ними в юности.

– Как будто она имела на это право?

– Да. Человек всегда, пусть даже неосознанно, ищет справедливости и логики в окружающем мире. Машиным одноклассникам нелегко отмахнуться от всех побед Рогозиной и твердо сказать себе, что их несколько лет третировала всего лишь озверевшая от безнаказанности сука, доказывавшая всем, в том числе и себе, что она здесь вожак стаи. Голос справедливости требует, чтобы такие бешеные суки отстреливались на подлете к большому счастью и богатству. А если уж она подлетела, так может, не такая уж она и бешеная, шепчет внутренний голос? Может, имела право мной помыкать? Может, я заслужила то, что со мной происходило в школе?

– Тьфу ты черт!

– Я не утверждаю, что прав. Допустим, все обстоит ровно наоборот, и каждая из них думает: как могло так выйти, что эта жестокая тварь получила так много от жизни?!

– Но нет же никакой справедливости, Макар!

– Справедливости нет. А вера в нее есть.

Илюшин легко поднялся и отряхнул джинсы.

– Пойдем, мой уставший друг. Нам осталась на закуску Матильда Губанова. Сомневаюсь, что она – Зинчук. Слишком уж хорошо Маша ее помнит. Но все-таки...

Бабкин вздохнул и собрался с силами. «Она большая, толстая и добрая», – описала Маша свою одноклассницу. Хорошо, что добрая. Он уже изрядно устал от всей той злости, которая вывалилась на него сегодня, как ведро репьев, и теперь кололась.

Илюшин постучал в дверь.

– Очаровывать полную женщину будешь ты, – тихо предупредил он.

– Почему я?

– Потому что ты толстый и красивый парниша.

– Иди к черту! – так же тихо огрызнулся Бабкин. – У меня силы на исходе, а ты предлагаешь мне светиться и лучиться перед...

Он хотел закончить грубо – «перед какой-то квашней», но тут дверь открылась, и Сергей поперхнулся на полуслове.

Перед ними стояла кустодиевская красавица. Розовощекая, с блестящими глазами и атласной кожей.

Увидев их, красавица всхлипнула. Из уголка глаза выкатилась большая жемчужная слеза.

– Я не хотела ничего плохого! Честное слово!

– Когда мы ее успокоили, она согласилась рассказать про Шверник, – сказал Илюшин. – Собственно, истории как таковой тут и нет. Белла в то время жила в Италии. И решила, насмотревшись на фотографии прекрасного поместья Рогозиной, съездить к ней повидаться. Бывшие одноклассницы, дым отечества, чужбина...

Он так точно изобразил напыщенную интонацию Беллы, что Маша засмеялась.

– Списываться заранее дамочка с ней не стала, решила сделать сюрприз. И вот в прекрасный весенний день подкатывает к поместью, заранее узнав из блога Рогозиной, что хозяйка точно будет дома. Звонит в ворота. Долго звонит. Слышит какие-то щелчки, то есть ее со всей определенностью видят и разглядывают. Однако ворота никто не открывает! «Она хочет немного подшутить надо мной!» – думает Белла. Но тут внезапно налетает туча, начинается проливной дождь, и то, что сначала казалось шуткой, уже выглядит как издевательство. Простое

гостеприимство требует впустить вымокшего и окоченевшего гостя хотя бы под навес. Увы, двери так и не распахнулись перед жестоко оскорбленной Беллой.

– А Мотя откуда об этом узнала?

– Они в то время пытались организовать маленький бизнес и были в хороших отношениях. Белла пожаловалась в своем блоге, открыв запись лишь нескольким близким людям, включая Губанову. Но потом спохватилась, что вся эта история выставляет ее в еще более глупом свете, чем Рогозину, и удалила.

– Могу себе представить, какой это был удар по самолюбию Шверник, – задумчиво сказала Маша. – Как будто ты нищенка, просящая подавание. А Рогозина потом как-нибудь объяснила свое поведение?

– Обе сделали вид, что ничего не произошло. А теперь – внимание! – вопрос знатокам: какой вывод мы делаем из этой незамысловатой истории?

Маша немного подумала:

– Что нужно всегда заранее предупреждать о визите?

– Нет. Основной вывод такой: Белла Шверник жила в Италии в то же время, что и Рогозина. Вскоре после того случая Светлана переехала в другую страну, но некоторое время они крутились на Апеннинском полуострове вместе. О том, что именно произошло тогда, мы знаем только с ее слов.

Бабкин даже привстал.

– Хочешь сказать, вся история с поместьем может быть выдумкой от начала до конца?

– Хочу сказать, что если Шверник на самом деле впустили в дом, то о дальнейших событиях от второго участника мы уже не узнаем.

Солнце, скользнувшее в окно, начисто сбрило белым лезвием тени на полу. В его беспощадном свете стали видны все морщинки старого линолеума, старательно притворявшегося паркетом.

– У Зинчук – волосы, – глуховато проговорил Бабкин, уткнувшись носом в диван. – У Липецкой – больница. У Шверник – Италия, у Лосиной – уволенная мать. Кто остался?

– Стриж и Матильда. Ну и Кувалда с Совой.

Илюшин поднял указательный палец:

– Да! Совсем забыл о них. Именно эти двое пытались подкупить девушку на ресепшене, чтобы она выдала им ключи от некоторых номеров. Включая твой, Мария.

– Как вы об этом узнали? – ахнула Маша.

– Подкупили девушку на ресепшене, – невозмутимо ответил Макар.

Она схватилась за голову. Зинчук – одна из двух подруг?! Невозможно! Ей стало казаться, что еще чуть-чуть – и фигуры бывших одноклассниц полетят вокруг нее, как колода карт вокруг Алисы, и тогда она наконец-то проснется.

– Неужели они собирались обыскивать номера?

– Ну, четверо из вас привезли с собой общую фотографию класса, и теперь ни одна не может ее найти. Слишком маленькая вероятность совпадения.

Кувалда побывала здесь? Рылась в ее сумке?

Маша с отвращением обвела комнату взглядом. Скоро она начнет ненавидеть здесь все!

– Подождите! – спохватилась она. – Но ведь ключей-то им не дали!

– Мы не знаем, сколько попыток предприняли эти двое и к кому обратились еще, – разочаровал ее Макар. «Не говоря уже о том, – добавил он про себя, – что при необходимости замки на местных дверях открываются скрепкой».

Бабкин наконец перевернулся лицом вверх. На небритой щеке отпечатался след от рифленой обивки дивана.

– Мы провели блестящее расследование! – громко произнес он. – Утром нам было известно, что у Зинчук есть мотив для убийства. Теперь мы продвинулись куда дальше. Стало ясно, что мотив для убийства был у каждой из твоих одноклассниц!

– Исключая Стриженову, – дотошно поправил Макар.

Бабкин отмахнулся:

– Наверняка ей тоже что-нибудь обрезали, а если не обрезали, то пришили!

– И Матильду! – испугалась Маша. – Она тут вообще ни при чем.

– Всего шесть человек осталось! – восхитился Сергей.

– Плюс неизвестно где болтающаяся Зинчук.

Бабкин хлопнул ладонью по дивану.

– Предлагаю на этом расследование считать провалившимся, то есть закрытым. Все, братья и сестры: собираемся и валим отсюда. Красивая у тебя была версия, Макар. Но ни подтвердить, ни опровергнуть ее мы не можем.

Он поднялся. Илюшин хотел что-то возразить, но ему помешал телефонный звонок. Звонил не Машин сотовый, а аппарат в номере.

– Пиццу задерживают! – недовольно предположил Макар.

Бабкин страдальчески закатил глаза.

– Я когда-нибудь убью тебя этой пиццей!

– Шестнадцатью ударами?

– Замороженной? Тебе хватит и двух.

Маша прервала их перепалку, сняв трубку.

– Алло? Алло, я слушаю.

– Маша, прости меня, пожалуйста, – сбивчиво забормотал женский голос.

– Кто это? Мотя, ты?

– Я-а-а...

– Ты что там, ревешь? – подозрительно спросила Маша.

В трубке зашмыгали носом.

– Это я во всем виновата!

– Мотя!

– Прости меня! Я не хотела! Просто так получилось, а потом мне было стыдно, ужасно стыдно, и я не могла тебе признаться! Я подлая, это правда!

– Подлая? Ты?!

– Да!

– Губанова! Ты там пьяна, что ли?

– Я не хотела, – твердила Мотя, – я не хотела, чтобы ты пострадала! Не хотела, чтобы обвиняли тебя! Клянусь!

– Черт возьми, о чем ты говоришь? – закричала Маша, не выдержав.

В трубке повисла тишина.

– Я знаю, кто это сделал, – всхлипнула Матильда. – Сразу знала. Я поговорю... с ней. Пусть она не трогает больше никого!

– О господи...

Услышав это «о господи» Макар вскочил, Сергей в два шага оказался возле жены.

Маша прижала руку к динамику и быстро шепнула ему на ухо:

– В ее номер, скорее! Она знает, кто это сделал, и хочет встретиться с убийцей!

Обоих сыщиков сдуло из комнаты.

– Мотя, поговори со мной, пожалуйста, – попросила Маша, отняв ладонь. – За что ты просишь у меня прощения? Ты никогда меня не обижала.

Вместо ответа раздался такой горький плач, что у нее сжалось сердце.

– Ну что ты, дружочек мой, – ласково сказала она. – Мы же так здорово с тобой здесь общались. Ты, наверное, единственная, кто...

– Это я, я написала письмо про Гудасова, – отчаянно выкрикнула Мотя. – Я была в него влюблена, а он не хотел со мной заниматься! И тогда я...

– Что? – растерянно переспросила Маша. – Что ты сказала? Это ты написала донос на Гудасова?

– Да! Да! Но я...

Плач оборвался, словно выключили все звуки. Маша, оторопев, взглянула на телефон в своих руках, постучала им по столу.

Бесполезно. В трубке поселилась мертвая тишина – без единого слова, без единого гудка.

Маша вскочила. Ее не так потрясло признание Матильды о физруке, сколько ее намерение пристыдить убийцу.

– Мотя, только не это, – забормотала она, переобуваясь из тапочек в кроссовки и начисто забыв о запрете Бабкина выходить из номера. – Мотя, не делай глупостей, пожалуйста! Все будет нормально!

В коридоре она налетела на какую-то фигуру и вскрикнула.

– Тсс! Спокойно, Маша, я Дубровский!

– Макар! Я из-за тебя чуть разрыв сердца не получила.

От того, что Илюшин способен шутить, ей сразу стало спокойно. Значит, с Матильдой все в порядке. Сейчас они вместе пойдут к ней, успокоят и выяснят, что же именно...

Тут Машина мысль застопорилась. Поскольку она внезапно сообразила, что с момента выхода Бабкина и Макара из номера прошло слишком мало времени.

– Ничего не знаю о Губановой, – вполголоса предупредил Илюшин, подтверждая худшие ее опасения. – Мы с Сергеем рванули к ней вместе, но на полпути он спохватился и отправил меня назад. Беречь и охранять тебя.

Маша побледнела.

– Быстро! Пошли к ней!

Но до номера они не добрались. В холле их окликнули. Бабкин спускался с лестницы, и при одном взгляде на его хмурое лицо у Маши по коже пробежал нехороший озноб.

– Ее там нет. – Сергей был мрачен и собран. – Дверь открыта, внутри никого. Из телефона выдернут шнур.

– Из розетки? – уточнил Макар.

– Нет. Из самого телефона.

Несколько секунд все трое обдумывали ситуацию.

– К Викентьеву, – принял решение Илюшин. – И поживее!

– Все?

– Нет, только я. А вы оба начинайте обыскивать отель. Она будет встречаться с убийцей где-то здесь. Только не разделяйтесь!

Но Маша с Бабкиным уже бежали по коридору и последних его слов не слышали.

Женщина целеустремленно движется по пустому парку, где только белки да свиристели носятся в оголенных кронах. Я скольжу над ее головой, пытаюсь заставить ее повернуть обратно.

Но она не слышит меня. Слишком глубоко она погружена в свои мысли, фантазируя, что ждет ее и что она получит от этой встречи.

– Стой! Стой! – кричу я. Деревья отзываются гулом стволов, когда я пролетаю мимо; с хрустом подламываются ветки; сдвигается и ползет вниз по тропе огромный пласт подтаявшего снега. Все в природе отзывается на мой крик. Но только не она.

– Вернись! – умоляю я. – Не ходи туда!

Ужас и тоска охватывают меня. Если сбудется то, что я предчувствую, то в ее смерти будет и моя вина. Я затеяла эту игру, я втянула их всех! От одной этой мысли меня прибивает к мерзлой земле. Строгое небо поднимается высоко и становится так далеко от меня, словно мне никогда не оказаться там, в его сияющей голубизне.

Но я не хочу! Я не могу остаться здесь навсегда, скользить тяжеловесным призраком у самой земли, не знать ничего иного, кроме человеческих мыслей и чувств! Это жуткая участь.

Я ничем ее не заслужила!

Однако женщина, спешащая на встречу с той, кто убьет ее, – лучшее опровержение моего жалкого крика. Я в ответе за ее судьбу – и не в силах ее изменить.

Потому что я затеяла эту игру. Я породила чудовище.

Земля подо мной черна, холодна и бесчувственна. Я наливаюсь тяжестью. Я, бестелесная и невесомая, теряю высоту! Чем ближе женщина подходит к месту их встречи, тем ниже я опускаюсь. Что-то давит на меня, и выскользнуть из-под этого безжалостного пресса невозможно.

Так бывало со мной раньше, в жизни, когда я летала во сне. Чтобы подняться в небо, нужно сделать одно усилие, больше умственное, чем физическое, и освободиться от силы земного притяжения. Но теперь сбывается мой кошмар: сколько я ни пытаюсь повторить это действие, испытанное многократно, у меня ничего не получается.

Страх охватывает меня. Страх перед чернотой земли, над которой я

парю, как глубоководная рыба над песчаным дном. Как будто там, зарывшись в мерзлом слое, поджидает меня существо из тех, что нельзя называть по имени... И стоит мне коснуться дна, его когтистая лапа взлетит вверх – и утянет меня к себе, под слипшиеся корни, где белесые твари без глаз корчатся, не зная света и простора. Я стану одной из них.

– Пожалуйста, вернись! – надрываюсь я в спину женщины. Но она упряма. А самое главное, ей не дано слышать меня и мне подобных. У нее внутри живут лишь ее собственные голоса, чужим там нет места.

Из-за дерева выходит вторая. Она не улыбается, вернее, не улыбается лицом, но я вижу, как гнилое ее нутро сотрясается от внутреннего смеха. Как легко ей удалось одурачить эту простофилю!

– Не трогай, не трогай ее! – прошу я.

Но взывать к ней – то же самое, что взывать к дьяволу. Черная плесень так сильно разъела ее, что я понимаю: человеческого здесь осталось мало.

Я скольжу вокруг них, я мечусь, и деревья отвечают моим мольбам гулким скрипом.

– Что-то ветер разгулялся, – замечает одна.

– Апрель! – с усмешкой отвечает другая.

А больше они ничего не успевают сказать. Та, вторая, наносит удар – и ее жертва падает навзничь.

– Нет!

Ветер, которого я прежде даже не замечала, подхватывает меня и относит в сторону – как сухой лист, отмерший и бесполезный.

Глава 16

1

Они столкнулись с Илюшиным у лестницы на первом этаже.

– Нет ее нигде, – выдохнула запыхавшаяся Маша, не обращая внимания на недоуменные взгляды окружающих. Они втроем и в самом деле представляли собой странное зрелище: взмыленные и покрасневшие, словно бежали кросс по бесконечным коридорам «Тихой заводи».

– И Викентьев уехал! – поморщился Макар.

– Как уехал?!

– У него же не одно дело в производстве.

«А Мотя? – чуть не воскликнула Маша. – А мы?!»

– По комнатам прошлись, – тем временем вполголоса отчитывался Бабкин. – Все закрыты и везде тишина.

– В подсобках всяких?

– Первым делом. Туда, где Машка нож нашла, она сразу рванула. Никого.

– И ключ на месте?

– Да.

– Положим, в номере она ее убивать не будет...

– Слушай, здание старое, здесь тысяча закутков и подвалов, о которых мы не знаем. Она заманит ее туда под любым предлогом. Потом вернется.

Илюшин напряженно соображал.

– Придется к администратору, – решил он. – Объясним ситуацию. Второй труп ему нужен не больше, чем нам.

Маша с ужасом взглянула на них. Слово «труп» не могло относиться к такой живой Моте.

– Она где-то в отеле, совсем рядом! – вслух думал Бабкин. – От звонка до того момента, как мы попали в ее номер, прошло не больше двух минут. Куда можно уйти за две минуты?

– Куда угодно. У Зинчук было достаточно времени, чтобы все здесь разведать.

Макар обернулся к Маше:

– Посмотри, пожалуйста, план здания.

Откуда-то царственно выплыла старший администратор – та самая,

которую Илюшин назвал демонической теткой, – и сыщики отвели ее в сторону. До Маши доносились обрывки диалога: «Сама позвонила... Нет в номере... сколько прошло?.. Нужны люди...»

«Не станет эта, с львиной гривой, ничего предпринимать! – Маша стиснула зубы. – Скажет, чтобы вызывали полицию. Да и кого она отрядит на поиски? Горничных? Официантов?»

Однако она не учла, что противостоять напору Илюшина мог редкий человек. Тремя фразами он обрисовал ситуацию так, что администратор проявила признаки острой тревоги.

– Девочки, вызовите мне Аркадия, – попросила она двух русалок за стойкой.

В Маше снова всколыхнулась надежда. Сейчас придет неведомый Аркадий, ключник с тяжелой громыхающей связкой, и покажет им все тайные места «Тихой заводи».

– Надо собрать всех Машиных одноклассниц, – донеслось до нее, и она обернулась к Илюшину, – посмотреть, кого не хватает.

– Как их соберешь? Номер ни одна не открыла.

– Спят? Уехали?

– Никто сегодня не выезжал, – стараясь выдерживать деловитый тон, сообщила русалка. Но на лице ее было написано такое искреннее детское любопытство, что Маша снова отвернулась к плану здания.

Ее грызло чувство собственной беспомощности. И еще – стремительно утекающих минут. Часы отсчитывали разное время для них и для Моти Губановой. Почему они ничего не делают? Почему до сих пор не начали искать, куда она могла уйти?

– Горничной не откроют...

– ...тогда пожарную тревогу!

Это Сергей. «Пытается вычислить, кто ушел вместе с Мотей», – поняла Маша.

За ее спиной обсуждали что-то горячо и бурно, к администратору присоединился Аркадий, который, как выяснилось, отвечал за всю электрику в здании. Вызвали двух охранников и сразу одного отправили с рацией в какие-то подвалы корпуса «А». Маша зачем-то поискала на схеме подвалы, хотя даже корпуса «А» не нашлось. Постояльцы отеля, проходя мимо, любопытствовали, что происходит. Понемногу из них собралась инициативная группа.

– Собрание? – волновалась молодая женщина.

– Трубы дали течь, – авторитетно пояснял седовласый господин с тростью.

– Ну что вы говорите, какие еще трубы! – раздражалась администратор. – Проходите, пожалуйста, не устраивайте столпотворения...

– И все-таки что случилось?

– Кто-нибудь, дайте план!

Треск рации.

– Валера, Валера, что там у тебя?

Снова треск. Маша сначала вслушивалась, но потом заметила за стеклянными входными дверями то, что заставило ее разом забыть обо всем происходящем рядом.

К зданию через парк шел, покачиваясь, подросток лет четырнадцати. Маша пару раз видела его в столовой с родителями: взрослые молча ели, мальчик играл на планшете. Даже через стекло ей бросилось в глаза, что он очень бледен. И эта дерганая походка...

Парень вошел в отель, сделал несколько шагов и остановился посреди холла.

– Там женщина, – хрипло и громко сказал он. – Под деревом.

«Мертвая», – подумала Маша без всяких эмоций.

– Мертвая, – добавил мальчик, и вдруг подбородок его запрыгал.

Оцепенелая тишина накрыла всех, будто колпаком. Маша видела, как шевелятся губы у русалки за стойкой, но с них не срывалось ни звука.

Первым пришел в себя Бабкин.

– Вызывайте полицию и «скорую», – непререкаемым тоном приказал он и перехватил за руку второго охранника, бросившегося к дверям: – Куда? Стоять!

– Посмотреть надо...

– Хочешь следы затоптать? Смотри, чтобы никто не выходил из здания. Алина Львовна, врача сюда, пусть спускается.

Администратор уже тыкала пальцем в кнопки телефона. Бабкин обернулся к подростку:

– Где она?

– Я п-п-п-покажу!

Не доходя до ели, мальчик остановился.

– Она там... лежит, – шепотом сказал он. – Ноги торчат.

Дерево высилось над парком, простирая лохматые ветви во все стороны. Грязное, уродливое, страшное. Над ним теснились мутно-сизые облака, толкая друг друга, словно зеваки.

– Ты молодец! – Бабкин утешительно потрепал его по плечу, и мальчик

с благодарностью взглянул на него. – Беги обратно.

Ледяной пронизывающий ветер налетел на парк. У шарфа, который Макар успел намотать Маше на шею, заполоскались концы, словно их трепал невидимый злобный зверь. С ели посыпались длинные, как кости, иглы.

Мотю убили, думала Маша в каком-то болезненном отупении. Смешную, бестолковую, толстую Мотю с родимым пятном на лбу, Мотю, которая говорит «пумпон» и обожает своих детей и мужа.

Ей отчетливо вспомнилось, как Губанова хваталась за живот, когда переваливалась через сугроб. «Господи, я должна была раньше сообразить! Это жест беременной женщины. Неважно, какой у нее срок – она инстинктивно прикрывает ребенка».

Из-под нижних ветвей, словно из-под широкой темно-зеленой юбки великанши, торчали ноги в потертых коричневых ботинках. На земле был виден след от тела.

– Приволокла сюда, запихала под ель, – пробормотал Сергей. – Макар, приподнимай ветки.

– Постарайся тело не сдвинуть.

– Поучи меня еще.

Они оба как будто забыли о Маше, но так ей было даже легче.

– Сколько минут прошло с появления пацана, ты засек?

– Три.

«Три минуты? Всего лишь?»

– Маш, вернись в отель, – попросил Сергей.

Но она упрямо покачала головой.

– Я должна ее увидеть.

Сергей подавил вздох.

– Макар, держи эти чертовы колючки.

– Держу. Давай.

Макар приподнял огромную, тяжело обвисшую нижнюю лапу, и их глазам открылось подобие шалаша в основании елового ствола. Землю здесь покрывал ковер из сухих ржавых игл. А на ковре, неловко вывернув левую руку, лежала женщина.

На замшелой ветке над ней сверкнул солнечный луч. Маша взглянула на тело, и у нее подкосились ноги.

– Серега, – предупреждающе крикнул Макар. – Обморок!

Тот обернулся, не успев подлезть к стволу.

– Черт, Маша!

– Все нормально, – проговорила она. – Никакого обморока. Просто это

не Мотя.

Несколько секунд Бабкин, словно не понимая смысла ее слов, смотрел на побледневшую жену, а потом обернулся к телу.

– Ну да, вижу. Это...

– Лосина, – подтвердила она. – Анжела Лосина.

Макар присвистнул от удивления.

– Вот так номер... – пробормотал Бабкин. – А Губанова тогда где?

– Будем надеяться, не лежит под соседним деревом, – цинично заметил Макар. – Хотя такой маскировочный шатер тут один. Серега, что у нее?

– Черепно-мозговая, насколько могу судить. Факт смерти зафиксирован... – Бабкин взглянул на часы, одновременно прижимая пальцы к шее. И вдруг дернулся: – Мать твою!

Маша с Илюшиным подскочили.

– Что? Что такое?

– Пульс есть! Маша, быстро за врачом! Быстро!

2

Когда «скорая», увозящая Анжелу, скрылась за поворотом, Бабкин отвел Машу с Макаром от столпившихся перед входом озабоченных посетителей и предупредил:

– У нас еще около пяти минут.

– До чего? – живо спросил Илюшин.

– До приезда полиции. Подстанция «скорой» здесь в два раза ближе.

– Опять Викентьева пришлют?

– Понятия не имею. Но предлагаю распорядиться этим временем с толком. Маш, Губанова точно сказала, что знает, кто убийца?

Маша вспомнила их короткий телефонный разговор.

– Она сказала, что знает, кто это сделал! Я решила, что речь о смерти Рогозиной.

– М-да, вариантов для толкования немного.

Илюшин отступил на шаг и уставился на крышу отеля, словно ожидал увидеть Мотю на карнизе. «А может, и в самом деле ожидает», – подумала Маша и тоже стала смотреть вверх.

Бабкин отчетливо хмыкнул.

– Вы что, надеетесь на фейерверк? Или что Губанова свалится вам на головы?

– Второе я бы не исключал.

– Макар!

– Хотя и маловероятно, – успокоил Машу Илюшин.

– Да уж вряд ли Зинчук потащит ее на крышу!

– Потащить не потащит, а заманить может, – возразил Макар. – Губанова тугодум. И доверчивая, как щенок.

– А Анжелу-то за что? – тихо спросила Маша. Лосина не была ни тугодумом, ни доверчивой. Зачем она пошла в парк?

– У меня пока только одно предположение, – Макар потер шею. – Она тоже догадалась, кто убил Рогозину. И решилась на встречу.

– Господи, зачем?

– Маша, я не господь бог, к сожалению. Шантаж как самая очевидная версия годится?

Маша кивнула. Да, шантаж годился. Анжела всегда была неразборчива в выборе средств. Но решиться шантажировать женщину, только что зверски убившую другую?!

– Все обо всем догадываются, кроме нас, – зло буркнул Бабкин. – Как ты и предсказывал, Зинчук начала расправляться с остальными.

Маша взглянула на Илюшина. Предсказывал? Когда?

Ей еще меньше, чем прежде, верилось, что Юлька способна на такое. Отомстить Рогозиной – возможно. Но убивать всех, кто издевался над ней?

– Следующие на очереди – Коваль с Савушкиной, – сказал Макар. – Надо их предупредить, что до Лосиной она уже добралась.

– Нет! Нам надо найти Мотю!

Маша схватила мужа за рукав. Сейчас ей было наплевать на Сову и Кувалду, вместе и по отдельности.

Бабкин почесал в затылке.

– Давайте-ка для начала еще раз в ее номере проверим, – предложил Илюшин.

– Согласен. Может, она давно вернулась и хрустит орешками, не подозревая, что тут происходит.

Его слова вызвали в Машиной памяти отзвук какого-то воспоминания. Она прижала холодную ладонь к виску, пытаясь вытянуть его на поверхность.

– Как ты сказал, Сережа?

Муж непонимающе взглянул на нее.

– В номер, говорю, надо подняться...

– Нет-нет, другое!

– Может, Губанова вернулась. И хрустит, скажем, орешками. Или чипсами...

Бабкин не мог взять в толк, что Маша хочет от него. Она так изменилась в лице, словно собиралась обидеться за Губанову. Но пока они с Илюшиным расспрашивали Матильду, она все время что-то жевала. Он не хотел сказать ничего дурного в ее адрес...

– Орешками? – переспросила Маша. – Орешками?!

И стремглав кинулась в отель.

Служащая спа-комплекса, в чью задачу входило выдавать полотенца и следить, чтобы их не стащили, с изумлением наблюдала, как мимо нее промчалась женщина в куртке и длинном зеленом шарфе. А за ней – двое мужчин.

В первые секунды она онемела от такой наглости.

– Эй! Эй! Вы что, очумели?! Стоять! Туда нельзя!

Но Маша уже была у бассейна. Она пролетела вдоль чаши, где лениво бултыхалась парочка купальщиц, и рванула напрямик к сауне. За ее спиной раздался топот: Илюшин с Сергеем догоняли, оскальзываясь на мокром кафеле.

– Хулиганы! – надрывался где-то сзади возмущенный женский голос. – Охрана! Охрана!

Две одинаковых двери на мгновение заставили Машу затормозить. Где они сидели в то утро?

– Да какая разница!

Маша рванула на себя ближайшую дверь и влетела внутрь.

В сухом жару на деревянной скамье белела одинокая фигура, завернутая в простыню. Время от времени фигура гулко всхлипывала.

– Матильда, твою мать! – сказала Маша, чуть не плача от облегчения. – Я бы сама тебя убила, честное слово.

Служащая, вбежавшая минуту спустя, застала удивительную картину. Хулиганка в куртке стояла посреди жарко натопленной сауны, а большая распаренная женщина в простыне рыдала белугой у нее на плече.

– Мотя, пельмень ты контуженый! Что ты натворила!

Маша хлопотала вокруг Моти, намазывала ее кремом и смешно ругалась. Матильда морщила нос, когда прикосновение выходило особенно чувствительным, и старалась не улыбаться во весь рот. Елина могла бы закрыть ее матом почище любого сапожника, но и тогда Мотя слушала бы ее

ругань как музыку. Машка ее простила. Простила!

– Как можно было так себя ободрать? Как?! – в отчаянии воскликнула Маша, хватаясь за второй тюбик крема: первый скоропостижно закончился.

Ругалась она, чтобы скрыть растерянность. Вся Мотя представляла собой одну большую ссадину. По всей поверхности немаленького Матильдиного тела будто кто-то возил наждаком.

Это было не так уж далеко от истины. Битый час Мотя, забравшись под душ, соскребала грубой мочалкой с себя кожу. Не чувствуя боли, она ожесточенно стирала всю накопившуюся гадость, все молчаливое вранье, всю подлость, которую она держала в себе столько лет. Мотя очень постаралась забыть о том поступке, который совершила когда-то, но встреча с Машкой Елиной вытащила все на поверхность. Мотя ощущала себя невыносимо грязной.

– Я мылась, – прошептала она.

– Ты что, в ноль хотела себя смыть?!

Мотя ничего не ответила. Жаркий ошпаривающий стыд накапливался в ней с каждой минутой с того самого момента, как Елина, услышав обвинение в загубленной судьбе физрука, схватилась за ковш и принялась громить сауну. Этого Мотя перенести уже не могла. Выходило, что она испортила жизнь не только несчастному Гудасову, но и Маше.

Ее тошнило и одновременно ужасно хотелось что-нибудь сжевать. Если бы не попались орехи, Мотя грызла бы древесную кору. Что угодно! Когда челюсти ходили ходуном, становилось немного легче. Потом и это перестало помогать.

Вина, сидящая внутри острозубой крысой, исподволь кусала ее все эти годы. Когда подруга в глаза заявляла Губановой, что та проживает никчемную жизнь, Мотя не смела возразить, потому что в глубине души крыса поднимала голову и скалилась: «Это правда! Ты ничтожество!» Когда первый муж отказался платить алименты («У тебя мужик есть, это теперь его забота»), Мотя восприняла все как должное. Да, она не заслуживает хорошего отношения. И лишь в истории с Беллой Шверник в ней всколыхнулся протест, потому что Белка была в рядах тех, кто громче всего кричал, что это Елина состряпала анонимное письмо. От нее выслушивать оскорбления Мотя не соглашалась.

Наговорив Маше что-то по телефону, Мотя кинулась в сауну, забыв закрыть дверь и в спешке зацепив ногой телефонный шнур. Ее распухшая от рыданий физиономия так испугала служащую, что та безмолвно выдала два полотенца, не потребовав обычный залог в виде ключа от номера.

Физическая боль от содранной кожи ненадолго притупила душевную.

Но Мотя хотела распарить свое уродливое тело еще больше, чтобы можно было соскрести все до белых костей.

– Это я оклеветала Гудасова.

Маша ладонью втирала прохладный крем ей в спину. Мотя не знала, от чего ей легче: от крема или от того, что она впервые смогла проговорить это вслух.

– Зачем, Мотя? – спросила Елина без всякого осуждения.

– Я была безобразная. Никому не нравилась. Даже учителя меня игнорировали: тупая Губанова, что с нее взять! А тут вдруг Андрей Ильдарович – такой добрый, такой заботливый... Не знаю, с чего я решила, что нравлюсь ему. Но это было такое счастье!

Мотино лицо вдруг осветилось мимолетной улыбкой. Даже этого короткого мига оказалось достаточно, чтобы Машу озарило сиянием чужой любви и она осознала, кем стал для отверженной девочки, бывшей для всех лишь предметом насмешек, единственный расположенный к ней взрослый человек.

– Я старалась заниматься как можно хуже, – сказала Мотя, уставившись на свои ладони. – Понимаешь зачем?

– Чтобы он дольше тебя тренировал?

– Да! Я хотела, чтобы это продолжалось до конца школы! И мне казалось... Я думала...

«Ты думала, он тоже этого хочет. А потом Гудасов объявил, что с него хватит».

– Он сказал, я на большее не способна. – Бесцветный Мотин голос звучал еле слышно. – Что он сдается. Опускает руки. Говорил, что это он виноват, но я-то понимала, что это на самом деле означает... Он больше не хотел меня видеть.

«И тогда ты сделала самое ужасное, что подсказывало тебе оскорбленное самолюбие».

– Я не представляла, что потом начнется такое! Что его затравят! Что тебя... обвинят... и тебя тоже...

Последние слова Матильда выкашливала из себя.

Маша присела перед ней на корточки, и та закрыла лицо багровыми ладонями. «Бедная, бедная моя Мотя. Почему нельзя вернуться на двадцать лет назад, встряхнуть твоих родителей за шкуру: любите, любите сильнее свою дочь, с любовью нельзя переборщить! Почему нельзя прикрикнуть на Гудасова: что ты творишь? Неужели ты не видишь, как она смотрит на тебя? Где твое чутье?»

Почему нельзя остановить Рогозину? «Жри свой бутерброд!» Маша до сих пор помнила общий дружный хохот. «Я не смеялась. Но я ничего не говорила тем, кто смеется».

– Я тебе все испоганила, – глухо сказала Мотя. – А уж Гудасову...

– Мотя, послушай, – тщательно подбирая слова, начала Маша, стараясь подражать интонации Макара, – ты, конечно, центр вселенной, пуп земли и все такое. Но надо бы и меру знать в своей мании величия.

Мотя отняла руки от лица. Покрасневшие от лопнувших сосудов глаза остановились на Маше.

– Я – пуп земли? – прошептала она. Даже удар хлыстом не поразил бы ее сильнее, чем несправедливое обвинение. Она – пуп? Она – ничтожество!

– Пуп, – упрямо повторила Маша. – Это ты так думаешь. Полагаешь, достаточно подростку написать анонимное письмо – и все, жизнь оклеветанного человека сломана? Разве больше в этом никто не участвует?

– Ты о чем?

– О журналистах, кропавших статейки! О школе, которая не заступилась за своего педагога с прекрасной репутацией. О придурковатых мамашах, которым только и требовалось, чтобы кто-нибудь крикнул: «Ату его!» – Маша в гневе повысила голос. – О тех шакалах, которые избili пожилого человека на основании одних лишь пасквилей в газетах!

Мотя часто заморгала.

– Хватит присваивать себе все лавры, Матильда! Где был директор школы, когда у него под окнами бесновались истеричные дуры? Где были те самые ученики, с которыми он столько лет нянчился как с родными?! А милиция, не желавшая искать ублюдков? А родители школьников?

– Они не хотели связываться с педофилом!

– Черта с два! – гаркнула Маша так, что Мотя вздрогнула – она и не догадывалась, что в Елиной может прорезаться такая голосина. – Про ту мелюзгу все знали, что они врут! Просто никому не захотелось копаться в дурно пахнущей истории!

– Потому что была анонимка! – завопила в ответ Мотя. – Моя, моя анонимка!

– И ни одного доказательства! С каких пор анонимные письма – это готовый приговор?

Маша перевела дыхание.

– Я не хочу сказать, что ты не виновата. Ты виновата, Мотя. Это был плохой поступок, бесчестный. Но ты не смеешь взваливать на себя всю ответственность за то, что в конце концов случилось с жизнью Гудасова.

Те люди, которые хором приговорили его, виновны не меньше тебя.

Она дружески взяла в свои руки ее ладонь – теплую, мягкую от впитавшегося крема.

– И прекрати себя грызть. Столько лет самоедения – достаточная расплата за одну подростковую анонимку.

– А за тебя? – шепотом спросила Мотя.

Маша нахмурилась, не понимая.

– Когда обвиняли тебя, я молчала. А тебя... тебя выгнали из секции! Я знаю, мне Стриж говорила! Ты потом заболела! Я видела, как ты плачешь, я хотела тебя утешить, но... но... Я струсила! Я боялась!..

«Ну конечно, она боялась, – подумала Маша. – А после того, как Гудасов попал в больницу, признаться стало и вовсе невыносимо. Это означало расписаться в том, что из-за тебя его уволили, из-за тебя избили, травили, пытались сжечь. Неподъемная ноша даже для очень бесстрашного взрослого. А тем более – для перепуганного подростка».

– Я все знала и ничего не сделала!

Мотя забрала у Маши ладонь. Она держала ее так, словно это была не ее собственная рука, а стухшая рыбина.

– А ты в курсе, что в пяти остановках метро от нас была еще одна конно-спортивная секция? – доброжелательно спросила Маша.

Губанова удивленно посмотрела на нее.

– И раз уж я так страстно любила лошадей, то могла бы уговорить родителей позволить мне ездить туда, – продолжала Маша. – Это был мой выбор: решить, что свет клином сошелся именно на ближайшей конюшне, и сдать.

Тишина, нарушаемая только приглушенным сопением.

– Тебя бы не взяли, – прогудела наконец Мотя, как встревоженный жук.

– Я даже не пыталась! – отрезала Маша. – Может, ты еще и за это взвалишь на себя вину? Или за Лосину?

Она спохватилась, что в запале сболтнула лишнее, но было поздно: Губанова так и подскочила. Нагая Мотя напоминала теперь не гладкого тюленя, а разбухшую от варки креветку, которую окунули в оливковое масло.

– А что с Лосиной? Машка, ты не молчи! Ты все время молчишь, ничего мне не говоришь!

В свете того, что за последние полчаса непрерывных убеждений Маша успела охрипнуть, это заявление выглядело вопиюще издевательским.

– На Анжелу напали, – со вздохом сказала она. – Ударили по голове чем-то тяжелым.

Матильда ахнула.

– Где?! Кто?

– Кто – не знаем, а нашли ее в парке, едва живую. Увезли в больницу без сознания.

– У меня телефон ее мужа есть! – Мотя забегала по комнате, забыв о наготe. – Надо же позвонить! У нее же дети!

– Матильда, ёшкин кот!

Мота вздрогнула и в тревоге воззрилась на рассердившуюся Елину.

– Всем уже позвонили! Мужа ее вызвали, он едет. Перестань суетиться. От тебя здесь ничего не зависит. А теперь признайся честно: ты все выдумала о том, что знаешь, кто убийца?

– Почему ты так решила?

– Потому что тогда он стукнул бы по голове тебя, а не Анжелу!

Губанова сдвинула брови. Лицо ее приобрело сосредоточенное и на удивление взрослое выражение. Маша насторожилась.

– Простыня влажная, – Мотя отложила в сторону простыню, явно думая о чем-то другом.

– Матильда!

– Мне надо одеться.

– Для чего?

– Я должна кое с кем поговорить!

Маша помолчала, пристально глядя на нее.

– Правильно, должна, – согласилась она. – Если простыня мокрая, закутайся в полотенце.

– Зачем?

Вместо ответа Маша приоткрыла дверь и позвала:

– Макар! Сережа! Зайдите к нам через пять минут!

Мотя немедленно заметалась. Метание это было непродуктивным: она стремительно протопала по простыне, уронила со стула полотенце и попыталась завернуться в Машину куртку.

– Замри!

К Машиному удивлению, заклинание подействовало. Мотя застыла, вытянув вперед шею.

– Жди! Я халат принесу, – сдерживая неуместный смех, пообещала Маша. – И оставь мою куртку в покое, пожалуйста.

Глава 17

1

Пришлось постучать раз десять, чтобы им открыли.

– Давай я ногой двину, – предложил Бабкин.

– Спокойствие, только спокойствие, мой нетерпеливый друг! – призвал Илюшин. – Дай людям возможность проявить добрую волю.

– Была у них такая возможность. Не воспользовались.

– Ты преждевременно хоронишь наших дам.

– В свете всего случившегося за последние два дня слово «хоронишь» мне не по душе, – проворчал Бабкин.

И тут дверь распахнулась.

– Нашли? – без предисловий спросил Макар.

Ирина Коваль молча смотрела на него.

– Он спрашивает, папки нашли? – расшифровал Бабкин.

Коваль шарахнулась назад с такой силой, будто ее толкнули.

– Судя по всему, их попытки не увенчались успехом, – поведал Сергею Илюшин.

– Ясен пень! Иначе б мы их тут не застали.

Из-за спины Кувалды выросла маленькая злая Сова.

– Что вам нужно?

Голос ее больше не источал медовую сладость. Больше всего он напоминал лязганье гильотины.

– Хотим сделать доброе дело, – известил Илюшин.

– Карму отполировать, – поддакнул Бабкин.

– Убирайтесь!

Она попыталась захлопнуть перед ними дверь, но Коваль удержала ее.

– Они знают про папки, – одними губами выговорила она.

И без того большие глаза Савушкиной расширились.

– Матильда! – яростно выплюнула она. «Надо отдать ей должное – соображает она быстро», – подумал Бабкин. – Проговорилась, тупая корова!

– Эта тупая корова спасает вам жизнь.

Бабкин бесцеремонно отодвинул Коваль и прошел в комнату. Макар укоризненно покачал головой ему вслед.

– Вы разрешите войти? – осведомился он.

Ира молча сделала шаг в сторону.

– Мы здесь, собственно, с одной целью, – мягко сказал Илюшин, оглядывая творящийся вокруг бардак. – Администрация отеля не хочет предавать это маленькое происшествие огласке. Но если вы видели «скорую», то вас должен был заинтересовать вопрос, кого она увозит.

Люба и Ирка переглянулись. Нет, понял Бабкин, этот вопрос их не заинтересовал. Им было не до того. Все смешалось в доме Облонских: Рогозина, ее досье на каждую из них, папки, которые сперва были в ее номере, а потом пропали, убийство... Им не до выяснения, к кому приезжала «скорая».

– Я так и думал, – кивнул самому себе Макар. – Меж тем вашу бывшую одноклассницу нашли лежащей под елью в состоянии, близком к безжизненному.

Кувалда схватилась за виски.

– Люб, что он говорит?! – простонала она.

– События прошедших суток вас утомили, – посочувствовал Макар. – Понимаю.

– Кого нашли? – напряженно спросила Сова. – Какую одноклассницу?

– Анжелу Лосину. С головой, пробитой тяжелым тупым предметом. Рискну предположить, что кровь осталась на куске асфальтового бордюра, ограждающего дорожку. По-хорошему, его давно надо заменить.

– Что вы несете?!

– Бордюру очень много лет, – пояснил Макар. – Он рассыпается буквально на глазах.

Бабкин против воли испытал сочувствие, глядя на двух ошарашенных женщин. Илюшин в своей светской ипостаси был до омерзения учтив и настолько же невыносим.

Сова прикрыла огромные глаза и постояла так, покачиваясь.

– Анжелу ударили? – спросила она, не открывая глаз. – Куском асфальта?

– Предположительно.

– Когда?

– Ее нашли около полутора часов назад. Вам понятно, что это значит?

Коваль села в кресло, на груды вещей.

– Всего лишь грубая шалость, – процитировал Макар. – А теперь простой пример. Одна загонщица плюс трое обидчиц. Всего четыре. Двух вычитаем – одна мертва, вторая почти. Вам что-нибудь говорит эта арифметика, дамы?

Теперь проняло даже Савушкину.

– Она не может убивать нас столько лет спустя! – голос ее дрожал, и Любка, как ни старалась, не могла с собой справиться.

Макар ухмыльнулся.

– Хотите поставить эксперимент?

Нет, они не хотели.

– Что в папках? – снова спросил Бабкин.

– Разве Губанова вам не сказала?

– Нет.

Это действительно было так. Мотя краснела, мычала, но в конце концов выдала, что содержимое папок – не ее тайна и делиться ею она не имеет права. Услышав это заявление, Илюшин уставился на нее с восторгом. Бабкин отчасти разделял его чувства. Эти двое, Сова и Кувалда, мытарили ее в школе, шпыняли здесь, заставили влезть в номер к Рогозиной – и после этого она печется об их репутации! Бабкин начал понимать, отчего его жена тепло относится к Матильде.

– Скажи им! – потребовала Кувалда.

У Савушкиной не было сил возражать. Она окончательно перестала понимать, что происходит.

До вчерашнего дня Любка была убеждена, что мастерски дирижирует своей жизнью. Ее переполнял восторг от самой себя. Как великолепно она настроила свое бытие! Как безупречно точен оркестр в каждой ноте!

Услышав от перепуганной Моти, что содержалось в папках Рогозиной, Сова ощутила себя дирижером, у которого перед решающим выступлением вместо виртуозов скрипки оказались слепые балалаечники, а духовые всем коллективом загремели в вытрезвитель. Попытка заполучить ключи от номеров, чтобы обыскать их, окончилась полным провалом.

Любка так давно не терпела поражений, что оказалась к ним абсолютно не готова.

– Рогозина наняла частных детективов и раскопала всю нашу подноготную, – сказала она, ни на кого не глядя. – У меня... внебрачные связи. С фотографиями. У Иры... Не внебрачные, но тоже ничего хорошего.

– Я брала деньги мимо кассы, – через силу призналась Коваль. – У тех, кого тренировала. Со всей группы... Если официально проводить клиентов, мне всего тридцать процентов достается, остальное забирает клуб. А так и теткам скидка, и мне выгода.

– Что в этом страшного? – не понял Бабкин.

– Прогонят меня, – обреченно сказала Ира. – Пинком под зад и с позором. Я нашу шефиню знаю, она такое терпеть не будет.

– А почему вы решили, что эта информация непременно дойдет до начальства? – спросил Макар.

Сова потянула со стола небольшую серебряную фляжку.

– Там все доказательства на блюдечке с голубой каемочкой, – ответила она за подругу. – Кто-то не поленился получить с четверых Иркиных клиенток письменное заявление. Мол, платили там-то и столько-то. Это Губанова нам сказала. И про фотографии, где я...

– С любовником, – закончил Сергей.

– С любовниками, – поморщившись, поправила Любка и отхлебнула из горлышка.

«Одновременно?» – чуть не ляпнул Бабкин. Но прикусил язык.

– По очереди, – покосившись на него, иронически ухмыльнулась Любка, заставив сыщика покраснеть.

– Значит, Мотя случайно зашла в номер Рогозиной, – задумчиво сказал Илюшин, – и наткнулась на папки. Одна была открыта, она заглянула, а потом не удержалась и просмотрела вторую. В коридоре она повстречала вас, не смогла держать в секрете увиденное, и вы вернулись уже вместе. Папок в номере не было – так?

Любка кивнула, лицо ее исказилось.

– Губанова клялась, что прошло не больше пяти минут!

– Даже если десять... Кто-то успел зайти до вас и вынести их.

– И мы не знаем, кто это! – басом выкрикнула Ира. – Главное – зачем?! Что будут с ними делать?! Я спать не могу из-за этого, вы понимаете?

– Коваль!

Любка осадил подругу не столько интонацией, сколько взглядом.

– Мы поэтому и остались. – Савушкина открыла крышечку. – Хотели отыскать папки. Ведь не просто так их украли!

– А вы не допускали мысли, что это сама Рогозина их перепрятала?

– Мы обшарили весь номер.

– Даже под матрасом!

На миг у Бабкина зародилась мысль, что Мотя Губанова изощренно подшутила над Кувалдой и Совой; что никаких папок нет и в помине, а фотографии и прочие доказательства она выдумала. Но он тут же понял не без сожаления, что версия не вырисовывается. Как минимум, для такой злой шутки Мотя должна была сама знать об этой хорошо запрятанной стороне личной жизни Савушкиной и злоупотреблениях Коваль.

«Но как они обе напуганы!» Сергей понимал, что обеих женщин страшит не только разоблачение («У одной прости-прощай работа и репутация, а вторую, похоже, ждет незамедлительный развод»). Человека,

за которым наблюдают, часто ввергает в панику сам факт слежки. Сергей видел взрослых крепких мужчин, которых начинал трясти зверский озноб при известии о том, что супруга или деловой партнер наняли частных сыщиков.

«А ведь Рогозина основательно подошла к делу!»

– Она собиралась выдать нас. Эта сука собиралась нас заложить!

Судя по тому, что Сова покачнулась, когда встала, она прикладывалась к фляжке уже не в первый раз за сегодняшний день.

– Это вы ее убили?

Любка и Коваль устали на Макара, с невинным видом ждущего ответа. Савушкина вдруг хихикнула.

– Если бы... Ик! Если бы мы ее убили, мы бы забрали папки!

2

– Уехали! – ответил Сергей на невысказанный Машин вопрос, едва зайдя в номер. – Мы их посадили на такси и спровадили домой.

– Они не слишком сопротивлялись, – добавил Илюшин.

Для полноты картины ему следовало бы упомянуть, что Сова к моменту посадки в машину была уже настолько пьяна, что излагала смущенному Бабкину подробности своих походов и заверяла в горячей любви к мужу. В конце концов она разрыдалась у него на плече:

– Он меня бросит!

– Выйдете замуж за любовника, – утешил бесчувственный Бабкин. – У вас даже выбор из них есть!

Тут Илюшин, не выдержав, захохотал. Больше всего его веселило, что Сергей советовал искренне.

Оскорбленная до глубины души Савушкина отстранилась от детектива:

– Что вы понимаете! Он мне необходим!

– Охотно верим! – Макар приоткрыл дверцу такси. – Но куда больше вам нужно остаться в живых.

Ира Коваль застыла рядом, вцепившись в сумку. В сумерках она казалась нестигаемой, как скала. Но когда в номере на первом этаже включили электричество и свет упал на ее лицо, Илюшин увидел, что женщину колотит нервная дрожь.

– Зачем она это сделала? Зачем? – шептала она.

Макар и сам многое бы отдал, чтобы узнать ответ на этот вопрос.

Маша выглянула в коридор. «Никого. Похоже, у меня развивается паранойя».

– Думаете, теперь они в безопасности?

– Понятия не имею, – признался Илюшин. – Ясно только одно: это дело можно считать проваленным. Ни одной зацепки, которая все объясняла бы. Ни одной подозреваемой.

– То есть сворачиваемся? – уточнила Маша.

– Я бы переночевал и уехал еще до завтрака.

– Лучше после, – пробасил Сергей.

Макар опустился на диван. Выглядел он не столько расстроенным, сколько озадаченным.

– А Матильда где? – вполголоса спросил Сергей.

– У себя. Тоже пакует вещи.

Повисло тяжелое молчание.

– Даже пиццу не хочется, – пробормотал спустя несколько минут Макар.

Бабкину хотелось пошутить по этому поводу, но он не стал. Удар по самолюбию его друга был нанесен и впрямь чувствительный. Илюшин так уверенно взялся за это дело, так рассчитывал, что они полностью обелят Машу, – и что? Уезжают, бегут почти так же позорно, как Савушкина с Кувалдой.

– Ты уверен, что ни одна из них не та, кого мы ищем? – спросил он на всякий случай.

– Я вообще ни в чем уже не уверен. А твои связи что говорят?

Сергей еще с утра созвонился с одним из бывших коллег и попросил срочно выяснить все, что касается Юлии Зинчук.

– Молчат мои связи, – он развел руками. – Ничего нет! Такое ощущение, что она целенаправленно подчищала следы. Ни снимков, ни документов, ни личных дел в архивах. Известно, что она получила двухгодичную австрийскую визу в девяносто девятом. Дальше ее следы теряются.

«А ведь у нас осталось не так уж много подозреваемых, – подумала Маша, глядя на унылые лица обоих сыщиков. – Круг сжимается».

Она хотела поделиться этой мыслью с Макаром и Сергеем, но тут Илюшин сказал:

– У меня было подозрение, что Зинчук – это Лосина.

– У меня тоже, – откликнулся Бабкин. – И что Коваль сработала на опережение.

– Или Савушкина.

– Или Савушкина, – с нотой сомнения согласился Сергей. Он затруднялся с ответом, на кого из этих двоих ставить. Физической силы с избытком хватило бы у Кувалды, зато готовности шваркнуть булыжником любого, стоящего на ее пути, – у ее крошечной подруги.

По стеклу мазнули фары уехавшего такси. Постояльцы разбегались из «Тихой заводи».

«Макар даже подоконник не занял, – подумала Маша. – Сильно же его выбило из колеи».

– Анжела упоминала, что у Липецкой были татуировки! – вдруг вспомнил Илюшин и приподнялся. Глаза его заблестели.

– Извини, Макар. – Маша с искренним сожалением покачала головой. – Я спросила у нее после сауны, куда они делись. Она их свела давным-давно.

– А если врет? – встрял Бабкин.

– У нее что-то вроде мелких шрамов на шее. Вряд ли врет.

– Ну совсем никаких зацепок, – пробормотал Сергей.

Он прижался лбом к холодному стеклу, следя за отъезжающим такси.

– Методом исключения у нас остается только Стриженова, – вслух подумал он. – Спорим, если ее пытать, она во всем сознается.

– Э, да ты совсем в отчаянии! Маша, его надо покормить.

– Его надо побить.

С первого этажа донеслись отголоски ритмичной музыки. Маше стало не по себе при мысли, что танцы все-таки будут, несмотря на все происшествия последних дней. С момента, как они нашли Анжелу, прошло лишь несколько часов. По телефону в больнице им сообщили, что Лосина до сих пор не пришла в себя.

«И не факт, что придет».

Как и предсказывал Сергей, машина полиции прибыла четверть часа спустя после «скорой». На этот раз показания у них собирал другой следователь, пожилой и безразличный ко всему. Он быстро и деловито опросил всех, и уже к девяти вечера парк обезлюдел. Только обрывки красно-белой бумажной ленты болтались на ветру.

Две лампочки в люстре мелко замигали, будто дрожа.

– Прекрасно! – меланхолично одобрил Илюшин. – Давайте еще электричество отключим и погрузимся в кромешную тьму.

«Погрузимся», – подумала Маша, зацепившись за слово. Конечно, это же заводь. Темный колодец бездонных вод. Чем глубже они опускаются, тем меньше видно. Вот уже и свет понемногу гаснет.

– А ты хотел, чтобы тебе и электрика бесперебойно работала!

– Я хотел найти убийцу.

Макар все-таки встал с дивана и прошелся по комнате.

– Несомненно, Рогозина подготовила досье на всех...

– Однако распечатала только два! – подхватил Бабкин, по-прежнему следя за удаляющейся машиной. Фары слились в один огонек и то и дело пропадали за деревьями.

– ...на двух лучших бывших подруг. Что есть странность номер один.

Маша включила настольную лампу, не в силах смотреть, как то разгорается, то гаснет люстра.

– Странность номер два, – дополнила она. – Весь второй день Рогозина целенаправленно стравливала нас друг с другом. Раздала роли!

– Например, Лосиной?

– Да. Настроила и ее, и Шверник!

– К Коваль тоже подъезжала, – сообщил Бабкин.

– А Савушкиной намекнула на ее похождения в браке, – усмехнулся Макар. – Причем так тонко, что Люба не поняла, почудилось ей или нет, и мучилась от страха.

– И после этого собрала всех нас вечером, чтобы извиниться!

Макар обогнул угол стола, перемахнул через стул и остановился посреди комнаты.

– У нее был четкий план. Но мы его не понимаем.

– Похоже, уже и не поймем, – со вздохом завершил Бабкин.

Огонек такси наконец сгинул за деревьями. Слабый свет двух фонарей у входа очерчивал призрачный полукруг, но за его границами тени сливались в одну большую ночную прорубь, где изредка проплывало, вильнув хвостом, мерцающее облако.

Маша подошла, встала рядом с мужем, всматриваясь в темноту.

– Какая здесь глухая ночь...

– Шторы задернуть?

– Нет, не нужно.

Она помолчала. Затем сказала, не отрывая взгляда от едва различимой макушки старой ели, поднимающейся над парком:

– Когда ты спросил меня, зачем я еду сюда, я ответила: чтобы перестать бояться. Я долго пыталась избавиться от глупых страхов. Но только теперь поняла...

Настольная лампа вдруг погасла, и комната погрузилась во мрак. Когда свет вспыхнул вновь, темнота за окнами стояла стеной, словно успела подступить вплотную за эти несколько секунд.

– Что поняла?

– Что они вовсе не были глупыми. Посмотри, что Рогозина сделала с нами в школе! Мать Лосиной уволили. Липецкая попала в психиатрическую лечебницу и едва не спилась. Мотя до сих пор заедает любой стресс и не может успокоиться, если нечего пожевать. У Стриженовой внешность лебедя, а мироощущение – гадкого утенка.

– Может, лучше так, чем наоборот?

– Ничего подобного. Тот, кто чувствует себя лебедем, транслирует эту уверенность окружающим. И рано или поздно в нем перестают видеть уродца.

Где-то вдалеке вскрикнула ночная птица и тут же смолкла, словно испугавшись звука собственного голоса.

– Самым сложным оказалось не выпрямиться во весь рост на поле боя, – сказала Маша. – Гораздо сложнее – признать, что поле боя существовало.

Я сливаюсь с ночью, я плачу разными голосами. Стон дерева – это мой стон. Крик птицы – это мой крик.

Но дозваться этих троих я не в силах. Одна временами чувствует меня на границе своего сознания, но сразу же отворачивается, вздрогнув, как от неожиданного прикосновения.

Не уезжайте, прошу я. Найдите ее! Вы подошли так близко! Она собирается бежать, и я не смогу последовать за ней.

Не позволяйте ей остаться безнаказанной.

Вещи ее собраны. Предлог для отъезда найден. Осталось забрать фотографии из тайника и уничтожить их. Четыре общих снимка, на которых ее, пусть с трудом, но все-таки можно узнать.

Я лечу над чернеющим от старости снегом и слышу, как подо мной шевелятся корни деревьев. Соки земли начинают пробуждаться. Там, внизу, медленно рождается жизнь.

Но оттуда же властно тянет к себе и небытие. Слишком долго я задержалась здесь, когда меня убили. Жажда мести наполнила меня тяжестью, словно лодку набили грузом и привязали к берегу. Небесная река все дальше и дальше.

Не пристало душе после смерти заниматься суетными делами, и теперь я это осознала сполна.

Боюсь только, слишком поздно.

Глава 18

Маша проснулась от того, что в незашторенное окно светила луна. Мутная струйка разбавленного молока тянулась с небес и брызгами ложилась на затененную стену.

Она поднялась и, осторожно переступая босыми ногами через разбросанную одежду, приблизилась к окну.

В лунном свете деревья казались облитыми гудроном. Черные макушки лаково блестели, черные ветки не шелохнулись. Маша даже непроизвольно принюхалась. Нет, конечно же, это вовсе не тот знакомый с детства запах. Из приоткрытой форточки тянуло далеким рассеявшимся дымом и талой водой.

Маша набросила на плечи кофту. Только ли лунный свет разбудил ее? Кажется, ей что-то снилось, но на границе яви сон растворился и ушел, как вода в песок.

Или это был вовсе не сон, а какая-то мысль?

Маша застегнула кофту, обернулась на мужа. Сергей, привольно раскинувшись, крепко спал. Чувство тревоги не оставляло, только усилилось. Некая мелочь ускользнула сегодня из поля зрения, сущая ерунда, на которую не стоило обращать внимания – и она не обратила.

Отчего же теперь это кажется таким важным?

Маша методично принялась вспоминать события дня. Разговоры, встречи, поиски... Ей смутно мерещилось, что это как-то связано с лунным светом, но поймать эту связь ей не удавалось.

С четверть часа Маша рассматривала неподвижный лес, но, убедившись, что не в силах ничего вспомнить, сдалась. Ноги озябли, из щелей в окне тянуло холодом. Поежившись, она пошла к кровати, не отказав себе в удовольствии наступить на лунную дорожку.

И замерла.

Неуловимая прежде мысль вдруг обрела очертания. Свет! Не лунный, а солнечный!

Маша бесшумно и быстро подбежала к окну. Вон оно! Бледно-желтый ноготь луны прижимает макушку самого высокого дерева в парке. Это ель, под которой нашли Лосину. Когда они подошли к телу, в ветвях что-то

блеснуло.

«Я подумала – солнечный луч. Но сегодня не было солнца».

Почему-то это казалось очень важным. Солнца не было! Так коротко, как вспышка, мог сверкнуть серебристый фантик. Или что-то другое...

Наверняка оперативники при осмотре места происшествия все нашли, успокоила себя Маша. Второе преступление за такое короткое время! Несомненно, они были очень внимательны.

Если в ветвях вообще что-то было. «Мне могло просто показаться».

С этими мыслями она вернулась в постель, говоря себе, что немедленно уснет.

Десять минут спустя Маша села, как лунатик, и позвала:

– Сережа!

Муж выразительно засопел.

– Сережа, мне нужно кое-что проверить! Ты пойдешь со мной?

Бабкин залихватски всхрапнул. Трахать это можно было единственным образом, но Маша сделала третью попытку: потрясла мужа за плечо.

Тот перекатился на другой бок и сделал жест, словно отгонял муху.

– Я скоро вернусь, – предупредила Маша, наклоняясь за тапочками.

За стойкой никого не было. Она на ходу застегнула молнию на куртке до самого горла, понизе натянула шапку и все равно, выйдя наружу, словно в погреб провалилась. Ух, как холодно!

Маша оглянулась на слабо освещенный холл за спиной. По-прежнему никого... Но она собиралась только добежать до ели и быстро вернуться обратно, если ничего не найдет.

«А я, конечно же, ничего не найду!»

Ночного парка Маша не боялась: близость людей успокаивала. К тому же в руке она сжимала телефон, на котором предусмотрительно включила фонарик. Попрыгав на месте, больше для уверенности, чем чтобы согреться, она решительно пересекла площадку и углубилась по дорожке в парк.

Ноги скользили по подмерзшему снегу. Пройдя половину пути, Маша обернулась. Стекланные фонари разливали перед «Тихой заводью» не свет, а яблочный сок – тот самый, из трехлитровой банки, желто-зеленый, без гущи. Этого сока набралась целая лужа на ступеньках и асфальте. «Когда вернусь в город, куплю себе такую банку, – подумала Маша. – И выпью в одно рыло».

«В одно рыло» – это было одно из выражений мужа. Маша прибежала

к ним, когда чувствовала себя не совсем уверенно. Как сейчас. Из окна спальни парк казался более... безобидным. И луна была ближе, и световая дорожка разливалась шире и ярче. А здесь, среди деревьев, снег изредка тускло вспыхивал, но сразу гас. И деревья... Их как будто стало больше, чем днем. Маша понимала, что это глупости, не выросли же они за ночь! Просто кажется, что их целый строй и они перешептываются друг с другом. Кого, мол, сюда принесло? И какого черта?

«Бояться мне надо людей, а не деревьев», – здраво рассудила Маша. Ей хотелось верить, что мало кого понесет среди ночи на прогулку. Ель уже показалась впереди; в лунном свете она выглядела еще более зловещей, чем угрюмым вечером. Ведьмино дерево, косматое, лохматое и укрывающее нехорошие тайны.

Маша осветила среди низких осевших сугробов хорошо утоптанную тропинку. Сегодня здесь побывало много людей. «И преступник наверняка шел этой же дорогой», – шепнул внутренний голос. Маша сглотнула и быстро, чтобы не дать себе возможности передумать, зашагала к ели, настороженно вслушиваясь в шарканье собственных подошв.

Ветка хрустнула под ногой. Маша вздрогнула и остановилась перед деревом.

Казалось, под тяжелыми лапами бурлит дикая невидимая жизнь. Там что-то шуршало, шелестело и потрескивало, словно кора отваливалась кусочками или чьи-то крошечные когти впивались в ствол. При полном безветрии некоторые ветки ощутимо покачивались.

Маша еще раз обернулась на отель. На этот раз ей показалось, что он остался очень далеко. Когда она успела пройти такое расстояние? Фонари торчали двумя тонкими зубочистками и светили как-то неуверенно. Да и лужа яблочного сока перед входом определенно уменьшилась.

«Электричество они экономят, – успокоила себя Маша. – Вот и притушили яркость».

Выходя на улицу, она предполагала обойти дерево по кругу, присматриваясь. Но здесь, возле ели, казалось, что та возвышается гигантским стражем между цивилизованным парком и дичающим лесом. Шагни с тропинки вглубь – и провалишься в самую чащу, откуда даже лунный свет тебя не выведет.

Маша сердито предложила себе поумерить фантазию. Но развитое воображение изо всех сил работало против нее, предлагая на выбор картины одна другой страшнее. «А есть ли медведи в можайских лесах? – вспоминала она, светя фонариком на высохшие иглы. – Или волки?» Шуршание в глубине дерева по-прежнему нервировало ее, но сколько она

ни шарила лучом, в размытом желтом пятне появлялись только черные провалы меж ветвей да неопрятные бакенбарды мха.

«Мышь по стволу бегаёт», – решила наконец Маша. Вернее, постаралась убедить себя в этом.

Две минуты поисков – и надо возвращаться. Если Сергей проснется и не обнаружит жену, он может и не вспомнить, что она ему говорила, уходя. И хотя Маша вдобавок наспех нацарапала записку, теперь ее терзали сомнения, что мужа написанное успокоит. «Я в парке, скоро вернусь, только поищу кое-что». Пожалуй, лучше все-таки было обойтись без записки.

Маша припомнила, где она стояла, когда нашли Анжелу. Сдвинулась на три шага вправо. Отсюда торчали ноги в потертых ботинках... А здесь Макар придерживал еловую лапу, чтобы не хлестнула Сережу... А где-то рядом, на уровне ее груди, что-то бликовало.

Маша привстала на цыпочки, потянулась к ветке и похлопала по ней.

Она была уверена, что поиски окажутся безрезультатными. Поэтому, когда ей под ноги с длинных игл мягко съехала золотая цепочка, в первый момент не поверила собственным глазам.

Цепочка лежала на грязном снегу и изредка поблескивала, когда на нее падал свет. Маша выключила фонарь. Темнота сразу подобрала цепочку и спрятала в бархатный карман. Маша провела по экрану, возвращая луч света – и золотая нить сверкнула на снегу.

Несколько секунд она стояла неподвижно, словно боясь брать ее в руки. Затем резко наклонилась и выпрямилась, сжимая кулак.

Беготня и шорохи у ствола прекратились, но Маше уже не было до этого дела. Она медленно разжала пальцы – и глубоко, прерывисто вздохнула.

Холодная змейка свилась в кольцо на ладони. Маша знала, чья это змейка. Она обратила на нее внимание еще в тот раз, когда они вместе плавали в бассейне. Кольцо с красным глазом – и цепочка из крошечных золотых зернышек.

Они прекрасно дополняли друг друга.

И принадлежали одной женщине.

Маша бессильно уронила кулак с зажатой в нем цепочкой. «Аня, ну зачем, зачем?!»

Но ответ был ясен.

Не было никакой Зинчук, думала она, это Анькина выдумка, способ отвлечения внимания. Она же сама и бросила это имя в сауне. Ну конечно! Она ведь умница, наша Аномалия. И, пожалуй, тоже склонна

к нестандартным решениям.

Можно ли назвать нестандартным решением убийство?

Маша застыла посреди парка, не замечая ни нарастающего гула деревьев от летящего издали восточного ветра, ни исчезновения луны. Вокруг потемнело, но она была слишком занята своими мыслями.

Рогозина, Коваль и Савушкина рассказали отчиму Липецкой, что его падчерица ненормальная. Что ее боятся в школе, что она пыталась себя убить. Бывший военный, не мудрствуя лукаво, поместил неудобную и нелюбимую девочку в психиатрическую лечебницу.

Факты, факты и ничего, кроме фактов – мерзких, неприглядных, поскольку все они неоспоримо вели к одному выводу.

Сначала умирает Рогозина, потом почти убивают Анжелу Лосину.

Рогозина сломала Анне жизнь. Лось знала о ее алкоголизме и дала это понять. «Нож-“бабочка”! – вспомнилось Маше. – Аня пугала им Лосину в туалете!»

У нее был навык обращения с ножом. В юности она тесно общалась с уголовником. А еще...

Маша едва не застонала от злости на собственную глупость.

А еще был учитель музыки Евгений Сутелин. По весне найденный в овраге мертвым.

«С чего я взяла, что это дело рук бывшего зэка?!

Разве это бывший зэк видел, как Сутелин пытается меня изнасиловать? Разве это старый вор, не интересовавшийся ничем, кроме своих псов и очередной дозы, пообещал мне, что больше человек в пальто никому не причинит вреда?!

Это Анна убила его».

Она свела татуировки. Надела маску добропорядочной дамы. И примчалась, как только Рогозина позвала на встречу. Один только бог знает, что она перенесла за тот год или даже полтора, что ее принудительно лечили в психушке, но она ничего никому не простила.

Пустой парк, по которому гуляет лишь ветер. Одна женщина, озираясь, тащит тело другой, уверенная, что убила ее. Сгибается, заталкивая его под еловые лапы. Золотая нить цепляется за сучок и повисает на ветвях.

Маша увидела всю сцену так отчетливо, словно сама присутствовала при этом.

«Но что же мне делать теперь?»

– Маша!

Она вскрикнула от неожиданности. По тропинке к ней бежал Сергей в наспех наброшенной на плечи куртке. Пятно от включенного фонарика

прыгало перед ним по земле.

Выглядел он устрашающе. При своих медвежьих габаритах Бабкин обладал медвежьей же ловкостью и проворностью. Казалось, если на его пути кто-то встанет, эта стремительная глыба просто сметет его.

Машу меньше потрясло бы появление самой Липецкой.

– Сережа! Что ты здесь делаешь?

– Это я тебе должен этот вопрос задать! – рыкнул он. – Я просыпаюсь, тебя нет, рядом записка! Звоню – нет сети! Я весь парк обыскал, черт возьми! Боялся найти твой труп! Что происходит?!

Он был разъярен и напуган, и от страха ярился еще сильнее. Что на жену нашло? Как она могла уйти, не разбудив его?!

И что она делает рядом с местом преступления?

В первую секунду он заподозрил, что убийце удалось выманить ее на встречу. Какой-то изощренной дьявольской хитростью, подкупом, шантажом... Чем угодно!

Но быстрый осмотр показал, что, кроме Маши, тут никого нет. Сергей без всякого страха сделал то, на что она не решилась, – обошел ель и заглянул под ветки.

Никого.

– Зачем ты пошла сюда?

Маша промычала что-то невнятное.

– У тебя здесь встреча?

– Нет! Что ты!

Бабкин еще раз оглядел ель, сжавшуюся Машу... И тут ему в глаза бросилась цепочка на ее ладони.

Она тотчас отступила назад и спрятала за спину сжатый кулак.

– Что это? – он пристально взгляделся в ее лицо. – Где ты это взяла?

Соврать у Маши не хватило духу.

– Здесь.

– Где? Под деревом?

Она кивнула.

– Ты за этим сюда пришла? – сообразил он.

Второй кивок, сопровождающийся тяжелым вздохом. Бабкин по-прежнему ничего не понимал.

– Дай мне!

Он требовательно протянул руку. К его изумлению, Маша не только не отдала цепочку, но и попятилась на несколько шагов. Теперь она упиралась спиной в разлапистые ветви. Дальше ей отступать было некуда.

Все это настолько не походило на нее, что Сергей опешил.

Он взгляделся в лицо жены, отведя фонарик в сторону, чтобы не ослепить ее.

– Ты точно нашла это здесь? – непонимающе спросил он.

– Да.

– Маш, ты понимаешь, что это улика?

Еще одно «да», прозвучавшее печально, но твердо.

– Ты не покажешь мне?

Она отрицательно покачала головой:

– Я не могу. Извини, пожалуйста. Правда, не могу.

Бабкин машинально щелкнул выключателем и погасил фонарь.

Облака разошлись. Луна повисла прямо над ними, цепляясь за ветви, как стеклянный шарик.

В первую секунду, увидев Машу живой и невредимой, Сергей испытал невероятное облегчение. За то время, что он метался среди деревьев, ему приходили в голову самые жуткие сценарии развития событий.

Однако теперь острая вспышка радости утихла.

Маша вела себя странно. Маша что-то скрывала. Маша не желала отдавать ему улику.

Из всего этого следовал только один вывод.

– Ты ее узнала!

Она крепче сжала за спиной цепочку, и по ее изменившемуся лицу он понял, что попал в точку.

– Ты опознала ее по этой вещи, да?

Молчание.

Сергей Бабкин был очень спокойным и уверенным в себе человеком, но в эту минуту почувствовал себя слепцом в скалах и без единого проводника. Что там, впереди? Уткнешься в стену? Рухнешь с обрыва?

Они с Машей всегда были вместе. Когда однажды в июне они поехали на природу с ее друзьями и там затеяли шутивно бросать мяч, разделившись на две команды, Сергей не смог играть против жены. Даже в глупой дружеской игре они должны были оставаться по одну сторону черты.

Но сейчас жена стояла в двух шагах, испуганная и в то же время явно что-то твердо решившая, и вела себя как противник в схватке. Более слабый, более уязвимый. Но противник!

Маша осознавала, что происходит с мужем. Но перевесить на него ответственность за свой поступок она не имела права.

Стеклянное сияние луны залило лес, превратив его в контрастную гравюру. Острые тени почернели. Снег вспыхнул и заблестел как слюда.

Сергей попытался собрать воедино доступную ему информацию. «Она знает, кому принадлежит цепочка, но не хочет говорить. Отказывается отдать. Боится меня».

По всему получалось, что Маша выгораживала убийцу. Бабкин отказался бы в это поверить, если бы услышал от кого-то другого, а не увидел собственными глазами.

«Кого она может так защищать?»

Ответ нашелся сразу.

– Это Матильда?

Она помотала головой, что можно было трактовать двояко: то ли «нет, не Матильда», то ли «нет, не скажу». Сергей решил, что верен второй вариант, и не ошибся.

– Ты мне не скажешь?

– Нет.

Бабкин с удовольствием сел бы в сугроб, а еще лучше, нырнул бы туда с головой.

– Машка, ну не молчи! – взмолился он. – Что происходит?

– Давай вернемся в отель, пожалуйста!

– Ты мне не доверяешь?

– Доверяю!

– Тогда объясни, черт возьми! – разозлился он. – Ты знаешь, кто напал на Лосину?

– Кажется, знаю!

– Тогда какого черта мы тут торчим?

– Потому что я не могу ее выдать, – с неожиданной сухостью сказала Маша.

– Она тебе угрожает? Шантажирует?

На каждый его вопрос она отрицательно мотала головой.

– Вы с ней говорили?

– Нет!

Бабкин, не выдержав, наконец зачерпнул снег и размазал ладонью по лбу жесткие крупинки.

– Фух! Хоть сон сбить.

Он помотал головой.

От снега действительно стало легче. Словно кто-то положил прохладную ладонь на воспаленный лоб и унял бред. Потому что то, что происходило, иначе как бредом он не мог назвать.

– Хочется проснуться и оказаться в нормальной жизни, – поморщившись, пробормотал он.

Только этого Маше и не хватало.

– Я правда не могу тебе ничего объяснить, – сказала она и беззвучно заплакала. – Прости меня, пожалуйста!

– Но почему? Машка, почему?!

Потому что я вижу девочку-подростка, бегущую ко мне по громыхающим крышам гаражей, ответила бы ему Маша, если бы могла. А рядом с ней пса в колтунах, с маленькими, как у медведя, ушами. Я не знаю, от чего именно они спасли меня. И не хочу знать. Они это сделали, а остальное не имеет значения. Я могла лежать между гаражами, с синими пятнами на шее и задранный юбкой, и нашли бы меня только на следующее утро. А вместо этого отряхнула куртку, подняла сменку и пошла домой. Зазор между этими двумя реальностями обеспечил мне человек, который убил Светлану Рогозину.

– У меня перед ней долг, – наконец сказала она, глотая слезы.

Некоторое время Бабкин молча смотрел на нее.

– Что это за долг такой? – тихо спросил он.

Маша покачала головой.

– А можно деньгами отдать?

Она сморгнула слезы и увидела кривую ухмылку на его лице. От того, что он способен шутить, ей стало легче в тысячу раз.

– У нас столько не наберется, Сережа.

Он стер со лба мокрый подтаявший снег и протянул ей руку:

– Пойдем. Хватит попы морозить.

2

Макар Илюшин ходил по номеру и злился. Он не мог заснуть.

В любом месте, в любое время он вырубался за минуту, как Штирлиц, стоило ему опустить голову на подушку и закрыть глаза. Он мог спать десять минут и встать отдохнувшим. Но очень давно с ним не случилось такого, чтобы уснуть попросту не получалось.

Сначала он проветрил и без того прохладную комнату. Перевернул подушку другой стороной.

Не помогло.

Неспешно прогулялся по огромному люксу – десять кругов в одну сторону, десять в другую.

Тоже мимо.

Заставил себя прочитать до середины поэму «Мцыри», которую

со школы знал наизусть и которая с того же времени навевала на него дремоту.

Все впустую. Сон не шел, и не потому, что мысли были чем-то заняты – Макар давно научился вычищать из головы весь мусор. Что-то определенно мешало, но что, он понять не мог.

Наконец, смирившись с бессонницей, он сел за компьютер и принялся сводить в таблицу все, что они успели выяснить о деле Рогозиной. На второй странице Илюшин внезапно сообразил, что ему мешает.

Ощущение резких дуновений сквозняка на уровне колен. Как если бы над самым полом парила птица и время от времени задевала его холодным крылом.

Макар пожал плечами, плотно закрыл форточку и вернулся в постель.

Теперь «птица» касалась его лица. Что-то проплывало в воздухе, дотрагиваясь до щеки.

Илюшин перевернулся на живот.

Холодить стало затылок. Это было похоже на редкое дыхание. Как будто кто-то наклонялся над его макушкой и легонько дул.

Макар, теряя терпение, прошлепал босыми ногами до двери и заткнул все щели полотенцем. Еще раз проверил форточку. Осмотрел выключенный (и, кажется, мертвый) кондиционер, подержал ладонь около вентиляционных отверстий. Под конец ради эксперимента зажег спичку и поднес к кровати, любуясь высоким и ровным пламенем. Огонек не качался.

Совершенно удовлетворенный, Илюшин забрался под одеяло и приготовился спать.

Не прошло и минуты, как прохладная волна шевельнула волосы.

Макар сел, включил свет и огляделся. В комнате вполне ожидаемо было пусто.

– Не смешно!

Он сердито зевнул и снова включил компьютер.

«Черт! Хоть по порносайтам ходи».

Таблица «радовала» глаз полной бессмысленностью. Набор фактов, эмоций, впечатлений, никак не связанных друг с другом. Илюшину никогда еще не выпадало дела, где он был так уверен в разгадке и в котором потерпел бы такое сокрушительное поражение.

Зинчук обязана быть здесь! Она – тот узелок, за который цепляются остальные ниточки!

Но, похоже, узел оказался фальшивым. Чуть потянул – и в руках у тебя ровная веревка.

Опять устойчиво повеяло холодом. «Стены у них дырявые, вот что», – подумал Илюшин.

– А вообще-то я глупостями занимаюсь, – вслух сообщил он чутко слушающей тишине. – Восемь женщин, восемь женщин! Рогозина познакомилась с отдыхающим, зазвала в номер, делала авансы, потом попыталась выгнать. Он ее изнасиловал и убил.

«А нож он с собой принес, для фруктов?»

– Значит, псих, – пожал плечами Макар. – Мало ли в Бразилии донов Педров.

Чушь собачья! Он прекрасно знал, что это не псих. Коваль, Савушкина, Губанова, Шверник, Липецкая, Стриженова, Лосина – одна из них замешана в этом деле. Или не одна, а несколько.

– «Восточный экспресс», – усмехнулся Макар. – Перенесен в российские реалии. Восемь выросших школьниц встретили благополучную девятую, вспомнили былые обиды и решили восстановить справедливость. Шестнадцать ударов – как раз по два на каждую!

Ну да, конечно. А потом Губанова помчалась обедать от раскаяния, Маша – писать сценарий, Лосина – шантажировать остальных, а Шверник – искать, кого бы еще убить.

Илюшин развеселился. Эта версия была хороша тем, что все объясняла. Включая последующее нападение на Лосину.

«Шарахнула ее Липецкая, допустим». Теперь его занимал вопрос, какая роль отводилась Стриженовой.

И тут в дверь постучали. Макар глянул на часы и поднял брови: половина первого ночи! Бабкин бы точно не стал стучаться, он сперва бы позвонил, да и Маша тоже.

«А это, голубчик, за тобой! – обрадовался Илюшин. – Делегация убийц явилась поздравить с успешным расследованием».

Шутки шутками, но открывал он с осторожностью, в глубине души сожалея, что в отеле не предусмотрены дверные глазки.

В коридоре стояла Саша Стриж – лохматая, с искусанными губами, в растянутой футболке, съехавшей с одного плеча.

– Доброй ночи... – хрипло сказала она. – Вы не спите?

– Что случилось?

– Ничего. Можно войти?

Макар посторонился. Однако Саша не вошла, а осталась стоять, глядя на него блестящими глазами.

– Ты один?

Он прищурился. Какие занятные вопросы задает эта красавица...

– Один. Ты хочешь что-то рассказать о смерти Рогозиной?

И тут Саша Стриженова повела себя странно.

– В задницу Рогозину! – грубо сказала она. – И всех остальных тоже!

Теплые руки обвили шею Макара, теплые губы прильнули к его губам. От нее пахло чем-то горьким, вроде полыни, и то ли от летнего этого дикого запаха, то ли от прикосновения ее горячих пальцев к его шее, но только Илюшин провалился куда-то, где немыслимо было ни о чем больше спрашивать.

Он и не стал.

3

Весь обратный путь молчали. Маша пыталась понять, что ей делать теперь. Бабкин от событий прошедшего дня и куска ночи устал так, будто год подряд складывал из камней гигантскую стену, а та неизменно разваливалась, заодно разутюживая Сергея.

Но приняв решение доверять жене, он больше не испытывал сомнений. Это могло показаться странным тому, кто знал Бабкина, поскольку, в отличие от Илюшина, Сергей уважал закон. Макар расследовал преступление из сугубо эгоистических соображений: потому что ему было интересно. Бабкин – ради глобальной идеи: он восстанавливал нарушенную мировую гармонию. При этом один полагал, что работает ради денег, а второй – что он больше ни к чему толком не способен.

Жена, покрывающая убийцу и уносящая улики с места преступления, не вписывалась в сбалансированную картину бабкинского мира. Но, встав перед дилеммой «мировой порядок или Маша Елина», Сергей, едва придя в себя от самого факта такого выбора, послал порядок ко всем чертям. У него была жена, он ее любил и собирался защищать, что бы она ни творила.

– Я могу надеяться, что ты больше не потащишься в этот чертов парк? – устало спросил он, садясь на кровать.

– Прости, пожалуйста! Это было глупо.

– Это было в первую очередь опасно. – Он потер глаза.

Адски клонило в сон. Стоило зажмурить веки, перед ними скользила золотым червяком цепочка, которую нашла Маша. Сергей определенно видел ее где-то прежде. Но он слишком устал, чтобы перебирать варианты.

Завтра. Они обо всем поговорят завтра.

– Что ты будешь с этим делать? – Сергей кивнул на ладонь, в которой Маша сжимала находку.

– Пока не придумала, – откровенно призналась она.

– Только владелице, ради бога, ее не отдавай.

– Я ей обязана, но не настолько.

Бабкин не понял, шутит жена или нет.

– Обещаешь?

– Клянусь!

Будь его воля, Сергей все-таки привязал бы ее к себе, а еще лучше – приковал наручниками. Но близкие, с сожалением подумал он, тем и отличаются от посторонних, что веревку и наручники к ним не применишь.

«Хотя...»

На этом зачатке мысли он выключился из действительности.

Маша была не в силах спать. Совесть, здравый смысл и ответственность вели между собой ожесточенный спор.

Голос ответственности твердил, что она обязана предотвратить следующее преступление. Которое непременно случится, если промолчать о находке.

Совесть возвращала в прошлое, где Маша шла мимо гаражей, а навстречу ей выходил сладко улыбающийся человек в пальто.

Здравый смысл советовал оставить все как есть. «Это не твое дело, – нашептывал он. – Пусть все идет так, словно ты ничего не находила».

«Цепочку подарила бабушка, – сказала Липецкая. – Эта вещь мне очень дорога».

«Шестнадцать ударов ножом!» – напомнил здравый смысл.

«Я покрываю убийцу».

«Но она когда-то спасла тебе жизнь!»

«С тех пор забрав две чужие, если не три».

«Я не хочу, не могу участвовать в ее изобличении!»

«Так ты будешь оправдываться, когда она выследит и убьет Коваль или Савушкину?»

Маша вскочила и схватилась за виски, отозвавшиеся глухой болью. Голова заболела так, словно изнутри по ней били молотком. Бух! Бух! Ухало в затылке и отдавалось почему-то в сердце.

Она тронула мужа за плечо, намереваясь разбудить, но в последний момент передумала. «Это был твой выбор! Не смей втягивать его в сокрытие улики и требовать помощи».

Целую минуту Маша всерьез обдумывала безумную мысль нарушить данное мужу обещание и поговорить с Анной. «Послушай, я все знаю! – мысленно репетировала она. – Если случится еще хоть одно нападение...»

Тут Маша прервалась. Сценариев дальнейшего развития диалога просматривалось несколько: например, Анна могла засмеяться и придушить ее. Или просто придушить, без смеха. Захлопнуть перед ней дверь. Захлопнуть дверь, предварительно сообщив, что Маша дура.

Лишь один вариант выглядел крайне маловероятным: тот, при котором Липецкая, испугавшись разоблачения, клялась больше никого не убивать и раскаивалась в совершенном.

«Детский сад!»

Маша бросила цепочку на кровать, села на пол и стала смотреть, как звенья тускло поблескивают в лунном свете. «Не нужно было мне вообще ходить к этой ели, – запоздало подумала она. – Думаешь, что жаждешь правды, а когда она открывается, выясняется, что эта ноша не по тебе».

«Или все дело в том, что мне их не жалко? Ни Рогозину, ни Лося?»

Не успела Маша испугаться этой мысли, как поняла, что это неправда. И глупую Анжелу она жалела, и Светку. Но не ту девчонку, с которой они вместе учились, а женщину, встреченную в «Тихой заводи».

Прикончи кто-нибудь Рогозину в школе, Маша станцевала бы на ее похоронах триумфальную джигу и проорала ликующую песнь. Радостное облегчение – вот что вызвала бы в ней смерть мучительницы. И больше ничего!

Она дождалась: труп врага наконец-то проплыл мимо. Не сказать, чтобы Маша все это время сидела на берегу в напряженном ожидании. В основном она занималась своими делами, лишь изредка поглядывая на несущиеся вдаль волны.

Ну и пожалуйста: проплыл.

Где торжество? Где песнь? Где джига?

«Но это же совершенно другой труп! Не тот, что был мне нужен!»

Или это совершенно другой человек сидит на берегу?

Пусть Рогозина стравливала их, пусть расковыривала застарелые болячки и тыкала в них острой палочкой – Маша не могла больше так пылко ненавидеть ее. Разучилась!

Получается, не так изменилась Рогозина, как она сама.

«Если долго сидеть на берегу реки, рано или поздно тебе станет безразлично, что по ней плывет, – переформулировала Маша. – И хорошо еще, если всего лишь безразлично! А то завидишь труп врага –

и рванешь саженками по воде, чтобы сделать ему искусственное дыхание».

То же и с Липецкой. Маша помнила ту девочку, с которой училась вместе, – странную, дикую, умную. Болезненно злую и очень сильную. И это ее Маша теперь защищала ото всех, включая мужа.

Но убила Рогозину вовсе не та Аномалия. И не она ударила камнем по голове Анжелу, а потом затащила под ближайшее дерево и бросила умирать. Это сделала женщина, которую Маша при первой встрече даже не узнала: воин в бронзовом шлеме, бесстрастный и жестокий.

Маша вдруг поняла, что нужно делать. Странно, что эта простая мысль не пришла ей в голову сразу! Конечно, она вернет цепочку Анне. Но ведь вовсе не обязательно передавать ее из рук в руки. Так же, как и необязательно предупреждать о том, что ей все известно, глядя убийце в глаза.

Маша вскочила, сунула цепочку в карман и на секунду задержалась возле крепко спящего мужа. А если он снова проснется?

«Но ведь я всего на пару минут!»

Маша представила, как Сергей пытается найти ее, и похолодела. На пару минут или на одну – какая разница. Она не может второй раз за ночь сбежать, оставив его в неведении.

На этот раз ей пришлось хорошенько поразмыслить над текстом записки. Если сказать правду, думала Маша, придется слишком много объяснять. А напишешь лаконично, получится непонятно и от этого... тревожаще.

Меньше всего она хотела, чтобы Сергей тревожился.

И движимая самыми благими побуждениями, желая оградить мужа от бессмысленных переживаний, написала: «Я поднялась к Макару на пять минут, он, кажется, не спит. Сейчас вернусь». Взглянула на часы и добавила время: 02:11.

Из всех ошибок, совершенных Машей, эта была самой серьезной.

Женщина, нанеся своей жертве шестнадцать ударов ножом, швыряла в сумку вещи, яростно матерясь. Лось, эта безмозглая тварь, оказалась куда более живучей, чем можно было ожидать! Знать бы, что она не отдала богу душу сразу – так приложила бы ее и второй раз, и третий.

Теперь же все летит к чертовой матери. В ее планах было выждать и спокойно уехать, не привлекая ничьего внимания. Но дура Анжелка

в реанимации, а не в морге! Учитывая прочность ее черепа, она может прийти в себя когда угодно.

А значит, когда угодно заговорить.

Это только в фильмах вчерашний полумертвец сперва страдает полной амнезией, а затем долго и мучительно выковыривает из своей протухшей памяти обрывки воспоминаний. С Лосихой такое не пройдет. Мозгов у нее с орешек, и сидит этот орешек в самой сердцевине ее черепа, так что до него и не добраться добрым бордюрным камнем. Она все вспомнит, эта дрянь: и кому сладко пела, что денежек нужно не так уж много, только закрыть кредит, и с кем договорилась встретиться в парке, и кто, вместо того чтобы подкинуть денег, аккуратно проломил ей висок.

Кстати, чем не решение проблемы? Кредит на тебе висит, дрянь ты эдакая? Ну так теперь он тебя не будет беспокоить!

Женщина залилась нервным смехом, но голос так жутковато прозвучал, отражаясь от стен, что она зажала себе рот ладонью. Булькающее хихиканье все равно рвалось изнутри. Уж больно забавно Лосиха закатила глаза! И брякнулась эдак картинно, растопырившись, как лягушка.

Кредит у нее, как же. Лживая кретинка.

Но теперь из-за этой твари придется смывать. Может, конечно, все сложится хорошо и Ангела тихо отбросит копыта на реанимационной койке! А если нет?

Значит, опять бежать, опять менять имя, придумывать себе биографию, отсиживаться в вонючей норе... Сука! Так ей все испортить!

Такси приедет в половине третьего. Главное – незаметно выскользнуть из отеля. Она сядет в машину, доберется до Москвы, а там ищи-свищи. Паршиво, что у них всех сняли отпечатки. Если бы она уехала через два дня, как собиралась, прикрываясь внезапно заболевшей сестрой, это не вызвало бы подозрений. А так даже идиот-следователь с водянкой мозга сообразит, что не просто так одна из свидетельниц исчезла посреди ночи из «Тихой заводи».

Но рыбка уже уплыла. Хе-хе. Выбралась на сушу, отрастила лапки и сделала лапкой бай-бай.

Молния на сумке противно вжикнула и заклинила на половине. Копеечное китайское барахло!

– Давай! Закрывайся!

Она яростно дергала молнию туда-сюда. Но распухшая от вещей сумка словно издевалась над ней. Одно к одному!

Инцидент с сумкой заставил ее окончательно потерять самообладание.

Люди, погода, вещи – все ополчилось против нее... Да и вся эта поганая жизнь!

К тому же ее подгонял страх. Она прислушивалась к звукам спящего отеля. Не раздастся ли телефонный звонок? «Вас беспокоят из областной больницы! Одна наша пациентка пришла в себя и...»

А если не звонок, то быстрые шаги за дверью. Требовательный стук. Громкие голоса.

Женщину тряхнула нервная дрожь. Ей уже казалось, что за ней выслали машину. Предупредили охранников! Что снаружи только и ждут, чтобы она высунула нос, и схватят ее с торжествующими воплями.

Эта картина так явственно встала перед глазами, что женщина подкралась к двери и прислушалась. Тишина снаружи показалась ей подозрительной. Очень медленно, очень осторожно она приоткрыла дверь, готовясь в любую секунду захлопнуть.

Но коридор был совершенно пуст. Вокруг царил тишина, нарушаемая только гудением старых труб, когда кто-то из постояльцев спускал воду в унитазе.

Два пятнадцать.

У нее еще десять минут, чтобы успеть забрать фотографии. Глупо было прятать их там. Но она боялась, что комнаты станут обыскивать, а от того, чтобы сразу уничтожить снимки, ее остановила идея, тогда показавшаяся хорошей. Она думала подкинуть их кое-кому... Замести следы, бросить песку в глаза. Пусть менты разбираются, почему в вещах именно этой дамочки найдены пропавшие у других карточки!

Не сложилось. Теперь придется забрать их, иначе наткнется кто-нибудь из персонала. Если это случится и хоть у кого-нибудь хватит мозгов внимательно посмотреть на лица бывших учеников...

Два двадцать. Такси вот-вот подъедет.

Пора!

Женщина бросила сумку на пол возле двери и вышла из комнаты. Три минуты, чтобы забрать фотографии – и она навсегда покинет «Тихую заводь».

Я ближе к смерти, чем была тогда, когда меня убили.

Знаю, звучит странно. Но та смерть была лишь переходом в иное состояние, и оно не страшило меня. Если рыбу обратить в птицу, вряд ли

она испугается.

А сейчас мне приходит конец. Я потратила слишком много сил, чтобы пробудить одного из них, и теперь меня носит над полом, как высохший лист, который вот-вот коснется земли и рассыплется в прах.

После смерти мне показалось, что я избавилась от страха навсегда. Теперь я понимаю, что даже не осознавала по-настоящему, что такое страх.

Однажды муж рассказал мне, как в детстве съезжал с крыши гаража по высокому заледеневшему сугробу. Сугроб был длинный и пологий, настоящая горка, по которой он лихо выкатывался на широкую дорогу и еще некоторое время скользил по ней. И вот, оттолкнувшись от края крыши в очередной раз, мальчик вдруг заметил, как из-за поворота выворачивает «Камаз».

Ужас охватил его. Он катился по горке вниз, тщетно стараясь за что-нибудь ухватиться. Но руки бессильно царапали лед. Он видел побелевшее лицо водителя. Видел, как машину несет к его сугробу. И ничего не мог сделать.

Их траектории действительно пересеклись у основания горки. Но тормоза все-таки сработали: машина приостановилась, и мальчик уперся ногами в переднее колесо. В этот момент он решил, что спасен.

Однако «Камаз» продолжал движение, пусть и очень тихо. Колесо плавно сдвинулось, и мальчик, потеряв опору, снова поехал по льду. Медленно-медленно он съезжал вниз, а «Камаз» так же медленно и неумолимо тащило вперед. И вот тогда мальчик понял, что сейчас его раздавит задними колесами.

До этого я не знал, что такое страх, сказал мне тот выросший мальчик. Я думал, ничего не может быть страшнее того мига, когда я заметил «Камаз», катясь по горке. На самом деле кошмар начался, когда меня очень неспешно и плавно потянуло под него второй раз.

Мальчику удалось спастись. Рядом случился взрослый, который подбежал и выдернул полумертвого от ужаса ребенка из-под гигантской машины.

Я пытаюсь удержаться над полом, который время от времени перекачивается черной волной, и мне кажется, что от заднего колеса «Камаза» меня отделяет несколько сантиметров.

Это расстояние сокращается, когда Маша Елина выходит из своего номера.

Я вижу, что она задумала. Ей кажется, это хорошая мысль – спрятать цепочку там же, где был нож. А вернувшись в Москву, позвонить Липецкой и сказать, что ее семейная реликвия в тайнике, а самой Маше все известно.

«Если что-нибудь случится с кем-то из наших, – проигрывает она в уме будущий разговор, – я пойду напрямиком к следователю».

И еще, конечно, она хочет записать свои показания и оставить в надежном месте с указанием «открыть в случае моей смерти».

Ее план нелеп. Но дело даже не в этом. А в том, что с женщиной, убившей меня, они встретятся в одной точке.

И тогда Машу Елину тоже убьют.

Пол подо мной давно уже горбится не волной, а рифленой шиной «Камаза». Я все ближе к ней. Меня раздавит, когда эту рыжеволосую женщину, так гордящуюся своей выдумкой, встретит та, вторая.

И снова я знаю, как все произойдет. На полке с резиновыми перчатками лежат ножницы, которыми горничные состригают бирки с нового белья. Я вижу, как Елина оборачивается к приоткрывшейся двери, как меняется ее лицо – и как вошедшая без раздумий хватается ножницы с полки.

Маша идет по коридору. Ей остается жить четыре минуты.

Я преграждаю ей путь. Она проходит сквозь меня, ничего не замечая. Я преследую ее, кричу, предупреждая о смертельной опасности. Она услышала бы меня, если б не была так глубоко погружена в раздумья о Липецкой.

«Забудь про нее!» – умоляю я.

«Не ходи туда!»

«Остановись!»

Но повторяется то, что происходило с Анжелой. Маша действительно останавливается, но только возле пожарного крана, чтобы взять ключ от подсобки. Мои силы стремительно тают, однако я раз за разом пытаюсь выбить ключ из ее руки, чтобы она не успела войти в каморку. Если задержать ее на пару минут, та, вторая, не доберется до ножниц, и тогда у Маши Елиной есть шанс.

Но она уверенно проворачивает ключ в замке, щелкает выключателем на стене и сразу идет к подоконнику, не забыв прикрыть за собой дверь, чтобы никто не застал ее врасплох.

У нее полторы минуты жизни, но она не догадывается об этом.

– Где моя футболка?

Саша разворошила одеяла, заглянула под подушку. Илюшин одним

быстрым движением спрятал белую тряпочку за спину.

– Какая футболка? – удивился он. – Ты разве в футболке пришла?

Стриж обернулась к нему, и он с нескрываемым удовольствием уставился на ее грудь. Несколько секунд она смотрела на него, а потом расхохоталась:

– Давай сюда!

– Ты о чем?

Илюшин пытался изобразить непонимание, но Саша неожиданно прыгнула на него как кошка, повалила в подушки и попыталась отобрать футболку. Она оказалась ловкой и сильной, их возня, к взаимному удовольствию, затянулась, и лишь десять минут спустя из подушек снова вынырнули две взлохмаченные головы.

– Воришка! – обвинила Саша, натягивая отобранную в честной борьбе одежду.

Илюшин провел ладонью сверху вниз по ее спине, и женщина закрыла глаза от удовольствия.

– Погладь еще.

Он подчинился.

– У тебя кожа как...

– Нет! – попросила Саша.

– Что – нет?

– Не порть мгновение. – Она смягчила свои слова улыбкой. – Если ты собирался сказать про атлас, шелк или лепесток цветка, то, пожалуйста, не надо. Не люблю затасканных фраз.

– У меня в детстве жила ворона, – задумчиво сообщил Илюшин.

Саша изогнулась и ущипнула его.

– Это за ворону!

– Ты, наверное, никогда не гладила птиц, – возразил Макар. – Птичьи перья удивительно приятные на ощупь. Именно это я и хотел сказать, когда ты перебила меня со своим шелком.

Саша легко коснулась уголка его рта губами.

– Я больше не буду!

«А у нас будет больше?» – хотел спросить Илюшин, но не спросил.

Она была совсем не такая, как утром. Вся ее скованность, зажатость куда-то исчезли. И улыбалась Саша свободно, и даже двигалась иначе.

«Как будто стрижа из клетки выпустили, – подумал он. – Хм! Вот уж действительно затасканное сравнение».

Саша оделась, присела на край постели.

– Когда ты уезжаешь?

Макар взглянул на телефон.

– Через восемь часов.

– А я – через двадцать минут.

Он вопросительно поднял брови.

– Я сделала здесь все, что хотела, – с улыбкой пояснила Стриж. – И не сделала того, чего не хотела. Что оказалось еще важнее.

– Надеюсь, ты сейчас не о том, что Рогозину убила, а меня решила оставить в живых?

Улыбка исчезла с ее лица.

– Не шути так, пожалуйста.

– Да я вовсе не шучу. – Макар выбрался из постели и натянул джинсы. – Ты единственная, у кого не было видимых причин задерживаться в отеле после убийства Рогозиной.

– Видимых!

– Ага, я так и сказал.

Теперь они стояли по разные стороны широкой кровати и смотрели друг на друга.

– А что, были причины?

– Ты затащил меня в постель, чтобы выведать информацию, – скорбно сказала Саша.

Макар с трудом сдержал ухмылку.

– И с удовольствием сделал бы это еще раз. Только надо придумать, какая еще информация мне может от тебя потребоваться. Давай ты отпустишь такси? А потом вместе поразмыслим.

Несколько секунд женщина пристально смотрела на него, словно что-то взвешивая.

– Нет, все-таки мне пора. Как ты справедливо заметил, я и так здесь слишком задержалась.

Макару вспомнились Коваль с Савушкиной, рыщущие по отелю в поисках папок с их запротоколированными грехами и трясущиеся от ужаса, что правда станет известна заинтересованным лицам. Кто-то ведь украл компромат из номера Рогозиной до того, как Иру с Любкой покорно привела туда Мотя Губанова!

– Папки у тебя?

Илюшин бросил эту фразу почти наугад, и он никогда не смог бы объяснить, чем руководствовался. Он понимал только, что Стриженова приняла для себя какое-то важное решение. Именно оно толкнуло ее на то, чтобы прийти к нему посреди ночи, и оно же гонит ее прочь из отеля.

Изумление на ее лице сменилось странным выражением, которое даже

Макар не смог истолковать.

– Ты умный. Впрочем, это было понятно сразу.

– Значит, у тебя!

– Я их сожгла, – сказала Стриж, начиная смеяться.

– Как сожгла?!

– Зажигалкой. В раковине.

Она смеялась уже в полный голос.

– Ты никогда не пробовал жечь фотоснимки на зажигалке? Не советую, ха-ха-ха! Крайне муторное занятие! А все эти свидетельства, имена, адреса ее любовников!

– Саша...

Она махнула рукой и вытерла слезы:

– Со мной все в порядке, не обращай внимания. Теперь все в порядке. «Любовников?»

– Так ты осталась из-за Савушкиной?

– Я встречаюсь с ее мужем, Юрой, – очень спокойно сказала Саша. – Встречалась. Несколько лет. Он ее не бросал, а я хотела, чтобы Юра был со мной. И тут Мотя со своим рассказом, как нашла компромат в номере Рогозиной!

– Ты их опередила! – понял Илюшин. – А они-то ломали головы, кто успел забрать бумаги!

– На каких-то несколько минут, – кивнула Саша. – Я подслушала ее рассказ, когда стояла в лифте, и сразу кинулась к Рогозиной. Ее не было. Я все схватила и бросилась бежать. А потом...

Нет. То, что было потом, его не касалось, этого очаровательного сероглазого парня.

– Так ты не собиралась шантажировать их! – Макар хлопнул себя по лбу. – Я-то был уверен, что... Нет, я все-таки идиот!

– Я хотела показать их мужу Савушкиной. Юрка свято верит, что его жена – невиннейшая дева, поклоняющаяся ему как богу! А его невинное дитя на этих снимках выглядит, как та «Распутная», которую нарисовала Рогозина! Честное слово, будто с нее писали. Только вместо юнцов – раскормленные мужики, а вместо лодки – кровати в дорогих отелях!

Саша перевела дух.

– Прости! Тебя это все вообще не касается, а я...

Но тут она заметила, что Илюшин больше не смотрит на нее. Взгляд его скользнул куда-то вниз и влево, выражение стало отсутствующим.

«Кажется, я его достала».

– Правда, извини, я не хотела тебя этим... В общем, я пойду.

Стриж поколебалась, не поцеловать ли его на прощание, но он по-прежнему стоял с таким лицом, словно кроме него в комнате никого не было, и она решила, что не стоит.

«Взяла и все испортила напоследок!»

Его голос догнал ее возле двери:

– «Распутная», которую нарисовала Рогозина?

Саша обернулась. Макар Илюшин быстро обошел кровать и остановился перед ней. Всю его отстраненность как рукой сняло.

– Что? – Саша даже растерялась от требовательности его тона. – Ну... Э-э-э... Да. Картина.

– Которую нарисовала Рогозина?

– Если тебе больше нравится слово «написала», то...

– Там женщина, – отрывисто перебил Макар. – В лодке? Голая, грудастая?

Саше внезапно стало не по себе от его тона.

– Ну да, я же сказала... А что?

Он кинулся к компьютеру, едва не опрокинув стул.

– Маша ведь упоминала об этом... – бормотал он, стремительно вбивая что-то в строку поисковика. – Как я мог пропустить мимо ушей! Ну конечно, картины!

– Там еще был тигр, – растерянно сказала ему в спину Саша. В кармане джинсов завибрировал телефон. Значит, такси уже подъехало, ей пора выходить.

Но она почему-то не могла уйти.

– Тигр, тигр, светло горящий, – пробормотал Илюшин. Взъерошенный, с блестящими глазами, он стал похож на полоумного. – Где этот чувак, где, где?!

– Макар, кого ты ищешь?

– Тигр, тетка, бабы мертвые... Камыши! Были еще камыши!

– Какие камыши?! О чем ты?

Он обернулся:

– Иди сюда. Ну, скорее же!

Поражаясь самой себе, Саша подчинилась.

– Эта картина? – он ткнул пальцем в экран.

Она наклонилась. Ломаные линии, избыток черного и красного, много экспрессии и нарочитого примитивизма, за которым, без сомнения, скрывалось большое мастерство.

– Да! Именно она!

Макар развернул во весь экран другое окно.

– А эта? Тоже рогозинская?

Тигр на ветке, хвост как змея, глаза как арбузные семечки.

– Ее, – уверенно подтвердила Саша.

И вдруг заметила подпись.

– Подожди-ка, Макар...

– И эта тоже, верно? – с нехорошей интонацией осведомился Илюшин, открыв третью картину.

Саша озадаченно молчала. Да, перед ней был именно тот сюжет, который вызвал столько споров в блоге Светки: мертвая женщина в листьях на берегу озера.

Вот только почему все картины подписаны другим именем? Почему целая галерея открывается в верхней части экрана?

– Макар, я не понимаю!

Он с силой захлопнул крышку ноутбука.

– Это известный художник из Камбоджи, Викрам Бадеш! У него индийские корни, он очень популярен в Европе и Америке, но у нас его почти никто не знает.

– Хочешь сказать, Рогозина присвоила себе авторство? – сообразила Саша.

– Да! А я идиот, потому что не догадался сразу по описанию! Я же видел картины Бадеша. У одного из моих клиентов висит копия с «Распутной», это самое известное его полотно. Продано на аукционе за бешеные деньги.

Саша села на кровать.

– То есть нас, невежд, обманули с картинами, – резюмировала она.

– С картинами? Если бы только с картинами!

Он рванул на себя ящик стола, вытащил его целиком и вывалил содержимое на кровать. Саша, оторопев, смотрела, как разлетаются листы бумаги, изрисованные мультяшными человечками. Какие-то стрелки, записи... И вдруг она поняла.

– Это что – схемы?

Макар зарылся в записи, отбрасывая лишние прямо на пол.

– Что-то вроде того. Где оно, где? Черт, мне нужен Серегин блокнот!

Но тут взгляд его наткнулся на нужную зарисовку.

– Вот! – Илюшин выдернул скомканный обрывок. – Смотри!

– Это же Шверник!

В наспех набросанной фигуре с пышной гривой и выпученными глазами действительно узнавалась Белла.

– Да, но дело не в ней. Помнишь, что она рассказывала?

– Она так много говорит обычно... – смутилась Саша. – Не помню.

– Да, тебя ведь с нами не было! Она призналась, что в Италии отправилась в гости к Рогозиной. Хотела сделать ей сюрприз, однако сюрприза не получилось. Света не открыла ей и не пустила на свою виллу! Шверник страшно переживала из-за этого и всячески старалась скрыть сей постыдный факт. Видишь?

Макар словно в подтверждение своих слов показал на схематичное изображение огромного дома с колоннами.

– Картины, которые рисовала не Рогозина. Вилла, в которую бывшую одноклассницу не пустили, как постороннюю побирушку. Фотографии живописнейших мест, ни на одной из которых нет самой Светланы – ни на одной за много лет!

Сотовый возмущенно затрясся в Сашином кармане. Она вытащила его и машинально отбила звонок. Перед ней открывалась картина такой грандиозной мистификации, что она и думать забыла о такси.

– Ты хочешь сказать...

– ...что нет никакой Рогозиной-Крезье!

Саша выронила многострадальный телефон. Хлоп! – тот ударился об пол и разлетелся на куски.

Стриженова с Илюшиным уставились друга на друга.

– А кого же тогда убили? – шепотом спросила она.

Не меньше минуты Маша пыхтела над цепочкой, запихивая ее в щель так, чтобы та гарантированно не вывалилась. Ей вовсе не хотелось, чтобы семейную реликвию Аномалии присвоила себе горничная, обрадовавшаяся неожиданной находке.

Получилось не сразу. Во-первых, цепочка выскользывала из рук, словно ее кто-то настойчиво выдергивал раз за разом. Во-вторых, из щели несло сквозняком, который неприятно охлаждал пальцы.

Ладно бы дуло из окна, думала Маша. Из оконных щелей – тоже понятно! Но здесь-то стена, да к тому же толстая. Откуда сквозняк?

Наконец ей удалось справиться с непослушной цепочкой. Маша вытерла пот со лба и выдохнула. Все, первая и самая маленькая часть замысла выполнена. Осталось самое сложное и тягостное.

«Ты уверена, что хочешь покрывать убийцу?»

«Я не хочу. У меня просто нет выбора».

В конце концов, подумала Маша, я не обязана делать за следователя его работу. Если он сам придет к выводу, что убийца – Липецкая, тем хуже для нее.

Она представила себя перед Викентьевым, брюзгливо оттопырившим нижнюю губу. «Как вы объясните, Елина, что скрыли от следствия важную улику?»

Какую еще важную улику, холодно осведомилась Маша у воображаемого Палсергеича. Цепочку на елке мог забыть кто угодно и когда угодно.

«Это доказательство причастности Анны Липецкой!»

Не глупите, Палсергеич, высокомерно усмехнулась Маша. Цепочку у нее могли украсть и подбросить. Или – еще вернее! – украшение могло болтаться на этой ели с самого утра, если Липецкая отправилась на прогулку и потеряла его. Где, товарищ Викентьев, вы усматриваете связь между цепочкой и убийством? Это же не нож с отпечатками пальцев!

Внезапно Машин победный диалог с бледнеющим Викентьевым засбоил на полуслове. Аргументы, которые Маша приводила в качестве оправдания, обрели пугающую правдоподобность.

Действительно, с чего она взяла, что Липецкая потеряла цепочку, когда затаскивала тело под ель?

Уверенность Маши в том, что имя убийцы ей известно, резко пошатнулась. К тому же она вдруг ощутила непреодолимое желание как можно скорее уйти из подсобки. Свет ламп накаливания показался безжизненным и вымораживающим все вокруг.

Жутковатая фантастическая картина проникла в ее сознание. Ей представилось, что нет никакого отеля. Есть лишь крохотная комнатка, погружающаяся, как батискаф, в бездонную Марианскую впадину ночи. И она внутри – маленький глупый исследователь, не знающий, на что себя обрек. Плоская фигурка, добровольный узник камеры, из которой нет выхода.

Маша прижала руку к заколотившемуся сердцу. Во рту пересохло.

Все отдалилось на бесконечное расстояние: спящий Сергей, Макар, Мотя Губанова, красавица Стриж, парк, фонтан перед отелем... Ее уносила вниз гробница, три метра на полтора, проваливалась в бесконечность, где нет ни жизни, ни света.

Маша, задыхаясь, обернулась к окну. Звезды!

Они сияли за окном. Но Маша, холодея, поняла, что видит светящийся планктон в морской толще.

Батискаф падает, падает, падает. Километры воды над ним

поднимаются, как гора. Еще чуть-чуть – и ее раздавит.

Часть сознания отстраненно фиксировала происходящее, часть скорчилась от ужаса, умоляя о спасении.

«У меня приступ паники!»

«Спасайся!»

«Спокойно! Дыши! Ровно дыши! Это клаустрофобия, сейчас пройдет».

«Я умру, умру!»

«Надо выйти отсюда, сейчас же».

«Мне некуда бежать!»

Сердце отбивало в груди такую чечетку, что у Маши затряслись руки.
«Господи, что происходит?!»

«Выбей окно! Выбей окно! ВЫБЕЙ ОКНО!»

Она уже не могла разобрать, чей это голос.

Дверь, коротко скрипнув, отворилась. На пороге выросла знакомая фигура.

Едва это случилось, едва открылся тусклый коридор с ободранным плитусом, а в подсобке повеяло запахом свеженачищенной обуви, Машин панический приступ как рукой сняло. Осталась только слабость и чувство тошноты, будто ее укачало в автобусе.

Горничная застыла на пороге, явно озадаченная открывшейся картиной: Маша в пижаме, сидящая на полу каморки.

– Здравствуйте. Мне тут стало не очень хорошо... Я сейчас...

Маша вцепилась в подоконник, собираясь подняться. К ее удивлению, женщина не двинулась с места, чтобы ей помочь. И вообще никак не отреагировала на происходящее. Она выглядела какой-то окоченевшей, заторможенной, и поэтому Маша взглянула на нее еще раз, пристальнее, за несколько секунд до того, как выпрямилась во весь рост.

Получилось, что она смотрит снизу вверх. И вдруг ракурс и свет сотворили поразительное превращение. Словно кто-то прошелся ластиком по заляпанному рисунку, стирая грязь, нанесенную временем, и в одутловатом испитом лице проявились черты другого, прекрасно знакомого Маше.

Маша покачнулась – на этот раз не от слабости, а от изумления.

– Ты? – недоверчиво прошептала она, вглядываясь в горничную. – Ты?! Не может быть!

Женщина, до этого смотревшая исподлобья, вскинула голову. Зеленые, как трава, глаза вспыхнули на свету.

– Привет, Куклачев! – почти весело сказала Света Рогозина.

Поздно.

Я больше ничего не успеваю сделать.

Они стоят друг напротив друга, и на лице Маши Елиной изумление сменяется пониманием. Наконец-то она прозрела!

Но это прозрение ее убьет.

Нет, ее убьет эта женщина, кажущаяся неузнаваемой, а на самом деле изменившаяся за прошедшие годы меньше, чем любая из них. Она всегда умела собраться в минуту опасности, выставить вперед все лучшее, что в ней есть, подобно клинку.

Но сейчас ее лучшее – это готовность на все. В ней нет ни доброты, ни жалости. А страх разоблачения сделал ее очень, очень сильной.

Невозможная ядовитая смесь из ужаса и упоения властью переполняет ее. Она убила меня – и осталась безнаказанной. Расправилась с Лосиной – и никто ее не заподозрил. В эту секунду ей, ослепленной страхом и торжеством, кажется, что она умнее всех, хитрее всех, что она всегда будет на шаг впереди! Осталось лишь убрать последнее, внезапно возникшее препятствие – и она свободна, свободна!

Минутная стрелка на часах, отсчитывающих жизнь Маши Елиной, двинулась по последнему кругу.

– Кричи! – умоляю я ее. – Зови на помощь! Ты не справишься с ней одна!

Маша Елина выпрямляется и делает шаг вперед. Маленькая испуганная девочка с рыжей шевелюрой, вдруг переставшая бояться своего врага. Стойкий оловянный солдатик, до последнего защищающий то, что для него ценно.

– Так это ты! – говорит она, и голос ее дрожит, но не от страха. – Ты убила ее!

Рогозина принужденно ухмыляется. Маша не замечает, как ее рука нащупывает ножницы на полке.

– Бредишь, Куклачев? Лосина жива-живехонька!

Один раз, думает она, один раз попасть в горло. И нащупывает, выискивает взглядом то место на этой тонкой шее, куда нужно воткнуть лезвие. Слева, в сонную артерию, определяет она.

Удар ее будет точен.

Меня разрывает от жалости и горя. Я вижу ее третью жертву не взрослой женщиной, а рыжей девчонкой с серыми глазами,

улыбающейся мне над партой, когда я тянусь за упавшим куском мела.

Сергей Бабкин отрывает голову от подушки, оглядывается – и сон слетает с него. Он вскакивает, кидается в ванную комнату, уже заранее зная, что жены там нет.

Все это происходит одновременно. Все всегда происходит одновременно.

Я пишу уравнение на доске, оборачиваюсь – и ловлю восторженный взгляд с первой парты.

Сергей Бабкин сжимает в кулаке Машину записку.

Я вижу, как пальцы Рогозиной обхватывают ножницы, как рыжая девочка протягивает мне мел и как Сергей, вместо того чтобы мчаться сюда, бежит в другой номер, где его друг только что понял свою ошибку.

– Маша у тебя?

Бабкин видит силуэт за спиной друга и на него накатывает облегчение. Ровно на одну секунду – пока он не осознает, что это не его жена.

– Она была здесь? Была?

Он трясет Макара за плечи, он кричит на него, как будто тот виноват, что Маша пропала.

– Нет! Серега, она не звонила и не заходила!

– О, твою мать!..

– Что?

– Быстро, быстро!

Топот ног, отчаянная брань, за которой скрывают страх. Им не успеть. Ни тот, ни другой не знают, где Маша. Ее муж ведет их в другую сторону и прибежит сюда на крик, когда будет уже поздно.

– При чем здесь Лосина! – Маша делает еще шаг навстречу Рогозиной – навстречу ножницам, втыкающимся в ее горло. – Я не про Анжелу!

– Отвали от меня!

– Ты убила Юльку Зинчук!

Ухмылка Рогозиной похожа на оскал. Наконец-то она может сказать это вслух:

– Зинчук сама напросилась!

В ее выкрике такой заряд неистовой злобы, что Маша останавливается. Света больше не притворяется, что ей весело.

– Сама напросилась! – повторяет она с мрачным удовлетворением. – Думаешь, я стала бы смотреть, как она расхаживает здесь, изображая меня? Мыть за вами дерьмо, драить раковины – и молчать? Ты правда так думаешь?

На какой-то момент она снова всеильна. Из оплывшей тетки проглядывает юная девчонка, свободная от любой власти, кроме власти своих желаний. Глаза ее горят, она вновь здесь самая главная. Кто ты такая, Маша Елина? Слабачка, трусиха! Но лучше уж такой зритель, чем никакого.

– Эта дура до последнего не понимала, что ее ждет. – Rogozina осуждающе качает головой. – Даже не сообразила, что у меня есть ключи от всех номеров!

– Тебя поймают, – убежденно говорит Маша. – Зря ты это сделала, Света.

И тут Rogozinu прорывает окончательно.

– Заткнись! Дура! Она собиралась всем про меня рассказать! Выставить меня перед вами, уродинами, как зверя в клетке! А вы бы ржали и тыкали пальцами! Думаешь, я этого хотела? Думаешь, мне было весело?!

На Машу льется поток непристойной брани, под которым она должна съежиться и замереть. Вместо этого Елина смотрит прямо на Rogozinu, и губы ее вздрагивают.

Я смотрю ее глазами и вижу то, что видит она: большой чистый класс с портретами классиков на стенах, декабрист в горшке на подоконнике, выпустивший вверх зеленую стрелу с огненным цветком.

«Почему я никогда не смеюсь на твоих выступлениях, Куклачев?»

– У тебя просто нет чувства юмора! – улыбается она в лицо Rogozinou.

И вот этого Светка выдержать не в силах. Ярость, ненависть, проклятия – все переварит она, кроме насмешки.

Ножницы взлетают в воздух.

В эту последнюю секунду я вдруг понимаю, что нужно сделать, и даже не успеваю испугаться принятого решения. Вниз, вниз – со всего размаха!

Мое падение коротко и страшно. Как приближение огромного колеса «Камаза» к распластавшемуся на льду мальчишке. Как прыжок с моста, под которым текут пестрые пятнышки машин. Я швыряю себя – то, что от меня осталось, – между Машей Елиной и замахнувшейся на нее Rogozinou.

Черная бездна всасывает меня. На миг я ощущаю запах резины, невыносимую тяжесть давящего колеса, а потом все исчезает перед ослепительной вспышкой.

Когда она гаснет, меня словно отбрасывает назад во времени: я снова в крохотной комнате, над двумя женщинами, одна из которых наступает на вторую.

Но теперь кое-что изменилось. И это кое-что – я сама.

Я не понимаю, как мне это удалось. Все, чего я хотела, – задержать Рогозину хоть на мгновение, чтобы Маша успела разбить окно. Я думала, когда душа погибает по своей воле, это отражается на мире живых; меня питала надежда, что я смогу что-то изменить своей смертью.

Но души бессмертны, и, отказавшись от всего, я получила то, чего не ожидала.

Я больше не сухой бессильный лист, что вот-вот искрошится в труху. С меня срываются невидимые искры, я сияю, как бенгальская свеча. Срок ее жизни очень короток, но мне и не нужно много времени.

Мой смех не слышен никому. Ну же, хрупкие детали мироздания, оказавшиеся в моей власти, устроим напоследок такой фейерверк, чтобы он хорошенько запомнился!

Удар! Слышен треск. Рогозина замирает, не понимая, что это, и поднимает взгляд к потолку. Еще удар – и верхняя полка с грохотом рушится, банки с химикатами лопаются, взлетают цветные брызги. Я бью, крушу, ломаю предметы, оказавшиеся рядом. С визгом проворачивается оконная ручка: Рогозина видит это и цепенеет. Потому что нет таких ручек, чтобы сами проворачивались на триста шестьдесят градусов, как стрелка часов!

Обе женщины с криком шарахаются в разные стороны. Маша кидается к окну, Рогозина упирается спиной в дверь.

Кажется, сила моя такова, что, вздумай я разнести стену, мне бы это удалось. Но я не хочу проверять. Мне нужно продержаться еще минуту – до тех пор, пока не примчится помощь. И я сбиваю вторую полку.

Адская какофония взрывает тишину: грохочут ведра, отбивают барабанную дробь летящие друг за другом бутылки с чистящим средством, смачно хлюпают туго набитые пакеты с порошком. Весь пол усыпан им, как сахаром с вкраплениями цветных крупинок. Я устраиваю вихрь, швыряю вверх полные пригоршни. Но мне этого мало.

– Отойди! – кричу я Маше Елиной. Меня несет собственная мощь. Я как разбушевавшаяся стихия, устроившая катаклизм в одной отдельно взятой подсобке.

Рыжая женщина прижимается к подоконнику. Не знаю, поняла ли она меня, но теперь это и не имеет значения: на третьем этаже, услышав шум, двое мужчин замирают, переглядываются и, не сговариваясь, бегут обратно. Тонконогая женщина с мальчишеской стрижкой едва успевает за ними.

Швабры, щетки, тряпки, тазы – весь арсенал уборщиц подключается к нашему безумному оркестру. Я дирижирую шваброй! Рогозина пытается подобрать выпавшие ножницы – и тогда с угрожающим ревом включается

реликтовый пылесос, давно считавшийся окаменевшим в дальнем углу.

– А-а-а-а! – кричит Светка.

Но даже ее визг не может заглушить моей свирепой бешеной музыки. «Полет валькирий» – детская колыбельная по сравнению с тем, что я творю, сполна растрачивая подаренную мне силу.

Ее осталось совсем чуть-чуть. Я заканчиваюсь, истаиваю, но мне так спокойно и хорошо, как не было уже много-много лет. Кто-то рвет снаружи дверь на себя – Сергей или его друг, это уже не важно.

Все, что я должна была совершить, я сделала. Веселая рыжая девочка выросла, родила мальчика и вышла замуж, она обожает мужа и сына, и она не умерла сегодня – благодаря мне.

Жаль только, что мы не встретились взрослыми – я хочу сказать, в своем подлинном обличье. Мы бы понравились друг другу.

У догорающей бенгальской свечи осталась одна искра. Последним усилием я поворачиваю задвижку на двери, которую Рогозина заперла, – и двое мужчин вваливаются в комнату.

Все. Дальнейшее мне уже не увидеть. Моя история на этом заканчивается.

Ну, что это будет? Снова колесо, размазывающее по обжигающему льду? Черная мазутная бездна?

Я готовлюсь к падению, но вместо этого меня вдруг подхватывает теплая ладонь ветра и несет вверх, через окно, над лесом, над «Тихой заводью», среди рассыпающейся искрами звезд ночи, все выше и выше, пока передо мной не вспыхивает голубым небесная река – самое прекрасное, что я когда-либо видела в смерти и в жизни.

Глава 19

1

Снег в Москве сошел за один день: исчез бесследно, не оставив после себя даже луж. По телевизору с робкой надеждой заговорили о ранней весне, но синоптики поклялись, что до настоящего тепла еще далеко.

Маша прижала нос к стеклу. На кусте возле дома проклюнулась, бросая вызов природе и синоптикам, острая зеленая почка. Даже птицы оторопели от такой дерзости и держались подальше, ожидая справедливой кары. Почка, однако, упрямо и даже несколько вызывающе торчала, явно собираясь вскоре выбросить зеленый флаг победы.

В прихожей Бабкин уронил зонт и тихо ругнулся.

– Человек создает себе в интернете целую жизнь, – сказал Макар. – Подробную биографию с мужьями, путешествиями, талантами, деньгами... И все это – фикция. Выдумка! Гигантский мыльный пузырь! На повестке дня стоит вопрос, почему все в это поверили.

– Предпосылки у нее были к такой биографии, – ответил Бабкин, путаясь в рукавах куртки. – Цепкая, наглая, красивая деваха. Почему бы ей не выйти замуж за миллионера пару-тройку раз? Маш, мы готовы.

Они втроем вышли из подъезда. Маша стащила шапку и с удовольствием подставила лоб ветру.

– Вы о фотографиях забыли, – сказала она.

– В каком смысле?

– Они придавали достоверность всему, о чем писала Рогозина. Макар, ты узнал, откуда она их брала?

– Свадебный снимок – фотошоп, – Илюшин ловко проскользнул между припаркованной на тротуаре машиной и мусорным баком. – А все остальные принадлежат другим людям. Рогозина воровала их из чужих блогов и выдавала за свои. В интернете искала информацию о тех местах, которые описывала, чтобы не попасть впросак.

– Полноценная жизнь в Сети... – пробормотал Бабкин. Он попытался протиснуться за Макаром, понял, что застрянет, и обошел машину с другой стороны. – Слушайте, зачем мы пешком потащились?

– Гуляй-гуляй, тебе полезно!

Они свернули на дорожку, ведущую в парк.

– Вилла, на которой она якобы жила, действительно находится в Италии, – говорил Илюшин Маше. – Разумеется, там живут совсем другие люди. Ее первый муж – сборная солянка из нескольких человек: богача, красавца, спортсмена, призера гонок. Второй – полная выдумка. Рогозина со временем стала осторожнее и описывала его без привязок к конкретным фактам.

– И никто ничего не заподозрил за столько лет! Я ощущаю себя наивной курицей.

– Ты не курица! – пробасил Сергей, догоняя их.

– И не наивная, – утешил Макар. – У Рогозиной был огромный кредит доверия, и она распорядилась им с умом. Единственный ее серьезный прокол вышел с картинками. Ей стало остро не хватать восторгов, и она выдала живопись современного азиатского художника за свою.

– ...проявив при этом неплохой вкус.

– А по мне, так все равно мазня мазней!

Стайка детей на асфальте рисовала мелом. Маша осторожно перепрыгнула через картинки, Сергей обошел по бордюру. Илюшин наклонился и на ходу дорисовал котенку хвост ершиком.

– Талант! – оценил Бабкин. – А почему Рогозина удалила картины?

– Видимо, очень быстро осознала, что вступила на тонкий лед. Если бы кто-то из ее читателей включил поиск в Гугле по изображению, обман раскрыли бы за минуту.

Они вошли в парк.

– Все равно кое-что непонятно, – признался Бабкин, уворачиваясь от подростка на самокате.

– Что?

– Как из той девицы, которую описывала Маша, получилась работница сферы обслуживания?

– И это еще вершина ее карьеры, – усмехнулся Илюшин. – Лет пять она вообще мыкалась без работы, перебивалась случайными заработками вроде кассирши в «Ашане».

– Но почему, черт возьми? Такой трамплин для прыжка – а в итоге гнилое болото!

– Именно потому, что трамплин! – убежденно сказала Маша. – Рогозина так твердо верила, что ей все дастся просто так, лишь по факту очень сильного хотения, что как только на пути появилось первое серьезное препятствие, она спасовала. Ее отца, как выяснилось, посадили. Вскрылись злоупотребления, взятки...

– ...чьи-то отжатые бизнесы, – дополнил Макар.

– Ну, это как водится, – фыркнул Бабкин. – То есть девочка осталась без прикрытия?

– Девочку за заваленную сессию и прогулы выгнали из института – это раз. Мать ее очень быстро распродала все имущество – два. А работать и учиться Света не умела и не желала. – Маша помахала ладонью с тремя загнутыми пальцами. – Она и в школе-то не блистала, но там с ее подвешенным языком и хорошей памятью можно было вообще ничего не делать. В институте этот фокус не прошел. Ее отчислили.

– А через несколько лет...

– ...она завела блог. На самом деле они с матерью и младшим братом перебрались к дальним родственникам в Тверь. Представляешь, что чувствовала честолюбивая амбициозная девочка, которая обещала всем, что будет жить в Италии, а вместо этого оказалась в провинциальной дыре?

– Тверь – хороший город! – заступился Макар.

– Для меня и для тебя – да. Но не для Светы Рогозиной, рожденной, чтобы блистать. По ее собственному убеждению, конечно.

Маша представила, как, сидя в тесной квартире, хмурая девушка строчит посты об отъезде в Италию, о встрече с красавцем, роскошной свадьбе... За окном панельные хрущобы и двор в рытвинах, в соседней комнате скандалят и пьют, пьют и скандалят. А у Светы три тысячи подписчиков восхищаются ее великолепной жизнью и завидуют, завидуют, завидуют...

– Ей было ради чего поддерживать эту иллюзию, – задумчиво сказала она.

Они вышли на берег небольшого озера. Раскормленные утки дрейфовали у камышей, над ивами на другой стороне воздух зеленел и сгущался.

– Зато у Зинчук никаких фальшивых биографий! – Макар бросил в воду камешек. – Вот кто твердо шел к намеченной цели!

– Так и не выяснили, чем она занималась?

– Не-а. Похоже, успела поработать в Австрии, Швеции и Нидерландах, пару раз выйти замуж и развестись. Ясно только одно: к тридцати пяти годам она стала состоятельной женщиной.

– Настолько, что могла от души поразвлечься! – Бабкин запустил целую пригоршню камешков.

– Не уверен, что это было развлечение!

– Я тоже, – кивнула Маша.

Вернее, она была уверена в обратном. Юля Зинчук проделала колоссальную работу. Изменила внешность, досконально выяснила

подготовленную каждой из бывших одноклассниц, подготовила плацдарм. И наконец, взяла новое имя и фамилию.

Светлана Рогозина-Крезье вышла на сцену.

Золотые волосы, зеленые глаза. Ореол богатства и благополучия. На изменившийся голос уже никто не обращал внимания. «Ни у кого из нас не было оснований усомниться в том, что перед нами Рогозина! Мы и не усомнились».

– За последнюю неделю я уже несколько раз признавал, что был идиотом, – сокрушенно сказал Макар. – Но не помешает лишний раз повторить. Я идиот! Меня хватило только на половину пути: я понял, что Зинчук приехала на встречу, но не понял, что именно она-то ее и устроила!

Сергей похлопал друга по плечу:

– Хорош самоедствовать! Даже Маша ничего не поняла, а ведь она Рогозину-Зинчук видела, как меня сейчас.

– Ничего подобного!

Бабкин озадаченно уставился на жену.

– Что?

– Я поняла, только не до конца! Мне все время казалось, что мы имеем дело не с Рогозиной. Не с настоящей Светкой. Внешность та же, а энергетика другая!

– Энергетика?

– Не смейся. В этой не было ни напористости, ни злости, ни деспотизма. Если хочешь, мы имели дело не с танком, а с арбалетом. Их невозможно спутать! И первое ни при каких условиях не превратится во второе. Танк может сломаться, стать грудой ржавого металла. Но стрелу из него по-прежнему не выпустишь. Саша Стриж тоже заметила это. Все заметили, но списали на благотворное влияние минувших лет.

Бабкин сел на корточки, пошлепал ладонью по воде.

– Но зачем, Маш? Зачем ей все это понадобилось? Чертовски дорогостоящий же вышел спектакль!

Маша осторожно опустилась рядом на поваленное дерево.

– Ты можешь представить себя чувствительной умной девочкой, влюбленной в самого красивого мальчика класса?

– Я даже умным представить себя не могу, – пробормотал Бабкин, – не говоря уже обо всем остальном.

Илюшин рассмеялся.

– Тогда вообрази, что над тобой жестоко поиздевались и обидчик остался безнаказанным, – предложила Маша. – Проходят годы, но ты

ничего не забыл. Тебе иногда снится, как тебя валят на пол, затыкают рот тряпкой и состригают твои волосы, а потом отпускают, как ощипанную курицу, и хохочут вслед.

Бабкин нервно провел рукой по бритому затылку.

– В твоём изложении это выглядит отвратительно.

– Это и было отвратительно! А теперь представь: прошло много лет. Ты не граф Монте-Кристо, но твои возможности не сравнятся с прежними. И вдруг ты узнаешь, что человек, глумившийся над тобой, на самом деле вовсе не тот, за кого себя выдает! Он лжец и мифотворец. Годами он поддерживает легенду, питая ее все новыми поворотами биографии, а сам моет полы и чистит унитазы в недорогих гостиницах! Скажи – неужели у тебя не шевельнулась бы мысль разоблачить этого засранца?

– Не просто шевельнулась, а лягнулась бы.

– А теперь подойди к этому с выдумкой. С размахом! Сними половину отеля, где работает твой враг, собери зрителей и приготовься показать им, в какую жабу превратилась бывшая принцесса.

– Устроить драматическое шоу? – пробормотал Бабкин.

– Вот именно! Сначала расположи нас к себе. Потом заставь вспомнить все школьные переживания и обиды. Дергай за ниточки, сдирай болячки, заставляй ныть старые шрамы.

– А болячки-то зачем сдирать?

– Чтобы все хорошенько освежили в памяти, каково нам приходилось! Тебя не устраивает, чтобы кто-нибудь забыл об издевательствах Рогозиной или махнул рукой. Нет! Тебе требуется ярость, боль, свежая кровь, текущая из ран! И ты брызгаешь живой водой на застарелую ненависть.

Маша перевела дух и сказала уже спокойнее:

– Раны действительно закровоточили. У всех, включая меня. Тогда-то вскипевших зрителей и поджидала эффектная развязка! Представь: ты снимаешь маску и выводишь на сцену упирающуюся Рогозину. Финита ля комедия! Зрители не верят своим глазам. Справедливость торжествует, зло наказано.

Бабкин усмехнулся:

– Однако в нашем варианте Дантес убил графа Монте-Кристо.

– Дантес убил Пушкина, серость!

Бабкин сделал быстрый выпад, но Илюшин так же проворно отскочил.

– Толпа ахает и изумляется! – сказал он, стоя на безопасном расстоянии от Сергея. – А потом все обнимают свеженайденную Зинчук и забрасывают Рогозину комьями грязи. На объятия отводится еще два дня. Это ведь Зинчук на самом деле продлила всем проживание в «Тихой

заводи»?

– Я думаю, именно так она себе это все и представляла, – серьезно ответила Маша. – Но Юлька недооценила, насколько страшный удар готовится нанести Рогозиной. По сути, она хотела разрушить всю ее жизнь.

– Никогда не протыкайте иглой чужие мыльные пузыри, – задумчиво сказал Илюшин. – Вы не знаете, какой из них окажется слишком дорог тому, кто его выпустил.

Бабкин потер лоб.

– М-да... А папки ей зачем понадобились?

– Так ведь к Коваль и Савушкиной у Юльки тоже был счет, и немаленький.

– И к Лосиной.

– Кстати, мне Мотя утром звонила, – вспомнила Маша. – Анжела пришла в себя.

– Что-нибудь рассказала?

– Как Макар и предполагал: она узнала в горничной Светку и решила шантажировать ее.

– Нашла, с кого тянуть деньги!

Маша пожала плечами.

– Видимо, решила, что Рогозина – женская разновидность подпольного миллионера Корейко. Светка и ее пыталась убить, но наша Анжела – крепкий орешек.

– Не целиком. Только голова.

– Я рада, что с ней все нормально. Она, конечно, мерзкая, но смерти ей никто не желал.

К берегу подплыли утки и стали с интересом поглядывать на Бабкина, по-прежнему бросавшего камешки в воду.

– Сейчас они тебя сожрут, – предупредил Илюшин.

Сергей отмахнулся.

– Слушайте, а насчет ключа Рогозина, получается, соврала?

– Какого ключа?

– От подсобки.

Маша нахмурилась, вспоминая.

– А! Про который она сказала, что он хранится на пожарном кране? Соврала, конечно. Два ключа, главный и запасной, все время были у Светки. Но она сообразила: стоит ей сказать, что кроме нее в подсобку никто не заходит, и ее положение становится шатким. Ведь это ее я заметила, когда вышла из такси. А если ключ в общем доступе, значит, воспользоваться им может кто угодно. Рогозиной всего-то и надо было,

что соврать и сразу же положить его на пожарный кран.

– Быстро она соображает, – неодобрительно буркнул Сергей.

– Она додумалась и фотографии спереть, – напомнил Макар. – Испугалась, что кто-нибудь может сравнить старый снимок и новую горничную.

– Мы должны были ее сразу заподозрить! – Сергей раздраженно швырнул в воду тяжелую пригоршню камней. – У кого доступ во все номера? У горничной!

– Спокойно, Серега! Во-первых, уборщица – это практически садовник: на нее никто никогда не смотрит. Во-вторых, картину нам подпортили Коваль с Савушкиной, которым тоже позарез нужно было обыскать все номера и они предпринимали для этого массу бесполезных усилий.

Бабкин запустил вторую горсть. Половина брошенного им заряда попала по уткам.

– Так их, дробью! – одобрил Илюшин. – Будет у нас утятина!

Но птицы с возмущенным кряканьем уже расплывались в разные стороны.

– С Липецкой глупо вышло, – виновато сказала Маша.

Сергей наградил ее суровым взглядом.

– Не то слово! Это все потому, что некоторые проявляли непрошеную инициативу.

Маша вздохнула. Увесистый булыжник летел в ее огород, и это было справедливо.

– Кто же знал, что Рогозина стащит цепочку и подбросит на место преступления, – заступился за нее Илюшин.

– Можно было предположить!

– Я и предположила!

– На десять минут позже, чем надо!

Маша пристыженно молчала. Возразить ей было нечего, муж был со всех сторон прав.

– Мы должны свечку поставить тому козлу, который всучил отелю бракованный стеллаж! – горячился Сергей. – Если б не результат его криворукой деятельности...

Он махнул рукой.

Им с Илюшиным вдвоем еле удалось скрутить полоумную бабу. И хорошо еще, что Макар заорал «вали ее», едва они ворвались в подсобку. Потому что сам Бабкин был настолько ошеломлен увиденным, что встал столбом, не зная, куда смотреть и что делать.

Тесное помещение выглядело так, словно по нему прошелся локальный смерч. Под ногами хрустел порошок, в центре громоздились завалы из коробок и бутылей, а в углу страшно выл, вращая хоботом, пылесос марки «Тайфун». Единственный нетронутый вихрем участок был возле окна – там, где по случайному совпадению и оказалась Маша.

В углу за дверью жалась горничная, почему-то с ножницами в руках. Никаких дурных мыслей на ее счет у Бабкина не возникло. Он почему-то решил, что она хотела помочь его жене выбраться из этого адского месива.

Женщина шагнула к нему, скривив рот, словно собиралась разрыдаться у него на груди, и тут Макар взревел над ухом, как слон.

Не в привычках воспитанного Илюшина было кричать про женщину «вали», поэтому Бабкин послушался беспрекословно. Не анализируя происходящее, он бережно скрутил расстроенную тетеньку и забрал у нее ножницы.

Вернее, лишь попытался. Потому что тетенька с яростью буйнопомешанной лягнула ножницами у Макара над ухом, пнула в пах Бабкина и молча бросилась к Маше, раскидывая оказавшиеся на пути препятствия.

Не было ничего, что могло бы быстрее вывести Сергея из ступора. Он сгреб ее за шиворот, и завязалась безобразная драка. Женщина отбивалась, лягалась, извивалась, как ящерица, и успела дважды вонзить зубы в Бабкина, пока Макар не огрел ее попавшейся под руку коробкой. В коробке оказались запасные детали от «Тайфуна», весившие не меньше двух килограммов. «Да здравствует советское пылесосостроение», – сказал Макар по итогам изучения предмета, которым он вывел из строя эту бешеную бабу.

А потом Маша сказала, стараясь сдерживать дрожь: «Познакомьтесь, это Света Рогозина».

А Илюшин ответил: «Я так и подумал».

И лишь сам Бабкин стоял дурак дураком, чувствуя только, что зверски болит укушенное плечо и хочется расчихаться от едкого запаха химикатов.

Он бросил в воду последнюю пригоршню камней, отряхнул ладони и поднялся.

– Ну что, пойдём?

Маша тоже встала.

– Юльку ужасно жалко. Столь многого добиться – и бросить все силы на месть... И кому! Человеку, который не стоил и сотой части этих усилий.

– Рогозина покалечила ее куда серьезнее, чем казалось со стороны. –

Илюшин наклонился и подобрал сухой черный прутик. – Не будет здоровый человек хирургически менять лицо, чтобы стать похожим на своего врага.

– Вот тебе и склонность к нестандартным решениям!

Макар прицелился и с силой выбросил руку. Палочка, крутясь, взмыла вверх.

– Просто эту стрелу пустили очень давно, – сказал он. – И все это время она летела в цель.

Прутик упал в воду и поплыл в отражении облака, похожий на птичку, затерявшуюся очень-очень высоко.

2

Два месяца спустя

Мотя плюхнулась на скамейку, сбросила разношенные сандалии и с несказанным облегчением вытянула отекавшие ноги. Фуух! Хорошо-то как в теньке!

Все сиденье было усыпано желтыми лепестками, как конфетти. Липа уже отцветала, но воздух все равно звенел от сладости. Мотя зажмурилась и глубоко вдохнула. Дышим, дышим...

– Губанова!

Матильда открыла глаза. Перед ней стояла Белла Шверник в белоснежной хламиде до пят и разглядывала ее с откровенным удивлением, словно на скамейке был выставлен музейный экспонат.

– Привет, Чарушинская! – благожелательно сказала Мотя и лениво вскинула растопыренную ладонь.

– Да какая я тебе... – с полоборота завелась Белка, но, осознав, как к ней обратились, растерянно замолчала. – То есть да, здравствуй.

Она еще раз беззастенчиво оглядела Мотю сверху донизу, от босых ног с внезапным ярко-синим маникюром до детского ободка в цветочек, скромно прятавшегося в губановских вихрах. Взгляд задержался на животе.

– Ты что, опять беременна? – недоверчиво спросила Белла.

– Ага, – с удовольствием подтвердила Мотя.

– Но ты похудела! – возмутилась Белла.

– Ага, – согласилась Мотя.

Это была правда. Когда два месяца назад Маша Елина вытащила ее из номера, показала ей женщину в наручниках и сказала, что это Света Рогозина, с Мотей что-то случилось. Во все глаза смотрела она

на потасканную немолодую тетку и пыталась совместить с той Рогозиной, которая пихала ей бутерброд: «Жуй, бегемотина!»

И Моте удалось. Она отчетливо увидела на месте кудрявой Светки эту невнятную бабу с озлобленным лицом. Баба требовала от Моти, чтобы та жрала, и обещала, что тогда не обидит ее, потому что чавкающая Губанова ее развлекает.

«И я ее слушалась. Слушалась столько времени!»

В эту секунду в Мотиной голове что-то щелкнуло. Поезд, двадцать лет бежавший по одному кругу, перешел на другие пути.

– Я отказалась от бигмаков и пива, – поведала Мотя ошеломленной Шверник. – Перешла, так сказать, на здоровое питание! И тебе рекомендую! Укрепляет эту, как ее... прану!

– Прану?!

– И брахмапутру, – подтвердила Мотя. – У меня уже ого-го какая!

Она удовлетворенно похлопала себя по животу.

Белла, с каждой секундой все сильнее убеждавшаяся, что Губанова съехала крышей, теперь почти окончательно утвердилась в этой мысли. Правда, психическое заболевание Матильды, как ни отвратительно было признавать, пошло ей на пользу. Во-первых, Бегемотина сказочно похорошела. Во-вторых, держалась так раскрепощенно, что Белла даже слегка растерялась.

Но позволить какой-то там Губановой быть на высоте она не могла.

– Опять мальчика ждешь? – Шверник кивнула на выпирающий живот и изобразила выражение крайнего сочувствия на лице. – Не представляю, как ты будешь с пятью пацанами... Ужас! Ну вы хоть решили, как назовете?

– Машкой! – объявила Мотя и поднялась. – Извини, Бел, вон муж мой идет. Увидимся!

Сандалии подхватила одним пальцем и так и пошлепала по дорожке – босая, в красном платье, с душистыми цветками липы в волосах.

Белла посмотрела ей вслед, чувствуя, что настроение испортилось безнадежно на весь день, и брезгливо стряхнула с подола налипшую золотистую чашечку.

В этот двор Саша забрела случайно. Ну, не совсем случайно – адрес-то у нее был, и номер телефона тоже. Но она попросила его не звонить, и он

послушался. А позвонить первой было страшно.

Саша старательно отгоняла сожаление и убеждала себя, что все прекрасно, она всем довольна, это и есть цивилизованные одноразовые отношения. Где ключевое слово – цивилизованные, а не одноразовые.

Но она случайно выяснила, что его дом находится неподалеку от ее новой работы, и маршрут до него выглядел многообещающе приятно – через длинный тихий сквер, так почему бы и не прогуляться, решила Саша.

Теперь она стояла, задрав голову перед высоткой, втиснутой между двумя старыми пятиэтажками. В верхних окнах плескалось по красному заходящему солнцу.

Во дворе заскрипели качели, и Саша обернулась. Мальчишка лет пяти раскачивался, старательно вытягивая ножки вперед-назад. Рядом с ним на соседней доске сидел светловолосый парень в кепке – то ли старший брат, то ли молодой папа – и время от времени посматривал на Сашу.

Она теперь часто ловила на себе взгляды. Сначала ее это смущало: каждый раз казалось, что с лицом приключилась какая-нибудь неправильность – или тушь размазалась, или щека испачкалась. Потом понемногу привыкла.

Скрип качелей действовал успокаивающе. Саша отошла в сторону и присела на перекладину невысокого заборчика, надеясь, что поблизости не найдется бдительной старушки. Почему-то именно старушкам очень нравилось ее стыдить.

Все, что было до апреля, вспоминалось сейчас как затяжная болезнь. В «Тихой заводи» она разрывалась на части: одна Саша твердила, что должна немедленно показать Юре папку с компроматом на его жену. Вторая Саша молчала. Вторая Саша думала, что это гадость. «Она его обманывает!» – «Это их семейное дело». – «Ты должна открыть ему глаза!» – «Он сам не хочет их раскрывать».

У другого человека этот выбор не вызвал бы и тени сомнений. Саша Стриженова чуть не сошла с ума, пытаясь заставить саму себя действовать в собственных интересах.

А потом она увидела перепуганную жалкую Савушкину. Любка отчаянно храбрилась, но все равно напоминала описавшегося щенка, не знающего, что ему делать: прятаться, маскировать лужу или юлить перед хозяином. И выбор на этом закончился сам собой.

«Есть вещи, на которые я не пойду ради него. Станным образом эта мысль приносит мне чувство невероятного облегчения. Я не настолько люблю его! – я повторяю это снова и снова. Я не настолько люблю его,

чтобы сделать подлость.

Господи, какое счастье! Растворяться в едкой любви, терять себя – и вдруг обнаружить, что где-то в самой глубине есть камешек, который не исчезает. Он видится мне похожим на янтарь. Он греет меня изнутри.

Я смеюсь над собой: сколько радости от того, что у меня, оказывается, есть кое-какие принципы! У нормальных людей это открытие вряд ли вызвало бы такой восторг. Но дело ведь не только в принципах. Долгое время я была уверена, что готова на все. На все, включая убийство! И вдруг выяснилось, что это не так».

Саша встала, проверила, не испачкала ли юбку, и медленно пошла вдоль площадки. В тонированном стекле машины отразилось ее лицо, и ей вдруг показалось, что она почти красива. Конечно, лишь на какую-то секунду, но все же...

Скрип прекратился. Обернувшись, Саша увидела, что мальчишка, нацепив кепку, уходит с площадки, держа за руку седовласую бабушку. А парень, болтавший с ним, остался на качелях. Он по-прежнему смотрел на нее, теперь уже не отводя взгляда.

Саша вдруг испытала сильное желание снова на что-нибудь сесть.

Макар Илюшин прыгнул с качелей, перемахнул через заборчик вокруг площадки и в два шага оказался возле нее. Он совсем не изменился, если не считать того, что успел где-то хорошо загореть.

– Привет! – небрежно сказала Саша, изо всех сил стараясь не улыбаться во весь рот. – Ты что здесь делаешь?

– Привет. Тебя жду, – так же небрежно ответил Илюшин.

– Давно?

Он прищурился.

– Месяца два, по моим подсчетам.

Когда пятилетний Вовка, сосед Макара по лестничной клетке, обернулся, чтобы помахать рукой на прощанье своему взрослому другу, на площадке уже никого не было. Только пустые качели взлетали легко и свободно: вверх-вниз! вверх-вниз!